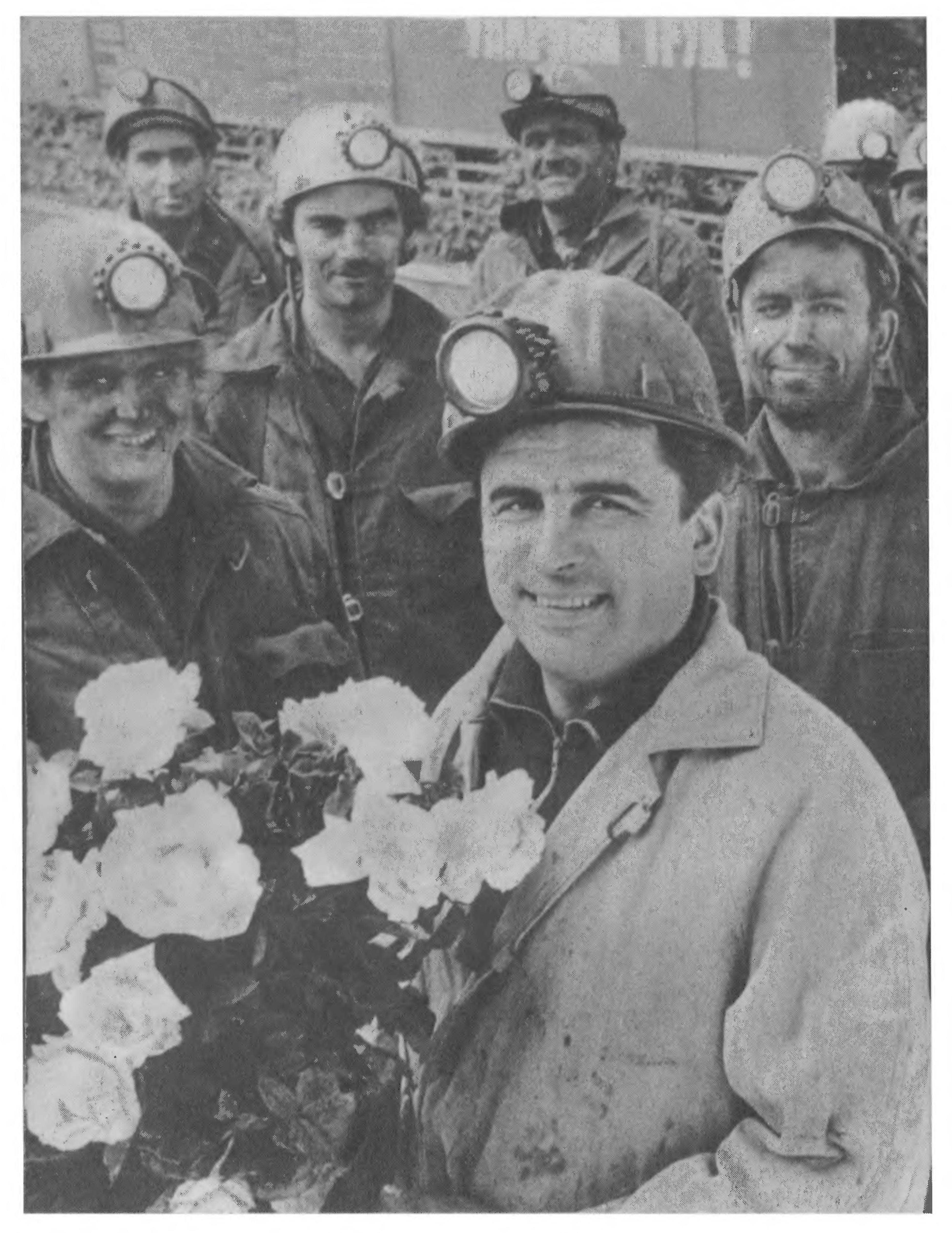

8•1980

31 АВГУСТА — ДЕНЬ ШАХТЕРА

Свой нынешний праздник горняки страны вместе со всем советским народом отмечают с высоким душевным подъемом, с единым стремлением — отметить предстоящий XXVI съезд КПСС новыми трудовыми достижениями.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

8•1980

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки: солистка ансамбля «Бахор» Гюльнара Джураева (Узбекская ССР). Фото А. Губенко.
Четвертая страница обложки: фото А. Губенко.

Рисунки в номере художников А. Шмаринова, Л. Белова и В. Халютина.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Окончание третьей книги романа Ивана Стаднюка «Война» будет опубликовано в следующем номере.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Владимир ВОЗОВИКОВ

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Роман

Читатель! Хотя бы раз в жизни оказавшись в Москве, ты не минуешь Красной площади. Приди сюда на заре, когда еще спит огромный город, и такая тишина покоится на его главной площади, что можно уловить дыхание часовых, замерших у Мавзолея. Пройди в этой тишине близ кремлевской стены, вглядись в старинный литой кирпич, в зубцы и башни крепости, сооруженной не для украшения московского холма, а для противостояния многочисленным и сильным врагам, — быть может, тишина веков, одинаковая во все времена, отзовется на шорох твоих шагов. И тогда в заревом зеркале тихой реки Москвы заклубятся багровые дымы пожаров, в узких бойницах и стрельницах кремлевской стены проглянут суровые лица витязей в остроконечных шлемах и кольчатых рубашках с луками и мечами в руках; иноземные рати, сменяя одна другую, с воинственными кличами будут биться до кровавой пены о камни русской твердыни; пронесутся серыми тучами бесчисленные орды степных хищников на своих мохнатых приземистых лошадях; как рев океанского шторма, нахлынут, смешаются гортанные крики, звон мечей и свист стрел — нахлынут и откатятся в тишину веков. Не раз было так, что свободная территория Руси вмещалась в московские крепостные стены, и отсюда собранная в кулак русская мощь наносила врагу смертельные удары; он уползал, оставляя кровавый след и могильные курганы.

Слава Москвы занималась в страшные, жестокие времена владычества ордынских ханов, покоривших мечом половину мира, истребивших сотни народов и сотни других превративших в рабов. Только поистине великий народ мог уцелеть за многие десятилетия насилий, разорительных поборов, постоянных набегов, сопровождающихся массовой резней, пожарами, поголовным уводом в рабство населения целых городов и уделов. Русский народ не только уцелел, но и под железной пятой ордынского террора вопреки коварной политике ханов, направленной на разобщение русских княжеств, выпестовал свою государственность.

Шесть столетий назад произошло одно из величайших событий мировой истории — Куликовская битва, последствия которой отразились в судьбах европейских и азиатских народов. Полтораста лет до нее русским людям светило черное солнце, кровавое иго сгибало плечи, иссушало душу народа, лишало людей надежды на завтрашний день. Но золотоордынскому идолу все еще казалось мало той крови, которую пил он из живого тела Руси. Снова из кочевой степи двинулись полчища, чтобы навсегда покончить со строптивым Московским княжеством, как в Батые-

вы времена, дотла разорить русские земли, проложить себе пути к богатым городам Западной Европы, не знавшей беды за спиной истекающей кровью, непокоренной Руси. Казалось, ничто не сможет остановить новую волну кочевников-завоевателей. И снова на кровавой дороге встали русские полки. Это были уже не малочисленные дружины разобщенных удельных князей, которые при самом отчаянном героизме воинов сметались огромными массами вышколенных в битвах степняков, — Москва соединила под своим знаменем силы многих уделов в одну военную силу. Летом 1380 года устами Москвы великий русский народ заявил о своей воле к единству и полному освобождению от ненавистного ига.

...Вслушайся в шорох времени — ты услышишь, как разойдутся железные ворота в широких белокаменных стенах древнего Московского Кремля, загремят цепи, опуская навесные мосты через глубокий водяной ров там, где теперь поблескивают гранитные камни Красной площади, как по одному из тех мостов твердо простучат кованые копыта белоснежного коня под могучим чернобородым всадником в золоченых доспехах. И хлынут из тех ворот крепости по трем мостам конные сотни витязей, блистающих железной броней, двинутся пешие рати бородатых и безусых воинов в холщовых рубашках, с копьями и боевыми топорами на плечах. И сквозь медные голоса боевых труб, сквозь клики народа прорвется плач матери и жены, припадающих головой к стремени воина. Это великий Московский князь Димитрий Иванович, которого скоро назовут Донским, повел русское войско навстречу врагу. 8 сентября 1380 года в невиданной для тех времен по размаху и ожесточенности битве на просторном поле между Доном и Непрядвой эти воины заявят на весь мир, что Русь жива, что целым морем пролитой крови не удалось потушить в русском сердце жажду свободы, что окончательная гибель степного чудовища предрешена.

Летописи и былины, сказания и песни немного донесли до нас о тех, кто заступил путь полчищам Мамая на Куликовом поле. Отдельные имена, отдельные скупые портреты князей и воевод, отдельные их слова. Шесть веков не разделяют, а связывают нас с ними, потому что им мы обязаны тем, что есть у нас ныне великая, милая наша Родина. Склоняя голову перед памятью великих предков, перед их подвигом в Куликовской битве, мы и сегодня черпаем в нем мужество, силу духа, любовь к Родине и свободе — так же, как черпаем в подвигах всех поколений, отстоявших в битвах с врагами наше Отечество.

Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую...

«Слово о полку Игореве»

I

Широкая лесная тропа сделала поворот, тенистые кущи дубняка сменились зарослями колючего терна и ломкой бузины, всадники в них едва скрывались. Отступили запахи лесной прели, чуждые степняцкой душе, ветерок донес терпкий аромат летних трав и разогретого краснотала, откуда-то просочилась дразнящая струйка влажной прохлады. Кони зафыркали, задергали головами, и передний всадник натянул поводья, умерив рысь длинногривой и плотной мышастой кобылы. Шедший сбоку на короткой привязи заводной жеребец сунулся было вперед, дернул повод и недовольно всхрапнул, кося диковатым фиолетовым глазом, — он почуял близость реки или озера, ему мерещилась зеленая вода в зеленых берегах, не горькая степная вода, на которой возрос он в полудиких табунах, а упоительно-сладкая лесная влага, он уже чувствовал ее в сухом воспаленном горле и не мог понять, отчего хозяин медлит к водопою. Всадник остерегающе хукнул на жеребца, подтянул повод, коснулся лошадиной шеи жесткой рукой, и конь успокоился, примеряя рысь к ровному ходу кобылы. Едущие следом верховые тоже сбавили шаг лошадей, чтобы не нарушать дистанции. Глухой стук копыт по сухой земле вспугивал каких-то мелких зверюшек, они то и дело мелькали в кустах, перебегали тропу, похожие на призраки в пестроте полуденных теней. Но вот кони испуганно захрапели, резко остановились, не слушая хозяина, зло прижимая уши. Три больших серых зверя сидели впереди прямо на тропе, безбоязненно щуря дремучие холодные глаза.

— Хук! — Всадник поднял правую руку с тяжелой ременной плетью, в широкий конец которой был зашит кусок свинца, кони с усилием, как бы раздвигая вязкую массу, пошли вперед, часто перебирая копытами. Звери остались на месте, ощерив сахарные острые клыки, было видно, как вздрагивает от ярости сморщенная верхняя губа ближнего. Тогда всадник неуловимым движением выхватил из пристегнутого к седлу саадака большой чер-

ный лук, в следующий миг черная стрела легла на тетиву, и, не останавливая коня, почти не целясь, всадник выстрелил. Пораженный в шею зверь молча подпрыгнул и пластом растянулся поперек дороги, задергал задними лапами. Другие исчезли в густом терновнике. Всадник направил храпящую кобылу к мертвому волку, подхватил зверя за переднюю лапу, миг-другой равнодушно смотрел, как с железного наконечника стрелы, насквозь пробившей толстую волчью шею, капает черноватая кровь, затем выдернул стрелу, вытер о потник заводного жеребца, сунул в заспинный колчан, а волка бросил на обочину тропы: если прикажет начальник отряда, трофей подберут.

Снова затопотали копыта, и всадник, держась за древко легкого копья, вставленного в жесткий опорный чехол, пришитый к стремянке, стал всматриваться в тропу зоркими глазами степной кошки-манула. Кожаная островерхая шапка, обшитая железными пластинами и опушенная волчьим мехом, казалось, приросла к его круглой голове, обнаженные по плечи мускулистые руки были темны, как и толстая дубленая кожа быка, прикрывающая его грудь и живот, и эта кожаная броня тоже казалась навсегда слитой с собственной кожей всадника. Даже висящая сбоку кривая сабля в деревянных ножнах, обтянутых шкурой сайги, похоже, росла из его бедра. Другие всадники, следовавшие за первым в некотором отдалении на таких же мышастых лошадях, походили на него, как близнецы. Лишь один выделялся в маленьком отряде — необычайно плечистый, в стальном блестящем шлеме с поднятой стрелкой, в стальном нагруднике и чешуйчатой рубахе с гладко сияющими наплечниками, в стальных наколенниках, вооруженный длинной булавой и легкой дорогой саблей в замшевых ножнах. Широкое скуластое лицо его, украшенное отвислыми монгольскими усами, казалось неживой маской, но в глубине сощуренных темных глаз полыхал недобрый огонь. По его прямой посадке, по немигающему, как у змеи, взгляду, по тому, как его короткопалая кисть сжимала рукоять булавы, чувствовалось: этот человек умеет приказывать, он не знает жалости и снисхождения, а глаза его так же привыкли к виду смерти, как привыкли они к созерцанию неба и солнца, травы и деревьев. Он первым ехал по следам дозорного во главе десятка воинов. Синий лоскут трепетал на конце его поднятого копья, изредка значок этот

склонялся на сторону, покачивался, и тогда всадники торопили или сдерживали лошадей, растягивали или уплотняли колонну. Он ткнул рукой в сторону убитого волка, задние повторили его жест, и самый последний, наклонясь с седла, подхватил зверя, захлестнул петлей аркана, забросил на круп присевшего жеребца.

Тропа ширилась, а кони опять тревожно похрапывали, косясь на близкие заросли: видно, волки следуют за отрядом, и это добрый знак. Звери заранее чуют кровь, значит, скоро она прольется. Но, прежде чем волки получат добычу, всадники получат свою. Пусть еще далеко до богатых, зажиточных городов московского князя, в которых достанет добра на каждого из ста тысяч воинов великой Золотой Орды, торока можно набивать и здесь, за рекой Воронежем, где начинается земля русов — зловредного племени, которое ничему не научилось за полтораста лет ордынской власти. Забыли, как дымными кострами занимались их деревянные города, забыли грозный боевой клич непобедимых туменов Одноглазого * и тигриный оскал Батыя. Забыли, как трупами их заваливали рвы у городских стен, прудили реки, как безжалостные нукеры ордынских владык, кроша кинжалами стиснутые зубы самых упрямых, набивали им рты зародышами собственных детей, вырванными из материнских животов. Забыли, как тысячами приковывали их к повозкам и гнали в степи на пожизненное рабство, как, смеясь, на глазах брали их жен, дочерей и невест, чтобы растоптать, низвести в пыль и грязь гордость тех, кого оставляли жить рабами. Выходит, не растоптали, не выбили, не вырезали дух непокорства из медвежьей славянской души. Теплился он по глухим лесным селам и скитам, разгорался за стенами монастырей и возродившихся городов, разносился над лесной страной русов звоном новгородских колоколов, собирался под знаменами хитрых московских князей, где силой, где коварством забравших под свою цепкую руку мелкие княжества, усыпивших зоркие глаза золотоордынских ханов показным смирением и богатыми дарами. Теплился, разгорался, собирался и вот уж грозовой тучей поднялся среди ордынских владений. Громом и молнией ударили русские мечи по басурманскому войску на реке Воже.

---

* Одноглазый — полководец Батыя, темник Субедэ. (Примечания здесь и далее автора.)

Сотник Авдул не может без зубовного скрежета вспоминать Вожу. Не будь он хорошим пловцом, речные раки давно обглодали бы его кости. Два года минуло, а не затихает рана в душе, взывает о мести. И понять случившееся ему нелегко. Что-то просмотрели золотоордынские ханы в русской стороне. В усобицах и на пирах, среди роскошных дворцов Сарая и сладких гаремных забот стали забывать великий завет Повелителя сильных * — снова и снова совершать разорительные набеги в покоренные страны, беспощадно карать за малейшее непослушание, взваливать на плечи народов такую дань, от которой плачут они кровавыми слезами и только что дышат, не мечтая о большем. Мыслимое ли дело — из простого ордынского улуса Московская земля объявила себя независимым княжеством и уже сама хочет определять величину дани, которую согласна платить Орде! За полтораста лет бессчетное множество степных племен забыли свои старинные названия, а русы так и остались русами, и теперь вот взялись за мечи. Слава аллаху, у Золотой Орды ныне сильный владыка, прославленный полководец Мамай. Она умеет говорить с непокорными. Вожа не его вина, Вожа на совести прежних золотоордынских ханов. Кто же мог предполагать, что отборного тумена ордынской конницы во главе с опытным мурзой Бегичем уже недостаточно против возросшей силы московского князя? Авдул, тогда еще рядовой нукер Мамая, искал военной славы, и Мамай послал его к Бегичу начальником десятка. Конница московитов встретила Бегича на рязанской земле, где ее не ждали. Когда же атакующий вал золотоордынских тысяч натолкнулся на вал одновременной контратаки по всему фронту, это было так неожиданно и страшно, что многие воины поворотили коней. Авдул со своим десятком рубился насмерть. Его меч затупился, потом сломался, кто-то бросил ему оружие убитого воина, но вместе с другими его смела в реку обезумевшая толпа. Холодная, кровавая вода, месиво тел, летящие отовсюду русские копья и стрелы, смертная тяжесть железной одежды, чьи-то цепляющиеся руки... Степняки топили друг друга во вздувшейся реке. Какое счастье, что Мамай заставлял своих нукеров учиться плавать!.. Авдул знал, как освобождаться от цепких рук тонущих. Он вы-

* Повелитель сильных — Чингисхан.

рял, отталкивался от трупов, выныривал и снова нырял, приближаясь к берегу... Темник Бегич был убит на берегу той незнаменитой речки, а десятник Авдул остался живым. Многие видели, как он рубился, рассказывали Мамаю. Хан снова взял его в сменную гвардию, назначил начальником десятка своих личных нукеров, потом поставил во главе сотни.

Добрый урок получили ордынцы, но тем страшнее будет их месть за позор на берегах Вожи. Наконец-то сам Мамай двинулся на Русь со всей силой Золотой Орды. Скоро исчезнет упрямый славянский дух с этой земли, лишь гортанные голоса кочевников будут оглашать ее просторы. Поход, считай, начат, Мамай велел дозорным отрядам разорить пограничные села — пусть ужас, как волчья стая, бежит впереди непобедимых Мамаевых войск, леденя врага, сжимая в горошину его сердце, заволакивая очи ему смертной тоской. Так завещал Повелитель сильных. Начинается новый золотой век Золотой Орды; еще никогда с Батыевых времен не собирала она силы, равной той, что стоит теперь на Дону, за рекой Воронежем. Шкурой убитого зверя ляжет Русь под копыта золотоордынских коней, стремительные орды снова хлынут за Одру, Варту и Дунай, и там, на европейских полях, кичливые короли, герцоги и графы станут пасти тучные ордынские табуны и стада. В конце концов в мире должен наступить единый порядок, а лучший порядок завещан Повелителем сильных. Это справедливо, чтобы сильнейший народ был властелином, другие — его рабами. Так недавно сказал Мамай. А Мамай зря не говорит. Если уж он снес головы строптивым ханам, толкавшим Орду к кровавым междоусобицам, то правителям других народов и подавно не сносить голов. Зря, пожалуй, повелитель пригласил в союзники литовского князя Ягайлу и рязанского князя Ольга — оба они славянские волки, хотя и ненавидят московского князя Димитрия. Впрочем, повелителю лучше знать, что он делает. Мамая не зря зовут лисицей с лапами барса и пастью волка. Исчезнет Москва, тогда с ее соседями иной разговор пойдет.

В лучах Мамаевой славы взойдет и слава Авдула, любимого ханского сотника. Самые сокровенные думы поверяет ему Мамай, с началом большой войны обещает поставить во главе тысячи отборных воинов передового тумена. Авдул сумеет прославить свою тысячу, Авдул получит под начало большой тумен, Авдул станет таким же

блестящим полководцем, какими были Джебэ и Тулуй. Имя его прогремит по всем землям, и тогда он положит свой меч к ногам Мамая, упадет перед ним лицом в пыль: «Повелитель, отруби мне голову или дай единственную награду!»

Могучий аллах, только ты знаешь мечту сотника Авдула. Что из того, что он пока мелкий мурза, безродный наян в тысяче сменной гвардии! Ведь именно его, а не иного, Мамай лично послал с небольшим отрядом высмотреть, что делается на границе Руси, вблизи Орды, а заодно пустить впереди войск леденящий ужас. Никому не верит Мамай так, как простому сотнику. Разве в жилах самого Мамая течет хоть капля чингизовой крови? Нет ее там, и повелитель, сам бывший когда-то сотником, больше всего боится и ненавидит «принцев крови», чингизовых потомков, выродившихся в кичливых, жадных и бездарных улусников. Не им же отдаст он свою жемчужину, единственную дочь — миндалеглазую Наилю! Так почему Авдулу не мечтать о том часе, когда полководческая слава позволит ему просить о бесценной награде? Авдул или получит Наилю, или умрет. Путь к той награде начинается здесь, на пограничье Руси, и Авдул будет тверд.

Дозорный внезапно остановился, поднял руку, покачал плетью. Авдул слегка наклонил пику, уколол шпорами жеребца, поскакал вперед. Отряд не отставал.

Заросли кончались, тропа бежала через поле, у дальнего конца его в полуденных лучах сверкало длинное озеро, оправленное в темную зелень дубовой рощи. Деревья полукружьем подступали к самой воде, а у дальней оконечности озера жалась к роще деревушка. Приземистые слепые домишки под дерновыми двускатными крышами съежились, словно хотели спрятать лысые макушки за дубовым частоколом в человеческий рост; вплотную к жилью примыкали низкие бревенчатые дворы для скота, крытые прошлогодней белесой соломой. Зеленое травянистое поле пересекала полоса созревшей ржи, наполовину сжатая. Четыре женщины в долгополых белых рубашках, не разгибаясь, работали серпами, быстро и ловко вязали снопы, составляя их в небольшие аккуратные суслоны. У края жнивы, на маленьком гумне, двое мужиков молотили хлеб, оба с непокрытыми головами, в распущенных белых рубахах и коротких портках. Весело вскидываясь, поблескивали на солнце молотильные цепы, хлест-

ко опускались на рыжие снопы. «Ах-х!» — мощно и резко стегал черноволосый и чернобородый мужчина. «Ах-ґу!» — с протягом, будто поддразнивая, отзывался своим цепом белобородый мужичок. Ветерок трепал волосы молотильщиков, подхватывал пыльцу и легкие остья, летящие с колосьев, кружил и уносил в поле, а цепы били и били, не уставая, словно мужики озабочены только тем, чтобы ветру было чем играть. Иному их труд, вероятно, показался бы красивым, но только не вечному воину-степняку Авдулу. Враждебностью веяло на него от всякой работы бородатых смердов, копающихся в земле, питающихся тем, что на ней вырастет.

Авдул наклонил копье с клочком синей материи, требуя приготовиться к нападению. Воины следили за начальником, опустив копья и подняв плети. Авдул сдерживал всадников, подогревая в них нетерпение скорей дорваться до ароматной горки ржи, которая наполнит турсуки и послужит добрым кормом для лошадей в долгом походе, до горячего хлеба в деревенских печах, перебродившего меда и хмельной браги в прохладных погребах, до пышногрудых пленниц. Наверняка найдутся в деревне жеребята и молодые телки, тогда отдохнут челюсти ордынских всадников от вяленой конины, которой питаются они, находясь в дозорном отряде. Авдул наконец трижды качнул копьем, указывая на жниц в поле, на гумно и на деревню. Отряд тронулся, разделившись на группы: трое поворотили коней прямо на избы, трое устремились к женщинам, четверо с Авдулом кинулись на молотильщиков. Жеребец от удара плети одним махом вынес сотника из зарослей на поле, ордынцы дико завизжали, и Авдул увидел — словно крупные бабочки порхнули от груды намолоченного зерна: это полуголые дети спешили спрятаться в стоящей поодаль соломенной риге. Лишь загорелый карапуз остался на гумне, как паучок, перебирая ручками и ножками, полез на ворох. Чернобородый мужик бросил цеп, схватил ребенка, завертелся, не зная, куда бежать, но белобородый, размахивая цепом, что-то закричал, и чернобородый бросил малыша на кучу ржи, кинулся назад, к недомолоченному снопу. Дозорный ордынского отряда в последний момент обогнал сотника, черной молнией мелькнуло его копье, но рус пал на четвереньки, и копье до середины вошло в ржаную горку, на которую, то и дело скатываясь, пытался вползти мальчишка. Дозорный проскочил, другой воин вскинул над

чернобородым стальной сверкающий полумесяц. Авдул обернулся к старику. Крутя цепом, тот отступал к риге, один из всадников неосторожно надвинулся на него, и щит с грохотом вылетел из рук от удара тяжелого цепа, воин едва удержался в седле. Авдул усмехнулся: впредь будешь умнее, глиняный болван! Он натянул тетиву, стрела ударила в темный кадык старика, жилистое тело его обмякло, цеп выпал из рук, старик зашатался, кто-то толкнул его копьем, и он свалился под копыта коня, хрипя, истекая черной старческой кровью. Авдул оборотился глянуть на зарубленного руса и оторопел. Лошадь, роняя кровавую пену с раздробленного храпа, оседала на задние ноги, опрокидываясь вместе с всадником, вторая рвалась с привязи, а чернобородый, живой и невредимый, крутил над головой молотилом и, как разъяренный медведь, поднимался на ноги. Заводная лошадь наконец оборвала повод, всадник успел соскочить с убитой, выхватил меч, но тяжкий цеп, сверкнув полукружьем, опустился на его шлем, и шлем вошел в плечи вместе с лицом, отвислые усы подскочили, распрямились, оказались на месте бровей, из-под них брызнула бледно-кровавая мозговая кашица... Коротким ударом копья Авдул выбил стрелу из рук ближнего воина, сорвал с пояса аркан. Смерть от стрелы была бы теперь для чернобородого непозволительной милостью. Аркан лег точно, мужик рванулся, как бык, пытаясь сбросить волосяную веревку, но Авдул хлестнул коня, и пленник рухнул, поволокся в пыли по колючему жнивью. Авдул заворотил коня, подтащил мужика к вороху ржи, железным крючком копья зацепил рубашку полуживого от испуга мальчишки, подволок ближе, поднял на седло.

— Смотри ты, русская собака! — крикнул чернобородому, который со стоном ворочался на земле, глотая пыль и ржаные остья. — Смотри — так будет со всем твоим проклятым родом!

Он опрокинул мальчишку спиной на луку седла, уперев сильные руки в детскую грудь и пах, начал переламывать. Мальчик страшно закричал и смолк — в мгновенной тишине было слышно, как хрупнул позвоночник. Чернобородый с нечеловеческим ревом привстал и свалился под ударом железной булавы. Авдул отбросил онемевшее тело ребенка, оно глухо ударилось о землю. Сотник стал следить, как двое всадников вязали заарканенных женщин, а третий гонялся по полю за простоволосой

молоденькой девушкой. Третья группа всадников по-прежнему рысила к молчаливой деревне.

— Ма-а-мынька!..

Из соломенной риги выскочила девочка лет десяти, крича, бросилась в поле, алая ленточка трепетала в ее кудельных волосах. Дозорный воин, расседлывавший убитую лошадь, оставил свое занятие, поднял черный лук, и Авдул краем глаза проследил за последним бегом маленькой двуногой дичи — ордынские воины били стрелами на лету диких уток и стрепетов.

— Ма-а-мы...

Свистнула черная стрела, но мгновением раньше девочка споткнулась на меже, и стрела только сбила пух с кустика забурелого осота. Сотник вздыбил жеребца, круто развернул в сторону опозорившегося стрелка, достал его полуголую спину тяжелой плетью. Багровый рубец вспух между лопатками, воин чуть сгорбился, вырвал вторую стрелу, торопясь загладить промах. Какая все же удобная цель — белая холщовая рубашонка и кудельная головка с алой лентой, мелькающие над ровным жнивьем, — не то, что скачущий сайгак или пролетающий гусь.

Подобие улыбки прошло по лицу стрелка, когда белый комок неподвижно свернулся на краю сжатого поля, в примятой траве, — воин отомстил за кровавый рубец на спине.

Вторая девчонка, поменьше первой, выбежала из риги, куда направился один из всадников, и помчалась к лесу. Авдул усмехнулся:

— Муса, у тебя сегодня хорошая охота — матерый волк и две маленькие волчицы. Да не промахнись еще раз!

Муса осклабился, поднял лук и выронил его, резко запрокинув голову. Красная оперенная стрела, пробив стальную пластинку и крепкую буйволиную кожу шлема, торчала в его виске, отточенное жало вышло через глаз, и глаз изумленно вылез из орбиты. До того как Муса рухнул на солому, Авдул оборотился вместе с конем, и только быстрота спасла его: вторая красная стрела хищно цвиркнула по нагруднику из арабской стали и застряла в чешуе защитной рубахи. От удара сотника качнуло в седле. Проклятые русы научились владеть луками! Или это какой-нибудь разбойный отряд одного из степняцких племен?..

Двое всадников крутились у края терновых зарослей, там, откуда выехал отряд Авдула. Вероятно, за ними вот-вот появятся другие. Нет, это не степняки. Остроконечные удлиненные шлемы, кольчатые рубашки, красные округлые кавалерийские щиты выдавали русских. Авдул заслонился щитом, мгновенно окинул взором поле, словно барс, обложенный охотниками. Воины, ловившие женщин, побросали добычу и во весь опор мчались к своему начальнику. Другие достигли деревни, но пока не заметили опасности. Авдул, заставляя коня танцевать, выхватил из колчана голубую сигнальную стрелу с особым «поющим» устройством и круто послал в небо; вибрирующий свист полетел к деревне. Всадники тотчас осадили коней, помчались назад полным галопом.

Русских стало уже пятеро, когда трое ордынцев присоединились к группе Авдула. Пятеро против пяти. Русские видели, что к ордынцам спешит подмога, но развернулись в цепь, опустили копья, забрала и стрелки шлемов. Может быть, где-то у них таилась засада, но вряд ли их больше десятка. Авдул понимал: перед ним такая же разведгруппа, какую ведет он сам.

Авдул хорошо усвоил тактику легкой ордынской конницы, испытанную веками. Сейчас удариться в бега, показать врагу спину — пусть русы кинутся преследовать, распалятся от преждевременного торжества, обнаружат свою засаду — ведь и она не утерпит, кинется за бегущим противником. А когда растянутся в погоне, стремительно поворотить коней, ошарашить яростным встречным ударом, смять, перебить по одному, оставив пару подходящих «языков». Но темная ненависть захлестывала сотника, едва вспоминались незащищенные спины ордынцев, бегущих по холмам у Вожи, и русские копья, вонзающиеся в эти спины. Нет, он своей спины врагу не покажет.

По знаку его руки воины выпустили стрелы, Авдул наклонил копье, вонзая шпоры в бока жеребца.

— Хур-ра-гх!

Древний боевой клич пронесся над полем, и в сердце Авдула вскипела боевая ярость его грозных предков, топтавших своими конями чужие страны — от берегов Великого океана в краю утренней зари до лазурных морей в краю заката. Он видел, как один из русских воинов, пораженный стрелой в лицо, раскинув руки, сползал с седла,

и смерть врага наполняла его торжеством, предвкушением победы, которая начинается здесь, на маленьком поле, в малом столкновении сторожевых отрядов, и будет продолжаться, пока ордынские кони топчут землю... Он сразу наметил себе противника — плечистого русского боярина в светлом посеребренном шлеме, в длинной кольчуге со сверкающим зерцалом на груди, украшенным узорчатой насечкой в виде креста. Зорким взглядом хищника выбрал точку между краем красного щита и бедром боярина, предвкушая упругий удар и податливый ход копья сквозь живое тело, боль и ужас в глазах врага, когда он, опрокидываясь, вдруг понимает, что уже убит. Авдул знал толк в поединках. На состязаниях конных батыров редкие смельчаки решались становиться против него, а там ведь бились тупыми копьями... Оставалось каких-нибудь три лошадиных корпуса до врага, когда у Авдула мелькнула мысль, что боярина нельзя убивать, его надо взять живым — ведь он, несомненно, командует разведкой русов, а именно такого «языка» ждет повелитель. Копье сотника вскинулось на высоту вражеского плеча, прикрытого щитом, — от прямого удара пики не спасают щиты и стальные наплечники, —и в тот же миг Авдул перехватил темный взгляд русского из прорези забрала, и его словно ударили. Боярин сделал то же, что и Авдул — резко упал вбок, за конскую гриву, острие пики пробило воздух, русский вырос рядом на стременах, громадный, сверкающий броней, рука его в стальной перчатке молниеносно взметнулась. Авдул бросил ей навстречу наклоненный щит, оглушающим ударом щит сорвало с ременной наручни, русское копье прошло сквозь него по согнутому локтю сотника, он едва отразил, отбросил его вместе со щитом, и вдруг в своей железной одежде почувствовал себя голым. Красный щит и горящие ненавистью глаза снова кинулись к нему. Авдул бросил жеребца в сторону, выпустил из рук длинную пику, бесполезную в ближнем бою, вырвал из ножен кривой арабский меч, способный рассечь лошадь, и, отбив вражескую саблю, сам яростно обрушился на противника. Сбоку, прикрываясь щитом, отбивался от двух русских всадников его телохранитель, другой воин лежал ничком в траве, пригвожденный к щиту сулицей, жалобно кричала раненая лошадь, какие-то всадники рубились в отдалении, и к ним, размахивая длинными топорами, бешено скакали на косматых лошадях двое мужиков в белых рубахах.

Авдул вертел конем, нападал на врага со всех сторон, но тот, едва поворачивая рослого жеребца, коротко и точно отмахивал удары, бледные искры сыпались от клинков, немигающие глаза из стальной прорези в упор жгли сотника. Уже ничего не видя, кроме этих ненавистных глаз, Авдул завыл, как зверь, вздыбил степняка, направил его на рыжего скакуна, поднялся на стременах во весь рост, готовый развалить русского всадника напополам своим неотразимым ударом, и тут сухая, гремучая молния поразила его в стальной шлем, где-то в черном тумане загремели его доспехи от удара о землю, мышастый жеребец взбрыкнул задом, уносясь в поле, плоская равнина косо накренилась, и это помогло Авдулу вскочить на ноги... Верный меч остался в руке, ветер с родной далекой степи освежил бритую потную голову... «Тот, кто упадет с лошади, каким образом будет иметь возможность встать и сражаться? — заговорил в нем суровый голос Повелителя сильных. — А если и встанет, то пеший каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?..» Ненавидя себя за мгновенный страх, с налитыми кровью глазами Авдул пошел на безмолвно ждущего русского витязя. Он видел в траве, за длинным хвостом рыжего скакуна обезглавленное тело своего телохранителя, похожее на свернутый потник, окровавленный и грязный. Двое ордынских всадников, пригнувшись к лошадиным гривам, уносились через поле, преследуемые тройкой русских. Других он не видел, но за спиной не слышалось звона мечей, значит, порублены или тоже сбежали.

— Бросай меч, наян! — по-татарски, раздельно сказал боярин хрипловатым молодым голосом. — Бросай, если жить хочешь.

Лишь теперь Авдул заметил по бокам двух конных русов, нацеливших в него свои копья. Один с рассеченным лицом сплевывал кровь на длинную рыжую бороду, злобно вращал глазами и едва сдерживался, чтобы не проткнуть спешенного врага.

— Бросай меч! — повторил молодой голос. — Мы не станем тебя казнить. Великий хан Золотой Орды не объявлял нам войны, и великий князь Московский не считает татар врагами. Ты — разбойник, и мы выдадим тебя первому татарскому начальнику. Пусть он осудит тебя по вашему обычаю. Бросай меч!

— Ты... ты... собака!.. Великий хан идет по моим сле-

дам со всей силой ордынской, он велит сдирать с вас шкуры на потники...

С неожиданной быстротой Авдул прыгнул вперед, намереваясь достать боярина своим страшным клинком. Удар тупым концом копья в затылок оборвал его прыжок.

Между ворохом зерна и разваленным суслоном сидел чернобородый мужик, держась руками за окровавленную голову. Молодая баба в растерзанной рубашке, простоволосая и растрепанная, завывая, причитала над мертвым ребенком. Мужик, покачивая стиснутой в ладонях головой, со стоном прохрипел:

— Перестань, Марфа. Не рви душу. Иванку не оживишь, ты поди сыщи Аленку. Заблукает в лесу, сгинет — за татарами волки идут.

Баба положила на солому мертвого ребенка и, тихо воя, пошла к лесу, где скрылась девочка, спасенная русской стрелой.

К риге с конем в поводу приближался витязь в посеребренном шлеме, за ним двое всадников тащили на аркане шатающегося бритоголового сотника, от леса скакали трое воинов, за ними молоденький парень в белой рубахе гнал табунок ордынских коней; со стороны деревни долетало плачущее бабье разноголосье. Чернобородый не видел всего, что произошло на поле, — ни короткой, беспощадной рубки двух маленьких отрядов, ни того, как трое русских воинов из засады перехватили мчавшихся в сечу от деревни татар и, срубив одного, обратили других в бегство, ни того, как женщины, освобожденные подоспевшими мужиками, кинулись искать ребятишек, и как уносили в деревню, к знахарке, девочку, раненную черной стрелой, — но он догадывался, что оплакивать придется не только его малолетнего сына и старика. Нежданно-негаданно нагрянуло лихо татарское, в самое сердце ударило копьем.

Опираясь на гладкую ручку цепа, мужик поднялся навстречу подошедшему боярину, попытался отвесить поклон.

— Сиди, дядя, — мягко сказал воин. Его хмурый взгляд задержался на голом тельце мертвого ребенка, потом на старике, скользнул по убитым ордынцам. Сняв кольчатую рукавицу, отер потное лицо, бросил через плечо: — Дадон, приколи лошадь, ей, бедной, за что маяться?

Один из воинов соскочил с седла, обнажив саблю, подошел к раненому животному. Другой с окровавленной

повязкой на лице остался в седле, внатяг держа аркан, захлестнувший пленного.

Подскакали двое всадников в блестящих кольчугах с закинутыми на спины щитами.

— Василь Ондреич! Двое убегли, кони у них добрые, да и где их уследишь в дубраве? Пятерых коней мы завертали, я велел Шурке Беде с парнем на село их гнать, там, на поскотине, изловят.

— Добро, — кивнул боярин. — Скачи-ка, Тимоша, в деревню, вели мужикам заложить фуру, аль хоть мажару — побитых товарищей наших да деда с ребенком на погост свезти. А еще скажи, чтоб собирались там, добро и детишек грузили на телеги да уходили за нами. Чую, близко татарские разъезды, пустят деревню по ветру, никого не пощадят.

Молодой воин умчался, нахлестывая длинноногую рыжую кобылу, второй остался, спешился, стал помогать товарищу, снимавшему доспехи с убитых ордынцев.

Позванивая броней, боярин разнуздал жеребца, тянувшегося к озеру, зачерпнул ржи в посеребренный шлем и воткнул его в сноп перед конской мордой; он подошел к пленнику, сорвал с него путы, в упор разглядывал угрюмое лицо, отличительный знак на железном наплечнике.

— Ишь ты, начальник сотни, большой наян, а с десятком в сторожу послан. Видно, есть на то причины у хана. Ну-ка, ребята, сдерите с него сбрую железную, а то жарко, видать, мурзе.

Через минуту Авдул остался в шелковом синем архалуке с серебряными монетками вместо пуговиц. Рыжебородый покосился на серебро, потом на добротные, шитые из оленьей кожи сапоги сотника, но боярин предупреждающе сказал:

— Оставь его, Копыто. Негоже мурзе сверкать голыми пятками да голым пузом.

— Попадись ты ему, Василей Ондреич, он тя пожалеет, он твою справу со шкурой сдерет.

— Не я ж ему попался, — усмехнулся боярин и по-ихнему спросил: — Как звать тебя, наян? Из какой орды-племени пожаловал?

Тот выпрямился, узкие глаза его блеснули усмешкой, заговорил по-русски:

— Не ломай языка, бояринн. Воин Авдул знает речь врагов, чтобы знать их мысли. Спроси темника Араб-шаха, он когда-то взял меня в войско. Волей аллаха ты с ним скоро увидишься.

— Увижусь, коли пожалует.

— Там, — сотник ткнул в небо, — Араб-шах умер. Ты тоже скоро умрешь. Поищи его там, ты должен знать хана Араб-шаха — того, что употчевал ваших воевод на реке Пьяне красным вином.

Сотник ощерился, заметив, как помрачнел боярин. Как же не помрачнеть русскому воину при имени реки Пьяны, где за год до Вожи полегла многочисленная рать союзных князей?! Тогда Москва вступилась за нижегородскую землю, которой угрожал пришедший из-за Волги сильный хан Арапша. Многие князья встали под знамя Димитрия Ивановича, привели свои полки. Но тут пришла весть, будто еще бóльшая татарская сила грозит Москве с юга. В прошлом не раз бывало, когда враги с разных сторон нападали на Русь. И решили князья на совете: Димитрию Ивановичу и Боброку Волынскому с частью сил идти под Москву, остальным стеречь Арапшу на Волге. Ушли два славных князя-воина, а замены им и не нашлось. Каждый воевода в свою дуду задудел, один другому не захотел подчиняться, и пустили в небрежение ратный порядок. Ни разведки, ни охранения не высылали, шли налегке, доспехи везли на телегах, топоры и сулицы даже на древки не были насажены. Князья охотой баловались, пиры устраивали на вольной природе. Враг только того и ждал, у него глаза и уши на каждой версте. Ударили отряды Арапши на русское войско с разных сторон, погуляли мечи басурманские по беспечным славянским головушкам.

Жестоко разгневался Димитрий Иванович, узнав о несчастье. Выспросил он очевидцев кровавого пира на Пьяне, собрал в Кремле служилых бояр и детей боярских * — вплоть до десятского начальника. Были там люди не только московского полка, но и много тех, кого пригнал в Москву ордынский смерч, бушевавший в восточных княжествах. Вышел на крыльцо в сопровождении Бренка, Боб-

---

* Дети боярские — мелкие служилые люди при великом московском князе.

рока, брата Владимира Серпуховского, оглядел собрание темными запавшими глазами, повел рукой вокруг: «Вот вам град мой стольный и все земли московские, что за ним лежат, а также уделы, Москве подвластные. Берите, делите, владейте, больше я не государь вам. Скроюсь в деревне вотчинной, на покое, а то в монастырь уйду — княжеские грехи перед землей русской, перед народом нашим многострадальным отмаливать буду». Поклонился оцепеневшей толпе и уж повернулся было, как разразилась буря: «Государь! Отец родимый, не оставляй!..» Сверкнул темными глазищами исподлобья, вцепился руками в широкий пояс, сказал глухо: «Кличете государя, да на что он вам? Кого поставил я большим воеводой над войском, что оставалось под Нижним? Помните?! А кого слушали те, кто прибег оттуда псом побитым? И те, которые без чести и славы полегли там и войско с собой положили?.. Себя они слушали, свои желания, свою гордыню. А коли завтра новое дело заварится, снова то ж будет? Снова из-за дурости воевод реки русской кровью наполнятся? Нет, в таком деле я не помощник вам. Все вы храбры и умны, то мне ведомо, так и догадайтесь сами, отчего татары колотят нас непрестанно». Не успел князь шага сделать, выбежал на крыльцо поседелый в битвах, покрытый шрамами сотский Никита Чекан, пал на колени, поймал полу княжеской ферязи. «Государь, выслушай! Гнев твой великий справедлив, но разве мы, воины, дети твои, его заслужили? Сколько раз ходили с тобой в смертные битвы за честь Москвы, за обиды русской земли, а было ль так, чтобы кто-то не исполнил даже малой твоей воли? И много ль наших-то на Пьяне оставалось? Кабы мы с тобой были там, разве допустили б такой разброд и небрежение? Много еще в удельниках своеволия — так ты души воров руками нашими! Суди, государь, приказывай, казни и милуй, а нас, детей своих, не бросай. Не бросай войска, града стольного, народа русского — иначе будешь ты хуже всех крамольников вместе. Не бросай нас в час тяжкий!» Димитрий наклонился, поцеловал старого воина. Тот прижал полу ферязи к лицу, сквозь слезы сказал: «Димитрий Иванович, погляди на своих седых воевод. Десятилетним отроком в княжеское седло тебя посадили, берегли пуще глаза, не щадя животов, Русь под руку твою собирали. Вырос наш государь — и люб он народу. Теперь бы нам с тобой завершить дело великое, а ты... Беды еще будут и погорше

этой, но ты будь тверд — перестоим!» Димитрий встретил блестящий взгляд Боброка, глубоко вздохнул. «Спасибо тебе, Никита Чекан. С монастырем погодим, во гневе сорвалось. Вороги-то наши небось уж руки потирают. Пусть потирают, а мы будем мечи вострить». Стоящая на коленях толпа радостно качнулась, из заднего ряда пробирался кто-то из бояр, прибежавших с Пьяны. «Казни, государь, казни меня, пса окаянного, — не слушался воеводы, не уберег дружины, вели срубить голову мою воровскую!» Димитрий жестом заглушил крики. «Взыскивать нынче не стану. Виновные сами себя казнили, да так, что лютее казни не придумаешь. Крови русской и без того довольно пролито. Давайте о деле, бояре... Ведомо ли вам, что, кроме Пьяны-реки, есть еще речка Калка? Полтораста лет назад на той речке Калке били татары киевских князей — за то ж самое. За то ж самое били — вот что рвет мне душу! Неужто мы только и умеем помнить заслуги своих княжеских и боярских родов, а обид русской земли считать не умеем? Неужто от домашних распрей мы погрязли в мелкодушной гордыне до того, что не хватает нам разума понять, отчего полтораста лет безжалостный враг пьет нашу кровь?.. Ныне не взыскиваю — слово сказано. Но впредь, коли поставлю в походе даже простого десятского воеводой над князем удельным аль над боярином знатным — чтоб то законом было. Мой воевода моим именем приказывает. Меньший воевода большего слушает, и все слушают государя. Неслухам вот этой рукой головы рубить буду!» И как во времена Святославовы, криками одобрения, звоном мечей и кинжалов воины утвердили государскую волю. Синеглазый Боброк не отрывал от Димитрия восторженного взгляда. «Еще спрошу вас вот о чем, князья и бояре. Для чего даны вам уделы и вотчины, а также поместья в кормление? Для того ли, чтоб сладко ели и пили, наряжались в парчу и бархат, охотами тешились? Коли так думать будем, не князьями да боярами станет величать нас народ русский, но сочтет нас паразитами, врагами хуже татар. И прогонит он нас однажды, себе же найдет других государей».

Даже дух перехватило у слушателей. Во веки веков ни от одного князя подобного слова не слыхивали. Но на то он потомок Невского Александра — самого дерзкого князя на Руси. Кровь сказывается. И недаром простой люд московский за него горой.

Долго говорил с боярами Димитрий Иванович. Не все

одинаково почитали государя, не каждое слово его одинаково принимали к сердцу, но каждый сердцем болел за русское дело. Димитрий говорил, что время наступает жестокое, решительное. Вновь зашевелились притихшие было тучи кочевников-завоевателей. В восточных и полуденных странах свирепствует железный хромец Тамерлан. Страшные вести приносят оттуда купцы и бывалые люди: целые народы беспощадно избивает хромой владыка, не щадит ни царей, ни рабов, ни жен, ни мужей, ни малых, ни старых. Из человечьих черепов громоздит башни до неба, живьем закапывает города. Тень краснобородого Чингисхана встала над востоком и югом. А из кипчакских степей поднимается Мамай — словно тень чингизова внука Батыя. Не нынешней, а древней, разорительной и позорной, дани требует от Руси, — чтоб не только деньги, хлеб, меха и прочий товар ему давали, но и людей русских. Детей и женщин — прежде всего. Да ведь и такое требование лишь извечный татарский предлог для нашествия. «Видел я Мамая в Орде, беседы с ним водил, — рассказывал Димитрий Иванович. — Страшный он человек, хитер и зол, аки змея болотная. Улусник безродный, на крови к царскому трону всплыл. Ему человек — что мураш, раздавит и не оглянется». Помрачнели бояре. Ужли, как в Батыевы времена, некому будет на пепелищах оплакивать убиенных? «Не бывать тому! — загудели бояре. — Не бывать Мамаевой воле над Русью!» Озарилось лицо великого князя. «Помните, бояре, наш уговор. Быть или не быть Москве, быть или не быть Руси — то от нас зависит, от остроты наших мечей. Готовьтесь!»

Через год грянула Вожа. Золотым звоном плыли колокола над Русью: победа! Первая большая победа над страшным врагом. Спас великий, наконец-то обратил ты взоры свои на измученный народ, пролил благодать в иссушенную душу его. Значит, можно бить татар, можно избавиться от ига, не тащить на шее железное ярмо под бичами хищников! В золоченых доспехах, на белом коне, въезжал в Москву Димитрий Иванович впереди своих полков. Он повторял: «Готовьтесь! Еще впереди вся битва». Вражьи тучи снова собирались в степи. Горели рязанские села. И свежа была русская кровь на берегах Пьяны. Даже струи Вожи не смыли той напрасной крови. Все помнить велел своим боярам великий московский

князь — и славу, и позор, и радость, и боль родной земли...

В глазах пленного татарского сотника Васька заметил торжество, холодно спросил:

— А скажи-ка нам потолковее, сотник, с чем идет твой Мамай?

Авдул знал, как отвечать на подобные вопросы.

— Считай, с сотней туменов. А силы в них семьсот тысяч и еще три. Ты уже бледнеешь, боярин?

— Здоров брехать, — хмыкнул рыжебородый. — Будет ли столько людишек во всей Орде Мамаевой?

Авдул презрительно усмехнулся:

— То еще не все. С нами идут аланы, касоги, ясы, буртасы, ногаи и другие подвластные Орде племена — тем счета мы не ведем. А еще от моря Сурожского идут «синие камзолы» — пехота фрягов. Когда мы растопчем Московию, они покажут дорогу золотоордынским туменам к богатым западным городам, до которых не доходил даже могучий Батый. Но и это не все. Недавно я послал из моей сотни лучших воинов охранять гонца к литовскому князю Ягайле. Он ударит вам в спину по слову Мамая. И это еще не все, боярин. Князья — рязанский, тверской, нижегородский тоже с нами... Ага, ты вздрогнул, боярин! Так скачи к своему господину — пусть откроет ворота городов, а сам поспешит к нашему повелителю. Быть может, великий хан смилуется над ним и пошлет пасти свои табуны!

— Не трожь нашего государя! — Боярин рванул меч, но тут же загнал его в ножны. — Цену вашей брехни мы знаем. Но коли в словах твоих правды на четверть, великая Орда оказывает честь земле московской. Со всего света собрали наймитов, боитесь, значит, воевать один на один.

Авдул дернул бритой головой.

— С рабами не воюют. Рабов усмиряют. Вы рабы негодные, мы вас уничтожим и возьмем себе других. Для того и нужно большое войско. Я сказал все. Больше не спрашивай.

Авдул сел на землю, сложив ноги калачом, в лице его появилось выражение тупой отрешенности, он стал похож на одного из тех каменных идолов, что стоят по курганам в Диком Поле. И боярин понял, из него теперь, как из каменного идола, ничего не выколотишь.

Лошади, отгоняя хвостами слепней, дохрупывали зерно из шлемов, тревожно чирикали в риге воробьи, в небе клекотали коршуны, над трупами жужжали мухи, приторно пахло горячей соломой и высыхающей кровью, серый зверь вышел на край поля, зло и нетерпеливо всматривался в людей; от деревни застучала подвода, за нею двое воинов гнали пойманных ордынских коней. Чернобородый с перевязанной головой лежал на обмолоченных снопах рядом с сынишкой.

— А што, Василей Ондреич, — загудел рыжий ратник, — коли сбрехал татарин, штоб, значит, нагнать страху, дак и нам пужануть ево не грех, а? Соломы взять да прижечь пятки-то, небось правду скажет.

— А то на малый огонь поставить в сапогах, — поддержал Дадон, нескладный рябой мужчина лет тридцати с унылыми глазами. — Припечет да стиснет — я те дам! Этак-то ливонцы тятьку мово с ума свели.

— Не дело бить лежачего, — оборвал боярин. — Негоже нам уподобляться разбойной орде.

Каменное лицо Авдула дрогнуло в усмешке, боярин это заметил.

— Слабого бьет только трус. Они вон, думаешь, отчего позвоночники нашим детишкам ломают? Да от страха же.

Авдул не выдержал, зло крикнул:

— Кто щадит детей врага, тот не щадит своих!

— Вот-вот. Кречет бьет коршуна в небе, а коршунят на гнезде вовек не тронет. Пусть растут — будет кого соколятам его сбивать. А уж коршун-то не упустит случая заклевать малых соколят. Тоже знает, кем они вырастут... Да что с этим волком разговаривать? Приглядите, чтоб мужики и бабы его не прибили.

Боярин пошел навстречу телеге. Авдул, казалось, готов был искрошить собственные зубы. Зачем враги не бьют его ногами, не хлещут плетьми, не жгут, не рвут его кожу, зачем не отрежут ему уши и нос, не загонят под ногти рыбьих костей, не вырвут из груди сердца — ни стона, ни слова мольбы не услышали бы они от Авдула. Ему не хочется жить после того, что случилось. Это ему страшнее Вожи... Одно утешало — службу повелителю Авдул все-таки сослужил. Видел он, как вздрогнул боярин, услышав о будто бы существующем сговоре многих

русских князей с ордынцами против Москвы. Весть, несомненно, дойдет теперь до князя Димитрия, и русские воеводы начнут пожирать друг друга еще до появления ордынских войск в московских пределах. Когда враги сильны и многочисленны, пусти впереди своих коней тьму полезных тебе слухов, и они расчистят дорогу лучше наемной армии. Так учит своих начальников Мамай, следуя завету Повелителя сильных. Повелитель полуденных стран шах Хорезма Мухаммед готов был казнить лучшего из своих военачальников, собственного сына Джелаль-эд-Дина, поверив наветам чингизовых людей, будто сын задумал лишить его престола. Когда напали монголы, шах доверил свое бесчисленное блестящее войско тупым и трусливым бекам, умеющим лишь подхалимски сгибаться да лизать шахские сапоги. Через три года великое, цветущее государство Хорезм превратилось в огромное пастбище, усеянное человеческими костями. Когда сорокатысячное войско кипчаков ушло к венгерскому королю, на страну которого Батый уже нацелил копья своих туменов, снова был послан вперед испытанный ордынский союзник — клевета. Несколько подметных писем заставили кипчакских ханов поверить, что венгры готовятся отнять у них скот и все богатства, а самих превратить в рабов. Кипчаки ушли, король лишился отличной степной конницы, уже знакомой с тактикой монголов, армии венгерских, польских и немецких рыцарей были истреблены, Венгрия и Польша опустошены завоевателями.

Но все же отчего боярин не велел пытать Авдула? Во всем поведении боярина сквозила какая-то холодная, недоступная Авдулу высота и словно бы пренебрежение к страшной ордынской силе. «Кречет и коршун...»

Обычно ненависть слепит человека. Но сейчас она обостряла зрение ордынского сотника, он стал внимательно наблюдать за русами сквозь полусомкнутые веки, хотя, наверное, казался им равнодушным каменным болваном.

Телега остановилась, с нее соскочили двое мужиков в приплюснутых шапках и домотканых портах, начали кланяться, но боярин остановил их:

— Некогда, мужики, поклоны отбивать. На поле трое наших побиты, везите их сюда, а с татар снимите доспехи — пусть их, разбойников, вороны да волки хоронят. — Потом работникам: — Ребята, пленного сотника связать

и в седло. Ты, Беда, головой за него отвечаешь. А ты, Дадон, снимай-ка дозорного с тропы, да скачите оба в крепкую сторожу к боярину Ржевскому. Все обскажешь, как было, и что от татарина слыхал. А мы отсюда прямо на Коломенскую дорогу, ко князю поспешим. Чую, дорого нынче времечко, и Ржевский не прогневается. С богом, Дадон.

Раненый мужик приподнялся со снопа, охрипшим голосом попросил:

— Светлый боярин, дозволь нам пару пик татарских взять — не ровен час, застигнут поганые.

— На всех троих оставим татарскую справу. Да уводи-ка деревню поскорее.

— Как же с хлебушком быть? — Мужик тоскливо оглядел недосжатую рожь, необмолоченные суслоны.

— Это уж сами решайте — хлеб вам дороже или головы.

— Вы коням-то зерна возьмите. Всего не увезти нам на трех подводах.

— За это спасибо, отец. Ну-ка, ребята, наполняй сумы.

Появились две женщины. Одна с испуганной девочкой на руках кинулась боярину в ноги, но он поднял ее, отвел к мужу. Подошел к другой. Это была совсем юная девушка в сарафанчике и лапотках; она размазывала по щекам слезы.

— Не плачь, касатка, — тихо сказал витязь. — Русская земля горе твое слышит. Она и слезы твои высушит. Срок пришел — за все обиды наши русская земля спрос начинает с идола татарского.

Девушка утерлась уголком платка, подняла на витязя заплаканные васильковые глаза.

— Имя свое назови.

— Дарьей кличут, добрый боярин.

— Коли будешь на Москве, Дарьюшка, при нужде спроси Ваську Тупика — не дам в обиду.

— Благодарствую, добрый боярин.

Из подъехавшей брички с высокими деревянными бортами выскочили бабы, стали насыпать рожь. Чернобородый пригласил:

— Боярин, вы бы в деревню заехали поснедать перед дорогой.

Женщины прекратили работу. Тупик понимал, как хочется им, чтоб воины задержались, пока деревня собирается в путь и хоронит убитых. Теперь всякую минуту они ждали страшных гостей. Присутствие пятерых всадников представлялось им защитой от всех бед. Но отряд и без того задерживается. В Москве ждут вестей, а вести, полученные от ордынца, грозные. Не первый день крепкая сторожа следит за Ордой Мамая, которая то медленно кочует вдоль Дона, то стоит, словно чего-то ожидая. Что в мыслях у Мамая?

Надо ехать, а Васька все поглядывал на Дарьюшку, не отходящую от деда. Поймал ее робкий взгляд, и защемило в груди, захолонуло в очах — огромная дорога тоски, страданий, утрат, в степной пыли, в лесных туманах, в заревах костров и гуле копыт открылась ему на миг, и вела та дорога через неведомые пространства, неведомые круги — к золотому полю в синих васильках, где ждет его счастье, заколдованное злыми силами. Дойдет ли, сумеет ли разрушить злые чары Васька Тупик?

Мужики вернулись, свалили с фуры окровавленные доспехи. Копыто отбирал для смердов вражеское оружие. Васька с непокрытой головой постоял над убитыми товарищами. С них уже сняли кольчуги, шлемы и оружие — это имущество князя, его надо воротить хозяину. В воинской справе большая нужда, а цена ей немалая. За полную оснастку простого воина великокняжеского полка дают десяток дойных коров или два строевых коня. Дорого обходится Димитрию Ивановичу содержание сильной рати.

Воины уже в седлах. Подошел чернобородый, склонил перевязанную голову:

— Прощай, боярин светлый. Дай те бог счастья.

Орда еще стояла в устье Воронежа, а уже полетело по просторам Руси:

— Мамай идет!

Беженцы, воины, странники сообщали встречным:

— Татары идут!

Сколько раз за сто сорок три года облетали русскую землю эти два слова, за которыми неотвратимо, как туча, гонимая ветром, надвигались разорение и муки, смерть и рабство!

— Татары идут!

Черная, нерусская ненависть кремнила мягкие славянские сердца, накаляла иссушенные игом души. И взоры обращались туда, где в самом сердце Руси, над белокаменными стенами Кремля, сияли золоченые кресты московских церквей.

«Доколе ж?!» — вопрос, полный надежды, русский народ обращал к Москве.

II

Тучи над степными холмами и редкими перелесками сулили грозу, но Мамай не отменил смотра войск в одном из фланговых туменов своей Орды. Окруженный десятком телохранителей, сопровождаемый небольшой свитой знатных мурз и сотней отборных всадников сменной гвардии на сильных гнедых лошадях, он скакал разбитой полевой дорогой вслед за герольдами-бирючами. Всадники проносились мимо стоящих кругами юрт, огражденных кибитками, мимо конских табунов, овечьих гуртов и равнодушно жующих верблюдов. Копыта взбивали пыль; летя по ветру, она преследовала отряд, и казалось издали — седая тучка опустилась на самую землю и ползет по ее взгорбленной спине. Табунщики и пастухи, замечая впереди летучего облака черный бунчук и всадника в блестящем воинском одеянии на белом коне, окруженного грозной стражей, лицом падали в колючую траву и оставались неподвижными, пока облако не уносилось за холмы и не затихал вдали дробот копыт.

Сгущались тучи над степью, сгущались они в душе Мамая, потаенные молнии бродили в суженных глазах, выискивая подходящую цель, но далеко находился объект его гнева — за Диким Полем, где-то между морем Хвалынским и морем Сурожским. Может, и ближе, разведка скоро донесет. Хан Синей Орды Тохтамыш что-то затевает: собирает войска, устраивает смотры, ищет союзников. Сейчас Мамай далеко от своей столицы, как бы этот пес не разграбил Сарай, не переманил на свою сторону оставшиеся в тылу улусы. Шпионы доносили Мамаю, что Тохтамыш на пиру грозился прогнать с трона безродную собаку Мамая, незаконно присвоившего имя повелителя Золотой Орды, похвалялся, что Железный Хромец — Тимур вот-вот пришлет ему несколько туменов. Вероятно, доносчики не врали. Именно Тимур четыре года назад

посадил на трон в Синей Орде чингизова потомка Тохтамыша и оказывал ему покровительство. Почему к Тохтамышу благосклонен Железный Хромец? Разве он сам не из худородных улусников, как и Мамай? И разве не Тимур снес голову чингизиду Кобулу, властителю великого Джагатайского ханства, избранному на курултае? Они оба — Мамай и Тимур — одинаково думали, одинаково решали, одинаково действовали, спасая от развала империю Чингиза, покорившего когда-то семьсот двадцать народов. Будь жив Повелитель сильных, он одобрил бы Тимура и Мамая. Настоящая чингизова кровь в них, а не в изнеженных и ленивых принцах. Те рождаются со всеми привилегиями, не шевельнув пальцем, получают золоченые юрты и дворцы в городах, табуны и стада, неограниченную власть... А кто живет на готовом, разве может стать большим человеком? Так почему сильные, прославленные наяны должны слать царевичам дойных кобылиц и стада баранов, чтобы сытой была их прожорливая челядь, не худели бурдюки с аракой и кумысом, а столы на ежедневных пирах ломились от яств? По какому праву отдаются им лучшая часть военной добычи и самые красивые невольницы? Да и своих дочерей боевым мурзам приходится отдавать в гаремы повелителей, а то ведь иной в пьяном гневе может голову снести своему преданному слуге. Мамай знает — сам ходил под принцами от сотника до темника, и счастье, что единственная дочь его тогда была малолетка. Да, прадеды царевичей помогли когда-то своему могучему отцу на целый мир раздвинуть государство побеждающих монголов, они по праву владели землями и народами. Но прадеды крепили государство, эти же прожирают его, плодят льстецов и прихлебателей, продажных чиновников и казнокрадов — каждый мнит себя государем в своем улусе. Всего хуже — дерутся за власть, за земли, плодят кровавые усобицы. После себя Повелитель сильных оставил четыре великих ханства во главе с могучими сыновьями, и те ханства объединялись под властью единого кагана. А сколько лоскутных ханств наплодили нынешние царевичи! Иные народы уж вырываются из-под монголо-татарской пяты — ослабла ее тяжесть. Слава аллаху — лучшие полководцы начинают понимать, кому по праву должна принадлежать власть в империи. Тимур и Мамай показали пример, вырвав троны из-под жирных задниц глупых принцев крови.

Так что же толкает Тимура к Тохтамышу? Может, он

боится Мамая? Может, Мамаю следовало проявить твердость и перед походом на север двинуть свои тумены на Синюю Орду, силой вернуть ее в золотоордынское лоно, показать, кто единственный хозяин в западных пределах монголо-татарской империи? Нет, он не последует примеру своих высокородных предшественников, не станет ослаблять страну междоусобной войной. Тимура гневить тоже рано. И много ли возьмешь с кочевой Синей Орды? И людей, и лошадей, и скота у Мамая достаточно.

Русь — главный данник Золотой Орды, и этот данник начинает ускользать из рук. Москва — вот главный смутьян на Руси. Разбогатевшая, окрепшая Москва, которая при хитром князе Калите сорок лет не подвергалась нашествиям, забрала под свою руку многие уделы. Доигрались прежние великие ханы, выкормили медведя в своем доме.

Копыта белого коня выбивали в пыли такт древней монгольской песни:

Все мое, все мое — я не ведаю страха!
Я весь мир к седлу моему прикручу!

Маленький степной смерч прошел сбоку, приминая траву, пересек дорогу, взвихрив пыль, выгнал из ковыля пару стрепетов. Провожая птиц глазами, Мамай ощутил на лице первую каплю дождя. Через минуту они забили по дороге, поднимая фонтанчики пыли; в степи стало сумрачно, дорога, быстро намокая, почернела, пыль стала грязью. Со шлема потекла вода, забираясь под легкую кольчугу, холодком струилась по телу, шелковый халат тяжело повис на плечах. Мамай словно не замечал дождя, он гнал коня тем же легким и быстрым аллюром, лишь свернул с дороги на травяную обочину, чтобы не грязнить лошадиных ног.

Через полчаса туча пронеслась, и, как бывает в степи летом, сумрак тотчас рассеялся, солнце заблистало ярче, оживленно защебетали птицы, от лошадей повалил пар, железная одежда всадников, высохнув, накалилась. Кони и люди тяжело дышали теплыми испарениями, но Мамай не умерил аллюра, он, кажется, ничего не замечал, погруженный в свое...

Воины тумена собрались на широкой равнине. Для повелителя и его свиты были поставлены шатры.

Воинственный клич, похожий на обвал в горах, встретил приближение Мамая. Военные трубы пропели «Вни-

мание и повиновение!», от сотни отборных всадников отделился сухощавый наян в блестящем ребристом шишаке с пером ворона, в темном халате поверх байданы — длинной, до коленей, кольчуги. Остановив лошадь, он склонился ниже гривы, показывая узкую спину, и так ждал повелителя. На своем огромном жеребце он казался со спины юношей, но это был один из старейших военачальников Орды.

— Говори, Есутай, — приказал Мамай.

Темник разогнулся, глухим голосом сказал:

— Повелитель! Тумен «Крыло ворона» ждет твоих приказаний.

Мамай нервно скомкал повод, впился взглядом в морщинистое лицо темника, словно пытался залезть в самую глубину тускловатых старческих глаз, в потаенные мысли ставленника бывшего хана Хидыря. Так ли верно служит Есутай нынешнему повелителю, как служил прежним ханам из царевичей, ни разу не запятнав себя усобицами и тем сохранив голову в тронной чехарде? Такие люди удобны правителям, ибо принимают всякого, кто вскарабкается на вершину власти по чужим трупам, но удобны они и врагам существующих правителей.

— Почему я не вижу седьмой тысячи? Почему в других тысячах я вижу неполные сотни? — резко спросил Мамай, заранее предвидя ответ, но тем не менее желая показать зоркость своих глаз, напомнить, что он вышел не из лежебок-царевичей, мало смыслящих в войске.

— Седьмая тысяча несет охранную службу и ведет разведку, как ты приказал, на удалении дневного перехода. Ты видишь другие неполные тысячи, потому что одну сотню я послал захватить неизвестное племя чернобородых людей, ворующих коней и скот. Эту сотню жду к вечеру. Часть людей я послал к гуртам проследить за порядком и работой: нынче режут много баранов и готовят большое угощение воинам в честь твоего приезда. Имеются также и заболевшие.

— Много ли заболевших?

— Примерно две сотни в тумене.

Мамай нахмурился.

— Мы изнежились в богатых юртах и в разврате городов. Они уже не волки, а сытые домашние псы, которые подыхают, если хозяин выгонит их в поле. Но я снова сделаю их тощими волками, от воя которых содрогнутся правители и народы.

— Это будет великим благом, которое ты сотворишь для Орды, — угодливо заметил один из сопровождающих мурз.

— Тех, которые теперь заняты работами, ты, Есутай, представишь на смотр моим людям не позже завтрашнего дня.

Темник поклонился, Мамай спрятал усмешку. Сам бывший темник, он знал, кого в день смотра посылают за неотложным делом — самых худых и глупых воинов, у кого не в порядке оружие и снаряжение, заезженные и хромые кони, кто хуже других обучен воинским приемам. За них Мамай спрашивает с начальников по всей строгости правил о смотре войск перед походом и в походе, завещанных Повелителем сильных. А уж с Есутая он спросит вдвойне. Стар Есутай для военных дел, начатых Мамаем. И выдвинут был он не по уму, а за простую храбрость и спасение в бою ханской жизни. Есутаю пора греть кости в родовой юрте, а не стучать ими в походном седле...

Руки Мамая цепко перебирали повод, словно крались к чему-то, что видел он один.

— Следуй за мной, — бросил он отрывисто. Нукеры расступились, давая темнику место за хвостом соловой кобылы одного из двух ближайших телохранителей Мамая, не отстающих от него ни на шаг.

Охранная сотня осталась на фланге тумена, развернулась фронтом к войску. Мамай с десятком нукеров, сопровождаемый свитой, знаменщиками и Есутаем, направил коня танцующей сдержанной рысью вдоль линии войск, приветствуя их поднятой рукой, в которой был зажат золотой жезл в виде шестопера. На конце жезла, где сходились конусом шесть граней, сверкал крупный прозрачный камень, рассыпая острые лучи, то кроваво-красные, то пунцово-багряные. Солнце, проходя сквозь грани камня, казалось, обретало все оттенки крови. Кровавые лучи вонзались в глаза ордынских всадников, весь мир перед глазами обретал грозный цвет войны. Этот жезл ордынские ханы вручали главным предводителям войск, тот, кто владел им, повелевал именем властелина Золотой Орды. Появление жезла в руках полководца, как правило, означало большую войну. Сейчас жезл держал сам Мамай, и даже самые темные воины догадывались, что война начата.

Около двух верст * скакал Мамай перед фронтом тумена, и словно черную волну гнало по рядам конников от тысячи к тысяче, и волна приветственных кликов катилась за нею, сопровождая горделивого белого скакуна и его наездника с горящим жезлом.

После объезда Мамай приказал взять по четыре сотника и по тридцать начальников десятков из каждой тысячи, послав их проверять состояние оружия, коней и снаряжения в другие отряды. Он строго предупредил: если начальники второй тысячи проверяют воинов четвертой, то начальники четвертой не должны проверять воинов второй. И так же в других тысячах. Мамай знал, что мелкие наяны, соперничающие между собой, желая выслужиться перед правителем, спуску друг другу не дадут. Наблюдать за смотром он послал шестьдесят опытных нукеров из сменной гвардии — по десять на каждую тысячу. Эти нукеры стоили сотенных командиров. Сам он с помощниками решил осмотреть первую тысячу тумена, затем одну-другую сотню из других тысяч.

Направляясь к войску, остро косил глаза на молчаливого темника. Говорят, Есутай заботлив и справедлив к подчиненным. Но забота о войске — это прежде всего жестокость, не знающая снисхождения, ибо только жесточайшая требовательность воспитывает храброго воина и командира. Есутай мягкосердечен, и потому любовь воинов к нему сомнительна. Мамаю доносили, что Есутай редко порет виновных и никого не подвергает смерти. Какой же он темник и каких начальников он воспитывает?.. Помнит Мамай и кое-что другое. Не он ли посылал однажды Есутая с сильным отрядом в нижегородские земли наказать русов за пограбленные караваны ордынских и булгарских купцов? И что же? Вместо того чтобы пустить пеплом по ветру русские селения, взять жителей в полон, Есутай довольствовался тем, что нижегородские бояре сами изловили разбойные шайки, принял богатые дары и деньги в возмещение убытков. Он запретил грабить население, заткнув воинам рты подношениями русов, да, говорят, и от себя еще прибавил. Такого история Орды не знала. Мамаю и тогдашнему хану Хидырю он доложил, что население не виновато, а виноваты ушкуйники-новгородцы, грабящие и избивающие не только ор-

---

*Древняя верста — около двух километров.

дынских, но и своих же русских людей, и что о том послано строгое предостережение от трех русских князей новгородским боярам. Разве милость Есутая к населению подвластных земель не опаснейшая слепота, от которой предостерегал еще Повелитель сильных? Привезенные в Орду разбойники подохли на колах, но не сносить бы головы и Есутаю, да заступился хан Хидырь. Он тоже был мягкосердечным и добрым, хан Хидырь, перебивший с десяток соперников-царевичей, сам вскоре убитый сыном Темиром, которого Мамай через неделю убрал, взбунтовав Орду против отцеубийцы и посадив на престол царевича Абдула, впоследствии зарезанного в его собственной постели... Ох, уж эти мягкосердечные правители, порождающие негодных военачальников!.. Однако что за войско подготовил добрый темник Есутай?

Первая тысяча была отборной. Рослые, плечистые ордынцы от двадцати пяти до тридцати пяти лет, безбородые, вислоусые, с угрюмыми бугайскими глазами. Все, как один, на широкогрудых вороных конях в темной сбруе, горящей медными бляхами, в черных кольчугах и стальных шишаках, украшенных вороньими перьями. Во всем тумене были кони лишь темной масти — от вороных до бурых и темно-гнедых. Ни серых, ни буланых, ни каурых, ни саврасых или соловых здесь не было, недаром тумен назывался «Крыло ворона». Мамай обычно посылал его ломать последнее сопротивление и преследовать разбитого противника, поэтому воинам тумена доставалось немного славы; они, как зловещие птицы могил, хоронили разгромленную армию врага. Первая тысяча «Крыла» на вороных скакунах считалась своеобразной гвардией темника, его постоянным резервом, в нее входила и личная сотня Есутая, которая теперь заняла место на правом фланге отряда. Ее Мамай лишь окинул взглядом и проехал мимо — тем он выказывал свое доверие к старому военачальнику, и войско должно видеть это. Он остановился перед третьей, соскочил с коня, бросив повод нукеру. Место подле Мамая темник уступил начальнику тысячи — молодому коренастому ордынцу с длинными, как у обезьяны, руками, с позолоченным знаком на плече. Свою тысячу показывать должен он сам, так требовал порядок. С темником Мамай будет говорить после смотра.

В строю воины не должны были кланяться и простираться перед правителем, они лишь замирали при его

приближении, опуская головы. Перед каждым на чистых потниках, кошмах, попонах было разложено оружие: саадаки, состоящие из лука, налуча, колчана со стрелами, мечи в ножнах, щиты, копья с железными крючьями для стаскивания с седла вражеских всадников, длинные булавы, легкие пики, ременные и волосяные арканы, железные наконечники для стрел, запасные тетивы для луков; каждый двадцатый всадник вместо лука имел легкий стальной арбалет с деревянным прикладом, поражающий воина на триста пятьдесят шагов, а незащищенного — на шестьсот с лишним — в полтора раза дальше, чем из простого лука. Рядом было разложено походное снаряжение: седло, два турсука для воды и пищи; небольшая палатка, кожаные сумы для зерна, легкий топор, мелкое сито, шило, оселок и пилка для заточки стрел, хомутные и швейные иглы, катушки ниток и сученой дратвы, вар, куски желтой ваты и серой ткани для перевязывания ран, у иных — небольшие глиняные сосуды с самодельными снадобьями, ими не запрещалось пользоваться, хотя в войске были специальные лекари.

Рысьи глаза Мамая перебегали с предмета на предмет, изредка он приказывал подать ему меч, лук, колчан со стрелами, седло или топор, торопливо хватал своими нервными руками, проверял, остро ли отточено лезвие, туга ли тетива, нет ли шаткости в насадке копий и топоров, испытывал на разрыв прочность дратвы и ниток — на войне нет мелочей! — и так же торопливо бросал на место, тотчас пряча руки за спину, словно боялся лишний миг подержать их на виду, словно, незанятые, они могли о чем-то проговориться. Время от времени подходил к лошадям — у каждого воина их было по две, — кошачьим движением руки скользил от храпа к надглазьям, по шее к груди, лез под мышки, в пах, властной хваткой заставлял животное сгибать стопу, осматривал копыто. Лошади цепенели, едва он касался их, и лишь когда отходил, начинали всхрапывать и мелко дрожать от запоздалого ужаса, рожденного прикосновением этих нервных рук.

Лицо Мамая оставалось непроницаемым, но для нукеров и телохранителей его молчание было добрым знаком. Да и нет пока причин для гнева. Снаряжение всадников находилось в лучшем состоянии. Оружие было собственностью Орды, в мирные дни оно хранилось в особых

складах и выдавалось воинам лишь на время походов. Этот порядок, заведенный в давнее время Чингисханом, Мамай восстановил и строго поддерживал, лишая подвластных мурз возможности использовать ордынские мечи против правителя.

Он потребовал коня, объехал всю тысячу между рядами сотен, потом созвал проверяющих.

— Что вы скажете об этом отряде моего войска? Нет ли в нем ленивых тарбаганов, которые берегут доверенное им оружие меньше, чем зрачки своих глаз? Нет ли таких, которые выступили в поход на слабосильных и испорченных конях, годных только возить вонючие шкуры волов у грязных буртасов? Нет ли таких, в чьих тороках вы не обнаружили хотя бы малого предмета из тех, что перечислены мною в приказе о подготовке к походу? Нет ли нерадивых начальников, чьи глаза разучились видеть непорядок, чья плеть забыла, когда она гуляла по спине лентяя? Отвечайте прямо.

После минутного молчания старший нукер сказал:

— Повелитель, нам не в чем упрекнуть эту тысячу твоих воинов, которые на полях войны подобны зловещим птицам, устрашающим трусливого врага. Они могут выступать в поход уже сегодня.

Что-то вроде облегчения прошло по угрюмому лицу тысячника, и это не укрылось от Мамая.

— Я верю тебе, — сказал нукеру, — но сам я должен убедиться, что ты не ошибаешься.

Он почти подбежал к первому десятку, ткнул рукой в одного из воинов:

— Говори: где твое место в походе?

— Третье после начальника десятка в первой колонне, — без запинки пролаял всадник.

— А твое? — Мамай ткнул в другого.

— Последнее в колонне десятка с лошадью, навьюченной имуществом десятника.

Мамай спросил каждого, никто не повторился, и Мамай, расставляя воинов в уме, убедился, что из ответов образовалась картина правильного походного строя десятка. Он торопливо перешел в другую сотню, ткнул в плечистого, настороженного воина:

— Ты! Защищайся!

Он схватил лежащее на кошме хвостатое копье, отсту-

пил на несколько шагов. Воин оторопело поднял щит (меч висел у него на бедре), бросил растерянный взгляд на своего начальника, но копье в руке Мамая уже молниеносно метнулось вперед, воин едва успел прикрыться, как острие копья с грохотом пробило крепчайшую кожу щита, лишь крюк задержал его движение и спас воина от тяжелой раны. Мгновенно покрывшись потом, тот отскочил, позади испуганно захрапели лошади, Мамай, обнажая меч, прыгнул вперед, наступил на хвост копья, щит вылетел из рук его противника, и сверкающее полукружье сабли едва не задело головы воина. Вырвав меч, тот с трудом отразил новый удар, защищаясь, отступал все дальше, а двое телохранителей с обнаженными клинками неотступно двигались по обе стороны поединщиков, готовые вмешаться. Стройные ряды спешенных всадников нарушились, каждому хотелось увидеть этот невероятный бой. Наконец ярость начала захватывать воина, он уперся, его удары стали короче, жестче, выпады все больше напоминали угрожающие движения змеи, когда она собирается пустить в ход ядовитые зубы, глаза совсем сузились, налились непритворной злобой. Мамай все еще теснил его, пока неожиданный боковой удар не заставил Мамая отпрянуть.

— Собака! — бешено крикнул тысячник, хватаясь за меч. — Тебе сказано «защищайся»!

— Нападай! — взвизгнул Мамай и, в свою очередь, прямым разящим выпадом заставил противника испуганно шарахнуться в сторону.

— Прочь, шакалы! — Это уже относилось к подступившим телохранителям, они чуть попятились, однако еще сильнее насторожились.

Поостыв, медленно отступая под непрерывными ударами, воин наконец начал соображать, что дело его плохо: либо противник зарубит его, либо он ранит противника, и тогда его растерзает стража. Обезоружить Мамая он тоже не мог — такое ему не простится, да и сделать это нелегко: враг силен. Жестоко теснимый, прижатый к стене безмолвных зрителей, мокрый с головы до ног от ужаса, воин призвал на помощь всесильного бога, рука его ослабила хватку, меч, звеня, отлетел в сторону, воин рухнул на колени с отчаянным криком:

— Пощади, великий!

Лишь этот крик удержал занесенное оружие, ярость

отхлынула, Мамай шагнул к поверженному, ударил мечом плашмя по его плечу, приказал:

— Встань! Ты смелый и ловкий боец. Ты не растерялся от внезапного нападения. Ты не побоялся обнажить оружие против повелителя, выполняя его приказ. Не всякий решится на такое. Ты бился зло и умело, и ты выпустил меч только потому, что перед тобой был твой повелитель.

— Великий! Ты победил меня не высоким именем, а своей силой и искусством!

Злая усмешка искривила узкое лицо Мамая.

— Мои воины стали такими же льстивыми лисами, как придворная челядь! Будь на моем месте другой, разве ты не зарубил бы его? Отвечай!

Страх потерять голову сделал воина находчивым и красноречивым.

— Великий! Будь на твоем месте равный тебе боец, я все равно был бы побежден. Убей меня за то, что не смог удержать меча, который ты мне доверил. Но клянусь аллахом — я сделал все, чтобы удержать его.

Это была та искренняя ложь, которая составляет лучший вид лести, понятной лишь искушенным. Владыки, неизбежно окруженные подхалимами, любят лесть искреннюю, и Мамай не был исключением.

— Встань! — повторил он. — Я верю тебе.

Здесь его внимание привлек стройный воин, перетянутый черненым серебряным поясом, видимо, трофейным — такие пояса любят носить русы. Лицо его, чисто выбритое, было не так скуласто и смугло, как у других. Нос прямой, брови вразлет, глаза большие, серые, а смотрят весело. Мать или бабка его была полонянкой из какой-то славянской земли. Хотя ордынские законы требовали систематической смены гарнизонов в покоренных странах, а полонянок следовало брать в наложницы, но не в жены — чтобы великий народ не растворился в других народах, — людей с такими лицами в Орде становилось все больше.

— Покажи мне твой лук.

Воин сорвал налуч, протянул лук, искусно сделанный из полутораметровых рогов степного быка. Мамай внимательно осмотрел грозное оружие ордынского всадника, тускло отливающее черным китайским лаком.

Этот лак надежно защищал лук от сырости и высыха-

ния, не трескался при ударах, натяжении и спуске тетивы.

— На каком расстоянии от русов, стреляющих из луков, ты можешь отвечать им, не подвергая себя опасности?

— На половину полета ордынской стрелы! — ответил воин, смело глядя в лицо повелителя.

Мамай сожалеюще покачал головой:

— Ты самонадеян. Так было. Запомни и скажи другим: теперь на две трети полета ордынской стрелы московские лучники могут поражать всадников и коней.

Воин смутился, и Мамай отметил, что чистокровные ордынцы так мгновенно не краснеют.

— На сколько шагов твоя стрела попадет в стрелу?

— На сто двадцать шагов, повелитель.

Мамай выдернул стрелу из колчана, протянул нукеру, тот быстро пошел в поле, считая шаги. Даже непроницаемый тысячник подался вперед, когда нукер воткнул стрелу в землю и чуть отступил. Воин, подняв лук, тщательно прицелился в черный стебелек, едва заметный среди травы. Раздались громкие восклицания — черный стебелек дрогнул и сломился от удара.

— Сотник! — позвал Мамай. — Много ли воинов у тебя, так же владеющих луком?

— Только один, повелитель. Но половина сотни попадает стрелой в стрелу на сто шагов с первого или второго раза.

— Ты! — Мамай ткнул в крутоплечего, кривоногого воина, видимо, очень большой физической силы. — Обнажи свой меч.

Богатырь вынул меч из ножен, Мамай выдернул из-за пояса большой платок, сотканный из легчайшего шелка, скомкав, подбросил:

— Руби!

Опускаясь, платок развернулся, сверкнул меч, и скомканный шелк упал к ногам богатыря.

— Подай!

В месте удара оказался довольно широкий порез, Мамай прищелкнул языком: этот легкий и упругий кусок ткани даже на земле не всякий разрубит первым ударом. Платок бросали еще несколько раз — рубили другие всадники, и на нем неизменно прибавлялись порезы.

— У тебя славные джигиты, сотник, — милостиво бросил Мамай, поглядывая на невозмутимого тысячника.

— Дозволь мне, повелитель?

Мамай резко обернулся и словно двумя лезвиями полоснул по лицу воина.

— Желание отличиться похвально. Но тот, кто сам вызывается что-то сделать, должен сделать это лучше других.

Зловещие слова повисли в тишине, как топор над головой дерзкого. В Орде поощрялась инициатива, но только та, которая угодна начальникам. Если люди высовываются, когда их не просят, они уж тем подозрительны, что ценят себя высоко. А ценить их может только начальник, и никто другой.

Мамай нервным движением сунул платок в руки тысячника.

Воин небрежно положил ладонь на рукоять меча, неуловимая улыбка разлилась по его красивому лицу, во всей позе явилась ленивая расслабленность, будто и не стоял он перед грозным владыкой. Меч он вырвал небрежно, когда платок уже полетел в воздух, удар его выглядел плавным, а на землю упало два платка. Лишь опытные рубаки заметили, как обманчиво плавное сверкающее полукружье стали разрядилось невидимой короткой молнией — это был страшный кистевой удар, каким в бою разваливают врага от макушки до седла.

— Покажи мне твой меч!

Воин подбросил клинок, поймал за острый конец двумя пальцами, с поклоном протянул рукояткой. Мамай оглядел боевую сталь, отливающую каленой синевой, — обычный меч с костяной ручкой, оправленной в красную медь.

— Что ты еще умеешь?

— Рубить твоих врагов, повелитель.

— А еще что?

— Все, что прикажет мой повелитель.

— Какие языки ты знаешь?

— Я знаю великий язык, на котором ты заставишь говорить все народы.

— А другие? — Молнии в глазах Мамая сменились веселыми искрами.

— Моя мать, четвертая жена мурзы Галея, была до-

черью русского князя. Она научила меня языку русов, поляков и греков. Сам я изучил также персидский и арабский.

«Наян Галей, — вспомнил Мамай. — Тысячник... Ну да, разве простому воину достанется в жены русская княжна?»

— Почему отец не возьмет тебя в свою тысячу?

— То воля отца.

Ответ понравился Мамаю. Он усмехнулся: конечно, мурза Галей стесняется сына-болдыря. Спать с русской княжной не стесняется, небось держит ее за любимую жену, а сына удалил. Жена в юрте, сын на виду. Мамаю плевать на всяких галеев и на обветшалый предрассудок, хотя этот предрассудок и породил Чингиз. Однако Чингиз жил три поколения назад, да и сам он тогда уже был глубоким стариком.

— Я не вижу на твоем плече даже знака начальника десятка. Но ты получишь его. Кто учил тебя искусству рубки?

— Лучшие воины нашего тумена. Я также учился по книге, которую привезли из западных стран. Западные рыцари уделяют этому теперь много внимания, там есть особые школы.

— Я беру тебя в мою тысячу сменной гвардии. В свободное время ты будешь учить нукеров тому, что умеешь сам, они не все так искусны.

Воин опустился на колени, Мамай тронул его плечо своим клинком.

— Встань! Займи место в моей страже.

И словно забыв о том, кого отличил, повернулся к тысячнику:

— Тебе — тревога!

Сигнал мгновенно пролетел по рядам сотен, и едва Мамай выехал перед фронтом тысячи, начальник уже скакал к нему на своем черном коне, в гладкой шерсти которого, как в зеркале, играло солнце. Тучи в сердце Мамая рассеивались. Он не любил темника Есутая, искал случая убрать его с должности, передав тумен человеку, выдвинутому самим Мамаем, но Мамай был воином, полководцем, и он, даже против желания, видел, какую замечательную тысячу подготовили ему к походу Есутай и этот угрюмый, длиннорукий богатырь, ее начальник. Другие

тысячи, конечно, похуже, но ведь это и не лучший тумен в Орде. Сколько еще десятилетий понадобится московским князьям, чтобы подготовить такое войско?

Шпионы постоянно несли Мамаю вести о войске русских князей, прежде всего московском. Полк Димитрия постоянно растет, хорошо вооружен, московиты многое переняли от ордынцев и от западных рыцарей, но сохраняют свое лицо и свою тактику войны. Опорой их боевого порядка, как и в давние времена, остается пешая рать: не разбив ее, нельзя опрокинуть русское войско в полевом сражении. А разбить легкой конницей многотысячную пехоту русов почти невозможно — Москва может выставить не тысячи воинов, как бывало прежде, а десятки тысяч. Это стена! Тут нужна либо тяжелая конница, либо та же сильная пехота. Мамай не случайно купил генуэзских наемников. Конечно, это не русы, но сильнее пехоты в западных странах нет, там берут в пехоту разную мелкую челядь, слуг и крепостных для необходимых войсковых работ и обслуживания конных рыцарей. Там, как и в Орде, пехоту ни во что не ставят, однако с нею приходится считаться: русские пешие рати не единожды громили рыцарскую конницу, а теперь начали бить ордынскую. Вожа... Каким образом там вместе с конными воинами оказались русские пешцы, для Мамая и теперь тайна. Он уж подумывал — не держит ли Димитрий своих ратников вблизи московских границ, но соглядатаи этого не подтверждали. Бегич собирался быстро, шел стремительно и скрытно, а Димитрий встретил его на рязанской земле. Видно, у него все-таки где-то неподалеку была пешая рать, она ведь малоподвижна, в этом ее единственная слабость. Но все же ее надо ждать всегда, и то, что первые две тысячи «Крыла», считавшегося легким туменом, можно отнести к разряду тяжелой ордынской конницы, способной прорывать сильный пеший строй, порадовало Мамая. Наемники — хорошо, рязанская рать, которую сулит князь Ольг, — еще лучше, немало пешцев есть в войске Ягайлы, но плох полководец, если он, учитывая свои силы до самого малого отряда союзников и вассалов, не сможет в случае особой нужды обойтись без союзников и вассалов.

Трубы пропели «Внимание и повиновение!», Мамай привстал на стременах, отсалютовал войску шестопером с кровавой звездой.

— Слушайте, мои храбрые богатуры! Ваша тысяча отогрела мое сердце, тоскующее о новой военной славе Золотой Орды. Я знаю: в бою вы будете так же хороши, как на смотре. Одного из вас я взял в мою тысячу. Вашему начальнику я присваиваю звание «Темир-бек» — «Железный князь».

Разразилась буря криков, тысячник соскочил с коня и простерся на земле: Мамай получил еще одного сильного наяна, преданного ему душой и телом.

— Я не мог испытать достоинства каждого, но вас хорошо знают ваши начальники. Повелеваю Темир-беку присвоить десяти лучшим звание «богатур», двадцати — звание «храбрый». Я также повелеваю выдать каждому сотнику серебром цену двадцати лошадей, каждому десятнику — цену пяти лошадей, всем же простым воинам я увеличиваю жалованье на две цены лошади, и эту прибавку выдать тут же!

Даже поднятая рука Мамая не скоро заглушила крики, прославляющие справедливость, силу и красоту повелителя. Слушая эти крики, Мамай снова наполнялся предощущением побед. Теперь отборная тысяча в тумене куплена им с потрохами, она станет на него молиться, к нему взывать, словно к богу, особенно же потому, что ей станут завидовать и ненавидеть ее. Однако в воинском деле по ней станут равняться.

— Я знаю: эти награды вы вернете мне военной добычей, которой хватит на весь ордынский народ. Готовьтесь к часу славы!

...Четвертая и соседние с ней тысячи не походили на первые две, как не походит сборище степных пастухов на свиту главнокомандующего. Кони здесь были разномастные — карие, бурые, темно-гнедые, темно-рыжие. В большинстве взятые из степных табунов перед походом, еще плохо объезженные, они беспокойно толклись, визжали, грызлись, и над местом смотра стоял непрерывный шум. Лохматые, приземистые, злые, эти лошади выглядели неказисто, но они были настоящими монгольскими лошадьми, которые прославили войско Чингисхана, сделали его непобедимым. Невероятно выносливые, они сутками идут под седлом той же спорой рысью, какой начинали свой бег; ни летом, ни зимой для них не требуется фуража — они сами находят корм в иссохшей пустыне, в снежной степи, в диком лесу. Если ор-

дынцы и подкармливали их зерном, то лишь перед большими сражениями и при избытке фуража. Живучесть лошадей давала живучесть всадникам. Вдали от своих тылов, лишенные воды и пищи, они прокалывали жилы коней и пили их горячую кровь. Таким образом ордынские воины могли питаться до десяти суток, полностью сохраняя силы. Правда, на малорослых степных лошадях опасно идти на прямое столкновение с тяжелой конницей врага, зато на них удобно стаей хищных птиц кружить вблизи малоподвижной бронированной кавалерии, осыпая ее стрелами, налетая и отскакивая, заманивая в засаду отдельные отряды, не давая врагу ни минуты отдыха, изматывая его до предела, когда он дуреет совершенно и остается лишь опрокинуть его ударом небольших свежих сил. Конь и лук — вот сила ордынского воина.

На доспехах всадников здесь почти не было металла — всюду темная, твердая кожа, какая идет на подметки. И сами люди здесь помельче, посуше, повертлявей — полуголодное племя табунщиков, пастухов, мелких ремесленников, наемных работников, посланных мурзами в войско, выставленных по обязательному набору — один воин с лошадьми и полным снаряжением от шести кибиток. Лишь первые две тысячи этого тумена в мирное время несли военную службу и получали жалованье. Другие работали и кочевали в улусе Есутая. Даже у многих простых кочевников имелись рабы, но и сами они не были свободными, ими владели мурзы и наяны — теперешние десятники, сотники, тысячники. В свою очередь, наяны были вассалами Есутая, а над Есутаем стоял великий хан. Мамай мог довольно легко лишить Есутая воинского сана, но лишить власти над улусом, отнять землю, людей и скот было не в его силах. Мурзы зорко оберегали свои права, улусники немедля восстали бы против повелителя, который нарушил священное право собственности, сложившееся веками. Будь над Есутаем какой-нибудь принц крови, как когда-то царевич Темир-ходжа над самим Мамаем, можно бы легко убрать неугодного военачальника руками господина — ведь царевич вполне располагает личностью своего наяна. Но в том-то и дело, что хан Хидырь подарил своему любимцу улус, оставшийся без господина, Есутай был сам и темником, и улусником-правителем.

Мамай объезжал четвертую тысячу, глаза его все боль-

ше сужались, в лице появилось тигриное, он походил теперь на крадущегося зверя, который видит стадо, но еще не выбрал жертвы. Внезапно Мамай натянул повод, ткнул рукой в широколицего ордынца с вывернутыми ноздрями.

— Ты! Покажи мне твой лук.

Воин испуганно кинулся к саадаку, согнувшись, протянул оружие.

— Та-ак, — прошипел Мамай, разглядывая потрескавшийся слой лака на излучине. — Так... Всем показать луки!

Помощники его обнаружили в сотне около двух десятков луков с повреждениями, приволокли виновных.

— Твоя сотня, — Мамай повернулся к начальнику,— проиграет бой с вражескими стрелками, потому что луки сегодня намокли, а завтра их иссушит солнце. Вслед за твоей сотней бой проиграют тысяча и весь тумен. Из-за двух десятков паршивых свиней ордынское войско будет разбито.

Сотник затрясся.

— Повелитель, смилуйся. Только вчера покрывали мы луки свежим лаком, который доставили нам люди, снабжающие войско. Мы покрывали по всем правилам, клянусь аллахом!

— Ты больше не сотник. Сотником я пришлю к вам своего воина. А людей, снабжающих войско, велю допросить вашему тысячнику. — Он кивнул на бледного сивоусого наяна, ожидающего грома над своей головой. Это был старый и преданный воин, Мамай когда-то сам велел выдвинуть его. — Слышишь, тысячник? Залей им глотки кипящим варом. Мне говорили: эти люди воруют то, что принадлежит Орде и ее войску. Всем же, у кого оружие не в порядке, назначаю по двадцать плетей. Тем, у кого недостает предмета в снаряжении, — по десять плетей, хотя бы это была иголка.

Хлестнув лошадь, Мамай поскакал к соседней тысяче, не слушая жалобного воя и оправданий, не видя, как потащили на расправу воинов, которые виноваты лишь в том, что их обокрали. Позволили себе обокрасть — виноваты! Бешенство овладело Мамаем. В войске Орды укореняются безалаберщина, взяточничество и воровство. Он вспомнил последние доносы: будто бы наяны, которым поручено снабжение войска, а также и торговцы,

имеющие ярлыки на поставку снаряжения, продовольствия, фуража и товаров, берут с командиров деньгами, баранами и лошадьми (не говоря уж о трофеях) за очередность поставок. Не дашь — получишь последним, и то, что останется. Они же задерживают, прячут нужные товары, создают нехватку добротной сбруи, седел, сапог и другого снаряжения — чтоб драть за них втридорога, пользуясь нахождением Орды посреди степи. А ссылаются на пошлины и мыта, на трудности пути. Ярлыки и должности используются в корыстных целях, плодятся жадные и наглые перекупщики, одни стремительно наживаются, другие нищают. Откуда все это? Во времена Повелителя сильных воину грозила смерть даже в том случае, если он ленился поднять малый предмет, потерянный другими, и вернуть его хозяину или передать начальнику. А тут лошадей стали красть в соседних туменах... Надо наводить порядок самым жестоким образом, иначе — конец. Беззакония и воровство страшнее любой вражеской армии. Сколько могучих государств они сгубили!

Видно, злая воля направляла теперь путь разъяренного владыки: в одном из десятков пятой тысячи, едва подъехав, он обнаружил отсутствие палатки. Полоснув сотника лезвиями глаз, спросил:

— Тоже украли?

— Палатку нечаянно сожгли, повелитель, когда подул ветер.

— Почему ваши люди уже теперь спят в палатках? Разве нет юрт?

— Они несли сторожевую службу вдали от юрт и только вчера возвратились.

— Как?! Находясь в страже, они жгли костры?

— Это было днем, повелитель, мы варили конину.

— Кто следил за огнем?

Сотник указал на длинного сутулого ордынца с вытянутым лицом, похожего в своих кожаных доспехах шерстью наружу на небольшую лошадь, вставшую на задние ноги. Тот склонился, коснувшись земли руками, и показалось — лошадь-человек приняла свое естественное положение.

— Двадцать плетей! И вычесть с него цену палатки.

Воин распластался на мокрой от конской мочи земле.

— Смилуйся, повелитель! — завопил он. — Вели дать мне сотню плетей, но заплатить я не могу. Я верну тебе три цены палатки с первой военной добычи и до конца дней буду благословлять твое имя!

— Уберите его!

Беднягу потащили, он жалобно выл, но причитания его вызывали ухмылки. Он кричал, что у него остались только одна дойная кобылица и десяток баранов, потому что другую дойную кобылицу он обязан отдавать на три летних месяца своему наяну. И еще трех баранов надо отдать наяну не позднее оставшейся недели. А палатка стоит двух дойных кобылиц или пяти десятков баранов. И в кибитке у него едут жена, старая мать и шестеро ребятишек, которые никогда не бывают сытыми, бродят у чужих юрт, ожидая, когда кто-нибудь выбросит обглоданную кость, и дерутся из-за нее с собаками. Теперь же у них отберут последнюю кобылицу и всех баранов, они умрут от голода. Неужели нельзя подождать до первой военной добычи, которую он вырвет у врага даже из глотки?!

Он кричал, а ему отсчитывали удары. У всех долги перед наянами, у многих голодные дети и жены — ведь сборы на войну для бедняка страшнее, чем пожар и падеж, — но не все проворонили военное имущество Орды.

Проверяющие докладывали, что у некоторых воинов ржавые мечи, кони с изъянами, не хватает наконечников для стрел, наконец, в той сотне, где сгорела палатка, потеряно два щита.

— Виновных наказать по всем правилам, — распорядился Мамай. — К завтрашнему рассвету каждый должен иметь все, что положено. Мои люди проверят. Не исполнивший приказа лишится головы. Сотника призовите ко мне.

Нервно перебирая поводья, Мамай долго рассматривал бледного наяна. Снес бы ему голову — законы ордынского войска давали ему такое право, — но это был богатый мурза, дальний отпрыск чингизова рода — сколько их развелось от тех сотен жен и наложниц, которых имел Повелитель сильных! Мамай вдвойне ненавидел бездельника, потому что трогать его в открытую рискованно.

— Говори: что ты делал этой ночью? Я вижу твои красные глаза и опухшее лицо.

— Этой ночью, повелитель, я готовил воинов к смотру

и не сомкнул глаз до утра, мы ведь только вчера возвратились из охранения.

— В охранении войско должно быть в таком же порядке, как на войне. Поэтому я не верю тебе. Я не верю, что палатка сгорела, а щиты потеряны. Ты продаешь имущество Орды жидовинам и арменам, которые торгуют вином, привезенным из-за Терека и от Сурожа, скупают и продают в моем войске ценные предметы. Этой ночью ты не готовил воинов к смотру, ты пропивал вырученные деньги и валялся с буртасскими шлюхами. Я знаю твою... породу!

Сотник, прежде сохранявший внешнее спокойствие, затрясся, ноги его подогнулись, он упал ниц.

— Позволь говорить, великий! Это было — ты видишь все, но, клянусь аллахом, я покупал вино на деньги, взятые за моих собственных лошадей, я никогда не продавал твоего имущества.

Вот оно: носитель чингизовой крови — пусть из самых распоследних — валяется в конском навозе перед Мамаем, вымаливая пощаду.

— Встань! И запомни: когда начинается военный поход, у тебя нет собственных лошадей. Ты можешь обменивать баранов, быков, даже верблюдов, но кони нужны войску. К завтрашнему полудню верни проданных коней в свой тумен, и я оставлю тебя начальником сотни. Но если ты так же плохо будешь воевать, клянусь всесильным богом, ты станешь простым всадником. Начальник, власть которого слабее кнута и палки, недостоин звания.

Шестая тысяча, по докладам проверяющих, выглядела наравне с четвертой и пятой, третья — лучше. Хотя Мамай не ожидал иного и тумен был внушительной силой, гнев его не проходил. Он спешился, сел на услужливо подставленный золоченый стульчик прямо перед первой линией воинов, мрачно осматривался, принюхивался к смрадным запахам, вслушивался в злой визг коней, уставших от топтания на месте, в гортанные крики и вой наказываемых плетьми.

— Позовите Есутая.

Руки Мамая, лежащие на коленях, сжались в кулаки, словно он душил в них злой крик. Солнце тускло глядело сквозь испарения, уходя на закат, и в бледных лучах узкое лицо Мамая с прикрытыми глазами казалось нежи-

вым, как маска. Те, кто видел сейчас это лицо, невольно думали, что Мамай носит в себе какую-то злую болезнь.

Темник долго стоял ожидая.

— Скажи, Есутай, можно ли идти в поход с воинами, у которых ржавые мечи, негодные луки, у которых нет даже щитов, а кони с набитыми холками и треснутыми копытами? Можно ли победить с такими воинами?

— Повелитель, в тумене таких воинов мало. Завтра их совсем не будет, — хрипло ответил темник. — Тумен не может состоять из одних отборных сотен, ты это знаешь.

Гримаса усмешки оживила лицо Мамая, глаза сверкнули из-под коротких рыжих ресниц.

— Мало сегодня. А сколько их будет после первого большого перехода? Ты не устал, Есутай? Тумен велик, а ты стар.

Ничто не изменилось в темном морщинистом лице старого полководца, только дрогнула плеть в руке да ниже склонилась голова. По свите прошел тихий говор, от передних всадников, уловивших Мамаеву речь, пошла волна говора, словно от брошенного в воду камня.

— Ты ведь знаешь, — негромко ответил Есутай, — я всю жизнь провел в седле, мой меч верно служил всем ханам Золотой Орды... — Мамаю почудился нажим в словах «всем ханам», глаза его широко открылись, руки уползли в рукава халата. — Я не искал себе почестей и богатств. Орда ценила мой меч. С тобой вместе я привел к покорности вышедшие из повиновения улусы, которые взбунтовал хан Мурат, и теперь вновь по обе стороны Итиля * простирается власть нашего единого государства, твоя власть. С Бегичем я ходил к Понтийскому морю, мой конь топтал зеленые долины и мертвые снега Кавказа, ныне десятки племен, что живут за Кубанью и Тереком, покорно платят дань Орде и присылают тебе своих всадников для войны. С Араб-шахом я усмирял русов, мы пригнали в Орду тысячи невольников и много кибиток добра. Не из тех ли трофеев золотой пояс, что украшает твой живот? А сколько походов совершил я со своим туменом в восточные степи и за Каменный Пояс, отгоняя диких кочевников!

— Я помню твои прежние заслуги, — прервал Мамай, едва сдерживаясь от дерзкой речи темника. — Но всякий

* Волги.

большой начальник должен вовремя уступить место молодому, чтобы старая слава его не обросла плесенью насмешек. Даже Повелитель сильных последние годы провел в золотой юрте, посылая во все стороны могучих сыновей и лучших полководцев. Ведь когда трясущийся от старости хан или мурза выступает перед сильным народом, он только сам думает, что красив и величествен. Он смешон и глуп — это замечают даже бродячие собаки. Повесь он хоть на нос золотые побрякушки — трухи не скрыть.

Есутая словно плетью хлестнули, но Мамай, возвышая голос, жестко говорил и говорил:

— Самое же опасное в другом. Такой повелитель сам не управляет народом и войском, ибо глаза его плохо видят, руки плохо держат поводья, тело ищет покоя, а душа лести. Рано или поздно он попадает в окружение льстецов и корыстолюбцев, они забирают в свои руки ту власть, которая дана правителю, но которой он уже не может владеть. А власть их — самая страшная, ибо она развращает народ и губит государство. В твоем тумене я обнаружил неуважение к моим приказам и заветам Повелителя сильных. В твоем тумене поставщики обманывают воинов. В твоем тумене продают коней перед походом, торгуют вином пришлые люди, а начальники пьянствуют. Неужели все это дозволяет темник Есутай, тот темник Есутай, с которым я когда-то усмирял врагов Орды? Ты уже не можешь крепко держать поводья власти, туменом должен командовать сильный начальник!

Последние слова Мамай почти кричал. Волны ропота разбегались, достигали других тысяч, возвращались и сталкивались, образуя мутную пену. Наконец гул стал угрожающим, Мамай насторожился:

— Что это?

Есутай мрачно усмехнулся:

— Войско слышит твои слова, повелитель. Войско не хочет над собой другого начальника.

Мамай вскочил. Телохранители придвинулись, десяток конных нукеров тоже подступил вплотную. «Есутай!.. Есутай!.. — ловил Мамай в гуле тысяч. — Слава Есутаю, слава храброму покорителю ста народов!.. Есутай, Есута-ай!..» Рука Мамая потянулась к поясу — не то за мечом, не то за булавой власти...

Ропот не утихал, темная стена войска, всегда послушного ему, угрожающе надвигалась, превращаясь в непо-

нятную, необъяснимую силу, слово «Есутай» гудело в тысячах глоток. Мамай уже ощущал ядовитые жала в своем теле, пот выступил на лбу, он затравленно оглянулся. Отборная тысяча угловатой скалой чернела далеко на фланге тумена, там же стояла и охранная сотня. Не успеют... Да и устоят ли против пяти тысяч озлобленных всадников?

Руки Мамая судорожно вцепились в рукоятку меча и в булаву.

— Коня! Призовите ко мне начальника первой тысячи!

Он вскочил на белого аргамака. Трубы торопливо пропели «Внимание и повиновение!», последние волны ропота, откатываясь, замерли, даже лошади прекратили возню и визг.

— Мои храбрые богатуры! — произнес Мамай высоким звенящим голосом. — Вы знаете, зачем я провожу строгие смотры, заботясь о силе и славе ордынского войска, исполняя заветы того, кто покорил нашему племени семьсот двадцать народов. Силы Орды — железный порядок. Повелитель сильных говорил, что даже командующий стотысячной армией заслуживает смерти, если он не выполнит приказ своего хана.

Мамай крутнулся в седле.

— Но тот, кто исполнителен и предан своему повелителю, тот страшен врагу и дорог нам. Сегодня я уже отметил воинов первой тысячи, я знаю — славные бойцы есть и в других отрядах. Тумен готов к битвам, и потому я выделяю из своей казны тысячу цен лошади серебром для выдачи воинам соразмерно их отличиям в службе, а мои люди проследят, чтобы серебро было распределено по справедливости.

Степная гроза не ревет так, как ревели шесть тысяч глоток, прославляя повелителя, его щедрость и справедливость. Губы Мамая кривились в усмешке. Как мало нужно, чтобы купить жадное и тупое человеческое стадо!

— Теперь слушайте мою волю. Вашим храбрым туменом командует военачальник Есатуй, чья слава принадлежит Орде. Мы должны позаботиться, чтобы слава эта не покрылась пылью, чтобы всегда сверкала она в памяти поколений ордынских воинов. Есутай стар, тяжесть великих походов и побед сгибает его плечи, ему трудно одному поддерживать боевую славу тумена. Его орлиные

глаза стали тускнеть от времени, и я боюсь, что ленивые тарбаганы, хитрые лисицы и шакалы, ядовитые змеи начнут плодиться среди вас. Я нашел ему в помощники молодого беркута, чьими глазами он будет высматривать скверну, чьими лапами когтить ее. А мудрости ему хватит на сто лет.

Мамай вскинул золотой жезл с кровавой звездой, чуть оборотясь, приказал:

— Темир-бек! Встань рядом!

Словно поднятый вместе с конем мощными крыльями, черный всадник отделился от своей тысячи, подлетел к повелителю и замер, похожий на мрачную статую. Мамай протянул руку к одному из мурз свиты, тот поспешно открыл небольшой ларец, достал золотой знак с изображением священного полумесяца, Мамай наклонился к черному всаднику, своей рукой приколол знак к его левому плечу. От волнения лицо Темир-бека налилось кровью, стало еще угрюмей, глаза застлал туман, и видели они одного Мамая, и Мамай в этих глазах становился всесильным богом, чья щедрость не знает границ. Приблизился знаменщик, склонил зеленое полотнище с золотым полумесяцем, новый темник прижал его к лицу, но и без этой клятвы Мамай знал: незнатный и небогатый наян Темир-бек, дважды осчастливленный им сегодня, вознесенный на вершину воинской власти, отдаст за Мамая кровь по капле и тело по кусочку.

Но вот он выпрямился, в глазах его больше не было тумана, они пристально оглядели огромное войско, и в них сверкнул звериный огонь.

— Слава повелителю Золотой Орды! — пролаял он грубым голосом волкодава. — Слава непобедимому Мамаю!

Утром встревоженный темник вошел к Мамаю с вестью: ночью Есутай покинул стан и увел с собой личную сотню и третью тысячу. Эта тысяча наполовину состояла из старых воинов, которых Есутай не раз водил в походы, вторую половину составляли молодые охотники и табунщики.

— Куда ушел?

— В земли своего улуса. Там еще остался народ, не все кочуют с Ордой.

Мамай принял весть спокойно. Может, это и лучше, что вблизи столицы будет находиться опытный воена-

чальник с отрядом? Тохтамыш поостынет. А Есутай не изменит своей Орде.

— Ушел — не жалей, — сказал он Темир-беку. — Вот ты и князь, а не просто темник. Помни мое слово.

— Повелитель, прикажешь мне назначить начальника первой тысячи или ждать твоей воли? — спросил вновь испеченный темник.

— Тебе нужен сильный помощник, я пришлю моего сотника Авдула. Теперь он, видно, вернулся из разъезда. Подружись с ним.

— Благодарю, повелитель. Богатура Авдула знает вся Орда. Он станет мне братом.

Покинув стан Мамая, Есутай вел отряд, поднявшийся вместе с семьями, рабами, скотом и юртами, по старому следу Орды. Под утро, когда еще не легла роса, он вдруг круто повернул на юг, по течению Дона. Рассвет застал всадников в седлах. Дон курился туманом, серое зеркало реки рвали жирующие рыбы, стайки черных уток неторопливо отплывали от камышовых берегов, вспугнутые топотом коней и стуком кибиток. А перед усталыми, замутненными глазами Есутая раздольно катились воды Итиля, белая латаная юрта источала сизый полынный дымок над пологим прибрежным откосом, старый отец прилаживал к кибитке белое деревянное колесо, мать у очага набивала бараньи потроха рубленым мясом, складывала в широкие глиняные горшки перед тем, как поставить в огонь. Голодный раскосый мальчишка, играющий вблизи юрты с рыжеватым щенком, жадно принюхивался к запахам мяса и пряностей. Кто-то скакал из степи на легком саврасом коне, изредка взмахивая плетью, — наверное, старший брат, — а над всадником и над пасущимися вдали табунами низко плыли косяки гусей, роняя короткие гортанные крики, и звуки эти наполняли душу мальчишки пронзительной грустью. Теперь Есутаю казалось: именно то далекое утро детства было самым счастливым в его долгой жизни. За то пасмурное осеннее утро он отдал бы свой улус, власть, даже военную славу, взошедшую среди битв и пожаров. Зачем правители ввергают свои народы в пучины войн? Разве земля от этого становится богаче? Разве у ханов мало коней, быков, овец и вер-

блюдов, которых можно обменять на любые богатства? И разве мирная жизнь меньше, чем война, увеличивает их табуны и стада? Человек — хан он или пастух — не может съесть даже самых изысканных кушаний больше, чем вмещает его живот, самых роскошных одежд он не износит больше, чем в состоянии износить за свою жизнь. Слава, почести, власть? Они как радужный дым на ветру времени. Вон курганы в степи, под которыми спят властелины прошлых времен. Где их власть и слава? Кто в ордынском войске был славнее Бегича?! А где теперь Бегич? «Пастухи, я думаю, счастливее нас», — сказал однажды Бегич Есутаю. Никогда уж Есутаю не стать пастухом, но разве нельзя воротить самую малость из далекого счастливого времени? На берегах Итиля ничего не воротишь — Мамай не позволит. Но земля просторна. Разве где-нибудь за Каменным Поясом не найдется свободных пастбищ, куда не дотягиваются жадные руки золотоордынского хана и ханов Синей Орды? Народ улуса любит Есутая — так он считал, потому что не драл с народа лишней шкуры, не неволил больше, чем требовали ордынские порядки. Он и теперь никого не станет неволить. С ним пойдут те, кто захочет: где-нибудь на берегах раздольного Иртыша он создаст вольное племя, в котором станет мудрым и справедливым отцом-старейшиной, и люди его будут жить честным трудом, без жадных наянов и чиновников...

То там, то здесь в придонской степи курились осторожные дымки костров. Замечая их, Есутай зло дергал седым усом. Не одни волки идут за ордынцами. Весть о том, что Орда двинулась на Русь, облетела степи от Яика до Дуная, и двуногая саранча зашевелилась, сползается к границам русских княжеств, опасливо держась вдали ордынских станов. Одичалые племена кипчаков, живущие грабежом караванов и торговлей людьми, носатые пожиратели сусликов, крыс и степной саранчи, племена, питающиеся свиноподобными лохматыми собаками, угрюмые длиннорукие люди, в чьих становищах нельзя дышать от смрада, потому что едят они лишь тухлятину, воровские таборы сарацинов и охотники за змеиным ядом — сами тощие, черные, верткие и злые, как гадюки, — все тут, все ожидают часа войны, когда можно будет обирать трупы, ловить попрятавшихся женщин и детей, рыться на пепелищах, хватая

все, что уцелело в огне, чего в военной суматохе не взяли завоеватели.

Лишь под вечер, убедившись, что погони нет, Есутай остановил отряд и велел разводить костры, выставив на ближних холмах наблюдателей. Он вызвал старшего сына, служившего в его сотне десятником.

— Когда скроется солнце, возьми своих воинов и скачи на север, к московскому князю. Путь держи по другой стороне Дона. Проводника дам, дорогу спрашивай, но в рязанские города не входи, войска рязанского сторонись и литовского тоже. Московитам скажи, ты ордынского князя Есутая кровный сын и говорить можешь только великому князю Димитрию. Другим не говори, хотя бы с тебя живого содрали кожу.

— Да, отец.

— Князю Димитрию скажи: Мамай идет на тебя со всем своим войском, а войска у него будет сто тысяч ордынцев и тысяч пятьдесят союзников. Это при нем. С Мамаем также в союзе литовский Ягайло и князь рязанский Ольг, но Ольгу Мамай верит мало. О других русских князьях Мамай пускает клевету. Если та клевета попадет в уши Димитрия, пусть он ей не верит. Это первое, что ты запомни хорошо.

Сын молча наклонил голову.

— Второе, скажи князю Димитрию: Мамай еще не спешит, он пойдет на Москву осенью, потому что после Москвы собирается разорить всю Русь. Тогда это будет легче — реки и болота замерзнут, а татарские кони зимы не боятся. К осени он ждет на Дону и своих союзников — Ягайлу с Ольгом, другие уже пришли или подходят. Теперь же Мамай готовит свое войско, и готовит его умело.

— Да, отец, я видел сам.

— Третье, скажи московскому князю: если он даже откупится большим ясаком, пусть не распускает войско сразу. Ему надо держать наготове большую конную силу до самой весны. Мамай — лисица и волк вместе. Он возьмет ясак, а когда Димитрий отпустит воинов, пошлет сильные тумены разорять страну. Это все. Теперь повтори.

Молча выслушав сына, вздохнул, встал с седла, брошенного на землю, приказал:

— Накорми своих воинов перед дорогой и дай им пе-

много поспать. До московской земли лучше ехать ночью, по звездам — ты это умеешь. Теперь наступили ясные ночи. Уезжая, скажешь мне.

— Да, отец. Но позволь спросить?

— Спрашивай.

— Хорошо ли то, что я должен делать? Не обида ли говорит в тебе? Мамаю ты хочешь неудачи или Орде?

Есутай посмотрел в смелые глаза сына, скользнул взглядом по окованным сталью плечам, по тусклому от пыли нагруднику, словно раздумывал, надо ли отвечать.

— Я обижен на Мамая — это так. Но я теперь ненавижу Мамая. Он задумал гибельное для Орды дело— вот откуда моя ненависть. Хан Хидырь говорил мне: Русь другой стала, Орда — тоже. Хватит нам разорять русов, иначе дойдет до большой беды. Скоро Орда уподобится барсу, который вскочил на спину буйвола и загнал его на узкую тропу над пропастью. Вот-вот оба полетят. Пора нам заменять иго крепким союзом, ясак — торговлей.

Есутай долгим взглядом проводил Иргиза. Хорошо, если бы он остался у Димитрия. Иргиз искусен в ратном деле, а князь Димитрий принимает опытных воинов с охотой. В московской земле теперь немало ордынцев осело, будет их и больше — не затоскует сын. Только бы принял его Димитрий...

Когда закатилось солнце, у кибитки Есутая затопали кони. Сын вошел одетый по-походному.

— Сядь рядом, — сказал Есутай. — Ты уверен в своих воинах?

— Да, отец. Мы росли вместе.

— Хорошо.

Есутай вынул из сундука два тугих кожаных мешочка.

— В этом большом — серебро, тебе и твоим воинам. Хватит надолго. В маленьком — золото, спрячь подальше. Все, что у меня осталось.

Есутай достал из сундука небольшую икону в серебряном окладе, осыпанном бриллиантами; ограненные камни радужно засверкали в трепетном свете каганца.

— А это береги больше золота и серебра, здесь ключ к сердцу русов и их князя...

Сын попятился.

— Это же мать русского бога!

Есутай улыбнулся:

— Эту икону взяли в Нижнем Новгороде во время набега. Я выменял ее на того вороного, за которого мне давали табун в две сотни лошадей. Вот и пригодилась.

Есутай встал, помог сыну расстегнуть панцирь, повесил на шею образ богоматери на мягком шелковом шнурке.

— Теперь — последнее.

Он громко хлопнул в ладоши, за стенкой кибитки послышались шаги, откинулся полог, пригнувшись, вошел рослый воин в боевом снаряжении и небрежно накинутой епанче.

— Слушаю, хан.

Иргиз вздрогнул, узкие глаза его округлились. «Не может быть!» Воин говорил голосом раба Мишки, волосатого, звероподобного существа с прикованной к ноге деревянной колодкой. Мишка ходил за овцами, спал вместе с ними и, по мысли Иргиза, ничем не отличался от этих глупых животных. Сейчас перед ним стоял плечистый молодец, русоволосый, ясноглазый. Боевой ордынский шлем, кривая сабля на бедре, которую он небрежно, как бывалый воин, придерживал левой рукой, придавали ему вид внушительный и суровый. Если бы не голос, Иргиз никогда не узнал бы Мишку.

— Это твой проводник и толмач. Он не раб теперь. Он твой товарищ в опасном пути.

— Отец! Где я найду тебя?

— Сначала путь мой лежит в земли улуса. Но там я не останусь, и ты туда не ходи. Я позову тех, кто захочет, к реке Иртышу за Каменным Поясом. Иртыш совсем как наш Итиль... Там, где он из больших степей убегает в большие леса, будут мои кочевья. Там мало людей и много хороших пастбищ. Но если великий князь захочет тебя оставить, не спеши ко мне. Я вырастил тебя воином, младшего буду растить табунщиком и охотником. Быть может, ты найдешь в Москве дочь моего друга, мурзы Кастрюка, убитого на Воже. Он брал в поход свою семью, говорят, она в плену. Девочку звали Тамар, ей скоро шестнадцать лет. Мы с Кастрюком хо-

тели поженить вас. Если найдешь, выкупи ее на волю и думай сам.

— Отец, я сделаю, как ты велишь. Но я все равно найду тебя. За Каменным Поясом воины тебе еще потребуются.

Есутай прижал к себе сына, коснулся щекой его щеки и не дал своим рукам дрогнуть, когда Иргиз отрывался, видимо, навсегда.

III

До Коломны отряд Тупика почти не придерживался дорог. Неутомимые рыжие кони легко несли всадников через поля и кусты, болота и рощи, ручьи и реки. Путь был всюду, где могла ступить крепкая конская нога, и воины выбирали кратчайший. Проезжали мимо работающих в поле крестьян, спрашивали о татарах и слышали один ответ: «Бог миловал!» Быстрый Васькин отряд еще опережал слух, это было хорошо, потому что слух множит врагов бессчетно, не знаешь тогда, чему верить. В лесах с пути отряда испуганно шарахались звери, в поймах и логах тревожно кричали чибисы, кулики нахваливали свои болота, болтливые сороки разносили весть о всадниках.

Вторую крепкую сторожу, высланную великим князем, встретили за Коломной. Едущие из Москвы дружинники радостно обступили пятерых усталых разведчиков, расспрашивали наперебой, бесцеремонно разглядывали пленника, которому Тупик велел оставить серебряный знак.

— Важна птица, — удовлетворенно заметил начальник сторожи боярин Климент Полянин. — Быть и тебе, Васька, сотским. Сам его представишь князю.

Воины обступили вьюк с оружием.

— Троих потеряли, — мрачно сказал Тупик.

Один из всадников тронул торчащую наружу рукоять меча.

— Значит, и Петра нет. Жена и трое мальцов остались...

От встречи со своими у разведчиков словно сил прибыло. Скакали, меняя лошадей, на привалах едва смыкали глаза. В Москву прибыли ночью. На перевозе у коломенской дороги горел костер: лодочник по приказу

князя дежурил круглые сутки. На окраине посада заливались собаки. Когда проезжали темными улицами, кое-где заскрипели калитки. «Волнуется Москва», — подумал Тупик. На мосту через ров, соединяющий Неглинку с рекой Москвой и запирающий Кремль в водяном треугольнике, стояла усиленная стража. Начальники тихо обменялись паролем, охрана расступилась, знакомые голоса негромко приветствовали разведчиков:

— Шурка, Тимоха, здоров! А это кто, бритый? Все ли живы?..

— Завтра, мужики, завтра расскажем, — ответил за всех Тупик.

Часовые-воротники тоже не томили разведчиков. Едва прозвучал пароль, тяжелые железные ворота, не скрипнув, отошли, и лошади, стуча копытами по деревянному настилу, внесли всадников под низкий свод угрюмо нависающей в темноте Никольской башни. По голосам, долетавшим из узких бойниц, Тупик понял: и там, на стенах Кремля, выставлена усиленная стража. Среди знакомых деревянных строений детинца белели ряды воинских шатров — значит, уже стягиваются в Москву силы удельных князей. Димитрий велел разбудить его при первой вести от любой воинской сторожи с Дона, и скоро Тупика позвали в небольшую гридницу. Димитрий встретил разведчика в домашней льняной сорочке, вышитой по вороту красным крестиком, строгий и свежий, будто и не ложился нынче. Васька не видел Димитрия с того июльского дня, когда в Москву с Дона прискакал с товарищами дозорный Андрей Семенов, побывавший в руках татар и отпущенный Мамаем передать московскому князю повеление — немедленно явиться в Орду с покорностью. Вместо этого Димитрий послал на Дон крепкую сторожу во главе с Родивоном Ржевским, чтобы следила за каждым шагом Мамая, а к вассальным князьям — гонцов с приказом собирать дружины и немедленно идти в Москву. Димитрий даже на вид переменился за прошедшие дни. Округлое, чуть скуластое лицо его словно бы удлинилось, в темных глазах затаилось непроходящее напряжение, взгляд давил на человека. На высоком лбу с залысинами залегла отчетливая изломанная морщина, у губ — резкие складки, и лицо, оттененное темной, слегка вьющейся бородой, кажется бледным. «Спит мало», — подумал Тупик.

Не заметил Васька, с каких пор Димитрий из моло-

дого, отчаянного и дерзкого воина превратился в сурового, по-отцовски умудренного и властного государя, перед которым Васька душевно трепетал. Вероятно, началось после того памятного разговора с боярами в Кремле, а закончилось Вожей. Явив друзьям и недругам грозную силу Москвы, Димитрий даже во внешних повадках переменился. Речь стала отрывистей, решения — категоричней, жесты приобрели спокойную властность, он отпустил бороду, прибавившую суровой внушительности его дородной фигуре. Садясь в седло и сходя с коня, Димитрий теперь позволял рындам держать золоченое стремя, чего не любил прежде, терпел и герольдов, и свиту, и трубы, и стяги, и значки — словом, весь внешний обряд великокняжеского двора, которого прежде не замечал. За Димитрием Ивановичем чувствовалась воля не только Москвы, но и десятков удельных земель, чьи князья безоговорочно исполняли его повеления. За Димитрием все отчетливее проглядывала огромная Русь, и это наполняло грозным смыслом слово «государь», давало великому князю неземную власть.

Тупик последние ночи почти не спал, после долгой скачки на вольном ветру его покачивало, колеблющийся свет от свечей на столе и по углам гридницы набегал, как теплые волны, уносил и размывал мысли, но Тупик зажал в себе усталость, говорил отчетливо, подробно — то, что сам видел и что слышал от других. Димитрий не перебивал. Лицо его сохраняло сосредоточенное выражение, лишь темные глаза по временам вдруг теряли цепкость, начинали смотреть словно бы сквозь Тупика — они видели ночные костры Орды, считали табуны лошадей и кольца юрт ордынских куреней, жадно впивались в длинные ряды всадников, построенных для смотра, изучали следы прошедших отрядов на прибитой степной траве, и крылья его курносого носа начинали трепетать, будто ловили запахи дыма, конского пота, овечьей шерсти и кислого молока. Но вот взгляд мгновенно возвращался издалека, упирался в лицо Тупика, в нем словно бы вырастал вопрос, и Васька догадывался: князь сравнивает его вести с сообщениями других людей. Это не смущало Тупика, он говорил то, что видел и слышал, ясно отделяя первое от второго. Димитрий Иванович ненавидел, когда вестники подлаживались под его предположения, взгляды и ожидания, стремились угодить государю вопреки той истине, которая была им извест-

на, — пусть даже «истина» существовала лишь в их собственном уме. «Говори только то, что знаешь, что считаешь сам действительным» — первое требование, которое великий князь предъявлял ко всем военачальникам, особенно же к разведчикам. Если он замечал, что человек пытается угодить своими вестями ему или воеводе, решительно удалял такого от важной службы и запрещал пользоваться его услугами. Точно так же ненавидел и гнал он тех, кто услышанное от других выдавал за увиденное воочию. Пусть ты слышал даже от своего начальника или князя, от матери или отца, но ты слышал, а не видел сам — так и говори. «Пьяна и Вожа показали: при равных силах побеждает тот, у кого лучшая разведка», — не раз повторял Димитрий на совещаниях военачальников, и разведку он ставил наравне с обучением войска.

Тупик наконец умолк, Димитрий, помолчав, спросил:

— Где пленный сотник?

— В башне под усиленной стражей, — ответил сотский начальник из охранной дружины Димитрия.

— Сильно его примучили дорогой?

— Не больше, чем сами примучились, — ответил Тупик.

— Добро. Ты, сотский, скажи караульному начальнику, чтоб татарина развязали, накормили, напоили, постелю дали и вообще все, что попросит. Татары — народ каменный, его пыткой не расколешь, только обозлишь. На добро же и волк отзывается. Мне надо, чтобы он говорил правду.

— Слушаю, государь.

Димитрий встал из-за стола, огромный, крутоплечий, тяжелорукий, прошелся по гриднице, остановился перед Васькой.

— Значит, именем самого Мамая жгут села?

— Да, государь.

— Это уже не пустые угрозы, — задумчиво произнес князь. — А сотник не брешет?

— Кто знает? Да непохоже, государь. Я ж проверил его тепленьким, как брали. Сказал: мы-де не воюем с Ордой, отдадим его на суд ханский, он тут и пролаялся.

Димитрий хмыкнул:

— Знаешь, для татарина ханская немилость хуже русской неволи.

Тупик удивился княжьей мысли. Ай, голова у Димитрия Ивановича! Мог ведь и сбрехнуть сотник, коли самовольно решил поживиться в русских деревнях, чтоб его хану не отдали. Да вовремя вспомнил Васька одну «малость».

— Того не может быть, государь!

— Ну-ка?

— Есть у меня в десятке воин Копыто. Глаза у него беркутиные: до самого окоема видит все, что в степи деется. Так он этого сотника узнал.

— Встречались прежде?

— Нет, государь. Мамай перед тем приезжал в тумен, за которым следили мы. Так этот сотник охраной его командовал, заметный наян. Чтоб такой в разбойники пошел!

Димитрий положил большую руку на Васькино плечо, впервые улыбнулся:

— Славные, видать, у тебя воины, Василий. Да и ты у меня красавец.

Димитрий Иванович отпустил сотского, Тупика задержал.

— Скажи теперь, Василий, что рязанцы толкуют.

— Разное, государь. Иные надеются, что Мамай их не тронет, — будто бы о том договор у него с князем Ольгом. Среди этих есть и такие, которые Москву да тебя бранят — зачем-де войну с Ордой затеваете, только новый разор учините русской земле.

— Да-а, притерлись иные шеи к ордынскому ярму, — раздумчиво произнес Димитрий. — Готовы молча носить его еще двести лет. А того не осилят рабским умишком, что за двести лет срастется шея с ярмом, не оторвешь иначе как вместе с головой.

— Но таких мало, государь. Народ рязанский татарам не верит, ненависти там к Орде поболее, чем у наших москвитян. Если кликнешь, из рязанской земли многие к тебе придут. Даже против воли ихнего князя.

— О князе ты, Васька, суди поменьше, особенно при чужих людях. — Димитрий нахмурился. — В княжеских делах князья и разберутся.

— Прости, государь. Однако народу рта не заткнешь. Я передал тебе, что слышал.

— За то спасибо. Но слово мое помни. Одно дело, когда бабы на торжище болтают, другое — когда говорит десятский княжеского полка. У Ольга тоже есть свои уши в Москве. Нам не ссориться нынче надо, но держать Ольга заслоном от Орды на левой руке. Пойдет он с нами, аль не пойдет — его княжеское дело. Лишь бы стоял со своей Рязанью. Тут не мелкая усобица назревает. Ольгу ли того не понять? Кабы его свой народ честил, то нам выгодно. А начнет его Москва поливать грязью, обозлится, да еще побежит отмываться в Орду, к Мамаю. Государи тоже не ангелы.

Снова охватывал Ваську Тупика душевный трепет перед Димитрием Ивановичем, который за минуту до того казался обыкновенным человеком. Ну, кто еще может смотреть так далеко, думать за друзей и недругов, в открытом сопернике угадывать возможного союзника, искать к нему ключ, не поддаваясь ослеплению гнева? Государем, видно, надо родиться...

— Что рязанское село спас — еще одно спасибо тебе, Василий. Слух о том быстро пройдет, а нам это полезно. И к Ольгу за побитых татар у Мамая нет спроса. С нас же пусть спрашивает.

Отпуская Тупика, Димитрий велел утром повторить рассказ князьям Бренку, Серпуховскому и Боброку, а затем присутствовать при допросе пленного сотника. Поэтому, направляясь в трапезную, где для разведчиков был накрыт обильный стол, Васька решил совсем не прикладываться к шипучему меду из княжьих погребов, чтобы не вводить себя в искушение. Лучше завтра, после баньки...

Тупик не знал, что Димитрий Иванович до утра не сомкнул глаз. Сведения разведчиков стали той каплей, которая до краев наполнила чашу княжеской решимости — дать Орде открытый бой. Таиться уже не было смысла, и терять ни одного часа нельзя. Надо поднимать не только войска князей, но и весь народ. Димитрий Иванович в тысячный раз задавал себе мучительный вопрос: достаточно ли созрели силы Москвы к отпору сильнейшему врагу? Имеет ли он право звать Русь к мечу именно теперь? Ответственность за вековую работу предшественников, за жизни сотен тысяч людей, за огромную землю, за все, что создано на ней человеческими руками после Батыева разорения, заставляла Димитрия содрогаться. Он почти не спал теперь — ду-

мал. Ласковой змейкой вползала в голову мыслишка: «Зачем поднимать эту гору? Зачем рисковать тем, что у тебя есть? Беги в Орду с изъявлением полного покорства, прими условия Мамая, откупись великой данью — и покатится твоя княжеская жизнь легко и бестревожно». Димитрий не был уверен до конца, что Мамай пощадит его, но собственной смерти он не боялся. Сколько русских князей до него ходили в Орду, отдавали себя ханам добровольно, стремясь избавить свои земли от гибели и разорения! Одних ордынские владыки миловали, награждали ярлыками, одаривали за послушание, других зверски казнили. Многих церковь после объявляла святыми мучениками, создавала их жития для примера потомкам, и татарские ханы тому не перечили. Каждый новый владыка, который садится в Орде со своей кликой, старается всячески опорочить предшественников, свалить на них все беды, переживаемые Ордой, ему выгодно и ранее казненных, кто бы они ни были, называть невинно пострадавшими. Поэтому вся Русь хорошо знала о расправах над неугодными князьями, и все-таки князья шли в Орду по первому требованию. Что значит жизнь одного человека, даже государя, в сравнении с жизнью целого княжества! Возможно, и Димитрий пошел бы к Мамаю, будь он уверен, что его личная жертва остановит Орду. Но все говорило о другом: Мамаю для нашествия нужен лишь предлог.

У Москвы теперь доброе войско, однако против Орды одного войска мало. Орда — втрое многочисленней всей Руси. Это хищное кочевое государство, где каждый мужчина с детства носит оружие и, вырастая, становится воином. Сколько всадников у Орды — столько и войска. Страшно иметь дело с такой силой. Одолеть ее может лишь целый народ.

Димитрий чувствовал силу своего народа — на то он государь, старший на Руси князь. Но отзовется ли на зов Москвы народ, уставший от полуторавекового ига, разоряемый данями и поборами, разделенный границами уделов и великих княжеств? Несмотря на десятилетия борьбы московских князей и церкви за собирание Руси, границы эти все же существуют, каждый удел, не говоря уж о великих княжествах и Новгородской боярской республике, все еще похож на отдельное государство, каждый служилый князь и боярин все еще владеет уза-

коненным правом перейти на службу к другому государю. И открыто посягать на это право все еще опасно. Только опираясь на силу народа, он держит в руках крамольных князей и бояр. Вся Русь помнит — а князья особенно! — как от имени Москвы явился однажды в Нижний Новгород игумен святой Троицы Сергий и затворил в городе церкви. Затворил все до единой, потому что нижегородский князь Борис, выкупив у хана ярлык на великое княжение Владимирское, объявил себя главным русским князем, отказался слушаться Москву. Народ забушевал — его из-за крамольного князя отлучили от церкви, считай, отлучили от Руси! И перед грозной волной народного гнева Борис бросил свою дружину, кинулся на поклон к Димитрию, тогда еще отроку. И юный Димитрий понял: народ — не пустое слово. С той поры само имя «народ» олицетворяло для него не совсем понятную, бесконечно огромную силу, которая берегла его, как пчелы берегут матку. Без матки улей погибнет, но что матка без улья! Народным настроением, народным мнением Димитрий дорожил превыше всего.

Церковь за Димитрием, она ждет лишь его слова. После Вожи церковь все более открыто говорит верующим, что не ордынская, а иная власть дана богом земле русской, и власть эта — в Москве.

Много сделано, и все же... Можно приказать великокняжеской властью, обратиться к народу со словом церкви — и мужики пойдут на битву. Но с каким сердцем пойдут они? С каким сердцем встанет на поле брани тот смерд, у которого за долги отобрали корову, а дети вымерли за лето на траве, без молока? Тот горшечник, у которого проезжий боярин велел опрокинуть застрявший на дороге воз и уничтожил полугодовой труд несчастного, обрекая его с семьей на голодную смерть? Тот плотник из посада, у которого сгорел дом и дюжина ребятишек ютится по соседям, а десятник не только отказал погорельцу в помощи, но и не отпускает с работы хоть землянку вырыть? Эти дела дошли до Димитрия, справедливость он восстановил крутой рукой. Но сколько их не доходит до него и ближних бояр? И не все ли равно тем забитым мужикам, кто с них будет драть последнюю шкуру?

Крепким мужиком крепко государство. Из крепких му-

жиков выходят надежные воины. И Димитрий не уставал вбивать боярам в голову мысль о крепком мужике. Димитрий знал историю. С отрочества покойный митрополит Алексей учил его: кто хочет править государством мудро, тот должен знать прошлое, как свою родословную. И всегда в истории повторялось одно и то же: государства гибли, как только в них исчезал крепкий крестьянин, и на смену ему приходил нещадно угнетаемый раб, бессловесный скот в человеческом облике. Развращенный городской плебей оказывался плохим защитником государства. Так было у греков и в Риме, так происходит в Византии.

Лютуют бояре, доводят мужика до скотского положения, а скоту все равно, кто его погоняет. Но и бояр понять надо — недешево обходится им служба княжеская и содержание дружин. А на ту дань, что уходит в Орду, какое войско можно держать! А разоры татарские!

В окнах гридницы посерело. Димитрий вскочил с лавки, схватил в прихожем покое простой воинский плащ, бросил ошарашенным отрокам:

— Коня! Охотничьего, гнедого. И седло простое.

Воины, гремя оружием, бросились в конюшню, но Димитрий задержал их на крыльце.

— Поеду один, ветром умоюсь.

— Князь Бренк не велел, государь, тебя одного...

— Я велю! — оборвал Димитрий десятского.

— Голову же снимет Михайл Ондреич с нас!

— А я на место поставлю!

Застоявшийся конь, поджарый и длинноногий, с места взял бешеной рысью, растерянные отроки кинулись к терему князя Бренка. Димитрий засмеялся. Попробуй теперь догони его — такого коня, пожалуй, во всем великом княжестве не сыщешь! Было уже светло, часовые издали узнавали князя, распахивались ворота, опускался мост через ров, воины с изумлением смотрели вслед государю, спохватываясь, бежали докладывать начальникам.

Улицы в посаде были еще пустынны, лишь собаки взлаивали из-за плетней и дощатых заборов. Прогремел под копытами новый деревянный мост через Неглинку, сосновый ветер ударил в лицо. Справа вставал вековой бор, слева катила спокойные воды Москва, отражая малиновые облака в своем широком и гладком зеркале.

Солнце уже поднялось над лесистой горой по другую сторону реки, когда в широкой излучине открылись просторные хлебные поля. Несмотря на ранний час, здесь кипела работа. Женщины споро жали серпами отволглую рожь, мужики нагружали телеги снопами, отвозили к риге, двое разбирали вчерашний суслон, вынимали изнутри сухие снопы, опробовали молотила. Димитрий подъехал к ним одновременно с нагруженной снопами бричкой.

— С добрым хлебом, мужички!

Оратаи низко поклонились, сняв шапки.

— А тебе доброго пути, боярин.

— Што ж ты босой-то? — спросил Димитрий длинного парня в посконной рубахе без пояса. — Роса нынче холодная.

— В августе вода холодит, а серпы греют, — ответил за парня приземистый пожилой мужик с широченной, во всю грудь, бородищей. — Антошка у нас и в крещенские морозы босой ходит — готовится для ратного дела. Што ему роса! Да при нонешнем-то хлебе хоть иней пади — замечать некогда: с утра рубахи от пота преют.

— Ничего, с полного сусека шелковую купишь.

— Купишь ли? — вздохнул унылый худой возница. — Боярину оклад отдай, церкви —отдай, купцу должен, кузнецу должен, мельнику — тож. А хану ордынскому сколь отвалить надоть! Так-то вот раздашь, только на прокорм и останется, да и то хорошо, коль до весны дотянешь. Каки там шелка!

— И у тебя тож? — спросил Димитрий широкобородого.

— У всех одно, боярин. Только и радости, пока жнешь да молотишь.

Димитрий сошел с коня, приблизился к телеге, взял горсть плотных ржаных колосьев, еще влажных от росы.

— А ну дай цеп, — попросил он мужика. Умело разложил сноп на току, опробовал молотило, ловко, споро прошелся по упругому настилу из колосьев, отгреб солому, взял пригоршню ржи с мякиной, провеял в ладонях, полюбовался литыми темными зернами, кинул щепоть в рот, медленно разжевал.

— Сладкая... Вся сила человеческая с этой горсти начинается.

Мужики с удивлением и робостью следили за могучим

осанистым человеком с властными ухватками, который так ловко делал крестьянскую работу своими белыми боярскими руками. Лишь парень тянулся к коню, оглядывал его поглупевшими от восторга глазами.

— Экой красавец! За такого небось всю деревню нашу купить можно.

— Можно. — Димитрий усмехнулся наивности парня. Однако дикий и странный век идет — человека ценят дешевле животного, хотя всякое богатство создается его руками, и без человека ничто не имеет цены. А людей так мало! «Может, оттого не ценим холопов, что достаются они нам вроде как воздух и вода, да и сами считают себя всей жизнью обязанными господам, потому что те родились господами, а они — рабами. Но ведь все наоборот: господа своим рабам обязаны. И если кто-то однажды объяснит им это?..» Димитрию стало не по себе. Давая служилым людям поместья в кормление, он повторял: «Берегите мужика, если хотите получать от него, сколько должно. Раз и два обдерете, на третий и драть нечего будет — смерды разбегутся, а с нищего холопа разве что лапти снимешь». Про себя он считал: человеком должен владеть только человек, но не скот, не зверь в образе человеческом, тогда, может быть, эти мужики еще долго-долго не дойдут до мысли, что и человек не смеет владеть другим человеком, как вещью или животным. Да и кто обязал человека подчиняться другому человеку? Только сила и нужда. Нужда и сила превращают людей в рабов и господ, но силы-то своей эти мужики не понимают. И разве не жесточайшая нужда, не грозная опасность с востока заставляет московских государей так настойчиво и упорно навязывать свою волю не только удельным, но и великим русским князьям? Разве вспять двигалась Русь, когда ослабела власть великих киевских князей? Быстро росли новые города и селения в уделах, обживались новые земли, развивались ремесла и торговля, более равноправные отношения складывались между славянскими племенами, и хотя частые усобицы князей были немалым злом, новый человек появлялся на земле, раскрываясь во всей силе и мощи, — не слепой муравей, не безответный раб государя, но господин жизни с обостренным чувством достоинства и гордости. И этот новый боярин, удельный князь, чтобы не уступать другим, не щадил подчас ни себя, ни подданных, стремясь обустроить и укрепить собственные владения...

Нет, нужна единая власть, способная поднять Русь для отпора, именно теперь, когда враг угрожает самому существованию Москвы, к которой тянутся ручейки сил народных. Потерять Москву — потерять всякую надежду. Не простит Русь великого московского князя, если не проявит он всей своей власти.

— А што, мужики, нужна ли ныне вся эта жатва?

У крестьян раскрылись рты.

— Слыхали небось вести-то? Пусть уж лучше осыплется, нежель татарин лошадь хлебом вашим откормит для новых разбоев!

— Вон ты о чем, мил человек. — Широкобородый нахмурился. — Как не слыхать? А князь на што с войском? Не пустит он Мамая.

— Хватит ли сил у князя против всей Орды?

— Не хватит — нас позовет. Димитрий Иванович свое государское дело знает. Мы уж и топоры наточили — хоть нынче в поход готовы.

— Хоть нынче? А как же хлеб? Останутся бабы да мальцы — осыплется половина.

Мужик выдержал взгляд, усмехнулся:

— Ты, мил человек, не пытай меня глазищами-то. Что-то не пойму я тебя. Речь вроде нашенская, да не по-русски говоришь. Хлеб осыплется — новый вырастим, до него на мякине перебедуем, нам свычно. Но коли головы крестьянские от ордынских мечей осыплются, ничего уж не вырастет на наших полях. Да ты кто такой-то?

— Значит, хоть нынче в поход? — повторил Димитрий, не отвечая на вопрос мужика.

— Вестимо дело.

— И ты готов? — спросил он парня.

— Я себе меч уж сладил из засова анбарного. Закалил у кузнеца — гвозди рубит.

Димитрий засмеялся, сверкнул взглядом на унылого возницу:

— И ты?

— А я што, нерусь, што ль?

Димитрий взялся за луку, легко бросил в седло тяжелое тело — он заметил, что от леска полем скачет его охрана: выследили черти! С седла приказал:

— Так нынче же и готовьтесь к походу! А старосте передайте: от боярина приказ будет скоро.

Гнедой скакун птицей уносил всадника в простом воинском плаще навстречу княжеской страже. Мужики попадали на колени, но этого уже совсем не требовалось...

В тот день из Москвы по всем дорогам полетели гонцы. Едва достигали они ближних городов и волостей — оттуда во все концы, как искры от удара кресала, разлетались новые вестники, вызывая пожар всерусской тревоги.

...На допросе у великого князя ордынский сотник повторил почти слово в слово то, что сказал Тупику после пленения. Но держался смиренно — то ли имя Димитрия на него действовало (среди ордынской верхушки чинопочитание было доведено до крайности), то ли неволя уже положила на него свою печать, то ли степняка поразил грозный вид Кремля. Его стены и башни подавляли всякого недруга. Кремль в военное время мог вмещать не только жителей посада, но и, пожалуй, все население Московского княжества. Огромное войско Ольгерда, однажды заставшее Димитрия врасплох, увидело перед собой пустую землю и, натолкнувшись па мощную крепость, вынуждено было побежать от кремлевских стен, когда из подчиненных Москве городов двинулись собранные полки.

Ни словом не заикнулся теперь Авдул об измене русских князей. Допрос шел в присутствии Бренка, Бобрика, Владимира Серпуховского и окольничьих, сотник опасался, что кто-нибудь из тех, кого он назовет, находится здесь. После нескольких дней неволи Авдулу хотелось жить. Для начала просто выжить. Когда же Васька напомнил его слова о существующем якобы заговоре против Москвы, сотник угрюмо обронил:

— Я так в Орде слышал.

— От кого? — спросил Димитрий.

— Многие говорили. Я сам отряжал охрану послов в Литву и Рязань.

— Еще куда были послы?

— О том надо спрашивать Мамая. Я простой сотник.

— Не такой уж ты простой, — усмехнулся Димитрий. — Когда я был в Орде, ты стоял на страже в ханских покоях. Аль забыл меня?

Авдул съежился. Скрывать, кто он, теперь не было смысла.

— Воин сменной гвардии знает больше тысячника, — продолжал Димитрий. — А сотник сменной гвардии знает больше темника.

Молчаливый синеглазый Боброк покачал седеющей головой:

— Так вон какого гостя залучил к нам Васька Тупик!

— Допускаю, все дела Мамаевы тебе неведомы. Но откуда были послы к Мамаю, ты знаешь.

— Были от Тохтамыша, Тимура, Ягайлы и Ольга, — покорно ответил Авдул. — О малых татарских и кипчакских ордах не говорю.

— Государь. — Князь Владимир Серпуховской блеснул из-под густых бровей стального цвета глазами. — Клевета — дело страшное. Надо предупредить князей о татарской брехне, чтоб головы не теряли, коли слухи до них какие дойдут. Да повелеть бы нашим людям — пусть слушают, что болтают бродяги, кои от Половецкого поля идут. Татары мастера смущать народ.

— Примем меры, — спокойно сказал Димитрий.

Авдул спрятал ухмылку. Ему показалось — московский князь не поверил и той малой правде, что была в его словах. Тем хуже для Димитрия.

— Придет ли Тохтамыш на помощь Мамаю? — спросил князь.

— Того не знаю. Но думаю — не придет.

— Почему?

— Тохтамыш чингизовой крови. Он не любит Мамая.

— Что говорят в Орде о силе Тохтамыша?

— Он был слабым ханом. Но теперь его поддерживает Тимур.

— Что об этом говорят в Орде?

— Говорят, Тимур опасается Мамая. Разгромив Русь, Мамай станет самым сильным ордынским ханом, даже сильнее Тимура.

Князья и бояре переглянулись.

— Значит, Тохтамыш и Тимур желают Мамаю поражения?

— Чего они желают, им лучше знать. Но я думаю — так. Однако Мамая победить нельзя. Золотая Орда предана ему, и враги Мамаю не страшны.

Димитрий усмехнулся, потом посуровел.

— Все ли тумены Мамай смотрел сам?

— При мне он смотрел одиннадцать туменов, но собирается смотреть и другие. Войско союзников смотрят его мурзы.

— Что показал смотр? Так ли сильны татарские тумены, как при Батые?

— При Батые я не служил, — сотник криво усмехнулся. — Однако я думаю, они не стали слабее. Смотр показал: войско готово к большому походу.

— Долго ли Мамай намерен стоять на Дону?

— То ведомо лишь Мамаю.

— Дозволь к нему вопрос, государь? — подал голос Боброк. — Скажи, сотник, много ли воинов готовит Мамай для боя в пешем строю?

Авдул метнул взгляд исподлобья, подумал, медленно ответил:

— Числа им я не знаю. Но думаю, что немного. Татары любят воевать на коне.

— Есть ли в войске осадные машины?

— Таких машин нет. Их тяжело возить летом. Есть мастера из Китая, Турции и западных стран. Они построят любые машины, когда потребуется.

Наконец сотника увели. Боброк задумчиво произнес:

— Всерьез Мамай готовится. И вести о найме фряжской пехоты, видно, верны.

— А ты думал, он пугает? — отозвался Серпуховской. — Все татары говорят как заведенные, что у Мамая семьсот тысяч войска. Сколько же на самом деле?

— Давайте прикинем хоть по себе. — Димитрий вдруг подмигнул князьям. — Мы вот тоже слух поддерживаем, будто в Москве у нас постоянно двадцатитысячный полк стоит. А нам и две тысячи, кои держим денно и нощно, в большую казну влетают.

— Не напугаешь ворога — не проживешь, — сказал Боброк. — Татары вон баб своих и детишек во время битвы сажают на коней и велят им на холмах маячить. А западные государи толпы крепостных гоняют за войском опять же для численности. И каждый трубит, будто у него тьма ратников.

— О, тяжко будет нашим потомкам извлекать сию истину, — улыбнулся Бренк. — Спрашиваю на днях одного грамотея: што ж ты, сукин сын, брешешь, будто Димитрий Иванович на Вожу тридцать тысяч воев водил? А он

мне: коли напишу, что было с великим князем десять тысяч, читать не станут. Какая там, мол, битва — потасовка. Человека, говорит, потрясти надо, тогда он станет веровать. Написал, говорит, тридцать тысяч наших, а татар втрое более, и все побитые, — так это и через сто лет прочтется с ужасом.

— Вот как выставит Мамай тысяч двести «пылинок» да «щепочек», тогда и выдумывать ужасов не придется, — произнес Димитрий. — То Орде по силам. А за Мамаем стоит Тохтамыш, за Тохтамышем — сам Тамерлан...

Задумались князья и бояре. Орда бесконечна. Сколько веков накатывают с востока грозные волны нашествий, и не ослабевает их сила. Кремень не выдержал бы, а Русь стоит. И такими вдруг нелепыми, немыслимыми показались собственные раздоры. Зачем бог отнимает у людей разум!

— Несть числа врагам, а бить надо, — жестко сказал Димитрий. — Коли соберем пятьдесят тысяч воинов — можно встать против степи.

Тихо стало в княжеской думной. Шутка ли — пятьдесят тысяч воинов! Не городских и удельных «тысяч» во главе с тысяцкими воеводами, в которых редко бывает более трех-четырех сотен ратников, а пятьдесят тысяч вооруженных бойцов!

— Тверского полка ждать нечего, — угрюмо сказал Бренк. — Михаил ждал случая показать норов, вот и дождался. Знает, ныне усмирять его не пойдем.

Димитрий косо глянул на Тупика, промолчал.

— Из Нижнего тоже полка не будет, — отозвался Боброк. — Может, какие охотники только. Там, правда, и не с чего собирать большой полк после всех разоров. С Рязанью тож ясно.

— Новгородские бояре молчат, вот што непонятно! — возмутился один из окольничьих.

— Непонятно? — Димитрий зло сверкнул очами. — Новгородские толстосумы на любой беде готовы наживаться. Чего им рисковать — Мамай-то Москве грозит, не им. Они и прадеда моего, Невского Александра, звали, когда уж шведы и немцы их земли жгли. Да и то еще неизвестно, позвали бы аль нет, кабы люд городской не взял их на вече за горло. У нас родина земля русская, у них же — мошна тугая. Для них Москва — только соперник торговый.

— Так где же мы возьмем пятьдесят тысяч, государь? Кто даст нам такое войско?

— Кто даст? А народ! К нему гонцов шлю ныне с приказом княжеским и словом церкви.

— Смерды? Холопы?

— Холопу и смерду родина не меньше дорога, чем тебе, боярин. А то и дороже, ибо его руками строится, его трудами кормится. Не в обиду тебе говорю, а в назидание.

— Я и не в обиде, государь, да не то хотел сказать. Дай смерду меч, да пошли биться — не думаю, чтобы меч ему здорово помог.

Тупик улыбнулся:

— Это смотря какой смерд! Видел я под Ордой одного казака чернобородого — он цепом молотильным так по татарской башке съездил, что она со шлемом вместе в плечи упала.

— Слыхал? — засмеялся довольный Димитрий. — И вот что, бояре московские, сами запомните да скажите другим: коли кто из господ владетельных хотя бы последнего холопа не пустит в ополчение охотником — голову отрублю! Вот этой рукой!

И все поверили: отрубит. И может быть, впервые русские бояре увидели в княжеской думной тень грозного русского царя. Не с того ли времени стали называть московских государей «грозными», вплоть до последнего потомка Димитрия — четвертого Ивана?

— Ты, Василий, три дня отдыхай да подбери себе десяток воев добрых — снова пошлю тебя под Орду. Не обессудь за труды тяжкие и опасные, то не мне — родине надобно.

— О том мечтаю, государь. И на сборы мне два дни хватит.

Димитрий проводил воина взглядом, посмотрел на воевод.

— С такими витязями да Мамайку не сломать!

На крыльце княжеского терема встретился Тупику человек в простой дорожной одежде. Вроде обыкновенный человек, благообразный, седоватый, видимо, не богатырь, но Васька остановился и поглядел ему вслед. Светлые, проникающие в самую душу глаза этого человека словно брали какую-то часть твоего существа и уносили. И смотрел он так, словно давным-давно все знал о тебе. Тупик как будто встречал его где-то...

IV

Родовое село служилого московского боярина Ильи Пахомыча одним боком прижалось к лесу, с другой стороны отгородилось от мира широким озером с низкими берегами. Боярин бывает в селе наездами — до Москвы верст за сорок, поэтому делами вершит староста Фрол Пестун.

Днем в селе пусто: одни ребятишки шумят на улице да от просторной закоптелой кузни непрерывно несется веселый звон молотков. Может, от той кузни и родилось веселое название села — Звонцы?

Шло к полудню, когда с подворья неказистой избенки выглянула любопытная бабка Барсучиха и позвала игравших «в кони» ребятишек.

— Эй, Татьянка, глянь, детка, што за топ конский?

Длиннокосая девчонка в пестрой набойчатой рубашке до пят вгляделась из-под ладошки в дальний конец улицы.

— Ктой-то чужой, бабушка, кафтан зеленый на ем.

Конь под всадником шел напористой, широкой рысью, размеренно покачивалась длинная пика, на самом конце ее трепетал огненный клочок.

Разглядев красный лоскут на пике, бабка испуганно перекрестилась.

— Скажи, мать, где мне старосту найти?

— В поле, батюшка, все нонче в поле — и мужики и староста.

Всадник соскочил с коня, прошелся, неуклюже переставляя затекшие ноги, подозвал ребятишек:

— Ну-ка, мальцы, кто сбегает мужиков позовет, тому пряник будет.

— Война, што ль, батюшка?

— Она, проклятая.

— С рязанцами, поди?

— Татары опять. И литовцы да рязанцы, слышно, с ними.

— Матерь пречистая, когда ж это кончится?

— Что ж, мальцы, пряников не хотите?

— Я побегу! — выкрикнула Татьянка, и вся орава устремилась за ней.

— Покажи мне кузню, мать, — попросил приезжий.

Бабка торопливо засеменила к озеру, за ней гонец повел коня в поводу, неся на плече пику.

Часа через два, когда гонец умчался дальше, возле сельской церкви собралась сходка. Мужики слушали старосту, комкая в руках шапки. Были тут не только звонцовские, многие приехали из окрестных деревень — грозные вести разносятся по земле как ветер.

— Ратаев зовет князь в свой полк большой, стало быть, и война большая, — медленно ронял слова староста, немолодой кряжистый мужчина с проплешиной на голове.— Должны мы одного кмета на каждые три сохи снарядить. Да вот еще какое слово княжеское боярин Илья Пахомыч передает со скоровестником. Зовет Димитрий Иванович всякого охотника в войско и о том бьет челом всему русскому люду. Кто в войско желает — становись по правую руку мою.

Молодой белоголовый парень, стриженный под горшок, хватил шапкой о землю.

— Где наша не пропадала! Послужим князю!

Загудели мужики, выскочил из толпы и стал рядом с белоголовым тщедушный мужичок в красной рубахе, звонко крикнул:

— Князь великий вам кланяется. Дождались дня светлого. Айда все к нам с Юркой Сапожником!

Бабы заголосили, кинулись к мужьям и сынам.

Тогда из толпы выступил звонцовский попик в темном подряснике до пят, поднял руку и, едва толпа затихла, певучим голосом заговорил:

— Послушайте, дети мои, какое слово привез мне гонец московский от отца нашего Сергия, игумена Троицы.

Люди качнулись к священнику. Не было в ту пору на Руси слова более авторитетного, нежели слово Сергия Радонежского, отрекшегося от жизни сладкой боярской, от почестей и славы ради веры православной, соединяющей сердца и княжества в один народ, своими трудами в суровых лишениях создавшего святую обитель в лесной глуши. Каждый православный мечтал побывать в Троице, этом русском Иерусалиме.

— ...Так слушайте, дети мои, слово святого Сергия...

Попик сделал паузу, глядя поверх голов слушателей, и заговорил размеренным, чуть отрешенным голосом:

— «Встретил я на площади града стольного княжьих отроков, что вывели на позор душегубов, по правде осуж-

денных, кнутами битых, железом клейменных, в колодки закованных, обреченных на муки вечные, как на этом, так и на том свете. Печатью каиновой были мечены их лица угрюмые, а глаза злобные, ненавистные, каждого встречного заели бы. Жалок и страшен человек, богом проклятый, людьми отвергнутый. Благословить сих падших рука не поднималась, будто камнем тяжким ее оковали...»

Слушатели тихо вздыхали и качали головами. В какую же страшную пучину может толкнуть человека злонравие!

— «...А спешил я во храм — помолиться за избавление земли русской, народа православного от грозной беды, что от степей половецких надвигается черною тучей. Так и прошел бы, стесненный душевным холодом, мимо отверженных, но в тот самый момент блеснуло в небе и над градом стольным раскатился глас, далекому грому подобный: «Отче Сергие, вот люди несчастные, коим дан лишь единый путь возврата к престолу господню. Укажи им путь божьей милости». Тотчас будто руку мне расковали, осенил себя крестом святым и на коленях вопросил небо: «Светлый посланец, с радостью исполню я волю Спасителя нашего. Но и ты укажи мне тот путь...»

Мужики и бабы начали торопливо креститься.

— «...Народ видел свет в небе, слышал глас небесный и вопрос мой, народ со мной молился и ждал ответа. И колодники молились о милости божией. Когда же снова возгремел глас небесного мужа, каждое слово его будто огненным уставом вписалось мне в память: «Тот путь — через битву кровавую с нечестивым Мамаем, с ордой его бесчеловечной, народами ненавидимой...» Отгремел глас далекий, и тогда вопросил я несчастных: хотят ли кровью своей и басурманской отмыть грехи великие перед господом и людьми? Осветились лица угрюмые, пролились из глаз чистые слезы, и все двенадцать колодников молили во прахе поставить их ратниками в ополчение. Так в войске великого князя прибыла дюжина бесстрашных воев...»

Голос попа дрогнул, слезы блеснули в очах; он продолжал:

— «Была среди осужденных жена падшая, нераскаявшаяся грешница, отравившая мужа и дитя свое...»

— Свят, свят, свят! — зашептали бабы, истово крестясь.

— «...Подползла она ко мне на коленях, протянула изможденные руки, железной цепью окованные, и стала просить в слезах: «Отче Сергие, ничего у меня не осталось, и жизнь моя постылая никому не нужна, разве лишь палачу? Так возьми эту цепь железную, отдай кузнецу — пусть он скует копье на врагов христианских. А меня пусть удавят, чтоб не тратить на преступницу ни железа, ни хлеба, ни воды, и стражу при мне не держать». Тряхнула она руками слабыми, и расскочилась цепь кованая, будто ее разрубили сталью булатной. Замер народ в изумлении. Поднял я ту цепь из пыли дорожной, поцеловал со слезами и отвечал горемыке: «Спасибо тебе, дочь моя злосчастная, за дар этот. Послужит и он святому делу». Тогда осветился ее лик страшный, и понял я: для нее тоже открылась тропинка к богу. Повелел ей постричься, принять схиму, и как случится битва — собирать сирот неприкаянных, спасать от гибели, растить силу для русской земли. И будет каждый пригретый ею ребенок шагом ко спасенью...»

Ревели бабы, смущенно сопели мужики.

— Велик господь милостью, коли и таких прощает!

Попик утерся рукавом, отвердел голосом:

— Передал еще нам Сергий такое слово: кто сложит голову за веру нашу, за русскую землю — чистым предстанет у престола всевышнего судьи. А кто исполчится на ворога со всей отвагой сердца и живым выйдет из битвы — тот начнет жить чистым, как бы сначала, все грехи прощает ему церковь православная. Тому же, кто сам пойти на битву не может, но поделится с русским войском добром, нажитым трудами, трижды тридцать грехов отпускается...

Староста откашлялся и заговорил:

— Значит, идут в поход мужики и парни, коим восемнадцать годов минуло. Другим не велено. Идем мы, значит, пешцами, конной рати у Димитрия Ивановича довольно. На троих-четверых ратников, значит, одна пароконная подвода. Для боярина припасы на его ж боярских конях повезем. Ратников сам поведу к боярину. Старостой за меня останется дед Таршила. Мужик он спокойный, сурьезный, забижать зря не станет.

— Согласны, батюшка! — в голос зашумели бабы.

Высокий, костлявый старик вышел из толпы, поклонился народу.

— Ты, господин староста, на меня не гневайся. Не гневайтесь и вы, сударушки любезные. За честь благодарствую, но принять не могу. Свой должок у меня за татарином. Пойду за сынка спрашивать. Выберите вы себе другого хозяина, а лучше того — хозяйку. Баба с бабами легче поладит...

Когда остались одни мужики, староста сообщил им княжескую волю: в Москву не ходить, но быть в Коломне в пятнадцатый день августа.

— Князь даст воинскую справу? — спросил кто-то.

Староста задумался.

— Князь наш запаслив, но коли со всей земли народ сойдется, где ж ему оружья напастись? Я думаю, со своим оружьем прийти нам должно.

Подсчитали свою справу. Топоры и медвежьи рогатины есть у каждого. Многие владеют охотничьими луками.

— Кистени сладим сами, а сулицы да ножи кузнец Гридя скует, — закончил староста. — Успеешь, Гридя?

Могучий чернявый мужик опустил кудлатую голову.

— Так ить... железы бы. Мало железы...

— За Пахрой, в Гольцове, кричник живет, — подал голос друг Юрки конопатый Сенька. — Послать подводу, в день обернется. У кричника завсегда есть железо.

— А ты думай: в Гольцове тож сборы.

Кузнец попросил внимания.

— Калену железу надо. Вот кабы у кого топоры, али серпы, косы там... Сошники особливо.

— Слыхали, мужики? Тащите к кузне все, что найдете из железа негодного.

— Пошто негодного? — крикнул белоголовый Юрка. — Нет железа добрее, нежель сошники. Беречь их ныне? Побьем татарина — новые скуем, а не побьем, так и сохи не нужны.

Дороже всех богатств оратаю добрый сошник, но слова Юрки одобрили.

В тот день в Звонцах после полудня никто не заваливался спать. По всем московским, муромским, владимирским, переяславским, костромским, ростовским, ярославским, белозерским землям, где князья отозвались на клич

великого князя Димитрия, люди не смыкали глаз от темна до темна, прихватывали и от коротких летних ночей, удлиняя день смолистой лучиной. Впервые от начала полуторавековой ордынской беды народ был своевременно предупрежден о надвигающейся из степей грозе, призван к оружию под единое знамя.

Звонцовские мужики потянулись к кузне. Попик окропил святой водой горн, наковальню и самого чернобородого хозяина. Молот загремел в кузне села Звонцы, перековывая орала на мечи. Два подростка, сменяя друг друга, раздували потертые кожаные мехи, белое пламя живым цветком росло из горна, набитого добротным древесным углем. Чернобородый отер лоб рукавом засмоленной холщовой рубахи, быстро взял с наковальни длинные щипцы с деревянными ручками и кивнул сыну. Семнадцатилетний богатырь тряхнул темным чубом и поднял кувалду. Пылающий кусок лег на наковальню. Молоток кузнеца мягко стукнул, следом коротко бахнул полупудовый молот, разбрызгав красные искры. Пошла ловкая, понятливая работа, будто задушевный разговор повели отец с сыном. Ни слова, ни лишнего жеста, ни взгляда — молоток указывал и объяснял, подтверждал короткими ударами, то одиночными, то сдвоенными. Под завороженными взглядами мужиков у кусков металла вырастали узкие стрельчатые крылышки, железо хищно вытягивалось, заострялось, становилось похожим на голову редкой и таинственной змеи огнянки, живущей на краю лесов и степей, нападающей исподтишка, молниеносно, жалящей насмерть. Кузнец снова подал знак сыну, тот опустил кувалду. Мастер сильными точными ударами подправил готовый наконечник сулицы, положил на самый край огненного вулканчика, где уголь дышал темно-красным жаром. Он внимательно следил за сменой оттенков металла, заставлял подростков раздуть мехи сильнее или тише и вдруг сорвал с пояса холщовый мешочек, потряхивая, начал сыпать в горнило какой-то буро-зеленый порошок. Пламя пригасло, потом вспыхнуло переливчатым зеленым цветом, мгновенно стало оранжевым, потом радужным, как петушиный хвост. Кислый запах ударил в ноздри, к черному потолку взвился клубок желтого дыма, а наконечники, только что красные как кумач приобрели жуковую синь. Кузнец выхватил из огня наконечники и побросал их в широкую корчагу из обожженной глины. В ней беззвучно плеснулось

жидкое масло, не то льняное, не то конопляное, примутненное дегтем и травами. Кузнец кивнул подросткам — отдыхайте.

Когда наконечники остыли в масле, Гридя достал их, один бросил в неглубокое корытце, наполненное серым густым киселем, другой протянул Таршиле.

— На-ка, отец, насади на древо.

На подворье кузнеца к стенке сарайчика были прислонены дубовые и вязовые древка разной длины. Дед быстро выбрал одно, насадил сулицу, закрепил медным гвоздем.

Мужики приглядывались к мишени — большому кулю из плотной дерюги, набитому песком и опилками. С одной стороны мешок обтянут длинным обрывком двухслойной кольчуги. Броня была басурманская, вязанная из крепкой стали, ее прислал боярин, чтоб Гридя мог испытать оружие, которое ковал для господина.

Иван Колесо примерился, отвел руку далеко назад и, сделав несколько быстрых шагов, послал копье в цель. Оно ударило в край кольчуги, отлетело в сторону, куль покачнулся.

Кузнец сам поднял копье, осмотрел наконечник.

— Однако, Гридя, — сказал дед Таршила, — слаб твой закал против басурманского-то, а?

Кузнец запустил пятерню в бороду.

— Не точена она. Ты наточи ее.

— Наточу. А другую сулицу спытать не хочешь?

— Та особо дело. Ей полежать должно. Да и не по твоей руке скована.

Дед задрал бороду, костистое лицо его нахмурилось.

— Сенька, подай-ка сулицу.

С неожиданной резвостью Таршила сделал короткую пробежку, копье свистнуло, куль качнулся и устоял, — сулица, пробив кольчугу, вошла в него по самое древко. Мужики, галдя, бросились вытаскивать.

Скоро в кузне снова заговорили молотки, и на широком Гридином подворье старый Таршила стал учить ратному искусству молодых мужиков. Через два дня, на утренней заре, из села Звонцы выступил на Коломну отряд из двадцати ратников с десятком подвод. В селе и окрестных деревнях остались только женщины, подростки, немощные старики.

В полдень звонцовские ратники встретили отряд из со-

седней волости, соединились, пошли вместе. К вечеру обоз утрясся, лишь у одной брички сломался деревянный обод колеса. Его быстро заменили, хозяин получил суровый нагоняй от Фрола. На привалах мужики первым делом осматривали повозки и коней, проверяли упряжь и поклажу. Ночевали у околицы лесной деревеньки о двух дворах, стали воинским лагерем с охраной, как подсказал Таршила. Фрол никому не велел отлучаться из лагеря, разрешил только принести воды да принять две корчаги молока от деревенских женщин, накануне проводивших своих мужиков в Коломну. При свете большого костра ратники, сняв шапки, уселись возле котлов. Семен, стоявший в охране, привел двух оборванных незнакомцев. Они опустились на колени перед Фролом. Заросшие худые лица, сухие голодные глаза, грязное тело под рванью.

— Боярин, возьми, христа ради, в войско, — попросил старший.

— Я вам не боярин. Кто такие?

— Беглые мы, холопы боярские, с-под Звенигорода. На Дон пробираемся, оголодали — моченьки нет. Прослышали от баб в деревне, будто Димитрий Иванович народ на татар поднимает.

Фрол сурово спросил:

— Есть на вас грех душегубства?

Старший замялся, младший решительно сказал:

— Не таи, батя, все одно узнают.

— Есть такой грех. Огнищанина, надсмотрщика боярского, прибили. Мало зверь был...

— Свой суд, значитца, учинили над огнищанином? Что же получится, коли всякий холоп станет свой суд вершить?

Поднял голос Ивашка Колесо:

— Мужики, велик их грех! А кто толкнул на него людей этих несчастных? И разве запамятовали вы слово святого Сергия, разве нет у них тропинки к богу и к людям?

Фрол веско сказал:

— Коли покаялись, можно еще верить вам. Своей и вражьей кровью грехи смоете. Дайте им место у котла.

На другой день, в самую жару, остановились на отдых в тени осокорей над ручьем. Едва достали калачи, из перелеска появилась дюжина рослых монахов. Все в чер-

ных подрясниках и клобуках, с медными начищенными крестами, в легких дорожных лаптях, на плече у каждого — увесистый ослоп. За монашеской процессией погромыхивали большие пароконные повозки с поклажей. Филька перекрестился, Сенька хмыкнул:

— Никак монастырь удирает.

— Благослови вас господь, люди добрые, — раскатистым басом пророкотал шагавший во главе процессии русобородый детина. Мужики вскочили, принимая широкое благословение. — Дозвольте и нашей братье на сей благословенной лужайке члены усталые отдохновением освежить, трапезу принять да водицы испить?

— Милости просим, отцы святые, — пригласил староста, подавая мужикам знак, чтобы освободили место над самым ручьем.

Сенька, щуря рыжие глаза, спросил:

— На молотьбу, што ль, собрались, батюшка?

— На молотьбу, сыне, на тое ж самую, что и вас ждет.

— Че ж вы с дубинами-то?

Монах подмигнул мужикам, ловко перебросил с руки на руку тяжелый дубовый ослоп.

— Господь наш не велит слугам своим ничьей же крови проливати — ни человеков, ни твари живой. Сие же дубие — оно бескровно, — и со свистом рассек воздух.

— Эге! — Сенька изумленно сбил шапку на затылок. — По мне уж лучше попасть под басурманскую секиру, нежели под «сие дубие».

Когда вышли на тракт, связывающий Коломну с Боровском, Фрол вел уже полторы сотни ратников. В середине колонны приплясывали двое бродяг-скоморохов, приставших к ополченцам. Один дудел в сопелку, другой, заламывая красную шапку, весело сыпал частушку.

Мужики смеялись.

Колонна шла разреженным лесом. Миновали дорогу из Москвы на Серпухов. Всюду были свежие следы колес и лаптей — валит в Коломну сила народная.

Из-за деревьев донесся пронзительный женский крик.

— Татары! Спасите — татары! — звали наперебой женские голоса.

Колонна остановилась, захрапели лошади. Неужели ордынцы уже пришли и хозяйничают на русской земле?

— Ой, мама! Спасите-е!..

Двое парней кинулись в кусты, Таршила держал в руке сулицу.

— Хватай топоры и копья! Всем за телеги! Стоять плотно, Ивашка, Юрка, глядеть за тылом!

В один миг полтораста ополченцев сомкнулись вокруг старого воина, ощетинились копья, сверкнули топоры, поднялись тугие луки. Из лесу приближались торопливые женские причитания и отдаленный конский топот.

V

Троих беглецов, уцелевших от отряда Авдула, Мамай велел доставить к нему.

— Жалкие шакалы, как вы смели бежать, бросить своего начальника?

Трясущиеся воины клялись, что русов было не меньше сотни, что сами они рубились до конца, что сотник приказал им скакать к Мамаю и сообщить: он выполнил приказ — сжег деревню, но сам гибнет в бою.

Мамай не верил ни одному их слову. Это были не его нукеры, а разведчики из передового тумена. Мамай скрипел зубами, оттого что доверил жизнь своего любимца какому-то сброду.

— Убили Авдула! Весь ваш проклятый тумен не стоит его жизни. Не русы его убили, а вы, он защищал ваши трусливые спины!

Воины целовали пыль перед повелителем — они знали, как в ордынском войске наказывается трусость.

— Я пощажу ваши жизни только для того, чтобы в первом бою каждый из вас убил трех русов. Не будет этого — вас казнят позорной смертью. Идите и скажите своему начальнику: пусть он по древнему обычаю монголов отрежет каждому из вас правое ухо. Да не думайте, что ваш повелитель забывает свое слово.

Пока беглецы, плача от счастья, отползали от шатра, один из мурз льстиво заметил:

— Наш повелитель способен даже робкого голубя превратить в ястреба. Теперь они будут драться, как тигры, и убьют не по три, а по десятку русов. Мы можем остаться без рабов.

— Пусть убьют хотя бы по одному! — вырвалось у Мамая.

Весть о гибели Авдула ошеломила его. Погиб один из лучших военачальников, которого он уже назвал тысяч-

ником и скоро сделал бы темником. Кроме того, к Авдулу он был привязан, словно к сыну. Не таится ли тут предостережение неба? Проклятая Вожа, она теперь постоянно течет за ордынским войском! Сколько еще рек на пути! И каждая напоминает о Воже. Не первый день он ждет московского посольства с дарами и словом покорности, от злобы ожидания велел разорить несколько пограничных деревень, чтобы напомнить русам о том, какая участь их ждет. Но вместо покорности — отпор в первых же стычках, вместо первых трофеев и рабов — семь ордынцев, и среди них Авдул. Так не бывало прежде...

После полудня к золоченой юрте под зеленым знаменем съезжались ханы и темники. Принятие Золотой Ордой магометанства изменило молитвы и многие обряды, но порядок жизни ордынского войска менялся медленно. Обычаи складывались веками, а тут всего полсотни лет прошло. Большой шатер, поставленный на возвышении, окружался юртами тумена, подчиняющегося непосредственно Мамаю. Вблизи шатра тесно стояли юрты дежурной охраны. Воины сменной гвардии носили особую одежду, всякий чужак виден был сразу. Даже темники и ханы орд не смели проехать на лошади за линию ближних юрт, их стража оставалась за чертой куреня, мурзы попадали под охрану «алых халатов» — сменной гвардии. Для многих это были самые тревожные в жизни минуты. Спешиваясь у последнего кольца юрт, военачальники молились зеленому знамени и медленно шли по ковру к жилищу владыки. Сам Мамай презирал ковры, но ковровые дорожки тешат честолюбие ханов, пусть думают, что Мамай оказывает им почет. Такой почет ему ничего не стоит.

В специальную щелку, замаскированную в складках шатра, Мамай следил за приезжающими. Руки его комкали стеганый складчатый шелк.

Первым появился Темир-бек, тумен которого Мамай приказал передвинуть вплотную к своему. Лишь теперь из своей засады рассмотрел Мамай, как громаден и могуч его новый темник. Вот он соскочил с широкогрудого, толстоногого жеребца и стал на колени помолиться зеленому знамени пророка, потом шел по ковру, набычив голову в поклоне, почти касаясь коленей кистями обезьяньих рук. Темное соколиное перо на остроконечном шлеме, темный панцирь под темным халатом, темные гру-

бые сапоги, даже ножны меча из черной кожи — сразу виден военачальник, собравшийся в поход. Не то хан Бейбулат, отпрыск чингизовой крови, хозяин небольшого тумена в пять тысяч всадников, главный наян, ведающий ярлыками на снабжение войска Орды. На нем зеленая чалма из тончайшего воздушного шелка, длинный халат попугайской расцветки, алые шаровары и замшевые зеленые сапоги с острыми загнутыми носками. К золотому поясу прицеплена дамасская сабля с алмазной рукоятью в узорных ножнах. А лицо крысиное, вытянутое от вечной злости. Теперь он не простит Темир-беку, что тот опередил его, чингизида Бейбулата. Идет тоже по-крысиному, мелкими злыми шажками, кажется, вот-вот прыгнет, вцепится в спину новоиспеченного темника. Сейчас бы неслышно подстеречь это злобное животное и рубануть по голове — даже рука заныла от желания. Мамай вдруг понял причину своей досады. «Я пощадил трех трусов! Почему я их пощадил? Почему лишний раз не показал неотвратимость смерти за воинское преступление? Велел отрезать уши — разве это наказание! Пожалел трех шакалов — да ведь у меня такого сброда полная степь!» Мамай чуть не застонал от ярости. Непролитая кровь трусов будет жечь теперь сильнее огня. Крови — вот чего требует неутоленная душа. Но приказа отменить нельзя — он не бросает слов на ветер.

В руках Мамая пополз, треща, крепкий самаркандский шелк. Только появление молодого хана со звонким прозвищем Алтын слегка отвлекло его. Этот влез своим редкостным, гнедым в яблоках, конем на край ковровой дорожки, швырнул повод в лицо нукеру, прибавив какое-то хлесткое словцо, небрежно поклонился зеленому знамени, двинулся по ковру неспешным шагом, будто в своем улусе. Богач, владелец лучших в Орде табунов, хозяин одного из отборных туменов и «принц крови», преданный Мамаю больше всякого другого человека в Орде, ибо ему и выслуживаться не надо. Шпионы доносили, что Алтын лишь издевательски хохотал в лица мурзам, пытавшимся намекать о его праве на золотоордынский престол. У него-то в улусе довольно и баранов, и коней, и золота, и вина, и женщин, а взваливать на себя заботы о всей Золотой Орде он не дурак. И Мамай на престоле его устраивает, ибо Мамай не чванливый чингизид, не ханжа и не хапуга, а к тому же силь-

ный правитель, за которым жить можно припеваючи. Будь такими все «принцы крови», Мамай не знал бы ночных кошмаров. Но Алтын единственный. Одна беда — красавец, крикун и пьяница. Каждую неделю устраивает буйные пиры, дерется с соседями, крадет у них лучших коней и женщин, а когда напивается — орет на всю степь, что они с Мамаем горой друг за друга и потому жаловаться на него бесполезно. Кто же будет жаловаться, тому он разобьет собачью голову. Тут есть правда, но зачем же кричать о ней так громко? Мамай не раз призывал Алтына к себе, сурово ему выговаривал, тот искренне винился, клялся стать разумнее, но, воротясь в улус, напивался, поднимал своих удальцов и устраивал набеги на владения жалобщиков. Мамай махнул рукой, лишь через доверенных мурз приказывал Алтыну возвращать пострадавшим захваченных людей и добро, если очередной набег оказывался слишком громким и вызывал возмущение в Орде.

Один за другим мурзы проходили к шатру, рассаживались на толстых шемаханских коврах, перекидывались друг с другом отрывистыми словами. Но прежде сдавали оружие телохранителям Мамая, и те относили его в отдельную палатку под усиленной стражей. Предосторожность была нелишней. Орда знала примеры, когда собранные на совет мурзы в пылу споров начинали рубить друг друга.

Наконец Мамай приказал старшему нукеру:

— Зови.

С ханского трона он следил, как мурзы рассаживаются на атласных подушках вдоль стенок шатра. Алтыну и Темир-беку он указал место подле себя. Бейбулат зло зашипел, шипение его подхватили, но Мамай свел брови, и стало тихо.

— Я призвал вас, чтобы напомнить одну из важных заповедей Повелителя сильных, — медленно, ровным голосом заговорил Мамай. — Никогда не считай своего врага слабым и всегда готовься к худшему.

— Неужели повелитель боится московского Димитрия? — ехидно спросил один из царевичей, сидевших недалеко от входа. — Пусть тогда повелитель вручит войско смелому полководцу.

Темир-бек поднял голову и уставился на говорящего неподвижным взглядом. Мамай не сделал ни движения.

— Я не боюсь Димитрия. Я боюсь тех ордынских военачальников, которые считают войну прогулкой, как считал ее Бегич.

Поднялся шум.

— Разве повелитель не видел, как мы подготовились к походу? — пропищал Бейбулат.

— Твой тумен, Бейбулат, подготовлен хорошо. — Мамай сделал паузу, заметив, что принц высоко задрал крысиную морду. — Другие еще лучше. Но войско на смотре и войско на войне — не одно и то же. Даже старые волки поджимают хвосты, когда бык не бежит от них, а бросается в бой, наклонив рога. Не кажется ли иным ордынским волкам жирный московский бычок совсем безрогим?

Напоминание о Бегиче, видно, поумерило пыл мурз.

— Не первый день стоим мы у Дона, а кто из моих военачальников ответит: где сейчас князь Димитрий? Что он замышляет? Сколько у него войска? Где оно? Ну?

Мурзы и наяны опустили головы под сверлящим взглядом Мамая. Наконец кто-то робко заикнулся:

— Повелитель сам командует войском Орды, ему известно больше, чем любому из нас.

— Повелитель знает многое. Но разве начальники передовых и фланговых туменов не должны ежедневно присылать мне новые вести о враге? Где эти вести?

После паузы заговорил старый темник Батарбек:

— Мною послано много людей в русские земли — высматривать, слушать, сеять полезные нам слухи. Но это пешие странники, от них вести приходят нескоро. Конные отряды, посланные в Московское княжество через рязанские земли, начнут возвращаться сегодня или завтра. Ближние разъезды сообщают, что в рязанских землях спокойно.

— Спасибо и за то, Батарбек, но в рязанских уже нет спокойствия. Теперь русы увидели ордынскую плеть, страх мы посеяли, и надо пока прекратить разорение ближних сел. Иначе в первые дни нам придется идти через пустыню. Пусть граница успокоится — тогда все будет наше.

Кулаки Мамая сжались до белизны — вспомнил Авдула. «Как же я мог пощадить трусов?»

— Что делается в рязанских землях, мне известно. Но кто мне точно скажет, где теперь Димитрий?

— Пойманный нами странник говорит, что Димитрий

от твоего гнева укрылся в Новгороде с женой и детьми, — голос Алтына.

— Наш человек Федька Бастрык, сидящий в земле рязанского князя, прислал своих людей с возами ячменя; они уверяют, что Димитрий собрал свой полк и затворился в Москве. Ордынцам будто бы никогда не разрушить новой московской крепости, — писклявый голос Бейбулата.

— Мои люди пытали пленного руса из воинской сторожи, и он уверял, что князь Димитрий с воеводой Бобреком отправились к другим князьям за помощью. Они не велят ни одному отряду покидать московские стены,— голос начальника передового тумена.

— Так. Две вести похожие, и они совпадают с моими.

— Повелитель! — снова заговорил Алтын. — Разве нам не довольно того, что Димитрий не хочет исполнять твою волю?

У входа зазвучали громкие голоса, откинулся полог, вошел запыленный сотник из сменной гвардии.

— Дерзкий! Как ты смеешь врываться на совет ханов? — зло выкрикнул пожилой чингизид Темучин, но сотник даже не глянул в его сторону.

— Повелитель! К тебе посол от московского князя Димитрия.

Мамай вскочил, вцепился в халат на груди.

— Где он? Где посол?

— Здесь. Я сам привез его. За ним идут люди с богатыми подарками, я приставил к ним нукеров. Они будут к вечеру.

— Давай посла!

— Он просит переодеться с дороги.

— Веди! Мне нужен посол, а не его боярский кафтан! — Метнул взгляд по лицам мурз, будто провел лезвием меча. — С послом говорю я. Всем молчать и слушать!

Вошел просто одетый русобородый, приземистый мужчина средних лет. Серые глаза его без удивления оглядели высокое собрание. Низко поклонясь Мамаю, ровным певучим голосом заговорил:

— Тебе, царю Золотой Орды, владыке восточных и полуденных народов, кланяется государь мой, великий князь Владимирский и Московский Димитрий Иванович. Он шлет тебе свои подарки и велит справиться о твоем здравии.

— С чем приехал, Захария? — резко спросил Мамай. Этого человека, опытного московского посла Захарию Тетюшкова, он не раз принимал в своей столице.

— Шлет тебе государь мой и золото, и ткани драгоценные, и соболей черных...

— Я не о том, — перебил Мамай. — Где ответ князя на мое письмо?

Захария распахнул полы широкого дорожного кафтана, извлек небольшой свиток пергамента, протянул с поклоном. Один из телохранителей выхватил свиток из рук посла, быстро оглядел, понюхал, хотел было передать придворному толмачу, но Мамай сам протянул руку.

— Дай мне.

Торопливо сломал печати, развернул грамоту, впился глазами. В первый момент лицо его отразило изумление, потом гнев.

— Твой князь не ошибся ли, посылая эту грамоту ко мне? Он не выпил ли перед тем крепкого меда?

Посол стоял перед Мамаем свободно и прямо — единственный невозмутимый человек в шатре.

— Мой князь не любит крепких медов. И грамоты он не перепутал. Князь Димитрий готов и дальше платить дань, какую платит ныне. О большем речи быть не может.

Слова посла вызвали яростные крики мурз. Еще миг — и его разнесут в клочья. Мамай властным жестом заглушил голоса.

— Ты, Захария, верно служишь своему князю. Не знаю, чем он тебя наградит за службу, но такого вестника, каким ты ко мне явился, вполне достойно то, что отпало от моей ноги.

Мамай сорвал туфлю, с силой швырнул в грудь посла. Лицо Тетюшкова осталось спокойным, лишь жесткая темень прошла в глубине серых глаз.

— А дары Димитрия я принимаю. Слышите, мурзы? Возьмите дары московские да купите на них плетей. Нынче много плетей нам потребуется.

Мамай упорно искал на лице посла смятение и страх, но не находил. Вот так же бесстрашно стоял перед ним и тот русский воин, схваченный в степи, которого он, Мамай, отправил к Димитрию с предостережением от непокорства. Они что, не боятся смерти? Чепуха! Смерти боится каждый человек. Но Мамай знал: бестрепетно смотрят в лицо врага люди, которые чуют за собой мощную силу. Ибо, умирая, они заранее знают, что смерть их

будет отмщена. Одно движение руки, и дерзкого посла поволокут в пыли — бить, топтать, ломать кости, рвать жилы. Убьют тело, а несломленный дух будет по-прежнему стоять перед глазами, и за ним — гневная сила отмщения. Ведь казнь посла способна разъярить целый народ. Трусов казнить легко, они не помнятся, храбрых казнить страшно — они навечно остаются в глазах с вызывающей, неубитой гордостью и презрением во взгляде. Какая все-таки загадочная и страшная сила — смелый человек!

— Не трогайте его, — крикнул гудящим, как разозленные осы, мурзам. — Посла не казнят. Посол говорит устами своего государя. Мы услышали дерзость улусника моего Димитрия, он за нее и ответит. Ты, Захария, смелый человек и в службе верный. Иди ко мне. Я сильней и богаче Димитрия, верных людей умею ценить. За туфлю не гневись — то награда за службу княжескую. За ханскую службу и награды будут ханские.

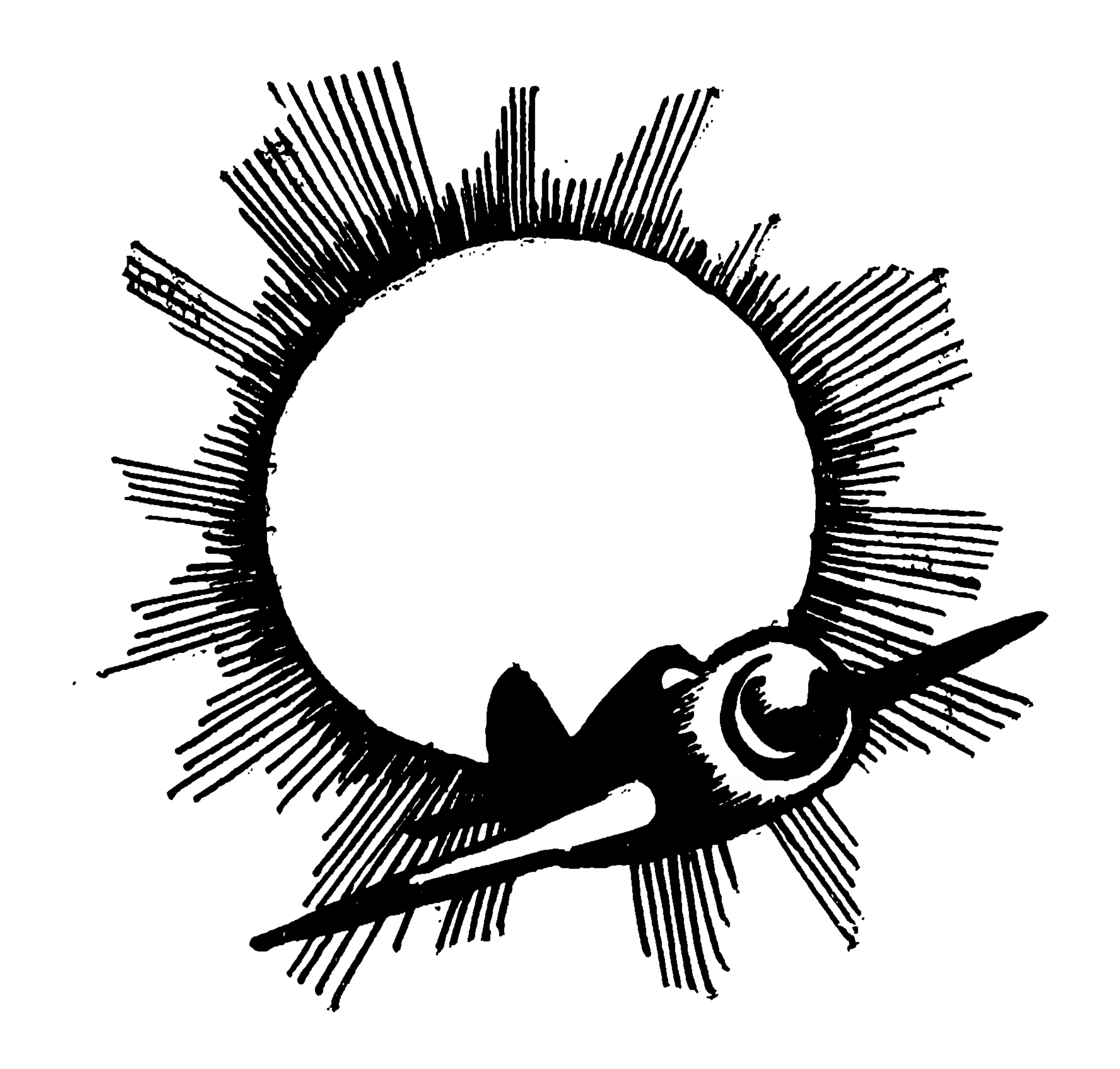
С тайным удовлетворением заметил Мамай облегчение в глазах Тетюшкова. «Не верил, что уйдет живым. И ты, московский посол, боишься смерти».

— Лестна милость твоя, царь, — сказал Тетюшков с поклоном. — Запомню твое слово. Но дай мне закончить службу княжескую, ведь Димитрий Иванович ждет.

— Так! Эта служба и мне нужна. Грамоту получишь завтра. А слово мое такое: своим улусам я знаю счет и сам решаю, сколько дани брать с каждого. Коли по молодости князь занесся и прогневал меня, пусть поспешит ко мне же с повинной головой, я прощу его, как заблудшего сына. А не придет — силой возьму и пошлю пасти верблюдов. Теперь ступай отдохни. Завтра здесь будет праздник сильных, съедутся богатуры со всех туменов. Велю тебе на празднике быть. Ступай.

Продолжение следует

Анатолий СОФРОНОВ

В ГЛУБЬ ВРЕМЕНИ

Роман для себя

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

В Европе порохом запахло,
Подземно тлели фитили;
И Чемберлен, как ангел чахлый,
Вдруг оторвался от земли.
Моя страна его пугала
И все, что рядом с ней шагало.
Он к Гитлеру единым махом
Отправился. Что не могли
Продать другие англичане,
Он продал все. И все смолчали.

Уже до страшного мгновенья
Не много лет, но грозен год,
Когда в июнь, под воскресенье,
Полнеба зарево зальет.
В ночи протяжной песней злою
Бомбардировщики завоют;
И города, леса, селенья
Жестокий пламень обоймет.
Тот год, и день, и даже час
Мы видим зримо и сейчас.

Мы часто это вспоминаем
Уже как зрелые мужи
И без запинки называем
Сражений прошлых рубежи.
Но только скольких, скольких нет —
Ушли в семнадцать, двадцать лет?!
Мы помним, любим их и знаем,
Они, как вешний цвет, свежи.
Как много лет с тех пор прошло,
Но время память не сожгло.

...Ты старше стал и много строже,
Но годы как ни пропускай —
С тобою Лебедев Сережа,

Первая и вторая части романа в стихах Анатолия Софронова «В глубь времени» были опубликованы в нашем журнале в № 6 за 1978 год и в № 8 за 1979 год.

С тобой Мисиров Николай;
И самый что ни есть ростовский
Дружок твой Саша Егоровский.
И сколько лет бы ты ни прожил —
Ты Мазана в ряду считай;
Еще один, и добр и светел,
Был Поляничко — друг твой — Петя.

Теперь, когда я вижу «Ниву»
Среди колосьев золотых,
Я вспоминаю нас, счастливых
И бесконечно молодых,
Тех самых, что комбайны эти
Рождали в первом пятилетье;
Еще не зная, что за диво
Рождается и в нас самих,
Тогда возник любимец наш
Завод-красавец «Ростсельмаш».

...И все же мы живем, не зная,
Что жизнь подбросит нам в пути;
И если что-то мы теряем,
То так, что больше не найти;
Еще, как дети, мы смеемся;
А завтра с другом расстаемся,
В кромешный ад спешим из рая,
Едва успев сказать «прости».
И все ж — пусть время быстротечно —
Друзья живут, как жили, — вечно!

...Всегда любя литературу,
Готовясь педагогом стать,
Я все же понял, что натуру
Мою не следует ломать.
Сдавал — не то чтобы отлично —
Я все экзамены прилично.
Но ректор, от природы хмурый,
Сказал, сумев меня понять:
«Я наблюдаю вас давно,
Преподавать вам не дано».

Так стал я лектором свободным,
Имея право выбирать,

Читать о том, что мне угодно,
И в дипломаты не играть.
Долой схоластику обзоров!
Лови горячность юных взоров,
Но не ищи в трудах бесплодных,
Чего не следует искать;
Литература, как погода,
От светотеней не свободна.

Вписал поэт когда-то строки,
Что «я на эМ», а вы «на Пе»;
В то время был он одиноким,
С тавром жестоким на судьбе;
Но так писать имел он право
И никогда не бил в литавры.
И подтвердили жизни сроки,
Что он пошел по той тропе,
Которая не зарастает,
Но непосильною бывает.

Не так-то памятников много
На площадях у нас в стране,
Но соблазнительна дорога —
Быть в центре, а не в стороне.
Бывает так, что классицизм
Становится игрой при жизни;
Шагнет от школьного порога —
И кажется — он на коне.
За кем идти? Все недалеко,
Весь путь — от Пушкина до Блока.

Куда торопятся мальчишки?
Ну, двадцать лет! Ну, тридцать лет!
А вот и сорок... Есть и книжки.
Но где стихи? Один портрет.
А впрочем, нет, портретов тьма.
Есть утонченные весьма.
Все вверх торопятся детишки,
Туда, где их не будет, нет!
Там только те, кого народ
Своею совестью зовет.

Так стал я лектором свободным...
А в личной жизни одинок —

Мог тосковать я как угодно,
Но изменить судьбу не мог...
И все же ниточка вязалась,
Когда с конвертом появлялась
Утрами мама в день холодный, —
Когда на крышах стыл ледок,
Опять зеленые чернила,
И с ними женский образ милый.

А милый образ вечно занят;
Серьезных операций ряд;
То лекция, а то экзамен.
А то все вместе, все подряд;
Похожи письма на отчеты,
Но все же в сердце ноет что-то,
Не знаю что: любовь иль память?
Но отвечал... И был не рад,
Что на листках, как совесть белых,
Писал не то, чего хотел я.

Письмом однажды Машу в отпуск
Я пригласил к себе в Ростов,
Ко мне закрыт был, видно, допуск,
Иль отчим Машин нездоров;
Сердечко, что ли, подкачало —
Так Маша мягко отвечала.
Рассматривал я долго опус,
Рыдать от смеха был готов.
Все больше становилось ясным,
Что я стараюся напрасно.

В те дни я Лену как-то встретил,
Был юноша высокий с ней,
Мальчишка в голубом берете —
Шли под руку, — куда тесней?
Меня увидев, засмеялась
И к юноше тесней прижалась...
Все правильно идет на свете,
Чем дальше, глубже и сильней.
Возврата нет и быть не может;
Как мир наш прост и как он сложен?!

А через день письмо-загадка.
Его не сразу я открыл;

Прочел на штемпеле: «Саратов»,
Но почерк незнакомый был.
«Я написать вам собиралась,
Да что-то все мне не писалось —
Но помню, помню час закатный, —
А мой спаситель не забыл?»
...Читал письмо... И мне казалось —
Русалка на волнах металась.

II

Перрон ростовского вокзала...
В который раз я здесь стою?
И рядом женщина стояла —
Не знал я спутницу мою.
Одета строго, старомодно,
Как, впрочем, ходят и сегодня.
Да и она меня не знала,
Встречая Настеньку свою,
Сединки густо на висках,
Гвоздики алые в руках.

Вот паровоз — коняга старый —
Прошел, шипя, не торопясь,
Обдал перрон горячим паром
И дрогнул, вдруг остановясь.
Увидел близко как во сне
Черты знакомые в окне...
И Настенька узнала нас,
К вагону подходящих парой.
Тут спрыгнула с подножки Настя:
— Ну, здравствуй, тетя. Вот я, здравствуй!

Казалось, из последних сил
Нас вез трамвай крутою горкой.
Понять пытаясь, кто я был,
За мной смотрела тетя зорко.
Но остановка...
— Все, Настасья...

Приехали... Гостюй на счастье.
Как видишь, так же за забором

Мой домик ставеньки раскрыл. —
И тут ко мне:
— Зайдете, может?
— Нет, не могу, сегодня сложно.

Прошла неделя... Вдруг раздался
Звонок.
— Да, Настя говорит.
Вы догадались?
— Догадался.
— Я заболела... Легкий грипп...
— Лежите?
— Нет, уже брожу,
Но места здесь не нахожу.
А как же вы? Ушел, расстался...
— А я подумал, что забыт?
Иль тетя входы все закрыла?
— Ну что вы... Тетя — ангел милый!

Поверьте, я совсем нормальна
И странностями не грешу;
Не посчитайте, что нахальна,
Но я о встрече вас прошу...
Вы не должны меня обидеть,
Хочу увидеть вас, увидеть,
Мне здесь тоскливо и печально,
И кажется — едва дышу.
Могли б дела на вечер бросить?
— Могу. У вас я буду в восемь.

...Вновь переулки и дороги,
Молчанья тягостный накал,
Как будто в долгом монологе,
Который я не постигал.
— За откровение простите,
Но как-никак вы — мой спаситель,
И потому не слишком строго
Меня судите...
Я молчал.
И — на беду или несчастье? —
Я слушал исповедь Настасьи.

— Вы спросите: «А как же с мужем?»
Ужели мною он забыт?!

Но в авиации он служит
И мирный быт сменил на быт
Военный, как всегда, тяжелый, —
Да, в авиацию ушел он,
Сказав: «Отечеству я нужен»,
И что в Монголию летит.
Простился с дочерью, со мною.
И улетел туда весною!

...Потом мы у крыльца стояли,
Не отпуская теплых рук.
Как будто что-то ожидали,
И Настя прошептала вдруг:
— Не знаю, Леша, что сказать,
Но вас хочу поцеловать...
За все... За все... И как встречали,
И потому что вы мой друг! —
...Дыхание почти у щек.
Движенье. И замка щелчок.

III

...У Насти отпуск все длиннее,
Живет у тетки как в раю.
Еще раз встретились мы с нею
И снова были на краю
Тех полуночных отношений,
Что носят имя прегрешений.
Так познавал я все полнее
Натуру глупую мою.
Но, к счастью, выдана путевка;
Отъезд. Кубань. Командировка.

Признаюсь, с неким облегченьем
Я отправлялся на Кубань:
Мои былые увлеченья —
Дымком подернутая рань;
Азовские — в тиши — лиманы
И в свете розовом туманы.
В кармане удостоверенье —
И ты свободен, словно лань;
Смотри, и лекции читай,
И беды сердца забывай.

...Бывает так — судьба прикажет, —
Тебя направят в те места,
Где ты бывал, запомнив даже
Не только легкие года,
Но, как к страницам страшной сказки,
К станице подъезжал Полтавской,
Что в дни и ночи саботажа,
Была надолго отнята,
Отторгнута от нашей чести
С райисполкомом и райкомом вместе.

Я помню день, что был неласков,
Когда на вороных конях
Неторопливо по Полтавской
Мы с рыси перешли на шаг.
Мертва станица. Мертвы хаты,
В дворах кастрюли и ухваты.
Нет красоты былой казачьей,
Все изничтожил злобный враг!
И страшно было, и тревожно,
И не запомнить невозможно.

Все было смято и разбито
Накалом классовой борьбы;
Как люди жили — все забыто,
Ничьей не сохранив судьбы,
У чернодосочной станицы
Уже ни центра, ни границы;
Все — словно кровью перемыто,
И до сих пор стоят гробы;
К вагонам темным, незнакомым
Бредут Советы и райкомы...

Теперь не надо обобщений
О том, что было и прошло.
Ушла навеки жажда мщенья,
Кулацкое минуло зло.
Как из бездонного колодца —
Кто где теперь — не отзовется.
И снова к жизни возвращенье
Меня к местам тем привело.
Но помню я немые хаты
И, как распятия, ухваты.

...Вот в эту старую станицу
Я ехал лекции читать;
Увидев молодые лица,
Я знал, что можно и мечтать.
Недавние красноармейцы
Теперь живут в Красноармейской.
Раздвинула свои границы
Станица, чтобы процветать,
Растить сады, цветы и нивы,
Ведь будущее справедливо!

Пусть помнят гордые потомки
Суровых дедов и отцов;
Пусть помнят все они о том, как
Был каждый к подвигу готов.
...Я выступал в избе-читальне
И видел жизнь и берег дальний,
И словно вел людей по тропке
К такой же повести донцов:
Ведь как была близка она —
Нам «Поднятая целина»!

И как-то отлегло от сердца,
Когда увидел в зале я
Видавших бой красноармейцев,
Признавших новые края,
История всегда сурова,
Когда идет от старой к новой,
Зато ворота, а не дверцы
Распахивает, не тая,
Пред теми, кто в огне сраженья
Душой постиг ее движенье.

...Читатель мой, в стихи и прозу
Упрямо входит жизнь сама;
Не только в ней шипы и розы,
Но опыт сердца и ума.
И сколько б ни писалось сводок,
Жизнь соткана из малых соток,
И виноград не только лозы,
Но и вино... И грусть письма,
В котором сказано так мало,
Когда прочтешь — вернись к началу.

...Быть на Кубани — и не вспомнить
Неизгладимые места;
Те берега, где бились волны,
Где юность ты читал с листа;
Все сумасшедшие рассветы,
Спросив себя: да было ль это?
И миг любви, как мир огромный,
Где жизнь проста и непроста...
Все дальше было очень просто:
Сел в поезд — и поехал в Хосту.

Я был обязан все проверить:
Не миф ли в сердце сохранил?
Увидеть скалы, желтый берег,
Что в жизни первый раз открыл.
Открыл, в душе не закрывая,
Все сохранив не забывая:
Дом деревянный, даже двери,
В которые тогда входил,
Где отчимом весьма суровым,
Как ученик, учен был словом.

Сошел с подножки осторожно
На землю ту, где я бывал...
Все дальше оказалось сложным —
Какой-то грохот долетал.
Где были домики когда-то —
Деревья выросли. За садом
Увидел я — кирпич положен,
И кто-то стену воздвигал.
Еще проделал полукружье,
Но тех домов не обнаружил.

Я ожидал — меня окликнут:
«Мол, что вам надо, гражданин?»
Но каменщик — с лицом открытым —
Все так же стену возводил.
И я спросил под рокот моря:
— Что строите?
— Да санаторий... —
Я к берегу пошел один,
Поняв: здесь к новичкам привыкли, —

Туда, где блестками сверкая,
Спешила волн лихая стая.

Хотел я в море окунуться,
Но пляж был дик и не обжит,
И руки — чувствовал — не гнутся,
И сердце — слышал я — дрожит.
Я камень взял и в море бросил,
Но он снижался как-то косо,
Параболой к волне метнулся
И тут же был волной накрыт.
Все сделав, что я загадал,
К вокзалу ходко зашагал.

Там первым делом телеграмму
Я Маше длинную послал:
«Был Хосте. Нашу панораму
Я возвожу на пьедестал.
И море наше незабвенно,
И все, что было, неизменно,
Я взял все это под охрану.
И целый день один скучал.
Нас море ждет душою всей.
Люблю. Целую. Алексей».

Затем с каким-то чувством смутным
Покинул хостинский вокзал,
По расписанию под утро
Опять Ростов я увидал.
Все было там на старом месте,
Но я ответных ждал известий,
И стало грустно, стало трудно —
Ответ — увы! — меня не ждал.
— Романтик ты, — сказала мама, —
Зря тратился на телеграмму.

Взамен нее тебе записку
Вчера Настасья принесла.
Скажу, Алешенька, что близко
Я к сердцу Настю приняла.
И рада, что с тобой сумели
Ее принять и обогрели;

А знаешь, тетя ей прописку
На случай сделать бы могла... —
...Я слушал мамины слова,
Но в памяти была Москва.

И я ответил:
— Все бывает...
Но хорошо известно нам,
Что адресаты выбывают
В командировки по делам.
А Машенька хирург готовый.
— Да, да, готовый... Чернобровый...
Тебя, Алеша, не смущает,
Что здесь живешь, а сердце там. —
Я отвечал ей в тон: — Со мною,
Оно... Но тронуто весною.

Но тут старушка почтальонша
Вошла и подала конверт
Листка березового тоньше:
— Зовут, наверно, на концерт?
Ну дай вам бог... — И удалилась...
Мгновение, как вечность, длилось.
Я вскрыл конверт — и тяжкой ношей
Легли слова на сердце... «Нет!
Не может быть...» И как от сна
В явь приходя, сказал: «Война!..»

IV

Летя военным самолетом,
Что транспортным зовут у нас,
Последние мои заботы
Я перебрал в уме не раз.
Одна неделя пролетела —
Я политрук политотдела;
Нас вскоре ожидает что-то,
О чем готов уже приказ;
Его пока не зачитали,
Но форму нам мгновенно дали.

...Но вот и путь далекий кончен,
Встречают нас в степи свои;

И было ожиданье точным —
Здесь где-то близко шли бои;
И госпиталь был близко, рядом
С политотделом... А за садом,
Что был пустынею испорчен,
Стояли танки. В ряд по три.
Вперед смотрели грозно башни
В день будущий, а не вчерашний.

Здесь все смешалось: крик надсадный,
Грохочущие тягачи;
У танков — ящики снарядов
И у палаток — кирпичи.
А я ходил еще без дела
У самого политотдела,
Смотря на белые халаты,
Как к неизвестному ключи:
А вдруг я встречу здесь Марию? —
Случаются же чудеса такие!

Меня позвали. Батальонный
Был предо мною комиссар:
— Вы Платов? Значит, эталонный, —
Чуть улыбнувшись, он сказал.
— Не родственник?
                                — Однофамилец.
— Неважно... Будьте, Платов, в силе.
Готовьтесь к бою!.. Те колонны
На ваших двинутся глазах.
Что ближе вам?
                                — Литература.
— Ну что ж, здесь храбрые натуры.

До боя да и после боя
Беседуйте с бойцами всласть,
С гражданской ваши все герои,
Тяните к нам оттуда связь...
А кто для вас любовь и совесть?
— Островский, Шолохов, Серафимович,
Фадеев...
                — Значит, я спокоен,
Крепка их над сердцами власть!

О Фурманове не забудьте.
Эх, Фурманов! Какие люди...

Тут батальонный улыбнулся
И руку мягко протянул;
Откозыряв, я повернулся,
Вздохнул и за порог шагнул.
А там скакали эскадроны,
Как в пору юности за Доном;
Все дальше в степь, как гром, тянулся
Железный приглушенный гул;
Особые меридианы.
Орлы. Пустыня и барханы.

За ними цирики шагали —
Лихие воины степей;
Чуть в стороне ряды стояли
Артиллерийских батарей.
Все по-хозяйски, все обычно,
И даже, кажется, привычно;
Но не видали эти дали
Такого скопища людей;
Так по особому решенью
Здесь во̀йска началось движенье.

Едва к танкистам подошел я
И направленье протянул,
Как напряжения большого,
Казалось, ураган подул.
И в ту же самую минуту,
Свернув у штаба резко, круто,
Машина с выдохом тяжелым
Остановилась. К ней шагнул
С крыльца еще один военный —
Он Жукова узнал мгновенно.

...Взревели танки, дымом черным
Барханы желтые закрыв,
И гул крутым обвалом горным
Перемещался за обрыв.
Еще обрыв. Еще пустыня,
С необозримыми пустыми
Курганами, почти крутыми...

Но вдруг разрыв... Еще разрыв —
Японцы бьют за Халхин-Голом,
И вот уже свистит осколок.

Японцы реку вплавь стремятся
На лодках с ходу пересечь,
Чтоб перебраться, окопаться,
Передохнуть, в кустах залечь,
Дух отвести и сил набраться,
И под прикрытьем авиации
«Банзаем» вдоволь накричаться,
И даже смертью пренебречь.
И вновь, опять пойти в атаку,
Не оценив того однако,

Что Жуков, мига не теряя,
Все подсчитал, все оценил;
От края — танками — до края
Он наступленья фронт открыл.
Теперь уже не шли на фланги,
А в лоб стремились наши танки;
И те, что грозно загорались, —
Шли в бой, и их огонь светил,
Как маяки в кипящем море
На желтом бешеном просторе.

Все глубже танки в степь вгрызались,
Японцев к берегу тесня, —
А что сгорели — оставались,
Лопаты гусениц вонзя
В пески, пропахшие соляркой,
Как будто в преисподне жаркой;
Подбитых мы тащить старались,
Подальше чтобы от огня;
От напряженья тягачи,
Как печи, были горячи.

И снова ночь легла над степью,
Чуть остывая от пальбы,
На берегу лежали цепью
Японцы, словно все забыв,
Они лежали отдыхая,

Того, что ждет, еще не зная,
И что взовьется к небу пепел
Их перечеркнутой судьбы;
Кто мог сказать им, что отныне
Им этой не видать пустыни?!

...И с авиацией, все вместе,
Рванулись танки, грохоча, —
За серо-дымною завесой
Я видел это с тягача;
Метались слепо самураи,
Рассудок под огнем теряя;
К мосту бежали — нет на месте,
Вода сомкнулась рокоча;
Бомбардировщики бомбили
И мост японский потопили.

А утром пятого июля
Закончен был тяжелый бой;
Те сражены, те потонули,
А тот помилован судьбой —
Остался жив, сидел на камне,
Все видел бой еще недавний:
Нет, не Цусиму мы вернули,
Вернули честь земли родной.
Блестел пустынно берег голый,
Восточный берег Халхин-Гола.

Отрыв широкие могилы,
Убитых положили в ряд,
Недолюбивших, добрых, милых,
Погодков, дорогих ребят,
Сожженных, пулею сраженных,
В разорванных комбинезонах...
Они любовь свою и силу
Вложили честно в страшный ад —
Не в Дантов ад, а в человечий,
Что был их мужеством отмечен.

Стояло над пустыней солнце,
И ветер над пустыней дул;
В тряпье мундиров у японцев

Величья отблеск потонул.
Они брели, едва живые,
От поражения слепые;
В глазах, как в узеньких оконцах,
Закатный луч едва блеснул.
И все же рады, рады были,
Что не дошло до харакири.

Когда-то было харакири
Концом естественным для них;
Кривой клинок — прощанье с миром,
Почет с печалью у других;
Которым (все ведь может статься)
Придется к этому добраться.
А эти молча проходили
Мимо монголок молодых,
Красивых, стройных, черноокиx,
Стоявших возле юрт широких.

И снова в штаб приехал Жуков,
За ним, со Штерном, Чойбалсан...
А в небе где-то, круг за кругом,
«Японец» «кренделя» писал.
Обнялись Жуков с Чойбалсаном
И улыбнулись чуть глазами,
Потом свели в пожатье руки,
И Жуков медленно сказал,
Облокотясь на стол устало:
— Недурно, кажется, начало...

Заметьте, как нахальны были,
Мост навели, и лодок тьма;
И нас в пустыне потеснили,
По-честному сказать — весьма...
Все было планово и точно,
Как будто вел один наводчик.
Старались нас разбить и били
Снарядами, в упор громя.
На правый берег перебрались
И даже за ночь окопались.

...Так у крыльца они стояли,
И каждый сам собою был;

И пряжки поясов сверкали,
И жадно Чойбалсан курил,
Плечом к перилам прислонился,
И вновь улыбкой засветился,
Затем сказал:
— А как им дали?!
Никто ж за речку не уплыл. —
И все смотрел счастливым взором
На замолчавшего комкора.

Потом и Чойбалсан и Жуков
Опять в армейский штаб вошли...
И в это время в небе звуки,
Как эхо дальнее, легли, —
И тут в «японцев» «ястребки»
Свои вонзили коготки.
И снова дробным перестуком
Мотоциклет вздохнул вдали,
Взлетел на каменных ухабах
И сразу замер возле штаба.

...Так пробыл я на Халхин-Голе
В сраженье первые три дня.
Короткой, но суровой школой
Дни эти стали для меня.
Об этом думал я в палатке,
Матраца разминая складки,
В ушах же все свистел осколок,
Что на тягач упал звеня...
Он до меня не дотянулся,
Упал и в сторону метнулся.

V

И самый первый час крещенья,
И все последующие дни
Запомнились соединеньем
Железной воли и брони,
Когда одно в другое входит,
Одно с другим контакт находит!
И я с особым вдохновеньем
Политбеседы вел свои.

Бойцы, бойцы... Я видел в них
Героев мной любимых книг.

...Прошел июль... На смену август
В пустыню знойную пришел,
Но тот же враг, и та же тягость
Держали нас за Халхин-Гол.
Держали прочно и натужно,
Как в дни войны бывает нужно;
Японцы приходили в ярость;
Как будто бешенства укол
Им сделал кто-то напоследок,
Чтоб рассчитаться с ними следом.

Тягач — почти что танк без пушки,
Он в бой, в атаку не идет,
Но напряженно у опушки
Своей он очереди ждет;
Когда же с танком что случится,
Быстрей коня он полем мчится,
Гремящий, грозный скороход.
И избегает танк ловушки
И гибели... И снова в строй
Войдет и выйдет — грозный — в бой.

А бой кипел... Мы шли поодаль,
За танками чуть позади.
Взвилась ракета. Это подан
Сигнал — противник впереди!
Бьет артиллерия прицельно
По танку каждому отдельно;
Здесь не случайная наводка —
Глаз от машин не отводи,
И вдруг удар... И взрыва гром —
И завертелся танк волчком.

Так оказались мы у цели,
Когда танкисты на земле
Еще дымились и горели
В огне кромешном и во мгле.
Вдвоем с товарищем упруго
Мы выпрыгнули вмиг из люка;
И цепью прихватить сумели

Горящий танк... В дыму, в золе,
Тряпье с горевших отдирали —
Танкистов к жизни возвращали.

Минуты... Страшные минуты, —
Одна задача лишь — уйти!
Я потянулся к крышке люка...
И вновь удар... И не найти,
Ни крышки люка и ни света...
В глазах темно... Лишь только это,
И кажется, что лапы спрута
Тебя хватают впереди,
И ты летишь куда-то в пропасть,
Теряя все — любовь и доблесть.

...Осколок голову поранил,
В двух сантиметрах от виска;
И плыло долго все в тумане,
И ныла правая рука.
В мозгу же все огнем горело,
И было, как чужое, тело;
Орла я вспомнил на бархане —
Где мирно плыли облака...
Орел крылом взмахнул, взлетел —
Куда? Заметить не успел!

Так день за днем прошла неделя,
Но если жив — то надо жить;
Стал подниматься я с постели,
Стал из палатки выходить.
Каким-то взглядом странным, острым,
Присматривался к нашим сестрам;
Они в глаза мои глядели —
О чем, мол, я хочу спросить?
А думалось с надеждой мне,
Что Маша рядом — на войне.

Однажды летчик-истребитель
Моим соседом стал. Внесли
Полуживым. Судьба на нити
Висела... Но его спасли.
Дней десять приходил в себя он —
Срывал в бреду могильный саван;

И мнилось: ангел-небожитель
Манил его к себе вдали;
Тем, может, ангелом хранимый,
Лежал, но жил он, недвижимый.

С каким-то смутным, странным чувством
Я на его черты смотрел;
Дитя легенды многоустой,
Я в нем узнать того хотел,
Кто мужем был той самой Насти,
С которым не было ей счастья.
И где здесь жизнь, а где искусство —
Ответить кто бы нам посмел?!
Я ждал, когда мой час пробьет,
В сознание сосед придет.

Его фамилию узнал я,
Он с Украины был: Манько;
Еще сестра о нем сказала,
Что в жизнь вернулся нелегко.
Но все ж вернулся... И однажды
С улыбкою, от шрама страшной,
Меня к постели подозвал он,
Спросил: — Мы близко ль? Далеко?
— От смерти, брат, уже далеко,
Но в небе, слышишь, тот же рокот?

И потому, дружок, мы там же...
А я вопрос задать могу?
Коли летал, наверно, знаешь
И Лапшина в своем полку.
— Еще б не знать?! Он мой дружок,
Лапшин сражается как бог;
О нем другого и не скажешь —
Уж он запомнился врагу.
В полку смелей его, пожалуй,
Едва ль найдешь... —
Мне легче стало.

VI

Как нам забыть сестричек милых,
Что возвращали к жизни нас,

Среди цветов пустыни хилых,
Ничем не радующих глаз!
Врачи все очень молодые,
Подтянутые и худые;
И не поймешь, что их хранило,
Откуда силы был запас?
И почему у Халхин-Гола
Врачи у нас мужского пола?

Уже здесь осень подступала,
И над барханами заря
Полынной лентой трепетала,
Холодным золотом горя.
Сраженья шли, не прекращаясь,
Но нам победу предвещая,
Курганы битого металла
Росли к началу сентября.
А мы? Пусть мы не воевали,
Но как солдаты — ликовали.

Сменялись ежедневно вести,
Все дальше в ночь брели огни;
Мы здесь, на новом этом месте,
Встречали радость не одни;
И кавалерии монгольской,
В атаке бешеной геройской
Врагов рубившей честь по чести,
Мы славу пели... А они,
Из боя рысью возвращаясь,
По-русски нам «ура» кричали.

Мы все здесь знали подноготно,
Любой приказ, как сердца зов;
Однажды в небеса две сотни
Поднялись наших «ястребков».
В ряды японские врубились
И, как орлы, над степью бились;
И это стало поворотом,
Победою в конце концов.
В пустыне факелы пылали —
Свое японцы отлетали.

Сказали нам врачи под утро,
Что наших сбили шестерых,

Что четверо на парашютах
Спаслись. Но не нашли двоих.
А кто погиб, еще не знали, —
Фамилий их не сообщали,
Но бой есть бой — мы понимали,
И их, как видно, нет в живых...
Одно нас слабо утешало —
Японцев двадцать отлетало.

И вот настало расставанье,
Собрав пожитки в вещмешки,
Томясь последним ожиданьем,
Мы вдруг почуяли шаги.
То Жуков шел и, как вначале,
Его мы голос услыхали:
— Спасибо вам и до свиданья,
Сражались честно, мужики.
Вы помогли друзьям-монголам, —
Мы не забудем Халхин-Гола!

В ответ послышалось нестройно
В густой неслыханной тиши:
— Спасибо, наш комкор достойный,
Как говорят, от всей души. —
И повторили дружно хором:
— Спасибо вам! С таким комкором... —
Но Жуков нас прервал:
— Довольно.
Мы отстояли рубежи.
Но сложно в мире, потому
Готовы будьте ко всему.

Тут он сердечно улыбнулся,
Махнул, не торопясь, рукой,
Пошел к порогу, чуть пригнулся,
Оставив в сердце непокой;
Тот непокой, что, растревожив,
Пройти сам по себе не может.
...И вот уже машинным гулом
Заполнен весь простор степной.
Прощай, Монголия, прощай,
Своих друзей не забывай!

Потом вагоном бесплацкартным
Отправились в обратный путь —
Как будто на огромной карте,
Пространства познавая суть:
Дальневосточные просторы.
Долины. Реки. Сопки. Горы.
Недаром с бешеным азартом
Японцы лезли грудь на грудь;
Японцы лезли... Надорвались
И как пришли — так и убрались!

...Я неотрывно у окошка
Как зачарованный стоял,
За бесконечною дорожкой
С немым восторгом наблюдал;
Земля моя, земля родная,
То желтая, то голубая,
Земля, что до сердечной дрожи
Волною плещет, как Байкал;
Мы за тебя недаром бились
И новым светом озарились.

Вошел мне в сердце мир таежный —
В красе могучая Сибирь,
Многообразный, многосложный,
Темно-зеленый грозный мир;
По бесконечным переулкам
Грохочет поезд длинно, гулко, —
И только здесь постичь возможно,
Откуда слово «богатырь».
Еще впервые понял я,
Что «сибиряк» ему родня.

...Я из Японии однажды
В Москву, на родину, летел;
Прильнув к окошку взглядом жадным,
На Тихий океан глядел;
И вот тогда хотелось все мне
Вновь воскресить, увидеть, вспомнить
Тот год в Монголии отважный,
В котором сразу повзрослел;
Прошедший боевую школу
В сражениях у Халхин-Гола.

В полете том навстречу властно
Наш берег приближался к нам;
Он фронтом подступал согласным,
Соединенным по полкам
Дубов и кедров, сосен стройных,
Которые стояли строем,
Как в годы те — огнеопасно,
На радость нам, назло врагам,
Летел. Смотрел. И свято верил
В тайгу. В прибой. В высокий берег.

Я верил в то, с чем годы прожил
И что осталось за спиной;
Что на моей дубленой коже
Запечатлелось синевой,
Татуировкою матросской,
Рельефно видимою, броской;
Что принимаешь ты без дрожи,
Когда она всегда с тобой,
Как будто выбита на камне
Напоминанием о давних

Событиях, уже прошедших,
Истории, к которой ты,
Свой поиск жизни честно ведший,
Когда-то проложил мосты
И удивлялся тем тревогам,
Путям тем трудным и дорогам,
Что шли, час от часу не легче,
Чтоб не сбылись твои мечты;
Чтоб ты довольствовался малым
И вся б страна твоя пропала...

Война гражданская. Разруха.
Блокад железное кольцо;
Дружков фальшивых, нищих духом —
Их двоедушное лицо;
То с «правою», то с «левой» фразой,
А то и вместе, чтобы разом
Народ, поверив грязным слухам,
Приветив сердцем подлецов,
Сам не заглядывал бы в дали.
Ушло ли это? Навсегда ли?

...А поезд шел... Хребет Уральский —
Бесценный наш и вечный клад;
Он синеву волной байкальской
Все дальше относил назад;
Но прежде чем промчаться мимо,
Показывал необозримо
Пожар рассыпчатый бенгальский —
Мартенов огненных каскад;
Уже тогда в громах Урал
Победу грозную ковал.

Прощай, Урал! Ты — щит России,
Тобой горда моя земля;
Стерня. Колосья золотые,
Простая любушка моя.
Да нет, шучу я, не простая,
А мудрая и молодая;
Сто раз ее мечом косили;
Она ж, отваги не тая,
Всех опрокидывала грозно,
Не слишком рано, но не поздно.

...Вокзал Казанский. Пересадка.
Мгновенье — и другой состав.
А может, надо б задержаться?
Но действует еще устав
Военный... Едем, мчимся дальше,
А может, это лучше даже —
Вдруг Маши нет? Вновь боль, досада...
А так — проехал, не застав.
Известно всем: она слепа,
Раба покорного судьба.

И все же было странно ехать,
Так, в неизвестности, домой...
Повязка... Что же, не помеха,
Все остальное стороной.
Как в поле чистом, ветродуи
Тебя тревогами обдуют.
А вдруг? А может быть, для смеха
Тебя припомнит ангел твой?
И вдруг свои протянет длани,
Фронтовику пришлет посланье?

Но вот Ростов. Вокзал. Оркестр.
Звучанье труб. Тарелок звон.
С дальневосточниками вместе
Спускаюсь молча на перрон.
И мама... Вот она, родная,
Все та же будто, но седая!
Целует... Гладит — все на месте —
У материнства свой закон.
— Повязка, мама, это так...
Царапнуло слегка... Пустяк...

Мы входим в дом: — Ну, как живете? —
А мама — в сторону глаза...
А день в осенней позолоте,
И серебром блестит слеза.
— Что, мама, встречу омрачило?
— Несчастье, Лешенька, случилось.
Лапшин погиб на самолете...
— Так это он?! Пришла гроза...
В последний день... В разгаре боя...
Погибло, мама, только двое.

А в небе было наших двести,
Смертельный бой... Последний срок.
Да, мама, тяжкое известье...
А как же Настя?
— Недалек
Ее приезд... Звонила тетя,
Поведала свои заботы.
Решила с девочкою вместе
Найти для Насти уголок...
Ах, Леша, Леша... Все несладко... —
Меня трясло как в лихорадке.

— А как же письма? Письма были?!
— Да, в общем, были... Есть одно...
Прости, но я его открыла,
Мне не понравилось оно.
— Да где письмо?
— Письмо — досада...
Тебе б читать его не надо...
Тебя в нем грубо оскорбили,
А это нам не все равно,

Но если уж заговорили —
Письмо от отчима Марии.

VII

Конверт в руках... «Читай, Алеша, —
Я с грустью сам себе сказал.
Казалось, что на плечи ношу,
А не письмо я в руки взял. —
Тебя почтил посланьем отчим, —
Ты что-то стоишь, между прочим!
И потому — читай без дрожи, —
Ты в жизни всякое читал...»
И, машинально сделав шаг,
Письмо я вынул не спеша.

Ну, обращенье... Пропускаю.
Профессор. Вежливость сама;
И в тайный строчек смысл вникаю,
Хоть все мне ясно из письма.
«Марии нет, она в отъезде,
И пишем с мамою мы вместе,
О встрече с вами вспоминая,
И трогательно, да, весьма».
Да, он и тут не смог без фальши.
Однако же читаю дальше.

«...Найдете, верим, примененье
Своим талантам вне Москвы —
Такое с мамой наше мненье —
Тем более приятны вы
Девчонкам, до стихов охочим
(Сие мы знаем, между прочим).
У вас иное назначенье,
Нам кажется, что мы правы,
У вас великая стезя,
Вам уходить с нее нельзя.

Я вам советую, любезный,
Найти себе другой причал,
Который ваши б интересы
Всем сердцем смело защищал,
Скажу по совести: нам жалко,

Что станет вдруг провинциалкой
Мария... Подвиг бесполезный
Финал бы сей обозначал;
И мы не можем, да, не можем
Представить это все без дрожи.

Обязан к этому прибавить,
Что у Марии есть жених,
В строку я это мог не ставить,
Но есть согласие у них.
Не юноша, но муж достойный,
Уравновешенный, спокойный.
Пока, быть может, и не славен,
Но где же слава у других?
Его — и это вне сомненья —
Вы видели в тот день рожденья...»

...Я отложил письмо... Подумал:
Ведь так и вправду может быть;
Слагаемые данной суммы,
Пожалуй, и не разделить.
На первый взгляд здесь все логично;
Лишь кое-что категорично;
Но думай ты или не думай —
От правды лжи не отличить;
Лишь подозрительна весьма
Тональность данного письма.

Но дочитаем: «...Понимаю,
Вы зададите мне вопрос:
«А вы при чем? Не понимаю!
С чего писать-то вам пришлось?»
Отвечу сразу: Маше трудно
Все объяснить вам. Неподсудна
Она. Что-что, а это знаем,
Ребенок все же с нами рос,
И мы храним его в беде!
Примите... Будьте... И т. д.».

А я сидел и улыбался —
Юмористический рассказ:
Каким он был — таким остался, —
Пенсне его и хитрый глаз.

Зачем мне голову морочит,
Доброжелатель мудрый, отчим?
К чему письмо? Перестарался,
Как говорится: все для вас.
Но как же Маша? Где ответ?
Известно все ей или нет?

Еще подумал я о связи
Времен, событий, личных дел,
Что, видно, мне судьбой заказан
Пессимистический удел.
Ведь, в жизнь входя, я выбор сделал,
И я уверен, что умело;
О том, что с Доном прочно связан,
Еще ни разу не жалел!
Да это ж чушь! И просто бредни!
Не верю отчима обедне!

Нет, нет! Не надо и стараться
Всю подноготную искать.
Не надо к смыслу добираться,
Письмо на части разлагать.
Не надо? А жених? Жених-то,
Каким сюда внесен он вихрем?
Ведь жениху уже не двадцать?
Как это все мне подсчитать?
И я сказал себе: спеши
Всю правду отличить от лжи.

Здесь в сердце мне толкнулось что-то
И в потрясенье привело:
Нельзя, нельзя так безотчетно
Фальшивкам верить! Это зло,
Оно — как червь березу точит...
А червь-то кто? Да тот же отчим!
Прочь все тревоги и заботы!
Да как же прочь? Ведь обожгло
И душу мне разбередило!
И сердце, как мишень, открыло!

И в это время дверь открылась,
И мама в комнату вошла.
Закрыла дверь. Остановилась,
Слов нужных сразу не нашла.

— Не бойся, мама... Все в порядке,
Я изучил сей пасквиль гадкий!
Мне, мама, смерть в бою грозила,
Да вот добраться не смогла,
Не верю клевете и дряни
И буду жить, как жил я ране.

А мама про свое:
— Ты встретишь
Еще любимую свою;
Бывает все на белом свете,
И в жизни, Леша, как в бою;
Ты там был ранен... Здесь ты ранен...
Любовь не отпевай заране;
Она еще, сынок, засветит,
Я слово матери даю.
Не только матери... И друга.
Найдет еще тебя подруга.

А этот пасквиль брось подальше,
Не знаю, больше в нем чего, —
То ли злодейства, то ли фальши,
А может, поровну всего.
Ты был всегда и будешь честен,
И как всегда, мы будем вместе;
Ты стал солдатом... Ты на марше
Надежд и счастья своего. —
...У мамы слезы засверкали
И больше слов мне все сказали.

VIII

Какой был год? Какое время?!
Тридцать девятый сложный год!
И рейх расправиться со всеми
Хотел на тыщу лет вперед.
Все больше нечисти фашистской
Ползло, к нам подбираясь близко.
На все народы это бремя
Легло... И что еще грядет?
Кричал с трибун, как паралитик,
Под рев фанфар безумный Гитлер.

Тогда же по его указке
На Польшу двинулась орда;
И этот топот, эти каски
Там не забудут никогда.
В каком-то бешеном накале
За рядом ряд они шагали,
Как страшный сон из страшной сказки,
Чума проклятая, беда.
Все было дико, все ужасно,
Все человечеству опасно.

В ту осень вместо листопада
Летели бомбы — свист и вой.
Дома, и храмы, и ограды —
Как прах в дыму на мостовой.
Разбита древняя Варшава,
И на развалинах кровавых
Справляют пир, ведут парады
В час этой скорби мировой,
Еще не ведая расплаты,
Не глядя вдаль, где Сорок Пятый.

Минул октябрь... Наступала
Уже предзимняя пора.
И на проспектах замелькала,
Тепло одевшись, детвора.
Крича, бежали дети в школу,
И слышен был их смех веселый,
Для них пока судьба хранила
С родителями вечера,
Еще отцы и мамы детям
Рассказывали обо всем на свете.

Однажды в ноябре, под вечер,
Когда весь дом уже затих,
Сказала мама:
— Время лечит
Не только близких и родных.
Настасья едет к нам с Наташей,
Чтоб жить теперь в Ростове нашем.
Пусть будет тем приезд отмечен,
Что вместе с тетей ты их встретишь.
Я говорю тебе, как быть —
Ты должен чуткость проявить.

Все — словно первое знакомство...
А впрочем, что же? Это так.
Здесь нет рисовки, вероломства
И фальши даже на пятак.
Что эта встреча означала,
Когда в ней не было начала,
Для нас и даже для потомства,
Лепечущего кое-как...
...Вот паровоз. Перрон. И люди.
Что ждет кого? Что с каждым будет?

Настасья в тамбуре красивой
Мне показалась в первый миг...
Но встреча вышла молчаливой
И трудной... Только тетин всхлип
Раздался на груди Настасьи,
Чтоб здесь же выплакать несчастье.
И тут же словно все забыла...
И вот уже раздался крик:
— Берите на руки Наташу,
А мы возьмем вещички наши...

Такси, сердца не беспокоя,
Без опозданья подошло;
И нас ростовскою горою
Неспешно к дому повезло.
Стоп. Остановка. Все знакомо.
Такси умчалось. Мы у дома.
Но почему-то сердце ноет,
Как будто что произошло.
На Настю обращаю взгляд —
Молчат глаза ее, молчат.

Беру с асфальта чемоданы,
Вношу их в старый тетин дом...
Пока с Наташей тетя чай нам
Готовит, разговор ведем:
— Все, что вам раньше не сказала, —
Вздохнула Настя, — явью стало;
Есть в мире правды и обманы... —
И вновь молчанье. А потом,
Вдруг страшные найдя слова,
Сказала: — Я теперь вдова.

Вдвойне теперь мне одиноко,
Как ни храбрилась я, все так. —
И тут я буркнул: — Не далёко
Живу от вас я. (Ну, дурак!
Как будто только в этом дело?!)
Так просидели вечер целый.
— Ведь вы свободны, словно сокол,
И для меня теперь как брат.
Но вы не бойтесь, я не стану
Испытывать вас неустанно.

Так разошлись мы в первый вечер —
И я был просто потрясен
Ее почти нечеловечьей,
Неженской выдержкой...
Вдогон
Она мне крикнула: — Алеша,
Мне стала жизнь вдвойне дороже. —
...Но мне ответить было нечем —
Есть в жизни странный, но закон:
Живешь, пока ты грудью дышишь,
Мир видишь весь и песни слышишь.

Мы снова встретились нескоро.
Декабрь пришел. День больше гас.
Казалось, где-то семафоры
Закрыли все пути для нас.
Огни запретные горели,
Чтоб мы не торопились к цели,
Мы словно шли по коридору,
Где комнаты все не для нас...
Так дни летели, как во сне,
А Настин голос жил во мне.

Однажды Настя позвонила
Почти в рассветной тишине:
— Алеша, вас не разбудила?
Но здесь я — как в чужой стране. —
И, слов моих не ожидая,
Сказала:
— Просьба есть такая... —
И тише вдруг заговорила:
— Вы не скучаете по мне?

— Скучаю, — Насте я сказал...
Остановился. Помолчал.

Потом ответил:
— Погуляем,
Мне тоже надоел мой дом... —
И вот с Настасьей мы шагаем
Декабрьским вечером вдвоем.
И кажется — идем по кругу,
Но отстраненно друг от друга;
И что-то, кажется, скрываем
И затаенно что-то ждем;
Ждем молча, трудно, напряженно
И, словно ночью, затемненно.

Но тут она остановилась
И обернулась вдруг ко мне:
— Вы знаете, я научилась
Жить, как на медленном огне,
Без рук мужских... Без слов, без ласки...
Привыкла... Но не все ж погасло.
Все кажется — с дороги сбилась,
Плутаю где-то в стороне;
Хотите? Я самозабвенно
Открою все вам откровенно.

Казался мне Лапшин Василий
По первым встречам всем хорош;
Так, без особенных усилий,
С ним поженились... Ну и что ж?
Мы были счастливы недолго,
Любовь, Алеша, с чувством долга
Порой не сходятся... Красивый
И внешне, кажется, пригож.
А толку что? Всегда в полете,
Его вы дома не найдете.

Зайдет, бывало, поцелует
И снова — сокол на лету.
«Прости, Настасья, ветер дует
Попутный... Сбор опять... Иду,
Поскольку есть я истребитель, —
Пошутит, — вы меня не ждите,

По мне уже Луна тоскует,
Ночной полет... Мне — в высоту».
А что жена? Жена одна,
На то она и есть жена.

Я с ним пыталась объясняться,
Но это — словно в пустоту:
«Настюша — время авиации,
Осваиваем высоту».
«А на земле же как, Василий?» —
«Настанет время, все осилим».
...И как-то стала я меняться,
И чуяла: уже не жду
Его, как прежде ожидала, —
Наташа все мне заменяла.

Наверно, это святотатство,
Что вам все это говорю;
Я ж представляю, как он дрался,
Каким в последнем был бою.
Посмертно наречен Героем...
И я кляну себя порою,
Что не могу никак собраться,
Обиду вытравить свою...
Не се́рдитесь? Мне легче стало,
Что думала, то вам сказала.

И как-то замолчала сразу,
Прервав горячий монолог:
— Спаситель слушать все обязан,
Чтоб лучше разобраться мог.
Сейчас не требую ответа,
Но все ж надеюсь, что на это
Найдется время... И не фразой
Ответите вы мне однажды,
А так же честно и отважно.

...Не очень часты были встречи,
Но все ж случалися они...
Так новогодний выпал вечер,
На нем мы были не одни;
Среди друзей моих давнишних

Мы были в эту ночь не лишни;
На елке догорали свечи,
Светили празднично огни.
Дружок поднялся и: — За счастье! —
Сказал: — За ваше счастье, Настя!

Все поднялись. С вином бокалы
Содвинули, в тиши звеня, —
Друзья мои, дружки — нахалы, —
Как все смотрели на меня?!
«До дна!» — «До дна!» — «Чтобы
ни капли!» —
«Чтоб силы наши не ослабли!»
И Настя вдруг ко мне припала,
Серьезность кое-как храня,
Бокал к бокалу поднесла —
До дна, что было, допила!

...Оставив шумное застолье,
Мы вышли с Настей на мороз,
Не улица была, а поле,
Не небо — а потоки звезд.
Как на рождественской картинке —
Все чисто, бело, ни соринки, —
Живи без горя и без боли,
Бери, что Дед Мороз принес.
— Зайдем к тебе... Поздравим маму.
— А мамы нет... Под праздник самый

Уехала в Воронеж к брату
Встречать с родными Новый год.
— А где ж нам ночи быть остаток?
На улице мы превратимся в лед...
Пойдем к тебе! Грешно прощаться,
Хочу я до утра остаться
С тобой... — И смотрит виновато,
И под руку меня берет: —
Твое крыльцо уже знакомо.
— Да, Настя, мы почти у дома...

Ключ щелкнул в воздухе морозном.
Открылась дверь, и мы вошли;
На белой скатерти узорной
Записку мамину нашли;

Открытку с праздничным обводом:
«Желаю счастья! С Новым годом!»
— Алеша, все еще не поздно,
Пришли мы раньше, чем могли.
Налей бокал! Пусть будет полным! —
Налит... А дальше — волны, волны...

...Так было тихо этим утром,
Лежал на крышах в искрах снег,
Деревья инеем окутав,
Входил, казалось, новый век.
И думалось: «Пусть вечно люди,
Как в новогодье этом, будут,
И, чтоб ничто не перепутав,
Был Человеком человек».
— Алеша, — прошептала Настя, —
Я счастлива... А ты?
— Я счастлив.

Так дни совсем другими стали.
И сердце стало отходить
От горестей и от печали,
Что трудно было заглушить;
Все ближе Настя с мамой были,
А впрочем, раньше полюбили
Они друг друга... Не искали
Ответа, как им дальше жить,
И Настя вся преобразилась,
Как будто изнутри светилась.

Мне было с Настей и привольно,
И по-весеннему легко;
И даже, да, почти не больно,
От сердца что-то отлегло.
И все ж в бессоннице ночами
О странном думал я молчанье,
Сам понимая, что довольно
Ходить так в мыслях далеко;
В бессонные часы ночные
Мне виделись глаза иные.

Шло время... Мама понимала,
Что сына та же мысль гнетет,
И как-то вечером сказала:

— Живешь, Алеша, будто ждет
Тебя Мария? Если б ждали,
Письмо давно бы отписали;
Я, Леша, тоже ждать устала
Исхода всех твоих забот.
Тебе, сынок, решиться надо,
Ведь счастье, Леша, близко, рядом.

Чего ты ждешь? Чудес не будет.
Не выдают их про запас...
Или ты Настеньку не любишь?
— Люблю, — сказал я в первый раз;
И показалось в самом деле,
Что где-то близко я у цели,
Рву ленту финиша я грудью,
Сиянье вижу женских глаз.
Пусть будет Настя, думал, Настя!
Ведь счастье наше в нашей власти!

Когда сирени запах пряный
Заполнил город до краев —
Как фильм старинного экрана,
Картина вышла про любовь;
Все было в нашем доме старом:
Пирог, чаи и самовары,
Друзей заздравье... Фортепьяно,
И старых песен вечный зов;
И тетя плакала, и мама —
Счастливой свадьбы панорама.

Но что меня совсем сразило —
Глаза Настасьи! В них была
Такая неземная сила,
Что сердце, как сиянье, жгла;
Такое счастье огневое,
Казалось — нимб над головою, —
И это чувство охватило
Друзей, сидящих вкруг стола,
С немым смотревших восхищеньем
На Настю в новом освещенье.

Друзья произносили тосты,
Душевной нежности полны;
И все в них было ясно, просто,

И были все убеждены,
Что мы с Настасьей — это пара!
И что мы встретились недаром;
И что подходим, даже ростом;
И что безумно влюблены.
Одно, другое... Смех и звоны —
Все, как бывает у влюбленных.

Так отгремела свадьба в мае,
Смешав в одно «твое — мое»,
Жизнь продолжалась. Понимали
Мы с Настей наше бытие;
Не свадебное сиянье —
Обычный быт вошел в сознанье,
Но мы решенья принимали,
Что наше быть должно житье
Неразделимым и единым
И, как любовь, непобедимым.

Бывало так, что уходила
К Наташе Настя ночевать;
На тетю Настя не любила
Свою дочурку оставлять.
Все перестроить предстояло,
Что перестройки ожидало,
Но, как известно, то, что было,
Не так-то просто изменять.
А я, пока шел перелом,
Сидел ночами за столом.

Однажды мама, как когда-то,
Неслышно в комнату вошла;
Конверт, где штемпель полосатый,
Неторопливо подала:
— Письмо неделю я хранила —
Опять зеленые чернила... —
Вздохнула, словно виновата,
Вчерашний чай с собой взяла.
— Я думала... Ты мне поверь,
Так лучше, — и закрыла дверь.

Открыл конверт: «Алеша, милый!
Теперь готова быть с тобой.

Решала долго я, решила!
Скажи, доволен ли ты мной? —
А далее она писала: —
Была в Москве предельно мало,
То в Заполярье, где я стыла,
То Халхин-Гол, почти что бой.
Все практика, все хирургия...
Какие ж поводы другие?

Мне говорили: телеграмму
Как будто ты мне присылал?
Ругала отчима и маму,
Не знаю, кто, но потерял.
Сказала мама — ты был в Хосте?
Тебе, выходит, очень просто,
Сел в поезд — и поехал прямо,
Взял ручку — Маше написал,
А я экзамены сдавала.
Сдала. Решила. Написала.

Теперь я врач, а хочешь, доктор?
Хирург. Все практики прошла.
Считаю это высшим сортом,
Что я призвание нашла.
Я лет прошедших не жалею,
Теперь я что-то значу, смею,
Хирург, как говорят, по локоть;
И вот решенье приняла;
К тебе теперь без лишних слов
Готова выехать в Ростов.

Целую крепко». Подпись: «Маша».
И все! Теперь что это мне?
Стою безмолвно. Ошарашен.
Все, все осталось в стороне!
Все сметено. И все пропало:
И где конца искать начало?
Все, что когда-то было нашим, —
Сгорело в медленном огне.
И не слова — а тихий лепет;
И не огонь — а серый пепел.

Дверь заскрипела. Мама снова
Вошла ко мне бледным-бледна.

Я протянул письмо... Ни слова
Мне не ответила она;
Взяла письмо... И раз и третий
Прочла, не зная, что ответить.
— Решилась?! И она готова?!
Да знать бы ей, что не одна?!
Как ты ответишь, я не знаю,
Но об одном я умоляю,

Чтоб этого не знала Настя!
Ее любовью не играй;
Еще одно лишь ей несчастье —
И хватит в жизни через край.
Я счастлива, что вы с ней вместе...
Но эти вести? Эти вести?!
Тебе решать. В твоей все власти,
Но, сын, рассудка не теряй,
У Насти жизнь мы не отнимем!
Я все тебе сказала, сын мой.

— Да, мама... Вижу, слишком поздно,
Но признаюсь тебе — убит.
Какое небо? Где в нем звезды,
Один лишь быт, жестокий быт.
Как надо в час беды не гнуться —
Когда есть время оглянуться,
Все для меня здесь так серьезно —
Не знаю — как переболит? —
И дверь толкнул. И в полдня роздымь
Я вышел молча: «Поздно. Поздно...»

IX

Да, было поздно... Я ответил
Марии на письмо письмом;
Что чувствовал — писал об этом,
А больше — страшно! — ни о чем.
Все написал ей откровенно,
Сознательно, обыкновенно,
Позволив лишь себе заметить
Марии только об одном:
О годах, может, лучших в мире,
Что их отсчитано четыре.

Все изложил я ей не длинно,
Сентенций жалких не искал,
Как бы широкою долиной
На рысаке я проскакал;
Письмо, конечно, не без боли,
И все ж не дал я грусти волю,
Как бы осенний цвет калины
На белый лист письма упал;
В почтовый ящик опустил.
...Ответа я не получил.

Наташу к нам переселили —
Заулыбался мамин дом;
Друзья Настасью полюбили
За ум и доброту притом;
У нас встречались вечерами —
Чуть-чуть под терпкими парами.
Вино цимлянское мы пили,
Которым славен тихий Дон.
Так жизнь свою мы начинали,
Другой отныне не искали.

Настал октябрь. Зажглись рябины.
Листвы лесной гудела медь, —
На Западную Украину
В командировку мне лететь
Пришлось... Во Львов, в его окружье,
К друзьям и братьям по оружью;
Мне в этом городе старинном
Хотелось все пересмотреть;
Нехоженые все дороги, —
Как бы в предчувствии тревоги.

Волнуясь, Настя провожала,
Прижавшись, говорила мне:
— Тебя, как раньше ожидала,
Так буду ждать... О каждом дне
Ты нашем — там, во Львове, помни,
Пиши оттуда обо всем мне;
Чтоб душу мне не поедала
Тоска в домашней тишине... —
И шепотом, как лист в траве:
— Прошу, не задержись в Москве.

— А что Москва? — я вспыхнул даже,
С самим собою не в ладу.
— Да просто так... А что тут скажешь,
Ты только помни — очень жду! —
Сказала — и ко мне прильнула,
И молча глубоко вздохнула.
— Не надо, Настя, этой блажи,
Ведь мы живем в каком году?
И я лечу не на чужбину,
А в Западную Украину.
— Я жду тебя, — опять сказала
И мне еще дороже стала.

...Ах, Львов, старинный славный город
Костелов, замков, крепостей;
Ты по-особому нам дорог
Славянской мудростью своей;
Здесь братство кровное рождалось
(И навсегда оно осталось!)
Веленьем сердца, за которым
Когорты старцев и детей,
В бою и доблести рожденных
И до сих пор непобежденных.

Во Львов под вечер прилетели...
И сразу бросилось — хорош!
Остановились мы в отеле
Для нас с названьем странным «Жорж»;
Отель был шумен, многолюден,
Не приспособленный для буден;
И мы во все глаза глядели,
Кто на кого был здесь похож.
На площади, как королевич,
Стоял задумчивый Мицкевич.

Казалось, все здесь было тайной —
Шептался кто-то за углом...
Как бы обро̀ненный случайно
Ловил ты взгляд... Что было в нем?
Вражда ли это? Дружелюбье?
И кто вокруг? Какие люди?
Но кто каких позиций крайних —
Потом проявится, потом;

Ведь в это время шел с тобой
Рубежный год сороковой.

Сюда бежали из Варшавы,
Из Кракова и прочих мест, —
Там чад фашистский, как отрава,
Полз, очумляя все окрест;
Бежавшие, смотря безумно,
Вздыхали горестно и шумно
И вспоминали переправы,
Из-за которых шли на крест,
С одной, бросаясь в волны, мыслью,
Чтоб переплыть ночами Вислу.

Встречаясь с нашими друзьями,
Рассказы слышали от них,
Как здесь жестокими годами
Страдали люди при чужих;
При шляхте, панстве и господстве,
Вельможном барстве и юродстве;
Своими видя все глазами,
Мы понимали горечь их.
Встречали нас, давно советских,
Восторженно, почти по-детски.

Из Лодзи обувь и отрезы
И разный прочий матерьял
Какой-нибудь торгаш облезлый
Как драгоценность предлагал.
Пока здесь *влада* * укреплялась,
Все, что могло, — все продавалось;
И все же было то полезно,
Что кто-то что-то понимал.
Еще не зная наперед,
Как дело новое пойдет.

Однажды в зале ресторана,
Где на эстраде модный джаз,
Как говорят маэстро, — *пиано*

* Власть.

«Катюшу» исполнял для нас,
Недалеко мы, в том же зале,
На рукавах вдруг увидали
Четыре свастики. Четыре.
Фашистские, как смоль, мундиры;
Стояли чашки и стаканы,
Коньяк французский на заказ;
Мы были в этот миг уже,
Как на военном рубеже.

Они во Львове не скучали...
А впрочем, как же им скучать? —
Репатриантов собирали,
Чтобы в Германию послать;
Вернуть, пригодных отбирая
Для новоявленного рая;
Пусть обживутся там вначале,
Чтоб после легче умирать
Иль под Москвой, иль под Полтавой,
Или под тою же Варшавой.

Повеяло военным ветром,
Предчувствьем горьким, неживым,
Что через год пойдет по свету
Виденьем смерти огневым,
Когда в июне на границы
Падут железные зарницы —
Все то, что в сорок первом летом
Запалит мир в огонь и дым.
Тогда же, сидя в шумном зале,
Еще мы этого не знали.

Затишьем странным перед бурей
Возник внезапный диалог,
Кричало радио в лазури,
Что мир в Европе быть бы мог.
Берлин. Искусные улыбки.
И договор, как на открытке,
И рядом с Молотовым — фюрер,
Держал его под локоток,
Наркома иностранных дел,
В Берлин он с миром прилетел.

Не знаю, верил ли в то Сталин?
Не смею это утверждать.
Но мы от этого не стали
Фашистам больше доверять.
Мы понимали: да, оттяжка
Того, что всем грозило тяжко,
А то, что не хватало стали —
Не все могли об этом знать.
Немало версий накопилось,
Теперь нам многое открылось.

...Тогда же, сидя в ресторане,
Где каждый, как на фронте, был,
Мы слушали, как на баяне
Парнишка соло выводил.
И рядом — через стол — «Катюшу»
Квартет фашистский молча слушал;
Все это было дико, странно,
Но глаз никто не отводил:
Фашистские, как смоль, мундиры.
Четыре свастики. Четыре.

Все, что увидел, — все смешалось.
Но раз увидел — не забудь;
Поскольку в памяти осталось,
Ты можешь в прошлое взглянуть;
В глубь времени взглянуть, как прежде,
Еще в мечте, еще в надежде,
Что лишь недолгая усталость
Тебе сжимает чем-то грудь,
Чтобы припомнить и ответить
За все, что есть на белом свете.

...К Москве мы в тучах подлетали —
Был неуютен полдень тот.
Но вот пролески замелькали,
И вскоре замер самолет.
Спустились в поле трапом шатким
Мы на посадочной площадке,
Смотря на желтых листьев стаи,
Взлетавших в серый небосвод;

Они кружились, поднимались
И туч осенних не боялись.

...И, по столице проезжая,
Я вспомнил друга... «Метрополь».
И вздрогнул вдруг, еще не зная,
Откуда в сердце эта боль?
И вспомнилось само собой:
«Теперь готова быть с тобой...»
Ах, память сердца — ты такая,
Коль есть — не можешь быть слепой.

Мелькали улицы, проулки.
И сердце билось гулко-гулко.

X

Два дня работали с пределом —
Анализ всех бесед и встреч —
Все больше в голове гудело —
Звонить? Иль сердце поберечь?
Не растравлять себя напрасно,
Когда все так предельно ясно.
Но все ж сдержаться не сумел я
И позвонил, готовя речь.
Невинную... Мол, как здоровье?
А если что — на полуслове

Повесить трубку осторожно,
Не начиная монолог.
Я позвонил: — Марию можно? —
И не узнать ее не мог.
— Алеша, ты?
— Да, я, Мария.
— Откуда ты?
— Да из Москвы я.
— И правда ты... И голос тот же.
Ты где-то рядом... Недалек...
— Звоню я из «Новомосковской»...
— Да это ж рядом с домом просто.

Но подожди... Зачем звонишь ты?
Я после твоего письма
Тебе писала письма трижды,

И все потом рвала сама!
Тебе я объяснить хотела,
Случилось что... Как не сумела
К тебе приехать... Да хранишь ли
Все то, чему ты клялся мне
В той нашей — помнишь? — стороне.

Алеша! А ведь только вечер,
И я могу к тебе прийти?
— Да, да! Я у подъезда встречу,
Здесь пять минут всего пути! —
...Ошеломленный, оглушенный,
Свершив поступок незаконный,
В котором оправдаться нечем,
Я в вестибюль спешил сойти, —
Привратник там стоял в ливрее,
И люстры яростно горели.

Я вышел из подъезда резко
Навстречу снежной кутерьме;
И сразу, рядом, у подъезда,
Увидел Машу в полутьме,
Спешившей, как на лыжной гонке,
В короткой кожаной шубенке...
...И встретились... И снова — вместе,
Как скованные в полусне.
— Ну что ж, Алеша...
— Что же, Маша?
— Как ты живешь? Как мама наша?

Признаюсь, эти два вопроса
К косноязычью привели...
Не отвечая,
безголосо
Сказал я Маше:
— Что ж, пошли... —
На лифте, на этаж десятый,
В кабине пестрой, полосатой
Уже без спросов и допросов,
Добраться скоро мы смогли
И — в номер, маленький, уютный,
Нас ожидающий как будто.

— Ну, что ж, снимай с меня шубейку, —
Наигранно сказала: — Пусть

Не тронет нас сегодня грусть, —
Я снял... Вилась цепочка змейкой,
И полыхнуло сердце болью.
— У нас есть прошлое с тобою,
Все остальное — на копейку,
И с этим даже я смирюсь;
Но жить я буду тридцать пятым
И Хостою невиноватой.

На Машу я смотрел страдая,
Что оправдаться не могу...
Но Маша там была иная,
На черноморском берегу.
Бессмысленно, смешно и глупо
Толочь одно и то же в ступе;
Но есть у всех пора младая,
Когда ты словно на скаку
Летишь в степи лихим карьером,
Беря барьеры за барьером.

— Но можно ль жить одним лишь прошлым,
Немого самого немей?!
— Да. Если прошлое хорошим
Осталось в памяти твоей.
Осталось, в сердце не сменилось,
Соблазном новым не прельстилось.
Да, можно жить с такою ношей,
Но только зная, что своей... —
Мария мне в глаза смотрела
И вызывающе и смело.

— Тебе сказала, что я письма
Писала и в клочки рвала.
А почему? Ты независим,
А я зависимой была.
— Зависима, но от кого?
— От слова, Леша, моего.
— Я жил тобой. С одною мыслью.
Я ждал тебя...
— И я ждала!
— А знаешь ли ты, между прочим,
Что написал письмо мне отчим?

— При чем здесь отчим?
— Телеграмму
Куда запрятал он мою?
— Переживала очень мама,
Я верю ей... Ее люблю...
— Люби! Люби! Но знай, что отчим
Не так-то твой уж непорочен;
Он автор некой мелодрамы,
Где я героем состою;
Где я, хотя и независим,
Во всех достоинствах описан.

— Письмо? Какое?
— Ах, какое?!
Его могу пересказать;
Что от меня им нет покоя,
А ты провинциалкой стать
Не сможешь, да и не захочешь, —
Писал в письме святейший отчим;
Еще он написал такое,
Что есть жених. Что надо ждать
И свадьбу вашу по любви...
Как говорится, се ля ви!

Мария каменно сидела,
Руками щеки подперев,
В глазах то ярость пламенела,
То недоверие, то гнев.
— Да неужели? — прошептала. —
Я что-то в нем подозревала.
Да как он мог? Его ли дело? —
И тут же встала присмирев:
— Теперь мне ясно все, Алеша,
И отвратительно до дрожи.

Скажи, письмо его сталось?
— Конечно, Маша.
— Не с тобой?
— Могу прислать отравы малость...
— Но не домой, но не домой!
Прости... Тебя не осуждаю,
Свое потом я отрыдаю;
Тебя люблю — и в том не каюсь —
Ты все равно, Алеша, мой, —

И — на глазах преобразилась
И словно заново открылась.

— Сейчас простимся мы с тобою.
Не провожай. Сама пойду.
Не знаю, под какой звездою,
Но я еще тебя найду.
Ни ты, ни я не виноваты;
Но прошлое, Алеша, свято.
И может, нас еще прибоем
Еще в каком-нибудь году
На берег, сердцу дорогой,
Однажды вынесет волной.

В глаза тоскливо мне взглянула,
Сказать хотела — не смогла,
Вздохнула — и ко мне прильнула,
Поцеловала и ушла.
Остались двери не закрыты.
И я, как будто кем забытый,
Стоял, держась за спинку стула,
Где Маша только что была.
А в окна яростно летели
Снежинки белые метели.

...Наутро самолет военный,
Что все мы транспортным зовем,
Брал старт неспешно, постепенно
И нехотя шел на подъем.
И как во сне, не наяву,
Увидел сверху я Москву;
И подмосковные селенья,
В лесах озера подо льдом...

...Шел выше, выше самолет,
Влетая в Сорок Первый год!

1978—1980 гг.

Конец первой книги

МОЯ ЖИЗНЬ И ЭТА ПРЕКРАСНАЯ ИГРА

АВТОБИОГРАФИЯ ПЕЛЕ, НАПИСАННАЯ ПЕЛЕ СОВМЕСТНО С РОБЕРТОМ Л. ФИШЕМ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Спустя некоторое время после чемпионата мира случилось важное в моей жизни. Я встретил Розмари.

В субботу вечером мы находились на «концентрации» накануне ответственного матча. Команда целые сутки проводила на Вила Бельмиро, никуда не отлучаясь с базы. На следующий день нашим соперником должен был быть клуб «Коринтиан». Я не помню, как закончился матч, но незабываемый вечер накануне игры врезался в память. Идти спать было еще рано. Рассевшись кружком, мы о чем-то беседовали. Кто-то предложил спуститься в спортзал, чтобы посмотреть баскетбольный матч среди девушек. Команды еще только разминались, мы заняли места для зрителей. Мое внимание привлекла одна из девушек на скамейке для запасных. Она смотрела в мою сторону. Я махнул ей рукой, приглашая подойти сесть рядом.

— Ты Пеле, не так ли? — спросила она. — Знаешь, не надо завтра громить «Коринтиан».

И девушка вернулась на скамейку для запасных.

Признаться, ее красота произвела на меня сильное впечатление.

Материал из книги «Моя жизнь и эта прекрасная игра», изданной Даблдэй-Компани. Инк., Нью-Йорк.

Окончание. Начало в № 7

Игра закончилась, девушки исчезли в раздевалке, мы поднялись в свои комнаты. У меня был задумчивый вид, товарищи стали расспрашивать, что со мной случилось. Один из них заметил:

— Он не сводил взгляда с девушки на скамейке!

Под впечатлением встречи с Розмари я на следующий день вышел на поле, надеясь, что в толпе зрителей вдруг мелькнет ее лицо.

Несколько дней спустя чисто случайно я встретил на улице нескольких девушек из баскетбольной команды. Мы разговорились, я спросил девушек, что они делают в Сантусе. Мой вопрос вызвал удивление.

— Мы живем здесь!

— Здесь? А я думал, вы приехали с командой «Коринтиан» из Сан-Паулу.

— Нет, мы играем в клубе «Атлетико Сантус».

Я был обрадован. Значит, «моя» девушка живет в Сантусе!

— У вас в команде есть девушка, — осторожно подбирался я к своей цели. — Она была в запасе. Шатенка...

Одна из моих собеседниц рассмеялась.

— Наверное, та, что говорила с тобой? Это Розмари. После игры она вспоминала о тебе. Она работает в магазине грампластинок в Гонзаге.

Примерно в десяти минутах ходьбы! Я попрощался с девушками-баскетболистками и почти бегом устремился в магазин.

Розмари стояла за прилавком. Я выдавил из себя:

— Скажи, почему ты просила быть благосклоннее к «Коринтиану»? Ты же не из этого клуба!

— А я «болею» за «Коринтиан».

— Ого! — Значит, для нее я противник. — А сама была на матче?

— Нет. Я не интересуюсь футболом.

— Послушай! — сказал я. — Мне хотелось бы встречаться с тобой.

Розмари покачала своей милой головкой.

— Мне ведь всего четырнадцать лет. Но ты можешь прийти ко мне домой. Я всегда дома по субботам.

— Значит, до субботы!

Так я встретил Розмари.

В субботу я с сияющим видом явился к ней домой, надев свой самый лучший костюм. Родители Розмари оказались очень симпатичными людьми. Ее мать, дона Идалина, напекла пирожков, мы сели за стол, и я с удовольствием принялся их уплетать. В доме Розмари я провел прелестный день.

Вне дома мы каждый раз встречались под присмотром тетки Розмари. Это можно понять. Розмари была еще совсем юная. Ее родители огорчились бы, если бы в газетах появились сообщения о связи черной футбольной звезды с несовершеннолетней белой девушкой.

Иногда Розмари с теткой ходили в кино. Иногда мы встречались на пляже. Мы с Розмари успевали обменяться взглядами и пожать друг другу руки. Со временем я все более убеждался, что когда-нибудь предложу Розмари стать моей женой.

Признаться, меня немного настораживало, что я нравлюсь Розмари главным образом из-за моей известности. Эта мысль мучит многих известных спортсменов. Должен сказать, что сам я никогда не питал иллюзий в отношении собственной персоны: не вышел ростом, не обладаю привлекательной внешностью, да к тому же и чернокожий. Но очень скоро мне стало ясно, что Розмари совершенно спокойно относится к славе футболиста по имени Пеле. В этом отношении она напоминает мою маму. Обе они находят весьма странным, что зрители платят деньги, чтобы увидеть, как взрослые люди в коротких трусах гоняют по полю мяч.

Многим людям в силу их профессии приходится много разъезжать: коммерсантам, морякам, летчикам, железнодорожникам. Но никто не ездит так много и так часто, как футболисты-профессионалы.

К концу 1958 года «Сантос» добился огромной популярности. Мы получили приглашения на игры с командами чуть ли не всех стран. Дело в том, что у нас играли три чемпиона мира: Зито, Пепе и Пеле, а «Сантос» считался лучшим клубом Бразилии, где классные команды не такая уж редкость. Кроме того, мы исповедовали типично бразильский атакующий футбол в сочетании с высокой техникой владения мячом, что весьма импонировало зрителям других стран. Наши выступления обеспечивали высокий кассовый сбор стадионов. Не будучи в состоянии принять все приглашения, мы отбирали наиболее подходящие.

Турне 1959 года началось матчами в Южной и Центральной Америке. Мы играли в Перу, Эквадоре, Коста-Рике, Гватемале, Мексике, Венесуэле и на Кюрасао. За шесть недель было сыграно четырнадцать матчей в семи странах. Тринадцать мы выиграли и один проиграли. По возвращении из поездки меня включили в сборную штата Сан-Паулу для участия в серии матчей со сборной Рио-де-Жанейро. Затем были игры против национальных

сборных Перу, Чили, Боливии, Парагвая и Аргентины. Под впечатлением одержанных побед мы вылетели в Европу.

Программа европейского турне была насыщенной. Почти каждый день игра, затем переезд из одной страны в другую. Дважды в течение двух дней мы встречались со сборной Болгарии, после чего провели три игры в трех городах Бельгии. Ни о каких экскурсиях не могло быть и речи, приходилось довольствоваться тем, что мы видели мельком из окон железнодорожного вагона или автобуса. Мне казалось, все эти дни мы неслись на стремительно вращающейся карусели. Игра, сон, еда, посадка в поезд; среди ночи выскакиваем на перрон в незнакомом городе, полусонные, с сумками в руках, берем шесть такси и едем в гостиницу, чтобы, отдохнув несколько часов, отправиться на очередную игру на стадион.

Футбольные стадионы, как и гостиничные номера, во всем мире в общем-то одинаковы. Похожи и футбольные болельщики. Турне по европейским странам не произвело на меня глубокого впечатления. У нас абсолютно не было времени посмотреть посещаемые страны, расширить свои представления о мире. Программа была крайне напряженной и мучительной, она служила прежде всего обогащению клуба и не учитывала интересы игроков.

В конце турне мы прибыли в Испанию, и тут нам сообщили, что в дополнение к уже составленной программе предстоит еще один матч, причем именно в день приезда да еще с таким клубом, как «Реал» (едва ли не лучшим в мире в неофициальном зачете). Видимо, испанский менеджер решил, что игра привлечет на стадион толпы зрителей, и убедил руководителей «Сантоса» согласиться на этот матч. Думаю, их не надо было долго уговаривать; такой матч означал немалые доходы для «Сантоса», руководство которого не задумывалось о том, что команде нужен отдых.

Поездка нас здорово вымотала. Игроки страдали расстройством желудка, вызванным непривычной пищей и водой. Многие играли с травмами, болезненными синяками и ссадинами. Особенно тяжело приходилось звездам команды — в любом случае они должны были выходить на поле, ведь зрители шли на стадион посмотреть на них. Так что в Испании требовался длительный отдых, а не напряженный матч с таким серьезным противником. За двадцать два дня турне мы сыграли пятнадцать матчей в девяти странах, в то время как «Реал» воздерживался от выступлений и активно готовился к встрече с нами.

Матч «Реалу» мы проиграли со счетом 3 : 5, и это поражение я не забуду никогда. С того дня, вот уже более двадцати лет,

«Реал» упорно отказывается сыграть с «Сантосом». Несколько лет спустя в турнире в Аргентине «Реал» и «Сантос», победив всех своих соперников, должны были выявить сильнейшего во встрече друг с другом. «Реал» предпочел не выйти на поле. Обыграв однажды «Сантос», мадридцы решили не рисковать своей репутацией.

После напряженного двухмесячного турне мы возвратились в Бразилию. Меня радовала предстоящая встреча с Розмари. Я посылал ей открытки отовсюду, где мы играли.

Незадолго до турне мне исполнилось восемнадцать лет. Я думал, об этом никто не вспомнит, разве что моя семья да еще, быть может, Розмари. Но я ошибся. Меня уведомили, что, как и все бразильцы, я должен отслужить год в армии. И вот я призван на военную службу, мне выдано колючее солдатское обмундирование.

Шестой группой моторизованной береговой артиллерии командовал полковник Осман. Полковник был не только профессиональным военным, но являлся и одним из менеджеров клуба «Сантос». Он обрадовался и тут же заявил меня в сборную вооруженных сил страны, проводившую серию международных матчей. Таким образом, я продолжал играть в составе «Сантоса» и выходил на поле в футболке сборной.

Непосредственным моим начальством был капитан Аурино, командир батареи. Этот офицер был убежден, что настоящий защитник отечества должен уметь подбирать окурки на казарменном дворе, мести пол в палатке орудийного расчета или мотыжить землю на газоне казарменного двора, а порою по просьбе офицерских жен косить траву в палисаднике перед их домом. Все это я испытал как и любой другой рекрут.

В наших казармах собралось много хороших футболистов. Лорико потом играл за клуб «Васко да Гама» в Рио-де-Жанейро, вратарь Хеллио выступал за «Португеза Сантиса» и, наконец, бедняга Лара, впоследствии умерший от сердечного приступа прямо на поле во время игры. Наша команда оказалась победительницей гарнизонного первенства.

Во время матча со сборной вооруженных сил Аргентины меня впервые в жизни удалили с поля. Редкий случай — меня удалили за драку. В свое время Валдемар ду Бриту внушал нам, что драка на футбольном поле — проявление глупости, не более. Вместе с тем он говорил, что, если за тобой ведется постоянная охота с целью искалечить и тем самим вывести из игры, необходимо ответить тем же. К сожалению, Валдемар не пояснил, как это сделать незаметно для судьи.

В том памятном матче аргентинский защитник был занят только мною и уже несколько раз злонамеренно бил по ногам. Я не вытерпел и ответил ему ударом в голень. Он набросился на меня с кулаками, я дал сдачи. Судья вдруг сразу прозрел и удалил нас обоих с поля. Все-таки тот матч мы выиграли со счетом 2 : 1.

А уже на следующий день «Сантос» играл на кубок Бразилии в Порту-Алегри против «Гремио», и я, хоть и травмированный, вновь вышел на поле. Контракт обязывал меня выступать за «Сантос» в любом состоянии.

Закончился положенный срок службы в армии, и снова начались бесконечные поездки. Но на этот раз программа турне не была такой безумной, как в 1959 году. Например, в Египте мы пробыли целых восемь дней, а сыграли только три матча. В свободное время мы познакомились с достопримечательными местами, осмотрели пирамиды (впечатляющее зрелище), взбирались на их вершины, фотографировались на верблюдах, стараясь удержаться на горбу животного, прогуливались по многолюдным улицам, делали покупки на каирских базарах. Между прочим, в Каире нам как-то пришлось сдержать Джалму Сантоса, хотевшего ударить какого-то восторженного болельщика за то, что тот норовил обнять его и поцеловать. И еще один казус: однажды мы очень вкусно поели в ресторане гостиницы. К нам подошел метрдотель и не без гордости за свою кухню объяснил, что вкусное мясо, которое мы только что отведали, не что иное, как верблюжатина. Мои товарищи изменились в лице и живо поинтересовались, далеко ли туалет. После этого мы каждый раз, прежде чем пробовать экзотические блюда, выясняли, из чего они приготовлены.

Из Египта мы отправились в Швецию. Это было странное ощущение — снова побывать в Швеции после чемпионата мира. На следующий день нас ждали в Дании. Чтобы попасть в Копенгаген, достаточно пересечь узкий пролив. Я хорошо помню непродолжительный переезд на пароме. Стоял май, было прохладно, я чувствовал себя великолепно. Клуб города Мальмё мы разгромили со счетом 7 : 1, причем в моем активе было два мяча.

Брюссель, город, который я всегда любил не только за его чистые улицы и удобные дороги, но и за прекрасную ресторанную пищу. Меня восхищала Большая площадь со звоном курантов на колокольне ратуши, мне нравилось наблюдать, как появляются и начинают маршировать вокруг башни тяжелые металлические фигуры, отбивая своим шагом наступление соответствующего часа. Я не переставал удивляться тому, что в такие далекие

времена инженерная мысль породила изумительное техническое чудо.

А как забыть Париж! Во Францию мы прибыли из Италии, где «Фиорентина» нанесла нам поражение 3 : 0 (наш самый крупный проигрыш за все турне). Горечь проигрыша скрашивала приятная встреча с Парижем, который заслуженно называют городом огней. Тогда мне было девятнадцать лет, а в таком возрасте от Парижа можно действительно сойти с ума. Экскурсоводом у нас была манекенщица по имени Кики. Нам показали Елисейские поля, Монмартр, Эйфелеву башню, с вершины которой весь Париж лежал под нами как на ладони. Мы любовались Сеной; нам запомнились длинные плоские баржи, сверху казавшиеся маленькими черными жуками. Говорят, Париж особенно красив в сентябре, но мы приехали туда в июне, и все же город произвел на меня ошеломляющее впечатление. Фотографы попросили меня позировать вместе с Кики. На следующее утро на обложках журналов появился снимок: Кики прижималась ко мне, мое лицо светилось от радости. Разве мог я знать, что эта фотография по видеотелеграфу будет передана в Бразилию и попадет в прессу? Подпись под иллюстрацией гласила, что Пеле влюбился в парижскую манекенщицу и в скором времени предстоит их бракосочетание. Узнал я об этом от Розмари уже по возвращении в Сантус. С тех пор я стал более осмотрителен, и если с кем-нибудь фотографировался, то обязательно проверял подписи под фотографиями.

В последнее время я стал прилично зарабатывать. После 1959 года со мною был подписан новый контракт, я стал получать ежемесячно 80 тысяч крузейро. Еще 60 тысяч крузейро предназначались мне на покрытие моего прожиточного минимума. Кроме того, премиальные — за год они составили около миллиона крузейро. Изрядные суммы отчислялись мне и от рекламы. Компании платили за право использовать мое имя при рекламировании любых видов изделий — от брюк до лимонада. Возник вопрос о разумном помещении капитала. Я решил поговорить с Зито. Он был не только товарищем по команде, но и близким другом. Зито сказал, что сам он намерен завязать кое-какие деловые связи, и предложил мне участвовать. Поразмыслив, я обратился за советом к Дондиньо. Но отец не мог сказать мне ничего полезного. В бизнесе он ничего не смыслил.

Зито свел меня со своим компаньоном, испанцем Хозе Гонзалезом Озорисом, которого все звали Пепе Гордо. Я распростился с пансионом доны Георгины и переехал в семью Пепе Гордо. У него был просторный дом. Все как будто складывалось лучшим

образом. Из-за моих постоянных разъездов я передал Пепе Гордо все полномочия на ведение дел. От моего имени он подписывал чеки, вносил деньги в банк и снимал их со счета, оплачивал векселя, подписывал контракты на рекламу.

Первое дело, в которое мы вложили деньги, было связано с большим магазином «Санитариа Сантиста», который торговал стройматериалами. Пепе Гордо выполнял все финансовые операции и обеспечивал прибыль, в то время как мы с Зито заботились о поступлении новых средств.

Вскоре мы расширили деятельность нашей компании и приступили к строительству домов с небольшими благоустроенными квартирами. Каждый такой дом состоял из девяти или десяти квартир. Благодаря нашим связям с фирмами по производству стройматериалов нам удавалось строить сравнительно дешево. Со временем меня перестала тревожить мысль, что со мной будет, если я вдруг не смогу зарабатывать себе на жизнь футболом. Если даже в двадцать один год я получу серьезную травму, то смогу жить на свои капиталы. Но и не только травму. Всего несколько дней назад болельщики «Коринтиан» освистали Жильмара. Освистать вратаря чемпионов мира, одного из лучших игроков, когда-либо выраставших на бразильской земле! Я поклялся, что со мной такого не произойдет. Я сниму футболку, как только решу, что пора уходить.

Розмари и вся ее семья одобряли мое занятие бизнесом.

Я продолжал играть в футбол. В чемпионате штата Сан-Паулу я был признан лучшим бомбардиром. В семидесяти двух матчах чемпионата того года я забил семьдесят два мяча! А 5 марта 1961 года мне удалось забить мяч, который позже стали называть «голом века». Мы играли на стадионе «Маракана» против клуба «Флуминенсе» из Рио-де-Жанейро. Этот матч мы выиграли со счетом 3 : 1. В одном из игровых эпизодов, получив мяч в своей штрафной площадке, я выполнил сольный проход, обыграв всю команду. В память об этом самом красивом голе, когда-либо забитом на стадионе «Маракана», по инициативе издающейся в Сан-Паулу спортивной газеты «О Эспорте» была отлита и установлена мемориальная доска. Это была большая для меня честь, и я этим очень горжусь.

Так что все складывалось удачно, лучше и не надо. Пресса относилась ко мне благосклонно, здоровье было отменное, на протяжении всего сезона мне удалось избежать серьезных травм. В общем, на горизонте не было ни единого облачка. Ну и, наконец, вместе со всей Бразилией я мечтал о том, чтобы в составе национальной сборной принять участие в матчах мирового чемпионата 1962 года в Чили.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Состав бразильской сборной, которой предстояло выступать в Чили, изменился. Ушел в отставку тренер Висенте Феола, его место занял Аиморе Морейра. Из игравших в финальном матче в Стокгольме свое место в сборной сохранили Жильмар, Нилтон Сантос, Джалма Сантос, Зито, Диди, Гарринча, Вава, Загало и я. Белини был в запасе, его место занял Мауро. Орландо подписал контракт с аргентинским клубом, и вместо него в сборную ввели Зозимо. Маццола (его настоящее имя было Альтафини) в тот год играл за Италию. У нас появилось много молодых игроков: Амарильо, Жаир да Коста, Коутиньо, Зекинья, Жаир Мариньо и Журандир.

Выиграв чемпионат мира 1958 года, Бразилия автоматически попадала в финал чилийского чемпионата. В таком же положении оказалась команда страны-организатора.

В нашей подгруппе, игравшей в городе Винья-дель-Мар, собрались сильные соперники — Бразилия, Чехословакия, Испания и Мексика.

За физическую подготовку бразильской сборной, как и четыре года назад, отвечал Пауло Амарал. Он придерживался жестокого принципа: кто способен двигаться, обязан тренироваться, кто не может, пусть отправляется к доктору Гослингу! Он заявлял:

— Я никому не даю поблажек! Я знаю, что делаю, и никому не позволю вмешиваться в мою работу, точно так же, как я ни во что не вмешиваюсь! Моя система обеспечила сборной победу в 1958 году. Если не будете мне мешать, мы выиграем и в 1962 году!

Никто и не собирался мешать Пауло Амаралу. Но я считаю, что должны быть различия между игроками. Амарал, к примеру, заставлял таких щуплых игроков, как Загало и я, выполнять все упражнения с максимальным физическим напряжением, как он это требовал, скажем, от Нилтона Сантоса, наверное, самого сильного в команде. После таких тренировок Загало и я теряли по нескольку килограммов веса, в то время как Нилтон только нагуливал себе еще больший аппетит.

Поскольку мы были избавлены от отборочных игр, Морейра организовывал нам тренировочные матчи со сборными других стран. Все эти встречи с нашими спарринг-партнерами мы выиграли: два матча против Португалии и два против Уэльса.

В конце первого матча против сборной Португалии мне пришлось покинуть поле из-за боли в паховой области. Назавтра Амарал устроил нам интенсивную тренировку. Боль не прекраща-

лась, но я думал, что она пройдет сама собой, и никому об этом не сказал.

Участвовал я во всех четырех тренировочных матчах, забил четыре мяча, причем дважды забитые мною голы решали исход встреч. Между тем боль не стихала. После каждой тренировки я, чуть прихрамывая, уходил с поля, размышляя о том, обратиться мне за помощью или набраться терпения. Это было далеко не лучшее решение.

В нашей первой игре на чемпионате мы встретились со сборной Мексики и победили 2 : 0, причем Загало и я забили по голу. С поля я уходил, естественно, счастливый, но чувствовал себя чрезвычайно усталым. Боль еще больше обострилась. В конце концов я решил посоветоваться с доктором Гослингом. Он осмотрел меня.

— И давно у тебя эти боли? Тренироваться можешь?

— О да, сеньор!

— Что ж, ладно, — сказал он сквозь зубы, — но, если боль не перестанет, тебя придется освободить от тренировок.

«Автоматически это будет означать отстранение от матчей», — подумалось мне.

И я решил, что жаловаться больше не стану.

Во втором матче мы играли против сборной Чехословакии. Эта команда всегда славилась своим мастерством, но особенно сильной она выглядела в том году. Для выхода в четвертьфинал нам необходимо было выиграть этот трудный матч или свести его вничью.

Встреча проводилась в Кильпуэ, пригороде Винья-дель-Мар. При нашем появлении на поле зрители восторженно поднялись со своих мест. Мы считались фаворитами чемпионата. Оркестр на трибунах заиграл бразильскую самбу, и на мгновение я забыл про свою боль и про все на свете. Мы были чемпионами мира и никому не уступим это высокое звание!

Начав игру, я старался не замечать боли. Получив передачу от Гарринчи, прошел с мячом по полю, обыграв нескольких защитников. Вошел в штрафную площадку, обманным движением обошел еще одного и со всей силой ударил. Мяч попал в стойку ворот и отскочил мне прямо в ноги. Я снова ударил что было сил и, поджимая ногу к животу, как подкошенный свалился на землю.

Марио Америко через мгновение был на поле. Склонившись надо мной, он взволнованно спросил:

— Что с тобой? Ты можешь встать? Подожди, я тебе помогу.

Я медленно поднялся. Замены игроков тогда не допускались.

— Все в порядке.

Марио посмотрел на меня с сомнением, но я махнул рукой.

Массажист покинул поле и, опустившись на скамейку, стал наблюдать за мной. Игра возобновилась.

Здесь я хочу сказать о трех игроках чехословацкой команды — Масопусте, Поплухаре и Лале. Настоящие спортсмены. Они, конечно, видели, что я получил травму, и догадывались, как мне хочется доиграть этот матч. Разумеется, они отдавали себе отчет, что малейшее столкновение может сделать меня инвалидом на всю жизнь. Но они благородно воздерживались от жесткой игры. Естественно, они не давали мне выйти на ударную позицию для взятия ворот, но думали и о том, как бы не покалечить меня. Смею утверждать, немного найдется таких футболистов, которые в подобной ситуации не воспользовались бы травмой ведущего игрока. Масопуст, Поплухар и Лала сделали все, чтобы не усугубить полученную мной травму. А ведь чехословацкая команда тоже боролась за выход в четвертьфинал и не могла себе позволить проиграть. И все же эти три футболиста, помня об интересах своей команды, не забыли и о благородном отношении к своему сопернику. Эти воспоминания всегда будут волновать мою душу, чехословацкие спортсмены подарили мне одни из самых прекрасных минут за всю мою футбольную карьеру.

Когда матч закончился нулевой ничьей, мы вернулись в гостиницу. Я едва мог ходить. И все же я не отчаивался, рассчитывая, что мой возраст и хорошая спортивная форма позволят скоро оправиться. Если меня освободят от тренировки, все быстро придет в норму.

Доктор Гослинг закончил осмотр и покачал головой.

— Судя по всему, тебе едва ли удастся еще хоть раз выйти на поле.

Зная нашего доктора, я улыбнулся.

— Не сомневайтесь, доктор, я выдержу любое лечение. Чемпионат ведь не завтра кончается. Я еще успею сыграть в некоторых матчах, вот увидите!

В ответ доктор Гослинг бросил на меня свой лишенный всякого выражения взгляд и пожал плечами. Потом он жестом подозвал Марио Америко, чтобы дать ему указания, как меня лечить.

Я строго выполнял все указания, но боль не проходила. Накануне игры со сборной Испании я обратился к Гослингу:

— Вот смотрите, доктор, если ногу не напрягать, не болит. Сделайте мне укол или что-нибудь в этом роде, и я смогу выйти на поле.

Впервые за все время я уловил выражение на лице нашего доктора. Он рассердился.

— Ты что, лошадь? Нет, Пеле, если я сделаю тебе укол и после этого ты выйдешь на поле, наверняка искалечишь себя на всю жизнь. Тогда можешь ставить крест на футбольной карьере. Как тебе могла прийти в голову такая мысль? Я никогда не делал игроку укол только для того, чтобы он мог выйти на поле. И никогда не пойду на это! А теперь продолжай лечение и никогда больше не вылезай с такими идиотскими мыслями!

Соблюдая постельный режим, я смотрел по телевизору, как Бразилия обыграла команду Испании. Мое место занял Амарильдо, продемонстрировавший блестящую игру. Счет матча был 2 : 1, причем Амарильдо забил оба гола. Его первый гол явился логическим завершением комбинации, разыгранной с Загало. Во втором случае Гарринча обыграл соперников и сделал поперечную передачу с фланга. Амарильдо пробил головой, вратарь был бессилен что-либо сделать. В общем, игра бразильской сборной доставила мне огромную радость.

Пока я вылеживался в постели, в голову лезли всякие мысли. Значит, в двадцать один год Пеле пришел конец, новым Пеле станет Амарильдо. Сжав губы, я попросил Марио Америко подготовить еще более горячие компрессы. Я обязан был выйти на поле!

Один день сменял другой, лечение продолжалось, и однажды, соскочив с постели, я обнаружил, что боль исчезла. Надавил рукой, поставил ногу на пол, напряг мышцу — никакой боли! Значит, все пришло в норму и мне еще удастся сыграть!

Вместе со всеми я вышел на тренировку. Отрабатывал удары по мячу, пробовал бегать, водил мяч по полю — боль не появлялась. Господи, неужели я смогу играть!

Настал день полуфинальной игры с командой Чили. Я был еще далек от настоящей формы, поэтому наблюдал за игрой с трибуны. Но я не горевал, не сомневался, что удастся сыграть в финале. Бразилия победила со счетом 4 : 2, по два гола забили Вава и Гарринча. Это была жесткая игра, и мне с моей травмой лучше было в ней не участвовать. Гарринча, уставший от бесконечной охоты за ним соперников, однажды дал сдачи, и судья сразу же наказал его удалением. Когда Гарринча уходил с поля, кто-то бросил в него бутылку и попал в голову. На рану пришлось наложить швы. Чилийским болельщикам трудно было примириться с поражением своей сборной, хотя и трудно понять, почему они так распоясались.

Три дня спустя я почувствовал себя совсем хорошо и стал отрабатывать подачу угловых ударов. Рядом со мной стоял Пауло

Амарал. Первый же удар вызвал такую боль, что я согнулся. И заплакал, но не от боли, а от краха своих планов.

В финал чемпионата вышла сборная Чехословакии. Я ни секунды не сомневался, что Бразилия второй раз станет чемпионом мира. Так и вышло. Мы выиграли со счетом 3 : 1. В этом напряженном матче Вава, Зито и Амарильдо забили по голу. Так Бразилия стала двукратным чемпионом мира по футболу.

Вернуться в строй мне удалось примерно через два месяца. В том году «Сантос» завоевал суперкубок как лучший футбольный клуб мира. Из тридцати четырех матчей мы выиграли двадцать семь, шесть свели вничью и проиграли только один. Надолго останется в памяти финальная встреча с португальским клубом «Бенфика». Мы с Коутиньо забили все голы: я — три, он — два. «Сантос» победил со счетом 5 : 2.

Остальные два гола были похожи друг на друга. «Сантос» снова разъезжал по белому свету, все более укрепляя свой престиж одной из сильнейших команд мира. Я увидел новые страны, новые города уже известных мне стран.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1965 год оказался весьма насыщенным событиями — приятными и неприятными. Сначала о приятном.

В клуб «Сантос» пришел новый тренер по физической подготовке профессор Юлио Маццей. Профессор говорил на многих иностранных языках и представлял совершенно новый тип тренера. Он оказывал и до сих пор оказывает значительное влияние на мою жизнь.

Крупный специалист по проблемам физической подготовки футболистов, Юлио Маццей умел подвести каждого игрока к пику его физической формы. Он вникал во внутренний мир игрока, изучал его индивидуальность, внимательно относился к его личным проблемам и заботам.

С профессором мы стали хорошими друзьями и дружим до сих пор. Под его влиянием я снова сел за учебники, поступил в университет и окончил его. Тем же обязаны Юлио и многие другие футболисты «Сантоса».

В 1965 году по новому контракту я получил дом одного из менеджеров клуба в красивейшем районе города, в нескольких кварталах от пляжа. Это был прелестный дом. Одна кухня в нем чуть меньше всего нашего дома в Бауре.

Получив такой огромный дом, я решил собрать всю нашу семью. Мой брат Зока уже перебрался в Сантус и жил вместе со мной в доме Пепе Гордо. Он тоже играл за одну из команд «Сантоса», играл неплохо, хотя, не в пример мне, футбол никогда не отвлекал его от регулярных занятий. Зока решил стать адвокатом, через несколько сезонов оставить футбол и целиком посвятить себя изучению права.

Пепе Гордо был против переезда моих родных в Сантус. «Это будет отвлекать тебя от дела», — утверждал он. Поскольку я не мог взять в толк серьезность его утверждения, я не согласился с ним и решил по-своему.

Из Бауру в Сантус переехали Дондиньо, дона Селесте, дона Амброзина, дядя Жоржи, Мария Лусия. Мы снова зажили одной семьей. Только теперь каждый получил по комнате. Мне было приятно каждый вечер возвращаться к родному очагу, в семью. Рядом, по соседству, я намеревался снять квартиру в случае, если Розмари наконец согласится стать моей женой.

Как-то в субботу я отправился рыбачить вместе с отцом Розмари сеньором Холби. Мы шли на веслах в открытый океан, земля скрылась из виду. В тот день океан был неспокоен. Я подождал, пока сеньор Холби не поймает первую рыбину. Наступил подходящий момент для начала разговора.

— Сеньор Холми! Я хочу жениться на Розмари.

Не думаю, чтобы мои слова его удивили. Много лет подряд я захаживал к ним домой, и родителям Розмари, конечно, было ясно, что меня влекло.

Какое-то мгновение он смотрел на меня бесстрастным взглядом, потом пожал плечами.

— Посмотрим.

— Почему не обсудить это сейчас?

— Потому что здесь нет моей жены.

День для меня тянулся нестерпимо долго. Сеньор Холби не привык возвращаться домой без солидного улова. До самого вечера мы сидели в раскачивавшейся на волнах лодке. Мне казалось, этот день никогда не кончится.

Дона Идалина восприняла мое предложение без всякого удивления. Вскоре было объявлено о нашей помолвке.

Мы отпраздновали помолвку на званом обеде по случаю моего двадцатипятилетия. Не обошлось без инцидента. Близорукий и, по-видимому, пьяный фотограф снял меня с сестрой Розмари. На следующий день эта фотография была напечатана в местной газете: Пеле с его будущей женой. Над таким казусом можно было бы только посмеяться и забыть. Но сестра Розмари в то вре-

мя тоже была помолвлена, ее жених не захотел ничего слушать, считая, что нет дыма без огня. Он больше верил газете, чем своей невесте. И он объявил свою помолвку недействительной.

Незадолго до нашей свадьбы с Розмари ко мне явился Пепе Гордо и заявил, что ему срочно требуются деньги. Я удивился:

— А разве банки сегодня закрыты?

— Они открыты, — сказал он, — но ваши счета исчерпались.

Я изумился и заставил его рассказать подробно. Выяснилось, что дела мои шли плохо уже давно, но никто не ставил меня в известность.

Для строительства приобреталась малопригодная земля, стройматериалы закупались у каких-то сомнительных фирм. Дома строились там, где никто не хотел жить.

Целиком и полностью доверяясь Пепе Гордо, я оказался банкротом.

— Как это могло случиться? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Такой спад — явление временное. Главное — расплатиться с кредиторами. Но думаю, что банкротства не избежать.

Банкротство? А ведь каждый бразилец считает, что Пеле один из богатейших людей в стране.

— Я подумаю, как быть, — произнес я.

Прежде всего я упрекнул себя, что так слепо полагался на Пепе Гордо. Мне вспомнилось, как за полгода до этой катастрофы ко мне подошел Зито и сказал, что он выходит из фирмы ввиду несогласия с Пепе Гордо. Он сказал, что приобрел молочную ферму. Мне, разумеется, следовало расспросить Зито, но я этого не сделал.

Передо мной невольно пронеслось, как меня били по ногам защитники соперников, болезненные ушибы и ссадины, не дававшие мне спать по ночам, обжигающие компрессы, мучительная усталость от изматывающих тренировок. И все это вынес, чтобы обеспечить себе будущее. А где оно теперь, это будущее?

Не зная, что мне делать, я решил посоветоваться с сеньором Хозе Бернардес Феррейра, банкиром. Он состоял членом клуба «Сантос».

— Дело плохо, Пеле, — сказал он. — Хуже быть не может. Даже если бы ты продал всю свою землю, дом в Бауру, дом в Сантусе, тебе все равно не удалось бы покрыть долги.

— Но я же зарабатывал огромные суммы, почему от них ничего не осталось?

— Ты не должен был выдавать Пепе Гордо доверенность на

управление делами. Личную ответственность за дела фирмы нес ты, Пепе Гордо лишь подписывал бумаги от твоего имени.

От всего услышанного мне стало жутко.

— Есть ли какой-нибудь выход? Можно ли еще что-нибудь спасти?

— Конечно, ты владелец нескольких жилых домов. Но я посоветовал бы не торопиться с их ликвидацией. Через пару лет они могут возрасти в цене. Что касается самого магазина «Санитария Сантиста», здесь уже ничего не спасешь.

— Объявить о неплатежеспособности?

Немного подумав, он сказал:

— В этой ситуации я вижу только один выход — занять деньги. Ты мог бы взять кредит. Но процент чрезвычайно высок. Еще должен предупредить тебя, что при нынешних темпах инфляции ни один банк не предоставит тебе заем больше, чем на два года. Впрочем, я сомневаюсь, что какой-нибудь банк вообще рискнет дать тебе ссуду под обеспечение.

Я пожал банкиру руку и отправился в клуб «Сантос» к менеджерам. Наш клуб, насколько мне известно, не относился к категории бедных. В конце концов, за «Сантос» я провел более шестисот игр, многие из них за границей. За каждый из зарубежных матчей клуб получал тысячи долларов.

Менеджеры выслушали меня и не поверили, что я действительно разорился, запутался в долгах. Потом они долго совещались между собой.

— Пеле, — было сказано мне, — ты подписал с нами контракт, он действует еще целый год. Мы дадим деньги для покрытия твоих долгов. Но за это ты должен подписать с нами новый контракт на три года. В течение второго года ты не будешь претендовать на повышение жалованья и премиальных, а третий год будешь играть вообще бесплатно.

Я прикинул в уме это предложение. Целый год играть бесплатно? Но у меня не было выбора. Или принять предложение менеджеров «Сантоса», или объявить о своем банкротстве. А это погибель. Я согласился с новыми условиями и подписал контракт.

Однако все эти финансовые неприятности не должны были помешать моей женитьбе. Объявление о нашем бракосочетании дало газетам повод заполнить свои страницы самыми нелепыми выдумками и измышлениями. Свадьба пришлась на понедельник, в разгар карнавала, когда все учреждения и магазины Бразилии по традиции закрыты и для газетчиков дефицит новостей. Вот они и накинулись на подвернувшуюся тему.

В одной газете сообщалось, что церемония бракосочетания со-

стоится на стадионе «Пакаэмбу» в Сан-Паулу, поскольку только его трибуны могли вместить всех приглашенных гостей. В Рио-де-Жанейро появилось другое сообщение, что стадион «Пакаэмбу» слишком мал, поэтому бракосочетание переносится на стадион «Маракана». Писалось также о том, что я вместе с Розмари вылетаю в Рим, где нас собирается венчать сам папа римский. Мелькнула новость, что все торжества переносятся в столицу Бразилии, где церемонию бракосочетания возглавит президент республики.

Мы же планировали скромное венчание в кругу семьи — в доме моих родителей в Сантусе. Так оно и произошло. Обряд бракосочетания совершил пастор местной церкви в присутствии ближайших родственников и друзей. В Бразилии, как и при крещении младенца, принято иметь свадебного «крестного отца». Еще несколько лет назад я просил выступить в этой роли Пепе Гордо. Розмари была возмущена. Мало того, что он промотал мои деньги, он еще и возражал против нашей свадьбы, намекая, что брак между черным Пеле и белой Розмари породит массу всяких проблем. Но я был обязан держать слово, и Пепе Гордо с совершенно невозмутимым видом выполнил возложенную на него миссию: бракосочетание прошло без сучка без задоринки.

За оградой дома полиция сдерживала толпы людей, которым хотелось глянуть на невесту, на жениха и на немногих участников свадебного торжества. Затем, когда толпе на улице надоело ждать и люди вспомнили о карнавале, нам с Розмари удалось сбежать.

Нас пригласил к себе мой старый друг, немец из Мюнхена, Роланд Эндлер, с которым меня связывают тесные отношения по сей день. Он крупный промышленник, но его главное увлечение в жизни — футбол.

— Ты должен провести медовый месяц в Европе, — сказал он. — Будь моим гостем.

Несколько дней мы провели с Роландом в Мюнхене, затем отправились по Европе, останавливаясь в принадлежащих Роланду пансионах. Нас осаждали толпы журналистов и любителей автографов. Это производило впечатление на Розмари. Но сама она не любила и до сих пор не любит находиться в центре внимания.

Я впервые чувствовал себя таким счастливым. Мне было приятно показывать Розмари города, в которых я бывал, гостиницы, в которых останавливался, стадионы, на которых играл. Мы проехали по Франции и прибыли в Париж, затем отправились в Швейцарию, где большое впечатление на Розмари произ-

вели Альпы, поскольку самая высокая гора у нас в Бразилии напоминает холм. Мы впервые могли распорядиться своим временем, мне на надо было нестись из одного города в другой, чтобы не опоздать на очередной матч. В Вене нас ждал сюрприз. В гостинице нам сообщили, что у входа нас ожидает бургомистр города. Мы с удивлением переглянулись. Нам объяснили, что это старый обычай. Мы действительно увидели старомодный экипаж, которым в давние времена пользовались королевские особы. Шесть огромных лошадей из трех парных упряжек терпеливо ждали сигнала кучера. Мы сели на указанные нам места, и экипаж торжественно тронулся. Толпы народа по обеим сторонам улиц восторженно приветствовали нас. Экипаж остановился перед ратушей, Розмари и меня провели в здание, где состоялась повторная церемония «бракосочетания». Стоя перед бургомистром, мы повторили свое согласие на брачный союз и расписались в «Золотой книге» для посетителей.

Следующим этапом нашего путешествия стала Италия. В местечке Риччоне на берегу Адриатического моря мы планировали провести целую неделю. У Роланда там был свой дом, он предоставил его в наше распоряжение. Надеясь по-настоящему отдохнуть, мы упустили из виду энтузиазм мэра Риччоне. В первое же утро мы услышали под окнами духовой оркестр. И так продолжалось целую неделю, не говоря уже о многочисленных банкетах.

В Риме нас принял папа римский. Мы с Розмари верующие католики, поэтому можно понять наше душевное состояние при встрече с главой нашей церкви.

Наше путешествие закончилось в Германии — там же, откуда началось. Невозможно было выйти на улицу — мгновенно набегала толпа (обычно в сопровождении репортеров), все просили дать автограф или задавали тысячу самых разных вопросов, причем многие старались проверить на мне свои знания испанского языка, рассчитывая, что мы в Бразилии говорим по-испански.

Бедную Розмари утомлял повышенный к нам интерес. Мне тоже по душе уединенность. Приятно было скрыться вечером от людей и побыть вдвоем, обсуждая события минувшего дня и программу завтрашнего или размышляя о нашей будущей квартире в Сантусе. Иногда мы просто молча сидели рядом, и это доставляло нам радость. Мы провели в общем прекрасный месяц.

Накануне отъезда я решил сделать кое-какие покупки в магазине. При выходе из гостиницы меня, как всегда, поджидала толпа. В магазине, когда я собрался оплатить покупку, хозяин поднял руку:

— Нет, нет, Пеле! Это мой подарок!

— Послушайте, — сказал я, — если я приму подарок, то уже никогда не смогу переступить порог вашего магазина. Иначе может сложиться впечатление, что я повадился ходить в магазин, злоупотребляя вашей добротой. Пожалуйста, дайте мне самому заплатить.

Аргумент не произвел на коммерсанта никакого впечатления.

— Конечно, вы можете делать у меня покупки и в будущем. В любое время. Всегда пожалуйста!

— Но в будущем вы позволите мне оплачивать свои покупки?

По его лицу скользнула улыбка:

— Когда придете снова, тогда и поговорим.

Вечером об этой истории было напечатано в газетах, а на следующий день нас буквально завалили подарками: чеки на приобретение стиральных машин, холодильников, газовых плит, даже автомобилей. Чтобы увезти домой хотя бы часть всего этого добра, нам пришлось бы нанять целый пароход. Но в Бразилии строгие законы, запрещающие ввоз в страну многие из товаров. Целых три дня мы возвращали владельцам чеки, подарки, сувениры. Все это время мы лучше бы провели вдвоем.

Так закончился наш чудесный месяц. Счастливые, вернулись мы в Сантус, в нашу собственную первую семейную квартиру. В Европе Розмари много и увлеченно фотографировала. Дома она принялась проявлять отснятые пленки и печатать фотографии, а ее муж приступил к своей обычной работе. Такой работой, кроме игр за «Сантос», стали еще и тренировки в составе бразильской сборной, готовившейся к участию в первенстве мира по футболу 1966 года.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Выступления бразильской сборной в чемпионате мира 1966 года можно охарактеризовать как явный провал. С 1958 года минуло целых восемь лет, и выяснилось, что непросто заменить таких футболистов, как Диди, Гарринча, Жильмар, Мауро, Белини, Нилтон Сантос, Джалма Сантос, Вава. Но основная наша проблема заключалась в том, что под влиянием прошлых успехов вся страна твердо верила в победу на мировом чемпионате в третий раз подряд. Такие шапкозакидательские настроения царили не только среди болельщиков, но и в бразильской федерации спорта, и в технической комиссии национальной сборной. Если верить высказываниям руководителей технической комиссии, то нам достаточно было лишь появиться на стадионах Англии, чтобы

обыграть всех соперников и принять из рук королевы золотой кубок.

Мне кажется, мировой титул стал уплывать от нас задолго до того, как мы приступили к тренировкам. У нас пальцем о палец не ударили, чтобы преодолеть этот абсолютно неоправданный оптимизм. Начать с того, что к тренировкам в составе сборной было привлечено чрезвычайно большое число футболистов. Обычно приглашают не более двадцати восьми человек, из которых тренер и техническая комиссия отбирают двадцать два лучших игрока. В тот же год руководители команды вызвали на сборы сорок четыре футболиста. С половиной из них перед окончательным формированием состава предстояло расстаться. Это был совершенно непродуманный метод селекции, который ни в коей мере не способствовал росту доверия отобранных игроков к членам технической комиссии, от которой зависела судьба футболистов. Такая система подготовки ни на шаг не приблизила нас к победе на чемпионате. Не служило этой цели и решение руководителей разделить такой большой коллектив из сорока четырех игроков на четыре самостоятельные группы, чтобы тренировать их независимо друг от друга в разных местах. Это немыслимо, но это так. И когда мы улетали в Европу, наша команда не представляла собой единой семьи.

При формировании сборной селекционеры допускали и другие ошибки. Так, они спрашивали меня и других более опытных игроков, что мы думаем о возможностях того или иного новичка. Это приводило к спорам и разногласиям среди игроков. Откуда нам было знать, в какой форме тот или иной игрок, если он попал в другую группу и не тренировался вместе с нами?

Нашим тренером снова стал Висенте Феола, но это был уже не тот Феола, который так блестяще руководил командой в 1958 году. Он уже не обладал всей полнотой власти да, видимо, и не очень к этому стремился.

Паулу Амарал уже не отвечал за физическую подготовку игроков, хотя и оставался членом технической комиссии. Его место занял Бруно Херманн, предшествующая деятельность которого не имела ничего общего с футболом.

Когда мы вылетели в Европу и приступили к серии тренировочных матчей в разных странах, неразбериха в команде усилилась. Сначала мы играли в Мадриде, потом в Шотландии, затем последовало несколько встреч в Швеции. Ни на одну из этих встреч тренеры не заявляли один и тот же состав. В течение всего турне не прекращался отсев игроков. Эта участь постигла Карлоса Альберто и Джалму Диаса, хотя они, без сомнения,

являлись одними из лучших в команде, были прекрасно подготовлены физически, чего нельзя было сказать о других кандидатах. На матче в Шотландии в линии нападения играли Жаирзиньо, Герсон, Сервилио, Парана и я. Мне казалось, мы вполне сыгрались и начали понимать друг друга, тем не менее после этого матча Сервилио был выведен из состава и без всякого объяснения отправлен в Бразилию. Точно так же руководители сборной обошлись с Валдиром и Дино Сани после матчей в Швеции. Даже в Англии у нас все еще не сложился костяк первых исполнителей и запасных.

Руководители команды продолжали пребывать в блаженном неведении относительно истинного положения вещей, наивно полагая, что победа сборной Бразилии в этом чемпионате уже обеспечена и для волнений нет ни малейших оснований. Правда, однажды они почувствовали, что не все идет как надо. Тогда провели собрание, чтобы нас успокоить. Но это собрание было пустой тратой времени. Руководители отказывались верить, что команду мучают нерешенные проблемы. Был сделан вывод, что мы не способны справиться с предстартовым волнением и нам надо расслабиться. От нас требовался сущий пустяк — выиграть ближайшие пять матчей и вернуться домой с кубком.

Когда игроки стали расходиться после собрания, мы с Гарринчей многозначительно переглянулись. Если бы я был пьющим, было бы самое время хватить хороший глоток! Во мне крепла уверенность, что нам не удастся выиграть ни одного матча. Допущенные ошибки не могли не привести к провалу.

В первом официальном матче нашим соперником была болгарская сборная. Нам удалось выиграть со счетом 2:0. В первом тайме я забил гол со штрафного удара, а во втором мяч влетел в сетку ворот болгар после удара Гарринчи. После этой победы и без того непомерная самоуверенность руководителей сборной еще более возросла. Впоследствии это сыграло роковую роль.

После игры я почувствовал страшную усталость. На протяжении всего матча за мной безжалостно охотился болгарский игрок Зечев. Позже мне стало известно, что тогдашний президент ФИФА Стэнли Роуз, отбиравший судейскую бригаду, дал указание не очень строго судить «смелую» игру европейских команд против южноамериканцев, и Зечев делал все, чтобы меня искалечить. Наши руководители решили не заявлять меня на следующую игру с венгерской сборной. Я думаю, что эта была еще одна ошибка. По их мнению, победить венгров не составит труда, поэтому можно дать отдохнуть ведущим игрокам, сберечь их силы для более ответственных матчей.

И вот волею руководителей на поле вышла странная команда в футболках бразильской сборной. Я наблюдал за игрой с трибуны. Даже после перерыва, когда Тостао удалось сквитать пропущенный гол, мы все еще сохраняли шансы выйти в четвертьфинал. Для этого требовалось одно — удержать ничейный счет (максимум того, на что мы могли реально рассчитывать в игре с такой сильной командой, как венгерская сборная). Но такой установки от тренеров не последовало. На поле доминировали универсальный центральный нападающий венгерской сборной Флориан Альберт и подвижный правый крайний Ференц Бенэ. Во втором тайме венгры увеличили счет с одиннадцатиметрового. И в итоге победили со счетом 3 : 1. Я с тягостным чувством уходил с трибуны стадиона. Впервые за двенадцать лет бразильцы покидали поле побежденными.

Теперь команда оказалась в трудном и опасном положении. Венгры набрали четыре очка, столько же португальцы, а мы только два. Для нас оставался единственный шанс — победить португальцев, причем обязательно с крупным счетом. Задача трудная, но выполнимая, хотя наш соперник хорошо отдохнул накануне. Португальская команда имела уникального футболиста Эйсебио, выдающегося полусреднего, Колуну, а также Мориаса, отличающегося жесткой игрой в защите. Только теперь до сознания наших руководителей наконец-то дошло, что мы плохо организованы и плохо подготовлены к матчам такого высокого ранга, но времени для исправления допущенных промахов уже не осталось.

Трудно поверить, но до самой последней минуты никто из нас не имел представления, какой состав выйдет на матч с Португалией. На доске, где объявлялся состав, появлялись все новые и новые имена. Когда мы наконец вышли на поле, среди нас было очень мало ветеранов. В воротах стоял Манга, в защите — Фиделис, Брито, Орландо и Рильдо, в полузащите — Лима и Денильсон, в нападении — Жаирзиньо, Сильва, Парана и я. По сравнению с предыдущим матчем было сделано семь замен — немыслимый случай в практике мировых чемпионатов! Отсутствовали Жильмар, Белини, Джалма, Сантос и Гарринча — все чемпионы мира. В таком составе мы никогда в жизни не выступали и даже ни разу не тренировались вместе. Анекдотический случай! На мировом чемпионате, когда соперник — одна из сильнейших команд турнира, это было настоящим самоубийством. Видимо, нашим руководителям осталось уповать на то, что, как говорится, бог был бразильцем.

Результат игры ни для кого не явился сюрпризом. Первый гол Манга пропустил на четырнадцатой минуте первого тайма.

Мяч, поданный Эйсебио по центру, он отбил прямо на Симоэса, который пробил головой точно в сетку ворот. Двадцать пять минут спустя в наши ворота влетел еще один гол — Колуна разыграл штрафной с Торресом, тот отправил мяч в штрафную площадку, и набежавший Эйсебио ударил головой. Нашему защитнику Рильдо удалось сократить разрыв. Он великолепно прошел с мячом и забил красивый гол. Но прежде чем в наших сердцах затеплились надежды на перелом в ходе игры, Эйсебио разрушил их, вкатив в ворота Бразилии еще один гол мимо вратаря. Окончательный итог матча 3 : 1 в пользу Португалии.

У португальского защитника Мораиса, видимо, была конкретная цель — вывести меня из строя. В одном из игровых эпизодов он подставил мне ногу, а когда я споткнулся и упал, Мораис прыгнул на меня бутсами. Зрители на трибунах поднялись со своих мест, выражая негодование такой грязной игрой, однако английский судья Мэккэб позволил Мораису продолжать игру. Д-р Гослинг и Марио Америко помогли мне встать и уйти с поля. Бразильской сборной пришлось вдесятером доигрывать этот матч, после которого мы выбыли из дальнейшего участия в чемпионате.

В четвертьфинальных играх Англия встретилась с Аргентиной, Уругвай — с Западной Германией, Советский Союз — с Венгрией и Португалия — с Северной Кореей. Из игр этого тура самым интересным был матч Португалии и Северной Кореи. Его начало было бурным. Футболисты Северной Кореи на первой же минуте забили свой первый гол в результате впечатляющего сольного прохода центрального нападающего Пак Сеунг Джина, он совершенно неожиданными финтами обыграл португальских защитников и открыл счет. Вскоре Ли Донг Вун и Янг Сунг Коок довели счет до 3 : 0. Шла только двадцатая минута первого тайма! Казалось, перелома в игре не предвидится, но Эйсебио убедительно доказал, что один способен добиться не меньшего, чем соперники. Свой первый гол он забил на двадцать восьмой минуте. А незадолго до перерыва поразил ворота с одиннадцатиметрового удара, после того как сбили Торреса. Через пятнадцать минут после перерыва Эйсебио сравнял счет, а потом вывел свою команду вперед, реализовав еще один пенальти. До того как прозвучал финальный свисток, португалец Аугусто поставил последнюю точку в матче, забив мяч после розыгрыша углового. Выиграв этот матч со счетом 5 : 3, португальская сборная вышла в полуфинал.

Англия обыграла Аргентину, причем этот матч стал известен своей грубостью, а также откровенно слабым судейством, что, к сожалению, было характерно для чемпионата 1966 года. Западная

Германия победила Уругвай 4 : 0 в не менее грязной игре, в ходе которой судья удалил двух уругвайцев с поля. Советская команда одолела венгерскую сборную 2 : 1 в основном благодаря отличной игре вратаря Льва Яшина, выступавшего в третьем чемпионате мира.

Полуфиналы свели Англию с Португалией, а Советский Союз с ФРГ. В этом матче ни русские, ни западные немцы не продемонстрировали высокого мастерства, кроме опять-таки Яшина, который вновь блеснул отличной игрой в воротах. Двое русских были удалены с поля; играя вдевятером, их команда лишилась всяких шансов на успех. Западная Германия победила 2 : 1 в очень посредственной игре. Англия взяла верх над Португалией с тем же счетом 2 : 1. Португальцы, раздраженные высказываниями печати о грубости Мораиса против меня, на этот раз вели себя самым корректным образом, но их корректной игры хватило только на то, чтобы проиграть.

В финале Англия играла с ФРГ. На тридцатой минуте англичане фактически подарили гол соперникам. Защитник Вильсон неизвестно зачем отбросил мяч головой не своему товарищу по команде, а сопернику, нападающему Халлеру, который охотно пробил по воротам мимо вратаря Бэнкса. Но уже через шесть минут англичане сквитали пропущенный гол, а во втором тайме повели в счете. Когда до финального свистка оставалось меньше минуты, Чарльтон нарушил правила, и западным немцам было предоставлено право на одиннадцатиметровый удар. Счет снова оказался равным, и было назначено дополнительное время. И тогда англичане наконец вышли из оцепенения и забили два гола подряд, выиграв со счетом 4 : 2 этот матч и звание чемпионов мира.

После чемпионата я поклялся никогда больше не выступать в матчах на первенство. Буду спокойно играть за «Сантос» и, может быть, только иногда за национальную сборную, но только не в чемпионате мира! Я не хочу расплачиваться своими костями за бездарность судейства. Под впечатлением игры Зечева в матче с Болгарией один французский журналист предсказал, что при таких соперниках и при таком судействе мне не дождаться окончания турнира. И он оказался прав. Другой журналист назвал «скандальным» упорство, с каким Мораис охотился за мной в матче с Португалией. Однако судьи ухитрялись не видеть этих явных нарушений. В результате у меня была так искалечена нога, что я уже подумывал о конце своей футбольной карьеры.

Надо ли говорить о том, как обрушились на нас, игроков, печать и средства массовой информации за проигрыш? И хоть кто-нибудь упрекнул бы руководителей сборной за их ужасную орга-

низационную работу, за чрезмерную уверенность и самонадеянность. Не звезды выигрывают в футболе, а команды. Футбол — игра коллективная, ни один, даже самый талантливый, игрок не способен выиграть за всю команду.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Откровенно признаться, по возвращении с мирового чемпионата душа у меня совсем не лежала к футболу. Футбол открылся мне своей теневой стороной. Соперники часто охотились за мной на поле, но я не припомню, чтобы это делалось так открыто и злонамеренно, как в Англии.

В тот год, залечив травму, полученную во встрече со сборной Португалии, я принял участие лишь в пятидесяти матчах и забил только сорок два гола — самый слабый показатель за все годы моего выступления в профессиональном футболе. Правда, судьба тогда впервые занесла меня в Соединенные Штаты Америки. Клуб «Сантос» встречался с «Бенфикой» (Португалия) на Рэндэл-Айленд в Нью-Йорке и победил со счетом 4 : 0. Затем мы играли с итальянским клубом «Интернационале» на Янки-стадионе и выиграли 4 : 1. На этом матче был установлен рекорд посещаемости американцами соревнований по футболу — на трибунах находилось 42 тысячи зрителей. Этот рекорд продержался до 1976 года, когда на матче в Сиэтле присутствовало 58 тысяч. Но даже поездка в США не всколыхнула во мне прежней любви к футболу.

Только дома я чувствовал себя счастливым. Мы с Розмари с волнением ожидали рождения нашего первенца. Наверное, мальчика постоянно будут сравнивать с отцом. Не будет ли он страдать от этого? Что ж, если ему захочется посвятить себя футболу, я охотно ему в этом помогу, как мне помогал Дондиньо. Но если он не будет испытывать ни малейшего желания гонять мяч по полю, я и к этому готов. Больше всего я хочу, чтобы у моего сына было нормальное, счастливое детство. Я хотел, чтобы мой сын учился и независимо от своего отношения к футболу брал в этом пример не со своего отца, а с дяди Зоки.

Но Розмари разрешила все мои сомнения, подарив не мальчика, а девочку — Келли Кристину. Теперь Розмари и дочь всякий раз радовались моему возвращению после трудного матча. Такие встречи снимали с меня любое нервное напряжение, и постепенно я стал снова находить радость и удовольствие в футболе, заиграл с прежним энтузиазмом и задором.

В 1967 году я сыграл шестьдесят семь матчей, забив пятьдесят пять мячей.

Мне было грустно надолго уезжать от семьи, а, как назло, в тот год «Сантос» разъезжал больше обычного.

В первые два месяца 1967 года состоялось наше традиционное турне по Южной Америке. В конце мая менеджеры «Сантоса» организовали поездку по Африке и Европе, тоже на два месяца. Каждый день новые страны, города и стадионы. Не оставалось времени на отдых.

Моя первая встреча с Африкой вызвала во мне сильные эмоции. Мы играли в Либревиле, Киншасе, Браззавиле. Где бы я ни появлялся, на меня смотрели как на человека, который доказал, чего может добиться в жизни чернокожий. Во мне видели пусть слабый, но все же лучик надежды выбиться из задавившей страшной нищеты. Стадионы были заполнены, зрители ожидали нашего приезда с раннего утра, а некоторые дежурили целые сутки. Часто полиции приходилось сдерживать толпу, чтобы президент государства мог подойти и поприветствовать нас, побеседовать с нами через переводчика. Эти дни оставили в моей душе самые яркие впечатления от первого знакомства с Африкой и африканцами. Запомнился такой случай.

Мы играли в столице Сенегала Дакаре. Трибуны были переполнены, забиты даже проходы. В первые десять минут, дважды получив мяч, я оба раза обводил защитников, выманивал вратаря и спокойно закатывал мяч в сетку. После второго гола вратарь вдруг поднял руку, прося судью о замене. Тут я заметил, что он, убитый горем, безутешно плачет. Никогда я не видел, чтобы вратарь так обливался слезами. Потерянный и удрученный вратарь покинул поле, и в ворота пришлось ставить запасного. До моего сознания дошло, что я не просто забил два гола, но и представил здешнего вратаря в самом глупом виде перед соотечественниками. После матча я зашел в раздевалку сенегальской команды, чтобы поговорить с этим человеком. Я хотел объяснить ему, что это всего лишь игра. Но вратарь отказался встретиться со мной, чем оставил у меня в душе горький осадок. Это был единственный случай, омрачивший мое настроение во время многодневного африканского турне.

Следующий год пролетел без особых событий. Келли Кристина подрастала, семейная жизнь успокаивающе действовала на меня. Под впечатлением этого я уже не так остро переживал ушиб ноги или повреждение колена. Год сложился исключительно успешно для «Сантоса». Команда победила в пяти крупных турнирах. Мы провели восемьдесят один матч, я забил пятьдесят девять голов. Коммерческие мои дела тоже шли непло-

хо, и я уже подумывал о необходимости открыть постоянную контору.

Мы совершили второе турне по Соединенным Штатам, выступали в Бостоне, Кливленде, Вашингтоне. В Америке меня знают немногие, и я мог спокойно гулять по улицам, сидеть в ресторане.

На этот раз я убедился, что в Америке огромное будущее для футбольной игры. Современный футбол вполне может утвердиться на американской земле, у него будут свои зрители, появятся настоящие футбольные команды и поля. Очень немногие помнят, что команда США принимала участие еще в первом чемпионате мира 1930 года, победила Бельгию и Парагвай с одинаковым счетом 3 : 0, но в полуфинале проиграла аргентинцам. Сейчас в США требуется импульс, чтобы возродить былую популярность футбола. Так я размышлял тогда, совсем не подозревая о том, что однажды приеду в Соединенные Штаты и буду играть в составе американской команды.

В 1969 году я наконец рассчитался с клубом «Сантос» за долги. Теперь я мог начать все заново.

Однажды я познакомился с телевизионным импресарио Марби Рамундини, он предложил мне роль ведущего в многосерийной передаче. Я с трудом выкраивал на это время — приходилось вставать ни свет ни заря и ехать на съемки до тренировки или же заниматься этим поздней ночью после игры. Кроме того, при содействии Марби Рамундини я стал еще спортивным комментатором. Кроме того, мое имя мелькало на рекламе самых разных товаров — от велосипедов до батареек карманных фонарей, от обуви до наручных часов, от спортинвентаря до кофе. Но никогда я не давал использовать свое имя для рекламы табачных и алкогольных изделий.

Поступающие деньги я вкладывал в земельную собственность. Приобретение земли — один из наиболее надежных способов приложения капитала в Бразилии. Постепенно стало ясно, что мне потребуется контора.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Приближался чемпионат мира 1970 года в Мексике. Мне предложили в четвертый раз войти в состав бразильской сборной. На мое решение повлиял тот факт, что чемпионат проводился в Мексике. Я уже много раз играл в Мехико и в других городах, расположенных в горах, и знал, что при соответствующей трени-

ровке наша команда легко сможет приспособиться к условиям высокогорья. По сравнению с другими странами у нас было преимущество.

Немаловажное значение имело и еще одно обстоятельство. В Мексике к нам, бразильцам, всегда относились с симпатией, оказывали гостеприимство. Мы чувствовали себя в этой стране как дома. А благожелательная публика — это тоже преимущество.

Итак, я изменил свое решение и согласился войти в сборную страны. Тем более что с Тостао, центральным нападающим, мы всегда прекрасно понимали друг друга на поле, точно так же, как мы сыгрались в «Сантосе» с Коутиньо.

Вначале сборную принял тренер Морейра, но в начале февраля его место занял Жоао Салданья.

За основу национальной сборной Салданья взял «Сантос», добавив к нему сильнейших игроков из других клубов. В первом туре отборочных соревнований на поле вышла команда, в составе которой было шесть игроков «Сантоса», двое из клуба «Крузейро», по одному из «Сан-Паулу», «Флуминенсе» и «Ботафого». Некоторые клубы стали упрекать тренера в пристрастном отношении к «Сантосу». Эти упреки подхватила пресса, но Салданья заявил, что ответственность за команду возложена на него, и, если его оставят в покое, он проведет сборную не только через отборочные матчи, но и приведет ее к победе в чемпионате.

В отборочном турнире никаких трудностей у нас не было. Мы сыграли в столице Колумбии и победили 2 : 0, оба мяча забил Тостао. Четыре дня спустя мы обыграли сборную Венесуэлы на ее поле в Каракасе со счетом 5 : 0 — три гола были на счету Тостао, два забил я. Наш моральный дух был высок. С хорошим настроением мы отправились в столицу Парагвая для проведения там своей третьей игры. Мы нисколько не сомневались, что легко выиграем последний матч на выезде и вернемся в Рио-де-Жанейро с тремя победами.

Мы вышли на поле стадиона в Асунсьоне, и я удивился: по настроению публики можно было подумать, что она приготовилась к войне, а не к поединку двух футбольных команд. Такие нравы характерны для Парагвая и Уругвая. Я подумал, как бы не возникла драка, как это случилось в Монтевидео десять лет назад. В тот день сцепились две команды, запасные игроки, судья в поле, судьи на линии и, естественно, болельщики. Чтобы унять побоище, была вызвана вся полиция города. Эта игра так и осталась незавершенной. Я боялся, как бы это не повторилось.

Прежде чем парагвайские болельщики успели освистать нас,

половина зрителей на трибунах поднялась с мест и устроила нам овацию. Мы поняли, что это были бразильцы. Они размахивали бразильскими национальными флагами. Это придало нам уверенности, и мы легко победили 3 : 0. Жаирзиньо и Эду забили по мячу, а парагваец Мендоза невольно помог нам, срезав в сетку собственных ворот.

В Рио-де-Жанейро мы вернулись с хорошим настроением. Мы ощущали себя одной семьей.

В 1970 году было внесено изменение в правила игры: теперь разрешалось делать две замены, и в игре с Колумбией Пауло Цезар во втором тайме выходил на поле вместо Жаирзиньо, а в матче против Венесуэлы Эверальдо сыграл целый тайм вместо Рильдо. В остальном команда выступала в неизменном составе. Разительный контраст по сравнению с 1966 годом!

Дома мы встретились с колумбийской сборной на стадионе «Маракана» и победили 6 : 2. Тостао забил два мяча, Эду, Ривелино, Жаирзиньо и я — по одному. В том матче Герсон и я во втором тайме уступили свое место молодым. Три дня спустя мы встретились с командой Венесуэлы и выиграли со счетом 6 : 0, причем Тостао забил три гола, я — два, Жаирзиньо — один. Теперь только Парагвай, до сих пор переживавший свое поражение в Асунсьоне и обидный гол в собственные ворота, отделял нас от участия в финале чемпионата мира в Мексике.

Состав, который в последний день августа был заявлен на этот матч, мало чем отличался от других отборочных игр. Речь шла о все тех же футболистах из числа двадцати двух, которых тренер с самого начала призвал под знамена национальной сборной. Это была самая сильная команда, которой в то время располагала Бразилия. Мы не сомневались в легкой победе. Но парагвайцы решили дать нам бой и заиграли старательно, с вдохновением. Их защитные линии были непробиваемы, и только слабая игра нападающих спасла нас от поражения. Время игры истекало, но ни мне, ни Жаирзиньо, ни Эду, ни Тостао не удавалось открыть счет. И вот когда осталось совсем немного времени, я, получив мяч, прорвался сквозь их защиту в штрафную площадку, обманул вратаря и послал мяч в сетку. Игра закончилась со счетом 1 : 0.

Так мы завершили отборочные матчи, одержав убедительные победы над своими соперниками во всех встречах. Бразильская сборная забила двадцать три мяча, пропустив в свои ворота только два. Салданья выполнил свое обещание провести Бразилию через отборочные матчи.

Но открытие мирового чемпионата намечалось на июнь следующего года, оставалось еще много времени.

В середине октября 1968 года бразильская пресса обнаружила, что количество голов, забитых мною в официальных матчах, приближалось к тысяче. Джимми Мэккрори из «Глазго Селтик» (Великобритания) покрыл себя неувядаемой славой, забив в ворота соперника 500 мячей. Говорилось, что любой игрок, забивший тысячу голов, сам себе поставит памятник и прославит тем самым свою родину и футбол.

Эту историю с тысячным голом подхватили за границей. К октябрю на моем счету было приблизительно 990 голов.

Забить тысячу мячей — немыслимое дело. Интерес печати и болельщиков во всем мире был огромен, но меня эта история здорово выбивала из колеи. Я с удовольствием воспринял бы весть о том, что в матче накануне мною уже забит тысячный гол. Но ожидание было нелегким испытанием для моей нервной системы.

Между тем все шло своим чередом. Пятнадцатого октября — игра против «Португеза Деспортес», которую «Сантос» выиграл со счетом 6 : 2, причем четыре мяча были мои.

Газеты и журналы вели тщательный подсчет этих «предъюбилейных» голов. Неделю спустя «Сантос» играл с «Куритибой» в столице штата Парана, и я забил еще два гола. Со всего мира начали съезжаться представители прессы. Каждый раз, когда я приближался с мячом к штрафной площадке, на меня со всех сторон наставляли десятки кино- и фотокамер, что очень раздражало меня. В следующей игре против «Флуминенсе» была зафиксирована нулевая ничья. Первого ноября на моем счету гол в матче с клубом «Фламенго». Но после этого все застопорилось.

Четвертого ноября последовало наше жестокое поражение от «Коринтиан» (Сан-Паулу) со счетом 1 : 4, причем я ушел с поля без гола. Волнение передалось всей команде. Пять дней спустя мы сумели добиться только ничьей 1 : 1 во встрече с клубом «Сан-Паулу», причем автором гола нашей команды был не я. Можно представить огорчение прессы и радио. Ведь тратились немалые деньги на затянувшееся содержание целой армии журналистов.

Я отдавал себе отчет, что вся команда «Сантос» вместе со мной стремится поскорее достичь этой магической границы, чтобы наконец спокойно играть в футбол и не чувствовать себя как под увеличительным стеклом.

Двенадцатого ноября в матче против клуба «Санта Круз» в

Ресифи я забил два мяча из четырех (мы выиграли со счетом 4 : 0) и довел свой актив до 998 голов. На нашем следующем матче в северо-восточном штате Параиба наблюдался еще больший наплыв журналистов. Там был забит 999-й гол. И вот 16 ноября, когда мы приехали в штат Байя на игру с клубом «Эспорте», мне показалось, что с этого матча все радиостанции страны ведут репортаж.

Как мне хотелось поскорее забить этот проклятый тысячный гол, чтобы наконец обрести покой. В голову пришла зловещая мысль: а что, если на этот гол потребуются многие годы моей жизни, что тысячный гол будет ускользать от меня?.. Сотни кино- и фотокамер преследовали меня буквально по всему полю. Они казались мне глазами марсианских чудовищ. А тут еще газеты штата Байя объявили, что, если юбилейный гол будет забит в этом матче, город устроит такое торжество, которое затмит карнавал в Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу.

Многодневное психологическое давление, несомненно, сказывалось на моем состоянии и моей игре. На протяжении всего матча мне так и не представился шанс для взятия ворот. И лишь перед самым финальным свистком я почувствовал, что этот миг наступил! Получив мяч, я резко рванулся вперед и стал обходить одного игрока за другим. Обыграв защитников, я обманул вратаря и ударил по воротам. К моему сожалению, мяч попал в перекладину и отскочил на поле, около него оказался мой товарищ по команде Жаир и добил его в сетку. Матч закончился со счетом 1 : 1, тысячный гол снова отдалился от меня.

Нашим следующим соперником был клуб «Васко да Гама» на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро. В день матча лил дождь, как может он лить только в тропиках. Казалось, разверзлись небеса. Воду можно было черпать ведром. И тем не менее восемьдесят тысяч зрителей не побоялись дождя и пришли на стадион. чтобы быть свидетелями беспрецедентного момента в истории футбола. Во имя такого количества мокнущих под дождем мучеников действительно стоило показать все, на что ты способен.

Меня опекал защитник клуба «Васко да Гама» Рене, своим телосложением он напоминал Нилтона Сантоса. С ногами мощными, как ствол дерева, он внушал страх любому сопернику. На скользком поле защитник не отпускал меня ни на шаг. За первые тридцать минут я почти не коснулся мяча. Но вот, получив мяч, я на какое-то мгновение сместился в сторону от опекуна и обманным движением оставил его у себя за спиной. Рене кинулся меня догонять, но я прямо через лужи несся в штрафную площадь. Обыграв защитников, вышедших на пере-

хват, я со всей силой ударил. Мяч летел прямо в ворота под нарастающие крики зрителей. Ослепленный вспышками блицев, я все же увидел, что вратарь подпрыгнул и дотянулся до мяча, переправив его кончиками пальцев через перекладину.

Меня охватило разочарование. Но в этот же момент, как ни странно, я полностью преодолел волнение. Тысячный гол ничем не отличался от других, просто его надо как-нибудь протолкнуть в сетку ворот. А моего опекуна Рене вполне можно обыграть.

Снова получив мяч, я обманным движением обошел защитника и устремился в штрафную площадь. И снова я обвел защитников, и снова произвел удачный прицельный удар по воротам. Мяч попал в перекладину, но на этот раз я уже был готов добить его головой. Но Рене, тоже прыгнувший вверх, неудачно коснулся мяча в воздухе, и от его головы он влетел в ворота. На гол Рене в собственные ворота трибуны ответили неодобрительными возгласами, но не потому, что «Сантос» повел в счете, а потому, что Рене помешал мне забить магический тысячный гол.

Времени еще оставалось много. Прекрасной передачей Клодоальдо вскрыл защитные линии соперника — между мной и вратарем оказалось только двое: Фернандо и Рене. Я мгновенно ринулся вперед, но Фернандо, предотвращая мой выход к воротам, поскользнулся на мокрой траве и ногами вперед врезался мне в бок. Публика вскочила с мест. Одиннадцатиметровый!

Конечно, свой тысячный гол я надеялся забить не с пенальти. Но в тот момент я был мысленно согласен и с таким вариантом. Я уже не помню, как долго я устанавливал мяч. Все это время вратарь не спускал с меня глаз. Я пытался избавиться от всяких посторонних мыслей, не думать о важности этого гола. Мне вспомнилось, как давно-давно я не забивал мяча с одиннадцатиметрового. Но это воспоминание я перебил мыслью о том, что чем больше я тяну время, тем больше вероятность промаха. А если я промахнусь? Черт возьми!

В таком состоянии я разбежался, ударил и увидел, как мяч обогнул вытянутые руки вратаря и опустился в сетку ворот.

Пронзительный крик трибун, казалось, остановил дождь, не прекращавшийся в течение всего матча. Из-за ворот на меня набросилась толпа фотокорреспондентов. Вслед ринулись сотни зрителей с трибун, не обращая внимания на полицию. Болельщики неслись по мокрой траве прямо ко мне. Кто-то сорвал с меня футболку и протянул мне другую, с огромной цифрой 1000. Потом меня подняли на плечи и понесли по полю. От волнения у меня выступили слезы. Толпы людей выкрикивали приветственные воз-

гласы. Наконец меня опустили на ноги, по требованию публики я неторопливо пробежался вокруг поля, чтобы все могли видеть мою «юбилейную» футболку. Я трусцой бежал мимо ликующих трибун «Мараканы», сердце колотилось в груди. Зрители стоя приветствовали меня.

Затем я отправился в раздевалку, а вместо меня на поле вышел запасной. Присев, я вдруг ощутил в себе какую-то пустоту. Неторопливо сняв новую футболку с цифрой 1000, я аккуратно сложил ее, чтобы сохранить на память об этом незабываемом дне.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тренер Жоао Салданья, блестяще проведя бразильскую сборную через отборочные матчи, затем, однако, стал все чаще проявлять свой характер и серьезно беспокоить всех нас своим неуравновешенным нравом. Он и раньше терял самообладание в беседах с журналистами, но теперь стал пускать в ход кулаки, а однажды даже выхватил пистолет. К счастью, пистолет дал осечку, и стоявшие рядом сумели выхватить оружие у тренера из рук.

И все же несправедливо винить одного Салданью за то, что у него сдавали нервы. Слишком многие из журналистов торчали на наших тренировочных играх с целью придумать какую-нибудь сенсацию, в которой не было ни грана истины. Но тем не менее руководителям комиссии надоело приносить извинения за поведение Салданьи, к тому же тренер сборной стал постепенно утрачивать власть над игроками.

Глава технической комиссии Антонио до Пассо обратился к руководителю бразильской федерации спорта Жоао Авеланжу, поставив вопрос ребром — или я, или Салданья. Естественно, Авеланж предпочел его. Салданья сообразил, что с ним собираются расстаться. Но при своем самолюбии он не мог позволить себе столь бесславно исчезнуть с футбольного горизонта, поэтому главные мотивы своего снятия, своего падения решил свалить на меня.

Салданья заявил журналистам, что он хотел вывести Пеле из состава сборной, поэтому от его услуг отказались. По мнению Салданьи, я по состоянию здоровья не могу играть в сборной, поскольку страдаю тяжелым недугом глаз.

Такое обвинение не было для меня новым. Пятнадцатилетним мальчишкой меня подвергли в «Сантосе» самому тщательному медицинскому осмотру. Врач отметил у меня легкую близорукость.

За все годы заболевание не прогрессировало и не мешало мне играть.

Реакция прессы была соответствующей — никто не принял выдумку Салданьи за чистую монету. Тогда он пустил в ход новую версию, заявив, что у меня слаба общефизическая подготовка. Когда же стало ясно, что и этот аргумент притянут за волосы, Салданья в одной из телевизионных передач поведал, что я очень серьезно болен, но он не имеет права раскрывать, что это за болезнь.

Огорчительно было лишь то, что очень многие приняли выдумки Салданьи на веру. Многие газеты писали, что в любом случае Салданья прав, требуя моего вывода из состава сборной. Утверждалось, что я уже не в состоянии участвовать в матчах мирового чемпионата, что мой пик прошел, что в мои двадцать девять лет я уже израсходовал все свои силы и что в Мехико я могу поехать лишь как гость чемпионата, но не в составе команды. (Надо сказать, что даже самые ярые мои недруги после чемпионата в Мексике принесли мне свои извинения.)

Мне не хотелось бы закончить рассказ о Жоао Салданье, не указав на его заслуги в создании национальной сборной. Салданья много сделал для сборной. Конструктивной оказалась его идея формирования костяка сборной на базе одного клуба. В результате мы успешно справились с отборочными играми, и в Мехико отправлялся дружный, сыгранный коллектив. Очень жаль, что такую незаурядную личность из-за бурного и неукротимого нрава пришлось затем освободить от обязанностей старшего тренера национальной команды.

С уходом Салданьи встал вопрос о его замене. Вначале комиссия предложила этот пост Дино Сани, но он отказался. В случае выигрыша тренеру сборной не достается тех почестей, которых удостаиваются игроки, зато в случае поражения весь огонь критики он принимает на себя. Неудачи национальных сборных на чемпионатах мира, как правило, портили всю карьеру тренерам. В финале чемпионата играют шестнадцать команд, а победить может только одна. Поэтому многие тренеры предпочитают не связываться со сборными.

Следующим кандидатом па пост тренера сборной был Ото Глория, но он последовал примеру Дино Сани. Тогда комиссия обратилась к Загало, и тот согласился. Лучшего тренера нельзя было и желать.

Марио Загало был не только прекрасным футболистом. Он выступал в составе национальной сборной на двух чемпионатах, 1958 и 1962 годов, и оба бразильская команда выиграла. Загало

знал игроков на поле и вне его, поскольку был одним из них. Обращаясь к команде, Загало говорил уважительно. В Бразилии знали, что свою огромную физическую выносливость он вырабатывал, плавая в суровых водах океана. Для него не было секретом, какие напряженные тренировки требуются для того, чтобы в полную силу сыграть две половины матча по сорок пять минут, чего Салданья сам в жизни ни разу не испытал. И в этом тоже было большое отличие. Кроме того, Загало отличался удивительным самообладанием, и уравновешенность его характера в немалой степени способствовала тому, что наша команда снова ощутила себя одной семьей.

Когда мы отправлялись в Мехико, многие считали, что шансы на успех у бразильской сборной невелики. Существовало мнение, что мы недостаточно подготовлены, что споры, вызвавшие необходимость смены тренерского состава, породили трения, которые будет трудно окончательно преодолеть. Кроме того, сказывалась слепая вера во все, что говорили руководители команд наших соперников. Так, в нашей подгруппе жребий свел сборные Чехословакии, Англии, Румынии и Бразилии. Глава чехословацкой делегации Йозеф Марко делал бесконечные заявления для печати, что в подгруппе сборную ЧССР никто не сможет победить. Сэр Альф Рамзей, старший тренер английской сборной, никогда не отличавшийся скромностью, утверждал, что Англия не только займет первое место в подгруппе, но и повторит свой успех на чемпионате 1966 года. В противоположность им Загало ни словом не обмолвился о шансах бразильцев, веря в справедливость мудрой пословицы: «В закрытый рот муха не влетит». Хорошо, что мы приехали в Мексику с таким тренером — Салданья воспринял бы хвастовство Марко и похвальбу Рамзея как личную обиду и наверняка сцепился бы с ними как с заклятыми врагами. А враждебность, вызванная таким поведением, нанесла бы нашей команде только вред.

Салданья тоже приехал в Мексику. Он не уставал предсказывать провал бразильской сборной из-за того, что я был включен в команду. Поскольку Салданья умел красиво говорить, многие верили его словам.

Еще стала действовать на нервы постоянная необходимость объяснять представителям печати выдуманную историю с моей близорукостью. Нервничал и наш вратарь Феликс. Дело в том, что средства массовой информации в Бразилии никогда не одобряли включение Феликса в сборную, и они продолжали высказывать сомнения относительно его способностей, а это не может

не подорвать веру футболиста в свои силы. Не прекращались нападки и на Жаирзиньо, хотя он был признан одним из лучших футболистов чемпионата. Удивительно, что менее всего волновались новобранцы сборной.

В предстартовые дни меня очень беспокоила судьба Тостао. В конце 1968 года защитник «Коринтиан» Дитао попал ему мячом в глаз. В результате Тостао получил отслойку сетчатки. После операции он снова заиграл с прежним блеском, демонстрируя яркую игру, и стал ведущим бомбардиром. Затем, однако, Тостао пришлось вторично оперироваться. Он приступил к тренировкам, но теперь неохотно играл головой. Его вполне можно понять, но все переживали, что в решающий момент он побоится мяча, отчего пострадает команда.

Первая наша игра против сборной Чехословакии состоялась третьего июня. Эту команду пресса единодушно считала одной из сильнейших на чемпионате. На одиннадцатой минуте игры чехословацкий нападающий Петрас обошел Брито и, обманув вратаря, вкатил мяч в сетку наших ворот. Но такой поворот мы восприняли без паники. Лично я не сомневался, что наши нападающие в самой трудной ситуации способны забить на гол больше, чем их соперники. И словно в доказательство этого Ривелино, искусно подкрутил мяч со штрафного удара, сравнял счет. Итак, 1 : 1.

Во время этого матча я чуть было не забил свой самый незабываемый гол. Просматривая видеозаписи матчей и участвуя в товарищеских играх с футбольными клубами в Европе, я заметил, что многие европейские вратари, как только игра перемещалась на половину поля соперника, имеют обыкновение выходить из вратарской площадки. Такая же привычка была и у вратаря сборной ЧССР Виктора. Я получил мяч на своей половине поля. Защитники не пытались меня атаковать. Вратарь Виктор, выйдя вперед, наблюдал за ходом игры. Что было сил я ударил по воротам.

Жалко было смотреть на беспомощного Виктора, который пытался догнать опускающийся за его спиной мяч. К сожалению, гола не получилось. Отскочив от стойки, мяч ушел за линию ворот. С тех пор Виктор уже не выходил далеко из ворот, и его примеру следовали вратари всех наших соперников.

Благодаря этому эпизоду спортивные обозреватели и комментаторы ни словом больше не обмолвились о моей близорукости!

Весь второй тайм проходил с преимуществом бразильской сборной. Получив длинный и высокий пас от Герсона, я остановил мяч грудью и, не дав ему коснуться земли, резко пробил по во-

ротам. Вратарь Виктор даже не успел разглядеть, что произошло. А чуть позже Жаирзиньо, преодолевший свое волнение, подхватил мяч после розыгрыша углового у бразильских ворот, прошел с ним по всему полю и забил еще один гол. До финального свистка Жаирзиньо удалось увеличить разрыв: он обвел трех защитников, его пытались сбить, но он удержал мяч и сильно пробил мимо расстроенного Виктора. Итак, мы выиграли 4 : 1.

Теперь нашими мыслями безраздельно завладела сильная английская сборная, о которой с такой самоуверенностью распространялся ее старший тренер сэр Альф Рамзей. Между тем англичане взяли верх над уверенно игравшими румынами 1 : 0.

С чемпионами мира мы встретились на том же стадионе, где играли с Чехословакией. Для нас этот матч был самым главным на чемпионате. Встречались два чемпиона мира. Встреча предвещала напряженную борьбу. Болельщики с нетерпением ожидали соперничества двух школ футбольной игры — бразильской, с ярко выраженным акцентом на атаку, и английской, делающей ставку в основном на оборону и контратаки. Однако Загало решил, что на этот раз мы будем играть в их игру. Это как шахматная партия, говорил Загало. Кто первый ошибется, тому придется и расплачиваться, может быть, даже и ценой чемпионского звания.

Стояла невыносимая жара, от которой больше нас страдали англичане. Не устраивало их и время начала матча — двенадцать часов дня. Полдень — самое жаркое время суток, и англичане потом горько жаловались на это обстоятельство.

Мы приехали на стадион в прекрасном расположении духа, хотя и отдавали себе отчет в оборонительной мощи англичан. Но. с другой стороны, у нас из состава выпал Герсон, получивший травму в первой встрече, и его место занял Паулу Цезар, о возможностях которого англичане не имели никакого представления. Мы это считали своим маленьким преимуществом перед соперником...

На первых минутах игры мне представилась стопроцентная возможность открыть счет: Жаирзиньо уверенно обыграл сильного английского защитника Купера и сделал мне отличную навесную передачу. Я высоко прыгнул и отправил мяч головой прямо в верхний угол. Вратарь Бэнкс находился в противоположном углу. Я громко закричал: «Го-о-ол!», когда Бэнкс, как лосось на стремнине реки, метнулся в угол ворот и сумел перевести мяч кончиками пальцев через перекладину. Это была самая впечатляющая демонстрация вратарского мастерства на чемпионате — немыслимый бросок! Бэнкс еще раз повторил свой бросок и еще раз спас команду от опаснейшего удара, пробитого при ро-

зыгрыше штрафного. Я считаю, Бэнкс был лучшим вратарем чемпионата 1970 года.

К перерыву счет так и не был открыт. Большую часть первого тайма мы господствовали на поле, но нам так и не удалось пробиться сквозь плотную защиту англичан. В перерыве мы заговорили о возможности сыграть в своем привычном атакующем стиле, но Загало и слышать об этом не хотел. Таким образом, во втором тайме наша тактика оставалась прежней.

Для укрепления обороны англичане дополнительно оттягивали двух своих нападающих. В результате нам стало все сложнее проходить их защитные линии и производить прицельные удары по воротам. Но вместе с тем такая тактика значительно облегчила игру нашей защиты. Складывалось впечатление, что английскую сборную вполне устраивает ничья. Видимо, англичане рассчитывали с большим преимуществом победить чехословацкую сборную, а румыны дадут бой нам, в результате англичане выйдут в четвертьфинал.

Однако английская команда недооценила индивидуальное мастерство бразильских игроков, независимо от того, в каком стиле — наступательном или оборонительном — они играли. Импульс исходил от Тостао. Он обвел трех защитников и, даже не глянув в моем направлении, сделал мне отличную передачу. Конечно, я мог сам ударить по воротам, в этом, очевидно, не сомневались Бэнкс и Купер, которые мгновенно сместились, чтобы преградить полет мячу. Но тут они ошиблись. Я незамедлительно сделал передачу Жаирзиньо, и тот забил гол, послав мяч мимо растерявшегося Бэнкса.

Рамзей немедленно сделал две замены, но наша защита отбила все атаки, и игра закончилась со счетом 1 : 0.

Победа над Англией имела исключительное значение. Это было не просто состязание двух прежних победителей мировых чемпионатов, а соперничество представителей двух разных школ современного футбола. Однако различие в манере игры европейцев и южноамериканцев не сводилось к тому, что у одних в линии атаки или защиты на одного игрока меньше, а у других больше. На мой взгляд, нельзя забывать цель футбольной игры. Она заключается в том, чтобы забивать голы. Нулевыми ничьими не выиграть турнира, я уже не говорю о симпатии зрителей.

Справедливости ради нужно отметить, что в английской сборной играли выдающиеся футболисты: Бэнкс, Бобби Мур, Купер, Бобби и Джек Чарлтоны. Они могли бы успешно выступать в любом бразильском клубе, и это не просто комплимент.

Взволнованные и счастливые, мы вернулись после игры в гостиницу. Нас встречала огромная толпа бразильцев и мексикан-

цев, продолживших торжество до глубокой ночи. Спать было невозможно. Гудели автомобильные сирены, люди пели и плясали. Можно было подумать, что уже завоевано звание чемпионов мира, хотя мы еще не вышли даже в четвертьфинал. Но мы чувствовали в себе уверенность, которая, однако, не имела ничего общего с самоуверенностью.

Через три дня после выигрыша у сборной Англии мы встречались с румынской командой. Надо сказать, румыны, ко всеобщему удивлению, обыграли чехословацких футболистов, их акции на чемпионате мгновенно подскочили. Два их нападающих, Домбровски и Думитраче, демонстрировали игру высокого класса. На наше счастье, не выступал прекрасный вратарь Радукана.

В этом матче мы с самого начала захватили инициативу. Наш противник нервничал. На девятнадцатой минуте, получив передачу, я прошел с мячом сквозь румынскую защиту и без труда забил наш первый гол. Минутой позже Жаирзиньо, подхватив мяч у боковой линии, прошел зону нападения румынской сборной, обыграл защитников и уверенно забил второй гол. После этого мы почувствовали, что в состоянии забить какое угодно количество голов, и расслабились. Тогда Думитраче прошел всех бразильских защитников так, словно их вообще не существовало, и запросто расправился с нашим вратарем Феликсом. Красивейший гол! Мы предприняли все возможное, чтобы восстановить упущенное преимущество, но румыны не уступили.

Во втором тайме я забил наш третий гол. И снова нас охватило радостное возбуждение. Но румыны стали играть плотнее и пресекали все наши попытки приблизиться к воротам. Когда до конца матча оставалось восемь минут, Домбровски аккуратно принял навесную передачу и пробил мяч мимо Феликса прямо в сетку. Разрыв в счете снова сократился, но игра закончилась, Бразилия победила 3 : 2. Легкой победы, на что мы так надеялись, не получилось.

В четвертьфинале нашим соперником стала сборная Перу.

Все игроки бразильской сборной были знакомы с перуанскими футболистами. В 1968 году мы два раза встречались с ними в Лиме, а потом они приезжали к нам. Мы, конечно, слышали, что за последние годы они стали играть лучше. Перуанцы в своей подгруппе взяли верх над сборными Болгарии и Марокко, тем не менее нас не покидала уверенность, что мы их одолеем.

Некоторые наши сомнения накануне этой встречи были связаны не с игроками, а с их тренером. Перуанскую команду тренировал Диди, наш старый товарищ. Он был не только прекрасным футболистом, но оказался еще и великолепным тренером, помог команде Перу войти в число шестнадцати финалистов чемпи-

оната. Диди, столько лет игравший вместе с нами, знал все наши сильные и слабые стороны, знал, что мы представляем собой в техническом и тактическом отношениях. Мне трудно было представить Диди в стане наших соперников. Интересно, какое у него будет ощущение при виде своих старых друзей и товарищей по команде, которые в этом матче станут его противниками? Я пытался представить себя на его месте и не мог. Но можно было не сомневаться — Диди сделает все, чтобы победить своих старых друзей и товарищей по команде.

Вечерами вся наша команда, как правило, собиралась вместе. Под руководством Загало мы просматривали видеозаписи своих предыдущих матчей, а также матчей наших соперников, обсуждали тактические особенности своей игры в предстоящих встречах. Такие обсуждения носили откровенный характер, каждый игрок, неважно — ведущий или запасной, — мог свободно высказывать свое мнение, а также критические замечания. Важно, чтобы они были конструктивными и служили интересам дела.

Матч со сборной Перу был назначен на 14 июня. Наши соперники приехали на чемпионат после страшного землетрясения, в результате которого погибли тысячи их соотечественников. По этой причине сборной Перу принадлежали симпатии темпераментных мексиканцев. Мы, бразильцы, естественно, с пониманием отнеслись к нашим соперникам, также симпатизируя им, но это вовсе не значило, что мы готовы были им проиграть.

Матч сам по себе доставил много радости. Обе команды отвергали оборонительную манеру, свойственную европейским командам. Бразильцы и перуанцы беспрестанно атаковали. Загало, которому после победы над англичанами пришлась по душе оборонительная игра на контратаках, в конце концов согласился с нами, что играть оборонительный вариант с южноамериканским соперником, да еще с командой, которую тренирует Диди, было бы ошибкой. Поэтому он разрешил нам играть в привычный для нас футбол, и результаты матча подтвердили правильность принятого решения. Поскольку Диди всегда был по душе атакующий футбол, этот матч, как я уже говорил, доставил нам истинное удовольствие.

На поле снова вышли Герсон и Ривелино. Вскоре после начала перуанский защитник Кампос, пытаясь принять на грудь посланный в штрафную площадку мяч, поскользнулся, — Тостао был тут как тут. Он отбросил мяч Ривелино, и тот, прежде чем успел среагировать вратарь Рубинос, протолкнул мяч в сетку ворот. Некоторое время спустя опять же Тостао, отличавшийся удивительной реакцией, обманным движением обыграл сначала защитника, потом вратаря Рубиноса и забил второй гол. До перерыва

перуанцам все-таки удалось сквитать один гол, когда вратарь Феликс не рассчитал траекторию навесной передачи. Первая половина закончилась в нашу пользу 2 : 1.

Через несколько минут после начала второго тайма, получив мяч, я увидел, что Тостао находится прямо у ворот команды Перу. Была разыграна традиционная комбинация. Я с подрезкой навесил мяч в его направлении. Тостао, как обычно, занес ногу для удара, но не ударил, а только чуть подправил мяч, и он влетел в сетку мимо вратаря. Мы опять повели с разрывом в два гола. Но перуанцы скоро сквитали один мяч. Сотил, заменивший Бейлона, обыграл нашего полусреднего Брито и сделал передачу Кубилласу — тот со всей силой ударил метров с двадцати. Удар был хорош. Вратарь бессилен что-либо сделать. Вскоре, однако, Жаирзиньо восстановил разрыв в счете прекрасным ударом. В итоге матч за нами — 4 : 2.

Когда мы направлялись в раздевалку, нам еще не было известно, кто станет нашим соперником в полуфинале. Матч СССР — Уругвай еще продолжался. Мы не стали принимать душ и переодеваться, а сели слушать радиорепортаж. После двух таймов счет оставался ничейным, все решало дополнительное время. На последних секундах уругваец Эспарраго забил победный гол.

Результат этого матча нас вполне устраивал, и мы довольные направились в душевые. Ведь встречи с уругвайской сборной мы ждали давно, целых двадцать лет!

Это было 16 июля 1950 года, дата, которую помнят все бразильцы.

Мне вспоминается маленький приемник с двумя ручками. Мы слушаем Рио. Все радиостанции передают волнующее событие — финальный матч на первенство мира, который проходит на стадионе «Маракана». Что бы я ни отдал, лишь бы оказаться среди огромной толпы, переполнившей в этот вечер трибуны стадиона. Он спроектирован на неслыханное число зрителей — 200 тысяч, но сегодня их собралось значительно больше. Радиокомментатор говорит о людях, которые залезли на стены и оттуда кажутся муравьями. Болельщики облепили крыши близлежащих домов. Рискуя жизнью, некоторые вскарабкались даже на радиомачту.

Волнение зрителей на стадионе «Маракана» и собравшихся вокруг радиоприемника у нас в доме нарастало. Впервые в истории чемпионатов Бразилия вышла в финал самого главного турнира мирового футбола. В финале мы встречаемся с нашим давним соперником — сборной Уругвая, которая уже была обладателем Кубка Жюля Риме в 1930 году.

По мнению наблюдателей, уругвайской команде страшно везло еще на стадии отборочных матчей. Но сегодня бразильская сборная покончит с полосой везения уругвайцев!

Наши гости взволнованно размышляют о том, что по окончании победного для Бразилии матча (иначе и быть не может!) в городе начнутся стихийные торжества. Я тяну своего отца за рукав. Дондиньо не любит, когда ему мешают беседовать с друзьями. Наклонившись ко мне, он говорит:

— Ну, что случилось, Дико?

— Можно, я пойду с тобой на праздник после игры?

Дона Селесте качает головой в знак несогласия, но Дондиньо делает вид, что не видит ее.

— Конечно, малыш, — отвечает он с улыбкой. — Только ненадолго.

Я пытаюсь сдержать слезы радости, но мне это не удается. В минуты особого волнения у меня всегда текут слезы.

Но вот начинается игра. Мой кумир — вратарь бразильской сборной Барбоза. Болельщики горячо подбадривают своих любимцев. На ворота уругвайской сборной накатывается шквал атак. Защитные линии уругвайцев в напряжении. На шестнадцатой минуте бразильцы не используют прекрасную возможность открыть счет. Семь минут спустя Жаир упускает снова стопроцентный шанс. Надо отдать должное вратарю Масполи, он играет отменно. Но даже самый лучший вратарь не может отразить все удары по воротам!

Бразильская сборная доминирует на протяжении всего тайма, нашему вратарю Барбозе нечего делать. При таком преимуществе не может быть сомнения, что гола уругвайцам не избежать, это лишь вопрос времени.

Бразильцы снова идут в атаку. Третий угловой у ворот уругвайцев. Фриаса выходит на передачу и резко бьет по воротам. Но Масполи снова спасает свою команду от верного гола.

Уругвайская команда все время играет только в обороне, а таким образом матч не выиграть. Но даже ничья обеспечивает бразильской сборной победу в чемпионате по очкам. Поэтому зачем беспокоиться? Правда, в конце первого тайма уругвайская сборная дважды переходит на нашу половину поля, но Барбоза легко отражает удары. Звучит свисток судьи. Команды уходят на перерыв при нулевом счете.

Наши гости улыбаются и спокойно ждут окончания перерыва. Снова звучит голос комментатора, обе команды выходят на поле. Мы напряженно склоняемся над радиоприемником. На второй минуте Зизиньо и Адемир искусно разыгрывают мяч и, вытянув на себя уругвайских защитников, прорываются по левому краю.

Следует короткий пас ожидавшему передачу Фриасе, который с разбегу бьет мимо растерявшегося Масполи. Го-о-о-л! В нашем доме раздается невообразимый шум. Стадион «Маракана» того и гляди взорвется от восторженных криков болельщиков.

Наш дом слишком мал, чтобы вместить в себя всю радость пришедших гостей, поэтому мы выбегаем на улицу, где наши соседи от счастья бьют друг друга по спинам. Фейерверк, в небо взмывают ракеты, их огненные стрелы выхватывают из темноты отдаленные холмы. До нашего слуха через равномерные промежутки доносятся пушечные выстрелы. Дети путаются в ногах у своих родителей, надо же дослушать радиорепортаж!

Снова припав к радиоприемнику, мы смотрим друг на друга, как заговорщики.

Между тем общая картина матча меняется. Все больше чувствуется преимущество уругвайцев, сейчас они явно сильнее. Мяч попадает к Вареле, он делает передачу нападающему Гиггия, тот обыгрывает наших защитников и отбрасывает мяч на ход Шиаффино. Барбоза был бессилен.

Мы в оцепенении смотрим друг на друга, потом качаем головами. Счет снова ничейный. Но бразильцам для победы в чемпионате достаточно и ничьей! А если взвинтить темп, то наверняка можно забить еще один гол.

Позиционное преимущество, однако, у уругвайцев. Мяч у Гиггии, он делает передачу Перезу. Обманным движением Перез обыгрывает Жаира и снова отбрасывает мяч Гиггии — опять им удается проход по флангу. Гиггия оказывается лицом к лицу с Барбозой. Еще одно обманное движение на полном ходу, удар — и мяч в сетке ворот. Уругвай впереди — 2 : 1.

Матч так и заканчивается с этим счетом. Это означает, что мы проиграли. Бразилия проиграла... Я никогда не забуду этого дня, этого часа. Мне казалось, Бразилия проиграла войну, в которой она отстаивала свои права, причем не только проиграла, но и заплатила за это дорогой ценой: бесконечным унижением и многими убитыми. Все пребывали в состоянии безутешной скорби. Я был в слезах и долго не мог уснуть. Но плакал я не один. Впервые в жизни увидел я, как плачут взрослые. Слезы стояли в глазах Дондиньо. Я видел, как он играл с распухшим коленом, каждый шаг был для него пыткой, но я не видел слез в его глазах. Теперь он плакал.

Я пришел в комнату родителей, где на стене висело распятие, и стал молиться. «Боже, как это могло случиться? Почему ты позволил? Ведь наша команда была лучше!» Я продолжал рыдать, слезы текли по моим щекам.

После молитвы я почувствовал, что выбор профессии для меня

сделан. Я решил стать футболистом, по крайней мере таким же, как Дондиньо, чтобы однажды выйти на игру с Уругваем и отомстить. Я поклялся, что обязательно отомщу Уругваю!

В тот вечер улицы города были пусты. А на следующий день уже никому не хотелось играть в футбол. Никто не желал даже говорить о футболе. Нам захотелось только забыть об этом.

Но мы не смогли этого забыть. И вот двадцать лет спустя мне наконец представилась возможность выполнить свое обещание. За все минувшие двадцать лет Бразилии ни разу не довелось встретиться с уругвайцами.

Ночь накануне этой игры трудно забыть. Все члены комиссии, все прибывшие из Бразилии спортивные комментаторы, журналисты и обозреватели считали своим долгом приехать к нам в гостиницу.

— Уругваю проиграть никак нельзя, — говорили они, — эта кость торчит в нашем горле уже целых двадцать лет!

Но, когда игра началась, матч развивался совсем не так, как двадцать лет назад. На восемнадцатой минуте Клодоальдо от волнения отдал мяч прямо в ноги левому крайнему Кубилле. Тот мгновенно воспользовался этим подарком, переправив мяч на правый край Пьяцце, который, в свою очередь, не отдал мяч другому игроку, а сделал почти немыслимый удар под очень острым углом. Мяч под самым носом у нашего вратаря влетел в угол ворот. Видимо, Феликс был просто не готов к такому мягкому удару.

Преимущество в один гол уругвайская сборная удерживала почти до перерыва. Клодоальдо, преодолев волнение, исправил допущенную ошибку. Подхватив мяч, посланный Тостао, он прошел сквозь оборонительный заслон уругвайской сборной и забил гол Мазуркевичу. Счет сравнялся. Это был исключительно важный гол для нас, ибо он вывел нас из нашего летаргического состояния.

В первом же тайме я чуть не забил уругвайцам еще один гол. Мазуркевич при атаках на его ворота имел обыкновение не ловить мяч, а отбивать своим защитникам. Я знал эту его привычку и терпеливо ждал. Подкараулив момент, когда вратарь в очередной раз отбил мяч, я на скорости ворвался в промежуток между вратарем и защитниками и завладел мячом. Последовал резкий удар по воротам, и только фантастическая реакция Мазуркевича не позволила нам повести в счете. После этого уругвайский вратарь был более внимателен.

Во втором тайме бразильская сборная беспрестанно атаковала.

Игра становилась все более резкой. Уругвайцы, вообще отличающиеся грубой игрой, на этот раз вели себя так, словно на поле не было никакого судьи. Мы получили право на несколько свободных ударов, но снова высокое мастерство Мазуркевича не позволило, чтобы наше преимущество воплотилось в забитые мячи.

За пятнадцать минут до конца матча Тостао сделал передачу Жаирзиньо, тот на полном ходу обыграл двух защитников и послал мяч в сетку ворот. А на последней минуте, оттянув на себя защитников, я отбросил мяч Ривелино, и тот довел счет до 3 : 1. Итак, Бразилия — Уругвай — 3 : 1.

Я представлял себе, с каким волнением эта победа будет воспринята по всей Бразилии. Смыт позор поражения от уругвайцев двадцать лет назад!

Несмотря на грубую и резкую игру, никто из нас, к счастью, не получил серьезной травмы.

Нам осталось сыграть всего один матч. В случае нашего успеха он позволит нам навечно сохранить за собой Кубок Жюля Риме. Неужели мы упустим свой шанс и не завоюем этот почетный трофей?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Финальная игра чемпионата мира 1970 года состоялась на величественном стадионе «Ацтека» в Мексике.

В первые дни в Мексике некоторые наши игроки ощущали кислородное голодание, но скоро это прошло, к моменту прибытия в Мехико для участия в финале мы были в отличной спортивной форме. Я считался самым опытным в команде и всячески старался успокоить своих молодых товарищей, которым впервые предстояло участвовать в такой игре. По сравнению со всеми другими матчами напряжение, которое ложится на плечи игроков в финале, в несколько раз выше. Финал решает все. Это кульминационный пункт чемпионата.

Прибыв в столицу, мы отказались от многочисленных приглашений на приемы и соблюдали строгий режим. Я согласился дать несколько интервью для печати, но и то главным образом в расчете, что моя уверенность в победе передастся молодым игрокам и поможет им преодолеть естественное в таких случаях волнение.

В душе я был убежден, что в финальном матче мы не столкнемся с большими трудностями. Я знал, что представляют собой Факетти, Бургнич, Маццола, Доменгини. Мне приходилось играть против них, я знал все их слабые и сильные стороны.

Кроме того, семнадцатого июня в матче против ФРГ итальян-

цам пришлось выяснять свои отношения с соперником в дополнительное время. Все сто двадцать минут им пришлось играть на мокром поле, а это для команды не проходит бесследно.

В дождливое утро двадцать первого июня 1970 года мы ехали на стадион «Ацтека», и вдруг у меня, несмотря на уверенность в своих силах, на глаза навернулись слезы. В автобусе звучала привычная мелодия, которая подымала настроение. Неизвестно откуда взявшийся комок подкатил к горлу, из моих глазах хлынул поток слез. К счастью, никто этого не заметил, я успел нагнуться, сделав вид, что поднимаю упавшую на пол трещотку. Некоторое время я просидел нагнувшись и пришел в себя. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел эти слезы. Нервы игроков и без того были на пределе.

После этого я ощутил в себе какую-то удивительную легкость. А когда мы вышли из раздевалки на поле, ко мне полностью вернулось самообладание, и я уже ни на секунду не сомневался, что победа будет за нами.

Свой первый гол мы забили уже на семнадцатой минуте. Ривелино навесил мяч на ворота, я выпрыгнул выше защитников и ударил головой. Скользнув по кончикам пальцев вратаря Альбертози, мяч влетел в сетку. Я бежал как безумный, подпрыгивал, размахивал кулаками и кричал: «Го-о-ол!» Меня догнали товарищи, повалили на траву. Этот гол убедил меня, что теперь только грубая ошибка бразильцев позволит сопернику вырвать победу.

Мои предчувствия подтвердились. На тридцать седьмой минуте Клодоальдо неосмотрительно отыграл пяткой мяч Брито. Но мяч попал в ноги итальянцу, тот мгновенно рванулся с ним в нашу штрафную площадку. Феликс кинулся ему навстречу и напрасно: игрок обошел вратаря и спокойно вкатил мяч в пустые ворота. Счет сравнялся.

Если бы этот гол явился результатом преимущества итальянской команды, а не грубой ошибки, можно было бы усомниться в нашей способности удержать инициативу и сохранить шансы на победу. Но итальянская команда даже не пыталась атаковать и продолжала играть в своей оборонительной манере, чем позволила нам преодолеть замешательство и перейти в наступление.

Шла сорок четвертая минута первого тайма. До перерыва оставалось полминуты. Мяч был у меня, я уже изготовился к удару по воротам, но раздался свисток, возвестивший, что время первой половины матча истекло. Как известно, фактическое время матча фиксируется судьей на поле, а не электронными часами на стадионе.

На двадцать первой минуте второго тайма, воспользовавшись тем, что итальянская защита была занята только мною и Жаир-

зиньо, Герсон прошел по центру и сделал мощный удар, который застал врасплох вратаря Альбертози. С этого момента уже никто не сомневался в исходе игры. Через пять минут Герсон разыграл со мной штрафной удар, я переправил мяч Жаирзиньо, и тот пробил точно. А когда до конца игры оставалось три минуты, Жаирзиньо сделал передачу мне. Я отбросил мяч вправо от себя прямо на ход Карлосу Альберто, и тот пробил без обработки. Это был наш последний гол в чемпионате мира. Мы победили со счетом 4 : 1.

Выиграв мировой чемпионат в третий раз, мы завоевали золотой Кубок Жюля Риме навечно, а я стал трехкратным чемпионом мира по футболу!

Матч дался мне тяжело. Защитник Бертини весьма искусно применял против меня грязные приемы и делал это незаметно для судьи. Он толкал меня в бок или бил кулаком в живот, а при отборе мяча старался ударить в голень. Видимо, он надеялся, что у меня в конце концов не выдержат нервы. Я не поддался на провокацию. Ведь у меня за спиной был опыт четырех мировых чемпионатов. Неужели Бертини считал меня настолько глупым, что я потеряю голову и дам ему сдачи?

После игры итальянская сборная вела себя достойным образом. Итальянцы подошли к нам и поздравили с заслуженной победой. В этом жесте не осталось и следа от той жестокости, которая так часто проявлялась в их игре с нами. По тому, как Бертини восторженно пожимал мне руку и обнимал, можно было подумать, что он мой нежно любящий брат. Думаю, в таком духе должны заканчиваться все футбольные состязания.

Окончание на стр. 225

товарищ

ПОБЕДА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

ЗАКОНЧИВ работу над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», Ленин поставил на последней странице рукописи дату — «27.IV.1920». Когда были готовы машинописные экземпляры, он внимательно просмотрел их, внес редакционную правку и под заголовком одного из экземпляров поставил подпись: «Н. Ленин».

Книгу издавало петроградское отделение Государственного издательства. Отправляя рукопись в Петроград, Владимир Ильич в сопроводительной записке издательству запрашивал о сроках набора, просил прислать два оттиска до верстки, а верстку задержать до исправления текста... Ленин лично наблюдал за графиком набора и печатания книги. Он надеялся на выход «брошюры о «левых» к началу работы II конгресса Коммунистического Интернационала, рассчитывая на то, что еще до открытия конгресса с книгой познакомится каждый делегат.

Рабочие типографии, питерские товарищи, несмотря на немалые трудности военной поры, успешно выполнили почетное задание: 12 июня 1920 года книга вышла из печати. Чуть позже, в июле, ее издали на французском и английском языках.

Да, книга эта очень нужна была делегатам конгресса. Она знакомила коммунистические партии с богатейшим опытом русских коммунистов, с их стратегией и тактикой, вооружала этим опытом братские партии.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ партии росли и крепли в острейшей борьбе с оппортунизмом. «Оппортунизм, — говорил Ленин, — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения, это — социализм не пролетарский, а буржуазный». Борьбу с оппортунизмом, требовал Ленин, нужно довести до конца во всех коммунистических партиях. Наибольшую опасность представляли правый оппортунизм, реформизм и ревизионизм.

В то же время Ленин решительно выступал против «левого» оппортунизма, против догматизма и сектантства в компартиях. «Ле-

вые» представляли опасность и вред для социалистической революции, наносили серьезный ущерб не только какой-либо одной партии, но и всему мировому коммунистическому движению.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин, обобщив опыт русских большевиков и международного рабочего движения, особенно после первой мировой войны, развил дальше марксистскую теорию, разработал важнейшие вопросы стратегии и тактики пролетарских партий в новой исторической обстановке, в эпоху общего кризиса капитализма, в условиях существования двух систем. Владимир Ильич показал, что «левое доктринерство», прикрываемое мнимореволюционными фразами, есть прямое отступление от теории и практики марксизма к анархо-синдикализму, оно толкает коммунистические партии на пагубный путь изоляции от рабочих масс. Ленин рассматривал опыт большевизма в связи с насущными вопросами интернациональной коммунистической тактики, чтобы «применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма».

«Опыт доказал, — писал Ленин, — что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции всем странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия». Именно поэтому основы большевистской стратегии и тактики приобретают всемирное значение. Такие черты русской революции, как диктатура пролетариата, союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства, руководящая роль Коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата и социалистическое преобразование общества, имеют международное значение. Эти основные черты, указывал Владимир Ильич, выражают главные закономерности перехода от капитализма к социализму и проявятся во всех странах в ходе пролетарских революций и строительства социализма. «...Русский образец, — писал Ленин, — показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего».

Основную задачу коммунистических партий в странах капитала Ленин видел в том, чтобы преодолеть буржуазное влияние на массы, завоевать на свою сторону большинство рабочего класса, большинство трудящихся, убедить самые широкие слои народа в правоте коммунизма. Коммунисты, подчеркивал Владимир Ильич, должны «обязательно *работать там, где есть масса*». «Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать всяческие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса».

Ленин оптимистически утверждал, что во всех странах коммунизм закаляется и растет, несмотря на злобствование буржуазии, несмотря на жестокий террор. Преследования не ослабляют, а усиливают коммунизм, потому что глубоки его корни. «Коммунисты должны знать, — отмечал Ленин, — что будущее во всяком случае принадлежит им...»

Гениальный труд Ленина — книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», представляющая собой неоценимый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, показывает образец творческого применения марксистской теории в решении важнейших стратегических и тактических задач коммунистических партий всего мира.

НАД КНИГОЙ «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич работал более двух месяцев: читал листы корректуры и вносил поправки, сделал «Добавление» в книге по новым, полученным из-за границы материалам, вносил исправления в основной текст и в «Добавления», давал указания наборщикам и работникам издательства. А было еще великое множество неотложных, насущных, как хлеб, государственных дел, которые надо было решать безотлагательно и которые требовали колоссального напряжения. Были еще заседания Политбюро Центрального Комитета партии, Совнаркома, СТО, встречи и беседы с товарищами, десятки, сотни, тысячи писем, телеграмм, распоряжений, постановлений, декретов... И кроме всего этого, выкраивая часы, а порой и минуты из до предела уплотненного времени, Ленин работал над материалами, документами, тезисами ко II конгрессу. Он подготовил «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», «Первый набросок тезисов по аграрному вопросу», «Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала», документы «В Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала», «Условия приема в Коммунистический Интернационал»... Можно только поражаться неиссякаемой энергии вождя революции. Он работал так, как никто в мире никогда и нигде не работал.

...18 июля вечером Ленин выехал из Москвы в Петроград на открытие II конгресса Коминтерна.

II КОНГРЕСС Коммунистического Интернационала проходил с 19 июля по 7 августа 1920 года. Первое заседание конгресса состоялось в Петрограде, в Таврическом дворце, последующие, с 23 июля, проходили в Москве, в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца.

Ленин приехал в Петроград рано утром. На вокзале его горячо встретили делегации петроградского пролетариата — питерские рабочие, которых Ильич называл авангардом революции, одним из лучших, передовых, наиболее сознательных и революционных отрядов рабочего класса России. Заехав в Смольный, Ленин с группой делегатов направился в Таврический дворец.

В самом начале первого заседания конгресса, когда члены Исполнительного Комитета заняли свои места в президиуме, произошел случай, который произвел на всех делегатов глубокое впечатление.

Владимир Ильич обвел взглядом огромный зал, потом сошел в партер и направился вверх по проходу амфитеатра. «Все оборачивались и не сводили с него глаз, — вспоминал Иван Ольбрахт, делегат конгресса, один из основателей Компартии Чехословакии. — Где-то в задних рядах сидел сподвижник Ленина, ослепший питерский рабочий-революционер Шелгунов, один из самых старых друзей Владимира Ильича, оставшихся еще в живых. Он работал вместе с Лениным в подпольных кружках, принимал участие в большинстве проводившихся тогда политических кампаний, распространял листовки, был в 1895 году в числе первых членов

В. И. Ленин и А. М. Горький в группе делегатов II конгресса Коминтерна у Таврического дворца. Петроград, 19 июля 1920 года.

«Союза борьбы», а когда в 1900 году под редакцией Ленина начала выходить «Искра», Шелгунов, работавший в ту пору на электростанции близ Баку, стал ревностным распространителем газеты. Он принял участие в подготовке Октябрьской революции, но дождался ее уже слепым.

Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом. Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и два борца крепко расцеловались. Вот и все. Мне кажется, они не сказали друг другу ни слова. И все же эта встреча была прекрасна своей человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось».

На заседаниях конгресса Ленин сделал доклад о международном положении, произнес речь о роли коммунистической партии, выступал с докладом комиссии по национальному и колониальному вопросам, с речами об условиях приема в Коминтерн, о парламентаризме, принимал участие в работе ряда комиссий. Ленинские тезисы, выступления Владимира Ильича на пленарных заседаниях, а также подготовительные материалы к конгрессу дополнили и развили положения книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Вместе с тем в них всесторонне и ярко освещались новые вопросы теории и тактики коммунистических партий.

Октябрьская революция открыла новую эпоху, основное содержание которой — переход от капитализма к социализму, борьба двух социальных систем: социализма и капитализма. Эта борьба определяет все события мировой политики, указывал Ленин. «Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах».

Главная задача в данный момент, указывал Ленин, — это «сплочение раздробленных коммунистических сил, образование в каждой стране единой коммунистической партии (или укрепление и обновление партии уже существующей) для удесятерения работы по подготовке пролетариата к завоеванию государственной власти и притом именно к завоеванию власти в форме диктатуры пролетариата».

Ленин призвал решительно отмежеваться от тех, кто признает «завоевание политической власти, но не диктатуру», кто, по существу, выступает против диктатуры пролетариата. «Коль скоро мы имеем хорошую, заслуживающую названия коммунистической, революционную партию, следует пропагандировать диктатуру пролетариата...» — в отличие от реформистов и ревизионистов. Владимир Ильич напомнил, что в программу большевистской партии «диктатура пролетариата включена с 1903 года».

В своих выступлениях и тезисах Ленин тщательно рассмотрел вопрос о роли партии в революционном движении, ее тактических задачах и организационных принципах. Принятая конгрессом резолюция «Роль коммунистической партии в пролетарской революции» указывала на необходимость коммунистической партии как руководящей силы в борьбе рабочего класса, в борьбе за государственную власть и победу коммунизма, раскрывала принципы построения партии и ее деятельности. Позднее, в заключительном

В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна в Кремле. Москва, июль — август 1920 года.

слове по отчету ЦК РКП(б) на X съезде партии, Владимир Ильич отмечал: «Эта резолюция является резолюцией, объединяющей коммунистических рабочих, коммунистические партии всего мира».

После обсуждения на трех пленарных заседаниях конгресс принял важный документ — «Условия приема в Коммунистический Интернационал», составленный на основе разработанных Лениным принципов. В «Условиях» подчеркивалась необходимость построения коммунистических партий по принципу демократического централизма, отмечалось, что партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если в ней будет железная дисциплина и если ее партийный центр будет авторитетным, с широкими полномочиями органом, пользующимся всеобщим доверием членов партии. В «Условиях» был сформулирован один из важнейших принципов пролетарского интернационализма — обязанность каждой коммунистической партии «оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил».

После II конгресса Коминтерна «Условия приема в Коммунистический Интернационал» широко обсуждались на съездах коммунистических и рабочих партий, они сыграли огромную роль в создании и укреплении партий нового типа, в дальнейшем развитии мирового коммунистического движения.

Острые дискуссии развернулись в комиссиях конгресса по аграрному и национально-колониальному вопросам, поскольку многие делегаты придерживались очень неясных и ошибочных взглядов, унаследованных от II Интернационала. Принимая живейшее участие в дебатах, критикуя неверные положения, Владимир Ильич помогал делегатам занять правильную, принципиальную позицию, учил их последовательно отстаивать интересы пролетариата.

В резолюции конгресса по аграрному вопросу подчеркивалась необходимость союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, проводилась идея гегемонии пролетариата, определялись задачи коммунистических партий по отношению к различным слоям крестьянства как в период борьбы за победу социалистической революции, так и после установления диктатуры пролетариата.

26 июля Владимир Ильич выступил с докладом по национальному и колониальному вопросам.

«Над трибуной появилась характерная, знакомая миллионам людей голова Ильича, — вспоминал писатель Лев Никулин, тогда молодой политработник Балтийского флота. — Его зоркие, немного прищуренные глаза мгновенно охватили весь раззолоченный Андреевский зал, несколько сот человек, делегатов и гостей конгресса. Наступила полная, особого значения тишина...

Ленин не сделал никакой паузы, ни одного движения, присущего испытанному оратору. Он не сделал ни одного жеста из тех обдуманных жестов, которые имеют единственной целью привлечь и сосредоточить внимание слушателей. Не напрягая голоса, ровно, отчетливо и довольно быстро он начал читать известные теперь всему миру свои тезисы по колониальному вопросу...

Ленин не выделял ни одной фразы, и все же сразу запоминалось

В. И. Ленин и Е. Д. Стасова во время работы II конгресса Коминтерна в Кремле. Москва, июль — август 1920 года.

самое важное из того, что он читал, запоминалось потому, что ясность ленинской мысли, правда ленинских слов покоряли слушателей. Так может говорить лишь человек, глубоко уверенный в правоте своих слов. Так может говорить лишь человек, внутренне убежденный в том, что он выступает от имени восставшего могучего народа — народа, который во имя правды и справедливости призывает человечество на защиту угнетенных. И потому, что текст документа, который читал Ленин, был составлен в очень простых, ничуть не цветистых, ясных выражениях, и потому, что Ленин просто, без всякого ораторского нажима, произносил эти по существу потрясающие старый мир слова, — впечатление от речи было глубоким и неотразимым».

Основу решений конгресса по национальному и колониальному вопросам составили марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма. Конгресс указал на необходимость оказания помощи угнетенным и зависимым народам в их освободительной борьбе. Ленин решительно осудил мелкобуржуазных демократов, правых социалистов, которые, ограничиваясь формальным, декларативным признанием равноправия наций, на деле проповедовали мещанский, мелкобуржуазный национализм. Во главу всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, подчеркнул конгресс, должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы.

На конгрессе Ленин, опираясь на опыт работы партии в отсталых национальных районах России, выдвинул и обосновал важнейшее положение о том, что капиталистическая стадия развития хозяйства не неизбежна для освободившихся от колониального ига отсталых стран, что они могут с помощью победившего пролетариата передовых стран перейти к подлинно народному строю и «через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

II КОНГРЕСС Коммунистического Интернационала явился важной вехой в развитии коммунистического движения, в сплочении сил международного пролетариата. Подводя итоги конгресса, Владимир Ильич писал:

«Всемирная армия революционного пролетариата — вот что стоит теперь за коммунизм, вот что получило свою организацию, ясную, точную, подробную программу действий на закончившемся конгрессе...

Конгресс создал такую сплоченность и дисциплину коммунистических партий всего мира, которые никогда не бывали раньше и которые позволят авангарду рабочей революции пойти вперед к своей великой цели, к свержению ига капитала, семимильными шагами».

Говоря о великих военных победах Советской Республики над помещиками и капиталистами, над иностранными интервентами, Ленин указывал, что «еще более велика наша победа над умами и сердцами рабочих, трудящихся, угнетенных капиталом масс, победа коммунистических идей и коммунистических организаций во всем мире».

Н. ВАСИЛЬЕВ

САША ИЗ БУКОВОГО ЛЕСА

— Едем?

— Едем, дочка.

Рюкзаки уложены, билеты куплены. Стоял июль, самый разгар школьных каникул, и я вместе с дочкой Юлей двинулся в мое третье путешествие по Закарпатью.

Ужгород... И вот она, Малая Уголька, одно из самых длинных сел, которые когда-либо приходилось мне посещать. Двенадцать километров тянутся его усадьбы по живописной долине, вдоль одноименной горной речки. Может быть, и продолжило бы свой бег село, но горы, заросшие густым лесом, преградили путь. Тут и находится кордон одного из массивов Карпатского заповедника — Угольский.

...И вот они, ступеньки наружной лестницы деревянного домика. Здесь живут лесники. Поднимаюсь на второй этаж. Был полдень. Солнце припекало. Несильный ветер доносил запахи леса. И тут кто-то коснулся моего плеча. Я круто обернулся.

— Саша?!

Это был он. Высокий, смуглый, темноволосый, с карими глазами.

Саша улыбнулся:

— Опять к нам?

Он вдруг поднял голову, я разглядел его профиль: правильной формы, с горбинкой нос, линия крепких губ, упрямый подбородок. В нем угадывались твердый характер и доброта.

— В лесу теперь хорошо, — мягко сказал Саша. — Лето. Утром пойдем?

...Первая встреча с Сашей Коренчуком была в 1977 году здесь же, в Угольском массиве. Хорошо помню его короткий рассказ о том, как появилась у него страсть к лесу. Родился и провел он свое детство под Винницей, рядом с Днестром. После школы учился в лесном техникуме, потом служил на флоте. Тут и прослышал он о земле с голубыми горами и буковыми лесами. И когда демобилизовался, потянуло его в эти дивные места с поэтическим названием Закарпатье. «Сам не знаю, как оно возникло, то чувство, но после моря захотелось увидеть неизвестный для меня край, познать его природу», — будто в оправдание говорил мне Саша.

Его приняли лесником в заповедник. Работал охотно. Буковый лес пришелся по душе. Совершая многокилометровые обходы, он стерег его от пожаров и браконьеров. Вел дневник наблюдателя природы, вносил в него заметки о поведении диких зверей. Огромные деревья молчаливо встречали своего стража. И так день за днем. Теперь каждая тропинка, холмик, дерево, ручей знакомы этому парню. А местность здесь на редкость глухая.

Как-то в заповеднике освободилась руководящая должность. Дирекция предложила ее Саше. И неожиданно для всех он отказался. «Хочу быть постоянно в лесу, наедине с природой...»

Таков Саша Коренчук, двадцатипятилетний комсомолец, лесник Карпатского заповедника.

Саша увлек меня в свою комнату. Она тут же, в домике. Дощатые стены и потолок излучали мягкий свет. Чистота. Порядок. На самодельной полке — книги. Больше всего о лекарственных травах, о природе. Тут же, в зеленом переплете, и дневник наблюдателя. В стакане с водой обыкновенная ромашка.

Саша распахнул настежь окно. В комнату потянуло пряным воздухом. Хорошо виден горно-лесной пейзаж. Дикая природа. Неприкосновенная. Вечная.

До позднего вечера вспоминали прошлые встречи. Говорили о заповеднике. Наметили утренний маршрут — вдоль горной речки Малая Уголька, букового леса, вверх к пещере Чур. Это о ней еще пять веков назад русские послы царя Ивана Грозного, возвращаясь из Константинополя, писали в своем докладе о причудливой пещере: «Там есть камень великий, как дуга, и есть подкоп под него, как под городовые врата...»

Утром наша небольшая группа двинулась в путь.

Удивительна природа Закарпатья. На каждом шагу поджидает неожиданность. Повсюду видны грибы, папоротник, спелая земляника, малина, лекарственные травы... Огромные буки тянутся высоко в небо — так и стоят веками. Впервые вижу деревья в несколько обхватов. Они только здесь. Их сохранило время. Теперь их берегут люди.

Две опустошительные войны знала эта земля. Но природа здесь осталась в своем первозданном состоянии.

Не могу оторвать взгляда от кустарника белладонны. Лекарство из ее цвета и ягоды исцеляет многие болезни. Пытаюсь запечатлеть на пленку занесенное в Красную книгу растение.

А рядом шумит, бежит, петляет Малая Уголька. Горный поток. Быстрый. Сквозь густую листву буков пробиваются солнечные лучи. На быстрине и в тихих заводях играет форель. Рыбы много. Но лов запрещен.

— Иногда появляются и браконьеры, — говорит Саша. — Вот случай произошел... Однажды к нам в заповедник пожаловали двое: парень и девушка. С рюкзаками, в спортивных костюмах. Все чинно. Студентами-геологами назвались. Буковый лес и каньоны хотели посмотреть... Вы же знаете, в заповедные места вход запрещен. Но уж больно настойчиво они нас упрашивали. Говорили, экскурсия необходима им для написания дипломной работы. Они показались нам славными ребятами, мы и разрешили. А оказалось... Знаете, как это обидно: веришь людям, а потом... — Саша метнул взгляд в сторону речки: — Форель ловили!.. Понимаете, она здесь ну совсем как ручная. А те двое преступники! Иного прозвища не могу отыскать. Они прекрасно знали: в заповеднике все неприкосновенно. В глаза не мог им смотреть, когда их отсюда выпроваживали...

Тропа тянется вдоль речки. Крутые подъемы, спуски. На ее пути камни, поваленные бурей деревья.

— По этой тропе утром, перед обходом леса, делаю пробежку. Пять километров.

— И так каждый день?

— Да... Лес, речка — мои доктора и тренеры. Я и курить тут бросил. Немыслимы лес и табак.

Где-то внизу взревел дизель.

— Трактор? В заповеднике?

Саша нахмурился. Он, видимо, что-то обдумывал. А потом вдруг нагнулся, взял хворостинку и начал чертить.

— Вот он, наш Угольский массив. Так? А вокруг него охранная зона. Ее хозяин Буштинский лесокомбинат. Согласно положению в ней должен соблюдаться режим, близкий к режиму заповедника. А что получается?.. — Саша с досадой бросил хворостинку. — Ишь, гудит. На весь лес... Ну каково тут оленю, дикому кабану, медведю, птице?..

— А как в других массивах?

Саша махнул рукой.

— В Черногорском дела еще хуже. Там постоянно пасутся овцы, стада молодого скота из Раховского района. Чабаны рубят лес для костров. И это высоко в горах, где уже никогда не вырастет ни одно деревцо. Согласен, мясо, шерсть нужны. Но ведь заповедник!.. И есть законы. В охранной зоне трактору нет места. Она должна находиться в ведении только заповедника. Тогда будет тишина и порядок...

А подъем все круче. Через каждую сотню шагов останавливаюсь и, набрав полную грудь лесного воздуха, падаю плашмя, прямо на пригретые солнцем листья, переворачиваюсь на спину, снова вдыхаю, но на этот раз от блаженства, и, широко открыв глаза, смотрю на вершины деревьев. И тут я неожиданно замечаю, что силы возвращаются мгновенно, хочется вскочить на ноги и идти дальше, открывая для себя что-то новое, прекрасное. Удивительное свойство букового леса...

А солнце куда-то убежало. Внизу оказалась и Малая Уголька. Едва-едва доносится шум воды. Между деревьями чернеет силуэт кормушки. Зимою снега глубокие, и в трудную минуту обитатели леса найдут в ней пищу.

На опушке, у подножия огромного камня, блестит крохотное озерцо. Вокруг него заросли зверобоя и мяты.

— Родниковое, — говорит Саша. — А знаете, оно сотворено оленями. Тут у них водопой и даже купальня. Вот их следы. Но вот что любопытно: там, где бьет сам родник, следов нет. Олени не разрушают источник, а топчут землю чуть-чуть ниже по ручью. Вот и образовалась ванна. — Он смеется. — А может, олени и понимают, что к чему. Посмотрите, как все отменно у них происходит.

Три часа подъема, и мы на вершине хребта. Продвигаемся осторожно. По обеим сторонам крутые обрывы. Притаились высокогорные травы, цветы, вечнозеленый реликт третичного периода — тис. Дрожит на ветру горная липа...

И вот он, скальный дуб. Над самым обрывом. Его корни прочно вцепились в белые камни. Ветры, солнце, дожди, снега и время — свидетели его рождения, жизни.

Мы присели на пригретые солнцем камни и молчим. Слова здесь не нужны.

Над горизонтом — синеватый контур далеких гор. Они будто вырезаны из бумаги детской рукой и приклеены к небу.

Тишина и покой.

Саша вдруг встал, посмотрел в сторону заходящего солнца. Прищурился. На его лице появилась едва заметная улыбка.

Валентин ШКОЛЬНЫЙ

ЗЕМЛЯ МОЯ

А где оно, твое начало,
В чем суть его и соль его,
С какого, собственно, причала
Пункт отправленья твоего.
Тропинка — от нее дорога.
Река — она от родника,
Россия — словно наша Волга
Из песни, шедшей сквозь века.
Вся, вся — с лесами и полями,
С живой озерною водой,
С ее шальными соловьями,
С ее вечернею звездой.
С той, через поле, узкой стежкой
Среди желтеющих хлебов,
С той задушевною гармошкой,
Что аж до третьих петухов.
С веселым яблоневым садом,
С полынь-травой, с ковыль-травой,
С золотоглавым Киев-градом
Да с нашей Красною Москвой.
И если поле — так широко.
И если лес...
О том и речь,
Что нужно как зеницу ока
Ее, родимую, беречь.
Любить как мать и как невесту,
Своей работой присягнуть,
Работать так...
Все это вместе
И есть та соль, и есть та суть.
И есть то самое начало,
И есть то главное зерно,
Тот первый луч, что ало-ало
Погожим утром — мне в окно.
И вот он, день — высокий, красный,
Над всей страной из края в край —
Живи и радуйся, и здравствуй,
И, утверждаясь, утверждай.

Анатолий ТАРАНЕЦ,
рабочий очистного забоя
шахты «Бутовская-Северная»,
г. Макеевка

Алексей РАКОВ

ДЛЯ МОЛОДЫХ РУК ДОБРОЕ ДЕЛО

НА ПЛОЩАДИ Регистан в центре Самарканда расположен прекрасный парк, который называется «Сад поэтов». Есть тут памятник великим поэтам — Навои и Джами, а также самым известным сказителям древности, — может быть, отсюда и название! А может, потому дано такое имя парку, что и сегодня здесь любят собираться писатели, сказители, художники, приходит сюда множество людей, знающих подлинную цену вдохновенному творческому слову, образу! Не станем гадать, лучше послушаем, например, известного народного сказителя Рахматулу Юсуф-оглы. Слова его полны печали и горечи, когда говорит он о судьбе узбекского народа, еще в начале нынешнего века задавленного рабством и нищетой, но едва произносит он слово о светлом дне сегодняшнем, как слово это зазвенит медью. Многое знает, многое помнит этот человек и великолепно умеет рассказывать. Нередко увидишь в руках слушателей блокноты, просто листки бумаги, карандаши. Да и вправду, как не записать хотя бы вот такие слова: «Лишь тот правитель страны считался по-настоящему мудрым, который находил доброе дело для молодых рук».

«Добрым делом» для юных батыров в те давние времена считалось лишь ратное дело, а сейчас у молодежи Узбекистана множество важной и ответственной работы. Растут города, поднимаются заводы, неоглядно раскинулись хлопковые, пшеничные поля — и повсюду молодые улыбчивые лица.

— Комсомол нашей республики, как и всей Советской страны, на рабочем марше, — говорит секретарь ЦК комсомола республики Ураим Айдаматов. — Приближается XXVI съезд партии, и по доброй традиции молодежь встречает партийный форум новыми трудовыми подарками. Рядом с узбекскими юношами и девушками работают ребята из Российской Федерации и с Украины, из Белоруссии и Туркменистана — представители более чем семидесяти национальностей и народностей. Не о таком ли великом братстве людей мечтали мудрецы древности!

Да, совместными усилиями людей, объединенных узами братства, была преображена Голодная степь, построены крупные промышленные предприятия в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Беговате возведены мощные электростанции. А когда Узбекистан постигло тяжелое стихийное бедствие — землетрясение, — все советские республики послали на помощь пострадавшим городам строительные отряды.

Республики шаги саженьи... За годы десятой пятилетки здесь

Иссушенная зноем земля ждет живительной воды. Ждет мелиораторов...

введены в строй цехи комплекса по выпуску капролактама и сульфат-аммония на производственном объединении «Электрохимпром» в Чирчике, золоторудный комбинат в Марджанбулаке, новые мощности на заводе «Ташсельмаш». Входит в строй вторая очередь Большого Наманганского канала. В городах и селах поднялись жилые дома общей площадью почти в шесть миллионов квадратных метров. Выплавляется электросталь на Узбекском ме-

Молодые узбекские геодезисты на рабочей площадке в выжженной солнцем степи.

таллургическом комбинате в Беговате. Текстильные предприятия многих наших городов и зарубежных стран получают знаменитый сырдарьинский хлопок. В свою очередь, Ленинград шлет сюда автоматические приборы, Урал — насосы, Минск — автомобили, Москва — электрооборудование, Ашхабад, Караганда, Баку — металл, прокат, трубы, идет продукция из многих социалистических стран...

Ретранслятор в горах.

Но более всего республика славна доблестным трудом своих славных дочерей и сыновей.

Избиратели города Нукуса избрали депутатом Верховного Совета СССР Нину Аккуратову. Чем прославилась Нина! Она бригадир комсомольско-молодежной бригады отделочников. И не только великолепный мастер своего дела, но и талантливый организатор, а в жизни повседневной — добрый, душевный человек.

Девчата из ее бригады трудятся быстро, добиваясь отличного качества работы.

«Работать красиво, чтобы людям было радостно жить в наших домах» — вот принцип этой бригады.

Водитель хлопкоуборочной машины Турсуной Ахунова стала Героем Социалистического Труда в 19 лет, по примеру старшей сестры села за руль и младшая — Инобад Ахунова. Но когда началось освоение целинных земель, Инобад уехала в Голодную степь. Вскоре ей доверили бригаду, а затем назначили и директором совхоза «Узбекистан». Дела у директора пошли неплохо, весь молодежный коллектив хозяйства работал не покладая рук: урожаи хлопка росли год от года, и скоро хозяйство стало получать на круг с гектара по 24 центнера хлопка-сырца. Инобат заслужила уважение односельчан, она пользуется признанным авторитетом в республике. Хлопкоробы избрали ее своим депутатом в Верховный Совет СССР, она работала в редакционной комиссии по подготовке новой Советской Конституции.

«Белое золото» республики.

Нефть, газ, железная руда, золото — богаты недра Узбекистана. Богата республика и талантливыми людьми. Кто не знает, к примеру, Шапека Кузембаева! Слава о знаменитом овцеводе давно перешагнула границы республики и страны. Кузембаев — Герой Социалистического Труда, директор племенного завода «Кенимех» Бухарской области, где выведена кенимехская порода овец, дающих прекрасный каракуль. На Ленинградском аукционе, на аукционах многих европейских столиц каракульские шкурки из племзавода «Кенимех» всегда привлекают пристальное внимание знатоков. В хозяйстве рядом с опытными чабанами-наставниками работает молодежь. «Радостно сознавать, что передаем наше многотрудное, кропотливое и тонкое дело в надежные руки», — говорит директор.

Одно из крупных предприятий цветной металлургии страны — Алмалыкский горно-металлургический комбинат. Комсомольцы

ПЕРЕПРАВА

ЕСЛИ СФОРМУЛИРОВАТЬ эту задачу в виде школьной, она выглядела бы примерно так. Дано: бурная и глубокая река шириной метров шестьдесят; 230-тонный экскаватор. Дан также 20-метровый мост, грузоподъемность которого не превышает и половины веса экскаватора. По этому мосту необходимо переправить экскаватор с правого берега реки на левый. Условиями оговорено также, что наведение моста, способного выдержать многотонную махину, неприемлемо: со строительством гидроэлектростанции Вахш разольется здесь морем.

И еще было дано очень мало времени, всего неделя, потому что экскаватор позарез был нужен строителям левобережья.

Решать задачу взялись два инженерных коллектива — технического и производственного отделов Управления строительством Рогунгэсстрой. Было рассмотрено множество вариантов, отметены все дорогостоящие и малонадежные. В импровизированном конкурсе победил проект группы техотдела, возглавляемой Владимиром Артыковым.

И вот к месту будущей переправы подогнали «героя торжества» — экскаватор ЭКГ-4,6, несколько экскаваторов поменьше, бульдозеры, полтора десятка КрАЗов.

И грянул бой!

Ревели мощные моторы, ложились в Вахш, поднимая волну, бетонные балки и горы грунта. Когда стемнело, строители продолжили работу под мощными лучами прожекторов.

Вот уже перекрыта треть реки, образовалось подобие полуострова. На него медленно идет экскаватор. К этому времени вода в русле, сузив-

комбината горячо поддержали инициативу молодежи Москвы «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!». Неуклонно наращивается выпуск продукции на основе достижений технического прогресса, расширения сырьевой базы, вводятся в строй новые цехи, технологические линии. Здесь сформировался многотысячный коллектив горняков, обогатителей, металлургов, химиков. Бурильщик К. Саппаров, экскаваторщик

шемся из-за рукотворного полуострова, поднялась, грозя смыть его. Но гидростроители все рассчитали до мелочей. Когда волна уже подбиралась к экскаватору, у берега в полуострове был прорыт небольшой канал, в него и устремилась река.

Так экскаватор оказался отрезанным от левого и правого берегов, но это и входило в расчеты инженеров. Работая быстро, слаженно, словно саперы на передовой, строители перебросили с правого берега на остров небольшой крепкий мост. По нему тут же покатили КрАЗы, груженные бетонитами и гравием. Осторожно объезжая экскаватор, они разворачивались на крохотном пятачке и сбрасывали груз в поток.

На исходе третьих суток сооружение, бывшее сначала полуостровом, затем островом, стало наконец переправой. Экскаватор съехал по ней на левый берег и тут же мощным своим ковшом стал расчищать дорогу к тому месту ниже по течению реки, где проектом запланировано строительство вантового моста. Именно здесь, в районе кишлака Сичирок, ляжет этот красавец мост. По нему вереница машин потянется к левому берегу, на строительство галечного карьера, конвейерной линии со множеством различных служб. Экскаватор же будет рыть котлован под левую опору моста.

Дамба, перекрывшая Вахш, стала удобной дорогой на стройку для жителей кишлака Талхакчашма, которые до ее создания переправлялись через реку по мосту, расположенному за добрый десяток километров ниже по течению.

И в заключение имена тех, кто трое суток не уходил с берега Вахша, строя уникальную переправу. Это мастер и секретарь комсомольской организации СУ-1 Рогунгэсстроя Гилал Асадов, секретарь объединенного комсомольского комитета Управления строительством, начальник эксплуатации автотранспортного производственного объединения Абдумумин Оев, водители КрАЗов комсомольцы Шукур Негматов и Толиб Эльбегиев, начальник автоколонны Ибодулло Абдусаломов и десятки других людей, строящих энергогигант в Рогуне, который станет крупнейшим в Средней Азии и вдвое перекроет по мощности свою предшественницу — знаменитую Нурекскую ГЭС.

С. РОЗЕНБЛАТ

И. Абдурахманов, монтажник Н. Власов и другие досрочно завершили личные пятилетние задания.

Солнечная республика Узбекистан — она обеспечила молодое поколение интересной, важной работой, она построила для молодежи институты и университеты, здесь широчайший простор для творческой инициативы, молодого дерзания. И действительно, очень хорошо, когда находится молодым рукам доброе дело...

Фото А. Губенко

Анатолий ПОЛЯНСКИЙ

НАСЛЕДНИКИ

ВОЙДЯ В КАНЦЕЛЯРИЮ роты и оставшись наконец вдвоем с замполитом, при котором он мог не скрывать своих чувств, Дёгтев в сердцах швырнул на стол полевую сумку.

— Семь пятниц на неделе. То участвуем в учении, то нет... Никакой определенности, а времени на подготовку не остается!..

Вообще-то ротный, как бы ни был раздражен, никогда не давал волю своим эмоциям. Он и взводным, если замечал, что кто-то из них срывается при подчиненных на крик, говорил: «Командир нервы должен держать в узде. Запомни это навсегда!» Сам он даже в критических ситуациях оставался внешне спокойным и рассудительным. Только тот, кто хорошо его знал, мог догадаться, что Дёгтева вывели из себя. Полные губы его как бы каменели, а в светло-голубых насмешливых глазах появлялись несвойственная им суровость и какой-то металлический оттенок. За год, что они работали вместе, Яремко хорошо изучил своего ротного.

— А срок остался не такой уж маленький, — возразил замполит. — Успеем.

— Ты забываешь, что старослужащие уже увольняются в запас. А с молодежью...

Недоговорив, он безнадежно махнул рукой. Яремко понимал состояние ротного. Наиболее опытные специалисты уйдут, а для обучения новобранцев нужно время. Но безнадежных положений не бывает. Яремко так и сказал.

— Ты оптимист, — отозвался Дёгтев язвительно. — На что надеешься? Чудес на свете не бывает.

— Как знать, — улыбнулся Яремко.

Командир и замполит в чем-то походили друг на друга. Не внешне, разумеется.

Дёгтев высокий, плотный, широкоплечий. Пышные белесые усы резко контрастировали с темно-русой шевелюрой.

Яремко же, наоборот, щуплый, с большими доверчивыми глазами. Он казался моложе командира, хотя они были ровесниками.

Похожесть их была чисто внутренняя. Обоих отличала твердость характера, прямота, целеустремленность, что постоянно проявлялось в делах и поступках. Дёгтев, правда, был более резким, не признавал компромиссов и к цели шел напролом, без оглядки. Но в роте знали: если командир или замполит что-либо сказали, слово свое сдержат.

В дверь канцелярии осторожно постучали. На пороге появился

заместитель командира второго взвода сержант Бахмутов. Круглое веснушчатое лицо его выглядело смущенным.

— Прошу прощения, товарищ старший лейтенант, — сказал он, неловко потоптавшись, — ученья, слыхал, будут...

— Будут! — подтвердил Дёгтев. — Но тебя это уже не коснется.

— А можно сделать так, чтоб коснулось? — спросил сержант.

— Не понял, — удивился ротный. — Ты ведь скоро увольняешься?

— Вот я и говорю. Повременить с этим хочу до конца учений.

Ничего подобного Дёгтев не ожидал. Обычно воины после окончания срока службы спешат домой. А тут...

— Хорошо, Бахмутов, я доложу о твоем желании, — отозвался ротный.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Дёгтев у замполита, когда за Бахмутовым закрылась дверь.

Ответить Яремко не успел. Снова постучали, и в дверном проеме вырос рядовой Карапетян, великолепно сложенный красавец, увлекающийся спортом. В роте Карапетяна, доброго, славного малого, готового поделиться с товарищами всем, что имеет, любили. Он отлично стрелял, считался одним из лучших гранатометчиков, к тому же неоднократный призер части в соревнованиях по дзюдо. Этого рослого плечистого парня солдаты ласково звали Лёвой, на свой манер переиначив армянское имя Левон.

— По какому вопросу явился? — спросил Дёгтев.

— Прошу задержать увольнение.

Ротный развел руками. После ухода Карапетяна спросил:

— Что происходит, комиссар? Объясни!

Яремко рассмеялся:

— Ну вот, а ты говорил, что чудес на свете не бывает...

...ЛЕТО В ЗДЕШНИХ краях наступает мгновенно, без долгого перехода от зябкой слякоти к неистовой жаре. На дне глубоких оврагов еще доцветают подснежники, а солнце уже палит вовсю, и спрятаться от него негде. На протяжении десятков километров ни кустика, ни деревца, а над головой неоглядная синь. Густо пылит под тяжелыми солдатскими сапогами сухая земля. Ветра нет, и пыль лезет в глаза, забивается в горло — не продохнешь.

— Подтянись, гвардейцы! — подбадривает Дёгтев.

Он идет впереди колонны и периодически оглядывается: не отстал ли кто? В роту пришло пополнение, и новобранцам идти по такому пеклу, да еще форсированным маршем, практически без передышки, особенно тяжело.

Левон шагает замыкающим. Сзади него никого нет и быть не должно. Они идут уже третий час. Ремень автомата врезался в плечо, но Левон за два года привык ко всему. Если он научился главному — безбоязненно прыгать с парашютом, — все остальное пустяки.

Солдат зорко поглядывает по сторонам. Рядом идут его подопечные — Валерий Сигеев и Костя Валюскас. Лица у обоих багровые. Дышат тяжело, словно не шли, а бежали все двадцать километров, оставшихся позади.

«Остается пройти поболее, — с тревогой думает Левон. — Выдержат ли мои орлы?..» Недели три тому назад он и не задумывался бы над этим вопросом. В жизни не встречал более хилых парней. Будто на гражданке не на заводе работали, а в тени под чинарой прохлаждались. Пришлось попотеть... Чуть ли не на себе

по полосе препятствий таскал. Пришлось заниматься с ними в личное время, потому что учебные часы ротный загружает до предела: то прыжки, то стрельбы, то занятия в классе... Только вечер и остается свободным. Впору самому бы потренироваться — дзюдо не любит простоев, — но ничего не поделаешь: не помочь новобранцам он не имеет права.

...Короткий привал — и снова вперед. А солнце все выше, все немилосердней. На что уж Левон с детства привычен, и тот чувствует: на гимнастерке, побуревшей от пота и пыли, проступила соль. Мучает жажда, но пить нельзя...

Левон перехватывает взгляд Валюскаса, устремленный на его флягу. Своя небось давно пуста. Конечно, прибалтийцу, выросшему во влажном климате, сейчас особенно трудно. Сердце Левона наполняется жалостью. Он говорит себе: «Нельзя. Ему же будет хуже!» Но руки сами тянутся к фляге.

— На, глотни, — говорит. — Один раз!

Валюскас хватает флягу и пьет. Кадык его ходит безостановочно...

— И почему ты такой слабовольный? — Левон рывком отбирает полупустую баклагу и, потрясая ею, кричит: — Думаешь, воды жалко? Тебя, дурака, научить хочу: питьевой режим на марше надо в такую жару соблюдать особенно строго. А то пропадешь!

На впалых, с грязными потеками щеках Валюскаса проступает виноватая улыбка.

— Прости! — бормочет он. — Не хотел...

Справа кто-то толкает в плечо. Повернувшись, Левон видит побледневшее лицо Сигеева. Того шатает из стороны в сторону.

— А ну давай сюда!

Он отбирает у солдата вещмешок. Иначе Сигеев не дойдет. Для Карапетяна эта дополнительная ноша что слону дробина. Солдат пытается слабо протестовать, а Левон успокаивает:

— Не ты первый, не ты последний. Мне поначалу тоже помогали.

— Не может быть, — вяло возражает Сигеев.

Левон недовольно передергивает плечами. Не терпит, когда ему не верят. Сигеев, конечно, прав: настоящий мужчина, тем более горец, никогда не переложит свою ношу на другого. Однако сначала нужно мужчиной стать. Придет время — Левон верит в то, — и уже Сигеев так же, как он сегодня, поможет выбившемуся из сил товарищу дойти до цели. В том, собственно, и состоит сплоченность великого воинского братства.

...«ПРОТИВНИК» усилил «огонь» и прижал бойцов к земле. Солдаты залегли возле кургана, одиноко маячившего в степи. Яремко поправил сползшую набок каску и пятерней смахнул пот со лба.

«Возьмем мы наконец эту высоту? — глядя на курган, подумал он. — Солдаты окончательно выбились из сил».

Рота уже не единожды поднималась сегодня в атаку и устремлялась вверх по склону, но Дёгтев всякий раз возвращал ее обратно.

— Темп! Темп! — командовал он. — Вы же десантники!

Сам ротный все время находился в цепи и замечал малейшую оплошность в действиях солдат. Стоило кому-нибудь чуть замешкаться, как его тут же подстегивал возглас:

— Не отставай, гвардеец!

Яремко оглянулся и с удовлетворением отметил, что все его подопечные рядом. Как и было обещано ротному, он на занятиях находился в третьем взводе, хотя теперь мог этого и не делать. Сержант Чуров прекрасно справлялся с обязанностями взводного. Отыскав глазами крупную фигуру Чурова, Яремко одобрительно кивнул: мол, так держать.

— В атаку — вперед! — прозвучала команда.

Яремко вскочил и устремился вверх по склону. Его обогнал Чуров, потом еще несколько солдат. Замполит оглянулся. Боевые машины, вытянувшись дугой, шли за ними следом. Над степью нарастал, ширился, сотрясая землю, мощный рокот моторов.

Подготовка к учениям заканчивалась. А впереди — самый трудный экзамен на зрелость и мужество.

...«АНТЕЙ» набирал высоту и, казалось, повис над облаками. Жарко вспыхнули иллюминаторы правого борта, и лица солдат сразу посветлели.

Дёгтев окинул взглядом строгие настороженные лица. «Волнуются, — подумал. — Это хорошо. Хуже, когда люди остаются безразличными...»

Десантники сидели двумя рядами вдоль фюзеляжа на откидных скамейках, обхватив руками запасные парашюты. Наглухо застегнутые шлемы и одинаковые комбинезоны делали их похожими друг на друга. Но старший лейтенант, слишком хорошо знавший своих ребят, мог почти безошибочно определить, о чем думает каждый, как настроен.

У Карапетяна мечтательное выражение лица, глаза задумчивые. Наверное, о доме вспомнил. Скоро увидит «самую красивую в мире гору Арарат». И, может быть, исполнится его заветная мечта: стать чемпионом Армении по дзюдо. Рядом Бондарь. Мысли его далеко, взгляд задумчивый, но губы сердито поджаты. Он намерен сразу после армии поступить в институт и уже готовится... Чуть дальше белеет лицо Валюскаса: загар к нему не пристает. Вид у солдата уверенный, чуточку вызывающий. Теперь он на кроссах уже не отстает, выдерживает бег на любые дистанции, чем немало гордится: переборол-таки себя!

Дёгтев продолжает молча рассматривать своих подчиненных, будто заново оценивая каждого. Говорить все равно невозможно — гул мощных двигателей не перекричишь.

В самом конце ряда сидят Матвеев и Ашурков. Оба сосредоточены, стараются не подать вида, что нервничают. Они хоть и стали классными специалистами — Матвеев стреляет отлично, Ашурков безукоризненно водит машину, — но предстоящая задача сложна, а чувство ответственности у людей повысилось. И это, пожалуй, самое главное, чего командиры достигли в воспитательной работе.

Повернув голову, Дёгтев видит Бахмутова. Насупился. Видно, все еще переживает неудачу на последней стрельбе. Взвод не получил пятерки, на которую сержант, зная возможности своих солдат, твердо рассчитывал. Напротив него — Жулин. Его в последнее время не узнать: подтянут, собран и, что особенно радует, думает уже не о собственной персоне, а о деле. Добрый признак!

Десантники сидят плотно, прижав плечо к плечу, и в этом угадывается привычное чувство локтя, роднящее их. Давно замечено:

чем дружнее, сплоченнее коллектив, тем на большее он способен. И тут нельзя не отдать должное замполиту.

Яремко всегда знает запросы людей и как-то незаметно, но очень здорово влияет на их настроение. Поначалу Дёгтев, если откровенно, даже немного завидовал его популярности среди солдат. Командиру, единоначальнику, считал старший лейтенант, во всем должно принадлежать первое место. Однако постепенно он привык опираться на замполита и уже не мог обходиться без него.

Дёгтев взглянул на часы. До выброски десанта оставалось двадцать минут. Что-то ждет роту там, на земле? Действовать придется в сложных условиях, и действовать не хуже, а лучше, чем прежде. Ведь они наследники фронтовой славы отцов, с боями прошедших по той земле, что лежала сейчас внизу, тридцать шесть лет назад. И что характерно: как раз именно здесь, неподалеку, сражалось и побеждало фашистов их прославленное гвардейское Свирское Краснознаменное, ордена Кутузова III степени соединение.

Старший лейтенант уверен в своих солдатах, в их мужестве и умении, в том, что они, не дрогнув, пойдут навстречу любой опасности. Но мало ли что может случиться! Командир в ответе за все: за людей, технику, за исход самой операции. И пусть это только учение, а не настоящий бой, все равно придется прыгать с большой высоты на огромной скорости с мизерными интервалами, бежать в атаку и стрелять...

Задумавшись, Дёгтев скорее почувствовал, чем увидел, как загорелась желтая лампочка — сигнал «Приготовиться!», и вскочил. Самолет ожил. Солдаты торопливо поправили лямки, приняли стойку и снова замерли. Теперь все смотрели на плафон, ждали, когда загорится зеленый свет и вспыхнет табло «Пошел!».

Медленно открылись люки. Строй дрогнул и быстро пошел в разные стороны. Прыгали в несколько потоков.

Сейчас от скорости выброски зависело все. Люди понимали: чем быстрее они достигнут земли, тем меньше вероятности быть пораженными в воздухе. Решают секунды!

Когда парашют Дёгтева раскрылся, он увидел: боевые машины, выброшенные с других самолетов раньше людей, еще не успели приземлиться. Издали многотонные стальные коробки казались миниатюрными, словно игрушечными, а многокупольные системы, поддерживающие их, походили сверху на гроздья белых воздушных шариков.

Земля быстро приближалась. Десантники открыли огонь. Треск автоматных очередей усиливался: «бой» начался уже с воздуха.

— Приземлился, начинаю сбор, — доложил по рации Дёгтев.

Десантники уже бежали к своим машинам, ведя огонь на ходу. Никто не суетился, не мельтешил. Четко выполняли приказы командира.

Взревели двигатели, и почти тотчас же ударили пушки. Белое пламя рванулось из стволов. Черные султаны разрывов взметнулись на горизонте. Терпко запахло толом. Степь окуталась сизым дымом.

Дёгтев споткнулся и едва устоял на ногах: чуть не угодил в ров, наискось уходивший к темневшему вдали лесу. Не сразу догадался, что это старая траншея. Обвалившаяся, заросшая желтой сурепкой, она змеилась по полю, где много лет назад проходило жестокое сражение. Именно тут в сорок четвертом дралась их часть,

сражались и умирали за Родину однополчане. Где-то здесь, на этом поле, и совершил свой бессмертный подвиг коммунист старший сержант Михаил Григорьев, о котором столько раз рассказывал Дёгтев молодым солдатам.

...Дымилась перепаханная снарядами земля. Одиннадцать раз с небольшими интервалами накатывались на наши окопы вражеские цепи и, устилая поле трупами, отползали обратно. Гвардейцы-десантники стояли насмерть. Один за другим выбывали из строя бойцы. Смолкали подбитые орудия. Кончались боеприпасы у пулеметчиков. В ротах оставалось по горстке израненных солдат.

Солнце склонялось к горизонту, когда фашисты, получив пополнение, снова пошли в атаку. На позиции полка ринулось несколько десятков танков. Но приказ, несмотря на неравные силы, гласил: «Ни шагу назад!»

На траншею, в которой засели несколько оставшихся в живых бойцов, — ими после гибели взводного командовал старший сержант Григорьев — двигалось два «тигра». Вражеские машины приближались неумолимо. Один из танков в конце концов удалось подбить подкалиберным снарядом. Однако другой...

«Еще минута — и все!» — понял Григорьев и стиснул в руке последнюю связку гранат.

«Бросай! — нетерпеливо крикнул кто-то. — Сейчас начнет утюжить!..»

Григорьев и сам видел: медлить нельзя, но стоит только промахнуться — и конец! И тогда он принял единственно верное в той ситуации решение пожертвовать собой, но спасти жизнь товарищей. Со связкой гранат гвардеец бросился под танк...

О чем он думал в самую последнюю минуту, совершая подвиг?

Когда Дёгтеву задают этот вопрос, он без колебания отвечает: «О Родине!» — и уверен, что не грешит против истины. Потому что Родина для солдата — олицетворение всего: дома, где он вырос, земли, что вспахана его руками, воздуха, которым он дышит, родных его сердцу людей...

— «Ураган» — стрела! — отрывисто прозвучала в наушниках команда, которую они с нетерпением ждали на рубеже.

— В атаку — вперед! — крикнул Дёгтев и вскочил.

Небо прочертила трехзвездная ракета. Над полем раскатисто грянуло «ура».

Командира обогнал Карапетян. За ним, не отставая, бежал Сигеев. Вперед выскочил Бондарь, он что-то кричал Валюскасу и Бахмутову.

Они первыми ворвались во «вражеские» траншеи.

«А нынешние смогли бы так же, как Григорьев?» — подумал старший лейтенант. Он ответил на свой вопрос не сразу. Не потому, что заколебался. Просто на секунду представил себе того же Сигеева в единоборстве с танком... Зубы сжаты. На скулах вздулись желваки. Глаза сузились, неестественно блестят. Но спокоен, внешне, конечно... Дёгтев видел такого Сигеева, когда тот прыгал с малой высоты. Прыжок этот опасен, однако солдат не дрогнул. Упрямым, неуступчивым оказался солдат Сигеев. Его не согнешь. Да и других тоже. Если понадобится, они выстоят!

Выстрелы сместились в глубину обороны «противника». Миновав первую позицию, десантники, не останавливаясь, безудержно устремились вперед.

В августе этого года исполняется тысячелетие со дня рождения великого ученого, поэта, врача Востока Абу Али Ибн Сины —

Лев ОШАНИН

БАЛЛАДА РТУТИ

Отдохнувший, с ухоженной бородой,
Из цирюльни он вышел. И сразу
Он увидел прямо перед собой
Два горящих, два яростных глаза.
Руки в тихой мольбе, вкривь и вкось седина.
Голос полон надежды и боли.
— Я тебя по осанке узнал, Ибн Сина.
Не гневись. Я пришел за тобою.
— Кто ты!
— Я для великого дела рожден.
Вон напротив мой дом за дувалом. —
Был халат его беден, местами прожжен,
Ветерком в рукава задувало.
Дом был пуст, только кучка бумаги жила,
На циновке, распавшись, лежала.
А над ямой в саду два угрюмых котла
Полыхали каскадами жара.
Тот, который побольше, пыхтел не спеша,
Легким облачком пара увенчан.
А хозяин, листками бумаги шурша,
Тянет гостя к тому, что поменьше.
— Я умею из окисла вырвать металл,
Видишь, он у меня прирученный. —
Ибн Сина в мелких знаках листок прочитал
И кивнул — перед ним был ученый.
Ибн Сина загляделся — иная заря.
Мудрой химии строгое царство.
Он ее понимал, и любил, и не зря
Брал ее элементы в лекарства.
Он давно собирался поглубже копнуть
Мир веществ неживых, нецелебных,
Тронуть, может быть, марганец, может быть, ртуть,
Поискать сочетаний волшебных.
Вот остаться бы здесь, возле этих котлов,
Перепробовать все... А хозяин

Авиценны. Предлагаем вниманию читателей балладу из романа известного советского поэта Льва Ошанина «Талисман Авиценны».

Тянет гостя туда, где основа основ
Лезет облачком пара в глаза им.
— Погляди же, как дышит котел над огнем,
Как ведет он свой медленный танец.
Медь и олово вместе расплавлены в нем,
Завтра все это золотом станет...
Ты философ, весь мир тебя слушать готов,
Помоги мне с вершины познанья —
Мне осталось лишь несколько правильных слов
Вставить в формулу заклинанья. —
Ибн Сина погрустнел. Он встречал их не раз,
Тех, кого эта страсть закружила.
А хозяин, расширив зрачки своих глаз,
Шепчет в ухо ему одержимо:
— Будет мир на меня с удивленьем смотреть,
Как сорю я золой золотою.
Я беру тебя в долю, даю тебе треть
Всех богатств, что я завтра открою. —
Гость подумал:
«Несчастный... Все в мире темно.
Он не первый и он не последний.
Но металлу в металл перейти не дано,
Медь, как прежде, останется медью».
— Ты молчишь, — удивился алхимик, — весь мир
Тропы к золоту ищет веками.
Мне почти что открылся уже эликсир,
Философский ты выдашь мне камень! —
А печаль, а забота у гостя своя.
Гость листки между пальцами вертит.
«Как мы схожи — он золото ищет, а я
Непослушное средство от смерти.
Он в несбыточный призрак богатства влюблен,
Жаждет желтого мусора, тлена...
Неужели я так же бессилен, как он,
Перед страшным законом Вселенной!..»
— Пусть! — алхимик кричит. — Пусть я нищий пока,
Но Аллахом надежда дана мне.
Неужели отбросишь меня, как щенка,
Не отдав философского камня!
Надо лишь золотую закваску плеснуть,
И в удаче порукою вера,
Мать металлов — давно мне покорная ртуть
И отец их — угрюмая сера. —
Ибн Сина был от слов его громких далек.
Вмяв рассеянно в пояс бумаги,

Вместо них он оттуда достал кошелек,
Отдал все свои деньги бедняге.
— Это все, чем могу я помочь, о, сосед,
Дай аллах тебе счастье в награду.
Философского камня, боюсь я, что нет,
Ну а доли мне просто не надо.

Он ушел от бессмысленной страстной тоски,
От больных одиночеством окон.
А наутро достал и разгладил листки,
Что с собою унес ненароком.
Виден дьявольский труд, и совсем он не прост,
Этот малый котел для закваски.
В нем селитра и ртуть, спирт, квасцы, купорос —
Все намешано в поисках сказки.
Из листков возникала тревожная суть.
Человек колдовал не впустую.
Но не золото создал —
гремучую ртуть,

АСТЕРОИД, КОТОРЫЙ ПОГУБИЛ ДИНОЗАВРОВ? 65 миллионов лет назад астероид диаметром 10 километров и массой 13 триллионов тонн ударился о Землю. Произошел взрыв мощностью 100 миллионов мегатонн, и образовался кратер 175 километров в поперечнике. Масса пыли, в 100 раз более мощная, чем вес самого астероида, была выброшена в атмосферу, и Земля погрузилась в ночь, которая продолжалась два-три года. Именно поэтому и вымерли динозавры. Это же печальное в истории планеты событие повлекло за собой разделение между меловым периодом — эпохой динозавров и третичным — временем млекопитающих.

Такова гипотеза исследователей из Калифорнийского университета — физиков Луиса и Уолтера Альваресов. Они основываются на результатах изучения тонкого слоя глины, который повсюду на планете отделяет породы мелового периода от пород третичного и содержит количество иридия, намного превышающее содержание этого элемента в других породах земной коры. Сначала Л. и У. Альваресы считали, что наличие этого металла свидетельствует о взрыве вблизи Земли какой-то сверхновой звезды, однако анализы показали, что иридий (он используется как индикатор присутствия внеземного вещества) из солнечной системы, вероятнее всего, из астероида. Подобные вещи, полагают ученые, происходят не чаще чем раз в 100 миллионов лет.

Астероид исчез, оставив в атмосфере в 1500 раз больше пыли, чем великое извержение вулкана Кракатау в 1883 году. Так как в течение двух-трех лет на Земле царил мрак, процессы фотосинтеза прекратились. Крупные животные, которые нуждались в обильной пище, исчезли. Мелкие же, способные обходиться корнями, семенами и различными органическими остатками (исключение составили крокодилы, которые способны питаться гнилыми продуктами), выжили.

Эту гипотезу поддержал канадский палеонтолог Дейл Рассел. В самом деле, говорит он, ни одно животное весом более 25 килограммов не выжило после этого катаклизма.

Исчезновение крупных животных стало толчком для эволюции мелких млекопитающих, среди которых были и предки человека...

Все это, замечают Альваресы, пока лишь гипотеза, однако она, по мнению ряда ученых, больше подходит для объяснения исчезновения древних животных, чем прочие предположения.

СОВРЕМЕННИЦА КАПИТАНА КУКА. Вряд ли кто-нибудь поверит, если узнает, что одна

Безудержную силу взрывную.
Ибн Сина, ужаснувшись, отбросил листки,
Позабыв о печалях вчерашних.
Побежал через арки, арыки, мостки
Как сидел, в своих туфлях домашних.
Побежал, чтоб, ученому правду открыв,
Удержать его...
Вдруг за домами,
Не достигнув цирюльни, услышал он взрыв
И увидел взлетевшее пламя.
Он, мечтающий смерти поставить предел
В мире, где все законы так зыбки, —
Вот опять человека спасти не успел
От простой человечьей ошибки.
А ведь мог бы, наверно...
Все в серой пыли.
Смерть за поиск — обычная плата.
Пепел, прах... А на взорванных комьях земли
Дотлевавший рукав от халата.

из современниц капитана Кука умерла всего 14 лет назад. Но тем не менее это факт. Современница Кука — черепаха. Когда 22 октября 1773 года знаменитый капитан посетил острова Тонга, он подарил правителю островов королевскую тонганскую черепаху, которую звали Тумалилиа. С тех пор она принадлежала членам правящего рода и передавалась по наследству от правителя правителю. Черепаха прожила более 200 лет.

ЕСТЬ ЛИ ПОЛЬЗА ОТ САРАНЧИ? В результате исследования двое южноафриканских ученых пришли к выводу, что саранча, которая, уничтожая посевы, вызывает голод во многих странах Африки, сама может быть использована для разрешения проблемы голода, так как представляет собой сконцентрированный белок. Ученые подсчитали, что, когда саранча налетает на посевы, с одного гектара можно собрать примерно 3 миллиона штук саранчи. Если учесть, что эти насекомые больше чем наполовину состоят из грубого белка в сухом виде, то окажется, что каждая стая саранчи — тонны концентрированного питательного вещества.

Ученые выдвинули предложение использовать средства, расходуемые на уничтожение саранчи при помощи инсектицидов, для ловли этого насекомого и переработки его в пищевые продукты.

В ПЛЕНУ У МЕРТВОГО МОРЯ. Масштабы растущего загрязнения окружающей среды нефтепродуктами сегодня куда больше, чем раньше, говорится в докладе Королевского общества защиты птиц, опубликованном недавно в Великобритании. Данные отчета не утешают. За последние девять лет в прибрежных водах Британских островов погибли от нефти и масла 46 тысяч птиц. Не меньшее количество утонуло в открытом море, так и не сумев освободиться от тяжелой пахучей пленки на поверхности воды. Одна из причин, подчеркивается в отчете, — незаконный и часто безнаказанный спуск в океан горючего и масла.

Комиссия предупреждает общественность, что расширение нефтяных полей на поверхности моря, а также интенсивность движения танкеров создают огромную опасность для большинства птичьих популяций Британских островов. «Существует реальная угроза массовой гибели птиц в масштабах, еще невиданных в Западной Европе», — заявляют эксперты. Они призывают усилить борьбу с загрязнением моря отходами горючего и ликвидировать огромные масляные пятна, появившиеся у морских берегов.

Подмосковье. Фотоэтюд В. ЧУДАКОВА.

Первая страница обложки «Товарища»: Лесник Карпатского заповедника комсомолец Саша Коренчук (читайте на стр. 203 рассказ «Саша из букового леса»). Фото В. ШКОЛЬНОГО.

МОЯ ЖИЗНЬ И ЭТА ПРЕКРАСНАЯ ИГРА

Окончание. Начало на стр. 146.

А вообще трудно описать, что творилось после финального свистка на поле. Толпы болельщиков ринулись с трибун. Отбросив в сторону полицейских, словно их вовсе не существовало, зрители накинулись на нас, как волки. С меня сорвали футболку, трусы, гетры, бутсы — хорошо еще, что надо мною сжалились, оставив меня в плавках. Так что единственным сувениром от того финального матча у меня остались только бутсы и плавки.

Толпа наконец позволила нам уйти в раздевалку. Я поскорее скрылся в душевой — единственное место, где можно побыть одному. Там я пустил воду и стал молиться. Но вскоре в душевую нагрянули репортеры. В одежде они стояли за мной под струями воды и задавали вопросы. Действительно безумный день!

Нас вызвали на поле, чтобы вручить Кубок Жюля Риме, теперь он становился нашим навечно. Трибуны ликовали. Никогда в жизни не видел я столько улыбок, столько радостных лиц. Игроки обнимались со зрителями, журналисты сердечно поздравляли друг друга, словно они тоже участвовали в матче. Я думал о своей жизни, о Келли Кристине, о своих родителях, о целой веренице лет, которые привели меня сегодня сюда. Беспорядочные мысли не давали мне сосредоточиться.

Кубок Жюля Риме нам вручил президент Мексики Густаво Диас Ордас. Затем бразильская сборная совершила круг почета. Серпантин и конфетти сыпались на нас, как снег, с трибун неслись звуки самбы, сливавшиеся с восторженными овациями. Этот круг почета напомнил мне 1958 год, когда Белини гордо держал над головой завоеванный нами кубок, так повторилось и в 1962 году, когда почетный трофей был вручен нашему капитану Мауро. А теперь заветный кубок с волнением поцеловал Карлос Альберто. В его глазах блестели слезы, лицо светилось радостью.

Волнующему дню не видно было конца. Казалось, карнавал будет продолжаться вечно. Когда мы наконец пробились к автобусу, чтобы ехать в гостиницу, толпы людей так тесно окружили нас, что автобус не мог сдвинуться с места. Водителю пришлось буквально продираться сквозь толпу.

В гостинице я сразу же заперся в своем номере. Мне хотелось закончить свою молитву. Однако тут же ворвалась целая толпа знакомых и незнакомых мне людей. Надо было ехать в гостиницу «Мария Изабель».

Фиеста на улицах не затихала всю ночь, несмотря на дождь. Она походила на карнавал в Рио-де-Жанейро — люди пели, пили, плясали. Мексиканцы и бразильцы в одном порыве выражали свою радость по поводу нашей победы.

Начались телефонные звонки, посыпались телеграммы. Первым позвонил президент Бразилии Эмилио Медичи. Он разговаривал со мной, с Герсоном, Карлосом Альберто, Ривелино. В эту ночь только президент мог соединиться по телефону со столицей Мексики. Все каналы связи были заняты журналистами. В разные страны передавались материалы о финальном матче. Я, например, целый вечер пытался позвонить домой Розмари, но у меня ничего не вышло.

Поздравительные телеграммы шли не только от губернаторов и мэров бразильских штатов и городов, но также из Европы, Африки и даже Азии. Финальную игру чемпионата смотрел почти миллиард телезрителей. Такого огромного интереса не вызывала еще ни одна спортивная передача за всю историю телевидения.

Наконец-то мы возвращались домой. Обычно я легко засыпаю в самолете, но на этот раз все складывалось по-другому. Торжества продолжались и в воздухе.

Первая остановка была в Бразилиа̀, столице страны. Президент Медичи устроил торжественный прием. Как всякий бразилец, он, естественно, не мог не любить футбол. Из столицы мы вылетели в Рио-де-Жанейро. Там повторился восторженный, прямо-таки безумный прием. Пожарные машины черепашьим темпом продвигались по улицам, запруженным людьми. Все тонуло в оглушительном, неумолчном шуме. Возле гостиницы «Плаца» пожарным потребовалась помощь полиции, чтобы провести нас в помещение.

Сеньор Авеланж сказал мне, что звонила Розмари, просила позвонить домой, но соединиться с домом мне удалось лишь в три часа ночи. Розмари ожидала второго ребенка, волновалась, мне полагалось быть рядом с нею. Я надеялся, что после официального приема в Рио-де-Жанейро мы сможем разъехаться по домам.

Но стало известно, что нас ожидают еще в Сан-Паулу. Поразмыслив, я утром нанял самолет и вылетел в Сантус к своей семье.

Мне и по сей день не могут простить, что я оставил своих товарищей по сборной и не поехал с ними в Сан-Паулу. Кстати сказать, я не могу понять, почему некоторые спортивные журналисты с такой враждебностью относились ко мне именно на моей родине в Бразилии. Будучи в составе сборной, мы отдали шесть месяцев своей жизни бесконечным тренировкам, играм в отборочных матчах и, наконец, встречам в заключительной части чемпионата. Теперь же, когда мы выиграли золотой кубок, когда мы сдержали свое обещание, я в один миг впал в немилость. Меня стали называть неблагодарным предателем. И все только потому, что я предпочел отправиться к своей жене, которой в тот момент был значительно нужнее, чем городу Сан-Паулу и всем его репортерам вместе взятым. Но я уверен, что в таких обстоятельствах любой нормальный человек на моем месте поступил бы точно так же.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

У нас с Розмари родился второй ребенок, сын, которого нарекли Эдсон Холби Насименту. Ему дали прозвище Эдиньо. Я не тыкал в его маленькие крепкие бедра пальцем и не говорил при этом, что из него получится хороший футболист. Если Эдиньо захочет посвятить себя футболу, пусть будет так. Но с рождением сына я сделал для себя вывод, что характер моей жизни надо решительно менять. Этот вопрос мы с Розмари обсуждали очень долго и подробно.

Не вызывало сомнений, что придется резко сократить бесконечные поездки, которые надолго отрывали меня от дома. Семья хотела, чтобы я посвящал ей больше времени, к тому же следовало уделять больше внимания и коммерческим делам.

Прежде всего я собирался заканчивать свои выступления за национальную сборную, а это влекло за собой необходимость расторгнуть контракт с клубом «Сантос», поскольку приходилось участвовать в долговременных турне в разных частях мира. Я устал от бесконечных перелетов, к тому же хотелось поступить в университет и стать тренером. Я твердо решил получить диплом профессионального тренера.

Что побудило меня снова сесть за учебники? Веские причины. Я всегда отдавал себе отчет, что в моем образовании имеются значительные пробелы, но не оставаться же на всю жизнь с че-

тырехклассным образованием. Профессор Маццей внушал мне необходимость продолжения учебы, его активно поддерживали Розмари и брат Зока, изучавший право. Но чтобы поступить в университет, необходимо представить аттестаты об окончании средней школы и курсов по подготовке в высшее учебное заведение. После всего еще требовалось сдать вступительные экзамены в университет. В общем передо мной стояла трудная задача. Но я был настроен на учебу. Прежде всего надо получить аттестат об окончании средней школы. Наняв репетитора, я вместе с профессором Маццей всерьез взялся за дело. Прозанимавшись год, я почувствовал, что к экзамену готов. Перед комнатой, где находилась экзаменационная комиссия, профессор Маццей похлопал меня по плечу:

— Вперед, Пеле. Не надо волноваться. Выброси из головы мысль, что можешь провалиться.

Мне вспомнилось, как мы ехали в Сантус на автобусе с Валдемаром ду Бриту и тот старался пробудить во мне уверенность в собственных силах.

Экзамен я сдал без особого труда. Наверное, благодаря хорошей подготовке. Теперь на очереди были экзамены на курсы по подготовке в высшее учебное заведение. На это потребовался еще целый год постоянных занятий с репетиторами и профессором Маццей. Этот год тоже не прошел даром. Сдавать экзамены я поехал в Апаресиду, очаровательный городок в долине реки Параиба. Мой старый друг Зито держал здесь ферму, у него я провел ночь накануне экзамена. Рано утром я взял у Зито лошадь и, как Дон-Кихот, отправился на экзамен. Привязав лошадь к забору, я набрал воздуха в легкие и вошел в класс. На пороге я пытался изобразить на своем лице подобие улыбки, но у меня ничего не получилось. Экзамен продолжался несколько часов. Выйдя из комнаты, я почувствовал усталость. Но экзамен все-таки был сдан. А неделю спустя я держал в руках драгоценный документ, в котором говорилось, что мне разрешается сдавать экзамен для поступления в университет. Я вздохнул и снова засел за книги.

Главный экзамен пришлось сдавать в Сантусе. Учебники вконец замучили меня, но я твердо решил, что не отступлю, покуда не получу заветного диплома. (Все эти годы я не переставал играть за «Сантос».) Экзамен проводился по разным предметам: истории, математике, гуманитарным наукам. Кроме того, поскольку я поступал на факультет физической культуры, мне пришлось показать свое умение в беге, прыжках, подтягивании на турнике, лазании по канату. На мою беду, было плавание. А подобно мно-

гим бразильцам, проводящим массу времени на пляже, у воды, я так и не научился толком плавать.

Мне предстояло преодолеть целых двадцать пять метров и не утонуть! И я их одолел, вылавливать меня из бассейна не пришлось.

Но тут прибавились новые трудности: от меня стали требовать обязательного присутствия на занятиях. Правда, университетские власти к вынужденным пропускам относятся с пониманием и переносят экзамены на более поздний срок. Но если студент не в состоянии сдать отсроченные экзамены, в этом случае пощады от университета не жди. В команде «Сантос», кроме меня, было еще несколько студентов, и профессор Маццей делал все возможное, чтобы наши бесконечные поездки не вредили учебе. Профессор заботился, чтобы во время турне или в период «концентрации» мы не выпускали учебников из рук. Он проводил с нами «походные» занятия, чтобы по возвращении из поездок мы не отстали от своих товарищей по университету. Иногда, вернувшись из продолжительной поездки, мы обнаруживали, что по пройденному материалу не только не отстали от программы, но даже ушли вперед.

На первом году обучения мне как первокурснику пришлось пройти традиционное посвящение в студенты. Суть такого «крещения» заключалась в наказании, которое придумывали студенты-старшекурсники. Мне было предложено постричься наголо. Я пытался объяснить, что мое имя используется для рекламы товаров, и фирмы требуют, чтобы на фотографиях я был с прической. Бесполезно! Поэтому на фотографиях, сделанных во время чемпионата мира в Мексике, у первокурсника Пеле такой вид, будто его оскальпировали.

Три года учебы на факультете физической культуры университета пролетели быстро. Кроме сугубо спортивных дисциплин, изучались анатомия, физиология, психология. Занятия начинались в семь тридцать утра. Наших преподавателей не интересовало, что накануне вечером мне пришлось участвовать в футбольном матче. Никаких поблажек я не получал, да и не хотел получать. И вот ровно через пять лет после того, как репетитор принялся натаскивать меня к экзамену на аттестат зрелости, я успешно закончил университет.

Я твердо решил закончить свои выступления за сборную и отказался от приглашения участвовать в играх чемпионата мира 1974 года. Дело было не в возрасте и не в физической форме. Как

показали матчи последнего чемпионата, здоровье у меня было отменное. Что же касается возраста, то в 1974 году мне было бы только тридцать четыре года. Для сравнения скажу, что Джалма и Нилтон Сантосы участвовали в мировом чемпионате, когда им было по тридцать восемь лет. У меня были другие причины. Я считал, что игрок должен уходить из футбола, когда он еще может продолжать выступления, а не тогда, когда его ухода потребуют болельщики. Мне слишком хорошо запомнилось, как зрители освистали Жильмара на стадионе «Пакаэмбу» — и это всего лишь год спустя после его успешного выступления на чемпионате мира. Кроме того, если я снова соглашусь войти в сборную, я займу место какого-нибудь молодого футболиста. И последнее: выступление в составе сборной означало бы не видеться с семьей еще целых полгода, а может быть, даже больше. Я участвовал в четырех чемпионатах мира. С меня достаточно.

Что касается клуба «Сантос», то мой контракт истекал во второй половине 1972 года. Мне казалось, что «Сантос» успеет подыскать мне подходящую замену.

Итак, я строил разные планы на будущее, мечтая о времени, когда оставлю футбол и для меня начнется спокойная жизнь. К девяти часам утра я буду приходить в свою контору, а в пять или шесть часов вечера возвращаться домой. Поцеловав в дверях жену, я буду играть со своими детьми. Спокойно поужинаю, буду говорить с ними о самых нормальных вещах, а не о растяжении мышц и разрыве связок, буду отдыхать по вечерам. Именно о такой жизни мы с Розмари мечтали, как только поженились. Но до того, как наш семейный корабль войдет в тихую гавань, мне еще предстояло несколько лет играть, находясь в зависимости от клуба. Хотя о своем уходе из большого футбола я уже заявил, «Сантос», судя по всему, не очень спешил с подысканием мне замены. Наоборот, руководители клуба договорились о проведении большого числа игр за рубежом, чтобы не упустить момента и побольше заработать.

В первые шесть недель 1971 года мы проехали Южную и Центральную Америку, а также страны Карибского бассейна. За это время мы посетили Боливию, Сальвадор, Мартинику, Гваделупу и другие страны. На Ямайке я впервые встретился с мистером Кливом Тоем.

Было утро. Мы сидели у бассейна гостиницы, отдыхая перед вечерней игрой. Ко мне подошли и представились трое: менеджер нью-йоркского клуба «Космос» Клив Той, директор Североамериканской футбольной лиги Фил Уоснам и секретарь федерации футбола США Курт Ламм. Клив Той — добродушный человек,

высокого роста, с вьющимися волосами и с неизменной сигарой в зубах. Опустившись в шезлонг рядом со мной, он стал что-то объяснять. Поскольку Клив говорил с ярко выраженным британским акцентом, а я в то время почти ничего не понимал по-английски, до меня не дошло ни единого слова. Поэтому профессору Маццей пришлось перевести мне все по-португальски.

— Мистер Той говорит, что футбол в Соединенных Штатах переживает трудные времена. Лига была основана в 1968 году, с опорой главным образом на иностранных игроков. Но эта практика себя не оправдала. В 1971 году создается новая лига — у нее более крепкая финансовая основа и поэтому бо́льшие шансы на успех.

Он снова повернулся к Тою. Я вежливо слушал гостя. Игроки нашей команды, из которых никто не говорил по-английски, попрыгали в бассейн. Я им позавидовал. Мне думалось: с какой стати этот гигант со светлыми вьющимися волосами рассказывает мне печальную историю о своих неудачах?

Между тем беседа продолжалась, профессор переводил с английского на португальский.

— Мы уверены, — сказал Той, — что при доброжелательном отношении и соответствующей рекламе футбол в США может стать таким же популярным видом спорта, как и во всем мире.

Стрелки часов над входом в гостиницу приближались к двенадцати, а я не любил опаздывать на обед.

Однако Той продолжал:

— Нам кажется, что во имя достижения этой цели в кратчайшее время трудно обойтись без приглашения в Соединенные Штаты крупных футбольных звезд. А поскольку самой большой известностью в современном профессиональном футболе пользуется имя Пеле, мы подумали, не будет ли для вас интересным по истечении вашего контракта с «Сантосом» приехать в Соединенные Штаты? Поэтому клуб «Нью-Йорк Космос» был бы готов подписать с вами соответствующий контракт.

Когда профессор закончил переводить, я пристально посмотрел на Клива Тоя. «Нью-Йорк Космос»?

— Скажите ему нет, — попросил я профессора.

Той нахмурился. «Нет» почти на всех языках звучит одинаково, поэтому перевода не потребовалось.

— Вы даже не поинтересовались, сколько мы готовы вам предложить.

Я попытался объясниться:

— У меня нет желания ехать в Нью-Йорк. Какая разница, сколько вы мне готовы предложить? И «Барселона», и «Реал Мад-

рид», и итальянские клубы предлагали мне большие деньги, но я отвечал отказом. А один мексиканский клуб вручил мне чистый бланк и предложил вписать в него любую сумму. Но я и тогда не согласился. Когда я закончу свои выступления за «Сантос», я намерен жить в Сантусе как простой смертный.

Той прервал меня:

— Поедемте в Сантус и поговорим с вашей семьей!

Я улыбнулся.

— Моя семья имеет на меня влияние, но она не принимает за меня решения. Пока я это делаю сам. Должен сказать, у меня нет ни малейшего желания ехать в Соединенные Штаты.

Трое джентльменов встали. В пиджаках и галстуках они неловко чувствовали себя под жарким солнцем. Однако Клив Той улыбнулся своей невозмутимой улыбкой.

— Что ж, не обижайтесь, если мы не оставим вас в покое. Мы будем за вами следить. Возможно, вы передумаете.

Я пожал плечами.

— Может быть, — ответил я, — этого я запретить вам не могу.

Они ушли, а я до обеда еще успел окунуться в бассейне.

Вскоре произошла и моя встреча с Генри Стемплемэном, представителем компании «Пепси-Кола». В отличие от других коммерсантов он не предлагал мне попробовать их продукт. Генри мне очень понравился. Компания попросила меня, чтобы я помог детям всего мира постичь тайны футбольной игры. Это предложение захватило своей оригинальностью. Поразмыслив, я решил, что игра стоит свеч. Единственная возможность проводить эти футбольные лекции — в промежутке между матчами во время зарубежных турне «Сантоса». Я рассудил, что уж лучше учить подростков футбольной игре, чем сидеть в холле гостиницы и смотреть какую-нибудь телепрограмму.

Наш первый контракт был заключен сроком на один год. Обе стороны хотели проверить: получится ли что-нибудь. По прошествии года стало очевидно, что все получается. Поэтому был подписан новый контракт, теперь уже сроком на пять лет. Физической подготовкой юных футболистов занимался профессор Маццей, с которым компания «Пепси-Кола» также подписала контракт. Мы вместе с ним ездили на семинары, используя отпущенное нам время на обсуждение теоретических и практических аспектов футбольной игры. Это был жесткий график. Мне приходилось играть в футбол, тренироваться, заниматься в университете да еще разъезжать по свету. Но я всегда мечтал учить юных футболистов, поэтому проведение семинаров доставляло мне огромное удовольствие.

Вдобавок ко всему в 1971 году я наконец открыл в Сантусе собственную контору на пятом этаже дома № 121 на Руа Риахуэло.

Объем моих коммерческих операций настолько увеличился, что уже не хватало маленького помещения. Так возникла «Пеле эдминистрейшн энд эдвертайзинг компани». Моим менеджером стал Хозе Родригес Форнос, которого все звали Пепито. Бухгалтерским учетом ведал мой дядя Жоржи. В общем, фирма встала на самостоятельный путь.

18 июля 1971 года я в последний раз вышел на поле в футболке бразильской сборной. Это была встреча со сборной Югославии на «Маракана». На матче присутствовало 180 тысяч зрителей. Это была далеко не лучшая моя игра. Я чувствовал себя чересчур возбужденным от сознания того, что уже никогда не появлюсь на поле в желто-зеленой форме национальной сборной. Не помогало и то, что 180 тысяч болельщиков, поднявшись с мест, громко скандировали: «Останься! Останься!»

Но всему свое время — время рождаться и время умирать. Четырнадцать лет назад я родился для этой команды, теперь настало время прощания.

Игра закончилась вничью, со счетом 2 : 2. Я с поднятыми руками побежал вокруг поля мимо трибун, желая отблагодарить болельщиков за их любовь ко мне, выразить им признательность за поддержку, которую они оказывали мне все эти годы. Болельщики поднялись с мест. По моим щекам, как капельки дождя, текли слезы. Я снял с себя футболку с номером 10, которую с такой гордостью носил все эти четырнадцать лет, и стал махать зрителям. Потом я вытер ею слезы. Этот день запомнится мне на всю жизнь.

В том же году в «Сантосе» состоялись выборы, в результате которых руководство клубом почти полностью обновилось. Новые менеджеры считали, что новая метла непременно должна мести чисто, независимо от того, есть грязь на полу или нет. Первой жертвой стал наш тренер Антониньо, который был приглашен в клуб после Лулы. Под руководством Антониньо команда выступала исключительно успешно, дважды выиграв чемпионат штата Сан-Паулу, а также большинство других турниров. И вот теперь менеджеры не задумываясь уволили Антониньо, пригласив на его место Мауро.

Мы ничего не имели против Мауро. Многие из нас играли вместе с ним и знали его как выдающегося футболиста. Со временем он стал прекрасным тренером. Но мы не видели основания для замены прежнего тренера, это была просто замена ради замены. Еще больше огорчило нас, когда Мауро сказал, что новые менеджеры поручили ему уволить профессора Маццей.

Маццей считался лучшим тренером по физической подготовке футболистов в Бразилии. Его увольнение показалось нам вообще лишенным смысла. Видимо, это был пример, когда замена старых кадров являлась самоцелью. Мауро отказался убрать профессора Маццей, в результате чего примерно год спустя был уволен.

Новым тренером команды был назначен Жаир да Роза Пинту, тот самый Жаир, который играл в финальном матче против сборной Уругвая в 1950 году и который играл в «Сантосе», когда я впервые появился в клубе. Жаиру предназначалось довершить то, с чем менеджеры носились целый год, — избавиться от услуг профессора Маццей.

Однажды Маццей, как обычно, пришел на базу, переоделся и, прежде чем отправиться на тренировочное поле, решил зайти к старшему тренеру.

— Жаир, — сказал он, — у вас наверняка есть идеи в плане физической подготовки игроков. Их не мешало бы обсудить.

В ответ Жаир только покачал головой.

— Это вас уже не должно волновать, профессор.

— Простите, не понял?

— Я хочу сказать, что вы уже больше здесь не работаете. Клуб вас уволил. Так что можете снова переодеться и идти домой.

Профессор так и поступил. Мы видели, как он вышел из раздевалки, миновал главный вход и исчез. После тренировки несколько игроков отправились к нему на квартиру, чтобы выяснить, что с ним случилось. Вдруг заболел?

— Нет, — ответил он, — клуб меня уволил.

Мы уставились на него с недоумением, а профессор горько улыбнулся и покачал головой.

— После семи лет работы с клубом они не позволили себе даже роскошь объясниться со мной!

Когда все ушли, я спросил его:

— Профессор, что вы собираетесь делать?

— Я еще не думал об этом.

— Профессор, объем моей коммерческой деятельности возрастает, мне нужны опытные, интеллигентные и честные люди. Вы не хотели бы работать в моей фирме?

— Пеле, мы подружились, как только я пришел в «Сантос» семь лет назад. За это время мы ни о чем друг друга не проси-

ли. И это правильно. Я хочу, чтобы между нами все оставалось, как прежде.

— Но чем вы теперь будете заниматься?

Маццей улыбнулся.

— Я, как и вы, имею контракт с компанией «Пепси-Кола». Кроме того, собираюсь написать несколько книг с вашей помощью. Все время я собирал статьи из газет и журналов, а также другие материалы об игре футболиста, которого зовут Пеле. Теперь у меня будет время привести все это в порядок.

— Профессор, в моей новой конторе много свободной площади. Почему бы вам не занять несколько комнат по своему усмотрению? К тому же мы оба связаны контрактом с компанией «Пепси-Кола». Это позволит нам поддерживать постоянную связь друг с другом.

— Хорошо! — ответил он.

Мы ударили по рукам.

Чтобы понять, что произошло в апреле 1972 года, нужно жить в Бразилии. Предстояло подписание моего контракта с «Сантосом». Несколько недель подряд об этом кричали заголовки бразильских газет, а радио- и телекомментаторы обгладывали эту кость, словно им больше нечего было обсуждать.

Между прессой и «идолами» спорта у нас существуют своеобразные отношения. Амплитуда при этом — от любви до ненависти. Иногда создается впечатление, что породившая «идола» пресса испытывает настоятельную потребность развенчать его и спустить с небес на землю. Многие бразильские газеты не упустили шанса затеять против меня настоящую травлю. Сначала появились сообщения, что при обсуждении вопроса о продлении контракта с «Сантосом» я выдвинул совершенно немыслимые требования, решив разорить бедный «Сантос», и клуб не мог удовлетворить мои наглые претензии. Меня стали упрекать, что я слишком корыстолюбив и совсем забыл, кому обязан своей профессиональной карьерой, что, как собака, готов откусить руку, которая меня кормит.

Между тем я считал свои требования вполне умеренными. Многие годы я обеспечивал «Сантосу» доходы, о которых ни один бразильский клуб даже не смел мечтать. В кассу клуба беспрерывно поступали значительные суммы в твердой валюте. Однако газеты, выступавшие с нападками на меня, «забыли» упомянуть это немаловажное обстоятельство. А ведь во всех контрактах, которые «Сантос» подписывал с зарубежными клубами, содержался пункт, согласно которому в случае невыхода Пеле на поле кас-

совый сбор сокращался наполовину. Мои недруги не пожелали вспомнить, что довольно часто я был вынужден играть с травмами, чтобы обеспечить «Сантосу» запланированные кассовые сборы. Что на протяжении всей моей футбольной карьеры я оставался верным «Сантосу», хотя имел выгоднейшие предложения как в стране, так и за границей, что я, наверное, единственный бразильский футболист, который за всю жизнь ни разу не перешел из одного клуба в другой.

К моменту разгоревшейся дискуссии я сыграл за «Сантос» более 1100 матчей, из них более половины за границей. Каждая игра приносила «Сантосу» в среднем по двадцать тысяч долларов. И все же утверждалось, что «Сантос» на грани банкротства, а купающийся в роскоши Пеле норовит все больше обогатиться за счет клуба и вообще бразильского футбола.

Одна из причин, почему сумма нынешнего контракта резко отличалась от прежних моих контрактов, была связана с новым законом о налогообложении. Прежде «Сантос» сам выплачивал за меня подоходный налог. Теперь это запрещалось.

Мои друзья поинтересовались, почему я не хочу отвечать на обвинения в печати и по радио. Я считал, что мое участие в дискуссии только подольет масла в огонь, и был уверен, что вся эта кампания выдохнется, как только будет подписан новый контракт с «Сантосом».

Менеджеры клуба «Сантос» вели себя нечестно, утаивая от печати многие факты. На протяжении многих лет я заключал контракты на условиях, которые мне диктовал клуб. Теперь я хотел подписать контракт на моих условиях. Я твердо решил — или так, или никак. Клуб зарабатывал дополнительно по пятнадцать тысяч долларов за выход Пеле на поле, так пусть часть этих денег и получит Пеле!

Мне было неприятно видеть, как из-за внутренних дрязг деградирует «Сантос». Из сильнейшей команды мира он превращался в весьма посредственный клуб. Талантливых людей увольняли или они уходили, глубоко разочаровавшись в новом руководстве. Такая участь постигла Антониньо, ушли Формига, Маседо и Зито, Лима уехал в Мексику, расстался с клубом профессор Маццей, последний из когорты тех, кто вел «Сантос» к победам. Я все более чувствовал себя одиноким.

Мое окончательное предложение руководству клуба гласило: я готов подписать контракт на два года, причем играть один год на моих условиях, а еще один год бесплатно, но перечисляя причитающееся мне жалованье на благотворительные цели. Менеджерам клуба трудно было не согласиться с этим предложением

без риска дискредитировать себя в глазах общественности. Они приняли мои условия, и со спором было мгновенно покончено.

Однако скоро начались новые огорчения. Переговоры с «Сантосом» об условиях нового контракта показали, что профессиональные спортсмены в Бразилии лишены какой-либо правозащиты. Я вспомнил судьбу Васконселоса. Социальное законодательство Бразилии, как и в других странах Латинской Америки, предусматривало правозащиту фабрично-заводских рабочих, но оно не распространялось на спортсменов-профессионалов. Перед законом они были абсолютно бесправны.

Несколько лет назад в Сан-Паулу и в Рио-де-Жанейро были предприняты попытки объединить футболистов разных клубов в одну организацию. Но эти попытки закончились неудачей. Менеджеры футбольных клубов задушили эту инициативу.

Мне казалось, что, завоевав в третий раз звание чемпионов мира, мы доказали важность футбола для нашей страны. И мы были вправе рассчитывать на благосклонное отношение к нашим просьбам со стороны президента и министерства труда. Сам президент был страстным болельщиком; принимая нас после Мексики, он сказал, что мы можем обращаться к нему с любыми просьбами. Он должен согласиться, что спортсмены-профессионалы заслуживают такой же правозащиты, что и рабочие по найму.

Чтобы придать нашему визиту к президенту бо́льший вес, я обратился к наиболее известным футболистам. Моя идея нашла поддержку. Мы образовали комитет, в который вошли Герсон, Жильмар, Карлос Альберто и другие. Мы отправились в столицу, где встретились с президентом и с министром труда. Изложив свои взгляды, мы услышали в ответ заверение, что вопрос будет изучен. И вот через пять лет на спортсменов-профессионалов распространилось положение социального законодательства. Правда, много всяких оговорок, из-за которых игрок, заключивший контракт с клубом, нередко оказывается на правах раба. Но первый шаг для правозащиты спортсменов-профессионалов был сделан.

И снова средства массовой информации обрушились на меня. Одни утверждали, что Пеле никогда не волновала судьба товарищей по профессии, поэтому предпринятая попытка всего лишь жест, не более, чтобы снискать расположение публики. Часть газет и журналов писала, что в конце своей спортивной карьеры Пеле стремился разрушить клубы, подорвать саму основу футбола, превратив клубы в небольшие футбольные фабрики, старался помешать перспективным игрокам пользоваться свободой выбора, который всегда был у него самого.

Брей, работавший тогда в компании «Пепси-Кола», предложил

снять фильм о методах тренировки, которые профессор Маццей и я применяли в работе с юными футболистами. Он создал творческую группу для съемки фильма: «Пеле. Мастер и его метод». (Этот фильм сейчас считается одним из лучших по спорту.) Продюссером и режиссером Брей пригласил кинематографиста Саль Ланца. Сценарий, запершись в гостиничном номере на десять дней, лихорадочно написали профессор Маццей и Стив Ричардс. Используя пепельницу как мяч, Маццей объяснял своему соавтору различные приемы футбольной игры, Стив печатал на машинке. В создании фильма принял участие и опытный литератор Пол Гарднер, знающий футбол Старого и Нового Света. Съемки проходили в Бразилии — на стадионе Вила Бельмиро, в бедных кварталах. Фильм был адресован миллионам мальчишек во всем мире. Фильм удался, его и теперь, столько лет спустя, все еще показывают в разных странах.

Наша кинолента была удостоена одиннадцати международных призов. Характерно, что фильм выдается бесплатно только для показа в школах и клубах. Он никогда не демонстрировался на коммерческой основе, и это понятно: мы создавали его не для заработка, а для еще большей популярности этой прекрасной игры.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Приближался чемпионат мира 1974 года. Мне хотелось на него поехать, и я принял предложение телекомпании «Бандеирантес» быть спортивным комментатором. В газетах снова поднялся истошный вой, что я, не обладая опытом такой работы, лишь отбиваю хлеб у квалифицированных журналистов. Пришлось отказаться от предложения компании.

В это время пришло приглашение организаторов чемпионата. На церемонии открытия мне поручалось передать Уве Зелеру, капитану западногерманской сборной, новый золотой кубок ФИФА, за обладание которым будут соревноваться участники чемпионата. И вновь начались нападки на меня печати. Возник даже слух, что за свое появление на чемпионате я будто бы потребовал двадцать тысяч долларов.

Матчи чемпионата я собирался смотреть вместе с профессором Маццей. Вечером накануне первой игры бразильской сборной с югославами во Франкфурте мы с профессором приехали в гостиницу, где остановилась наша команда. Я хотел пожелать удачи и посмотреть, каково настроение у игроков. Бразильская прес-

са не сомневалась, что сборная повторит свой последний успех. Старшим тренером команды оставался Загало, не изменился состав и технической комиссии. О поражении не могло быть и речи. Признаться, я был иного мнения. В нынешней сборной осталось только трое от прежнего сильного состава: Ривелино, Жаирзиньо и Пауло Цезар. Тостао бросил футбол, боясь ослепнуть. Клодоальдо получил тяжелую травму; другие игроки по разным причинам не попали в нынешний состав и остались дома. И еще одно немаловажное обстоятельство — Загало предпочел оборонительный футбол. В 1970 году опытные игроки убедили тренера играть в атакующем стиле, теперь же спорить с тренером было некому. Значит, сборная будет делать акцент на оборону.

В гостинице я подошел к Пауло Цезару. Мне казалось, в такой вечер он захочет поговорить со мной о тактической установке на игру, о соперниках. Вместо этого он сказал:

— Пеле, один французский клуб сделал мне потрясающее предложение. Мне будут платить куда больше, чем я получаю сейчас. Как ты думаешь, может, мне запросить с них еще больше?

Я не верил своим ушам!

— Что я думаю, Пауло? Думаю, у тебя не все дома! Завтра у тебя матч на первенство мира. Немедленно забудь обо всем! Вот выиграете кубок, тогда и требуй деньги с французов. Но если в голове у тебя сейчас ничего нет, кроме денег, финала вам не видать!

Пророческие слова! В первой же игре бразильская сборная придерживалась защитного варианта, Ривелино и Жаирзиньо уже не выступали нападающими, а Пауло Цезар и не думал подключаться к атаке. Загало ориентировал своих подопечных на осторожную игру, оттянув нападающих к своей штрафной площадке. Усилив защиту, он добился лишь нулевой ничьей — к великому огорчению всех бразильских болельщиков, присутствовавших на матче.

Следующая игра, как две капли воды, напоминала первый матч. Во встрече с напористой сборной Шотландии бразильцы снова добились только ничьей, но на этот раз в исключительно резкой борьбе. Причем инициатором такой грязной игры была бразильская команда, которой подобная тактика вообще несвойственна. Болельщики и бразильская пресса были разочарованы. Резких упреков за нарушение правил заслужил Ривелино.

И все же, несмотря на две ничьи, бразильская сборная продолжала борьбу за выход в четвертьфинал. Я даже ловил себя на мысли, что, возможно, Загало прав. Но после матча с Заиром, который Бразилия выиграла 3 : 1, мне стало ясно: Загало заблуж-

дается. Против такой команды, как Заир, бразильцы должны были сыграть со счетом 10 : 0!

От выигрыша в следующем матче — с командой ГДР — зависел выход бразильцев в четвертьфинал. И снова мои соотечественники еле-еле выиграли 1 : 0.

Со всех концов Бразилии в Западную Германию шли протесты против защитной тактики тренера Загало. Однако он оставался хозяином и никому не позволял вмешиваться в свои дела. К тому же команда одерживала победы. Ради чего менять тактику? Между тем в Бразилии недовольные болельщики забросали камнями дом Загало.

Четвертьфинал свел Бразилию с Аргентиной. Я размышлял о том, как сложится матч между избравшей защитный вариант бразильской сборной и аргентинцами, которые исповедуют атакующий футбол в сочетании с грубой игрой. Мне все же казалось, что Загало даст указание своим подопечным атаковать. Но я ошибся. Бразильцы ушли в глухую защиту, а аргентинцы не сумели этим воспользоваться. Бразильская сборная победила 2 : 1. Жаирзиньо и Ривелино забили по голу, но игре не хватало скорости. То же самое относилось к Пауло Цезару. Ривелино вообще играл сзади — большую часть времени он даже не смел переходить на половину соперника. Хотя Ривелино проделал большой объем работы, как один из стержневых игроков команды, его потенциальные возможности не были использованы полностью. Стоило ему единственный раз подключиться к нападению, он сразу же забил гол. Что же касается Жаирзиньо, он вышел на поле усталым, в его игре явно недоставало свежести и задора. Мне даже подумалось: а может быть, недостаточная физическая подготовка основных игроков и побудила Загало избрать такую тактику? Но если это так, тогда почему был плохо спланирован тренировочный процесс накануне чемпионата?

Я присутствовал на матче Уругвая с Голландией. Голландцы продемонстрировали футбол, который в 1958 и 1962 годах привел бразильцев к победе. Игроки великолепно контролировали мяч — именно такой стиль пользовался огромной популярностью в Южной Америке. Я прекрасно понимал, что против такой скоростной команды с ее удивительным форвардом Йоханом Круифом защитный вариант Загало не сработает, будут большие неприятности.

Матч с Голландией приобрел для нас решающее значение. Было очевидно: если бразильцы обыграют Голландию, у них будут приличные шансы на успех в матче с победителем другого полуфинала.

Однако обыграть Голландию бразильцам не удалось. Голландцы выглядели быстрее и увереннее, а в атлетическом отношении они ничуть не уступали уругвайским и аргентинским сборным. Бразильцы снова обнаружили неумение вести атлетически резкую игру, зрители на трибунах выражали явное неудовольствие. Вдобавок ко всему один бразильский футболист был удален с поля, и голландцы легко выиграли со счетом 2 : 0.

После матча я зашел в раздевалку бразильцев. Она была похожа на госпиталь. Все игроки до единого получили травмы. Порезы, ушибы были у всех, а у Мариньо зияла глубокая рана от колена до щиколотки.

Эта сторона футбола зрителям не видна. Восхищаясь мастерством голландской команды, должен тем не менее заметить, что голландцы точно знали, как вести резкую игру. А бразильцы по наивности позволили спровоцировать себя на такую игру, в которой совсем не разбирались.

Поражение сборной вызвало в Бразилии глубокое разочарование. Как обычно, досталось и мне за то, что я отказался от участия в чемпионате. Но я-то знал, что от моего присутствия на поле ничего бы не изменилось. Именно тренер определяет тактическую схему игры. В данном случае имел место явный просчет. Проигрыш в турнире был по вине тренера. Индивидуальное мастерство игроков сборной здесь ни при чем.

Можно было лишь надеяться, что Бразилия извлечет урок из этого поражения и более успешно выступит в 1978 году.

Между тем истекал мой контракт с «Сантосом». Руководство клуба не упустило для себя возможности заработать, объявив последними несколько моих матчей. Каждый раз трибуны стадиона были заполнены до отказа, болельщикам непременно хотелось быть свидетелями последнего матча Пеле. Помню, мы играли на переполненном стадионе «Пакаэмбу». Все были уверены, что присутствуют на последнем матче Пеле. Позже стало известно, что будет еще один «последний» матч «Сантоса» с Пеле на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро.

Мой действительно последний матч состоялся на «Маракане» второго октября 1974 года против клуба «Понте-Прета». Я был не в лучшей спортивной форме для такого торжественного случая, но я твердо решил, что тем не менее выйду на поле, чтобы должным образом завершить свою спортивную карьеру в присутствии такого количества болельщиков. К зрителям я относился с неизменной любовью, и они отвечали мне тем же.

На двадцатой минуте игры мяч попал ко мне. Я поймал его руками. В ответ на трибунах раздались возгласы удивления. Я побежал с мячом к центру поля, установил его в центральном круге и опустился на колени. Скрестив поднятые над головой руки, я стал поворачиваться к каждой трибуне, чтобы меня могли видеть все болельщики. У меня по щекам текли слезы. Только теперь огромные толпы зрителей, пришедших на этот матч, поняли, что происходит. Болельщики поднялись со своих мест. Я встал и пытался вытереть слезы подолом футболки. Потом я совершил прощальный круг вокруг футбольного поля. Непросто мне было пережить этот момент. Я в последний раз окинул взглядом трибуны, на которых зрители стоя прощались со мною, и под их приветственные крики скрылся в туннеле, который вел в раздевалку.

Пока я переодевался, игра возобновилась. И тут у меня снова потекли слезы. В раздевалке, кроме дежурного, был еще один человек — фотограф Домисио Пинейро из газеты «О Эстадо». Он и запечатлел тот момент, когда, наклонив голову, я плакал, не стыдясь своих слез. Потом я быстро прошел к машине и уехал со стадиона.

Нет больше Пеле, вместо него Эдсон Арантес ду Насименту — теперь и навсегда. В тот момент я точно знал, что это так.

Исполняется наконец моя мечта — в девять утра являться в контору, в пять вечера возвращаться домой и жить с семьей, как любой нормальный человек.

Моя коммерческая деятельность расширялась и усложнялась. Я почувствовал, что мне трудно обойтись без помощи профессионального бизнесмена. Им стал Хосе Роберто Рибейро Ксисто.

Вспоминая о том времени, я удивляюсь, что Ксисто не сбежал из моей конторы сразу же, как только узнал, куда на протяжении стольких лет я не переставал вкладывать свои капиталы. Ко мне наведывались многие люди — друзья и товарищи по команде со своими проблемами. Чтобы помочь им, я вкладывал деньги в самые разные проекты. У меня появилась собственность в Сантусе, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бауру и Трес Корасаес. Я владел магазинами, жилыми домами и землей. Я приобрел молочную ферму, у меня было грузовое автотранспортное дело, предприятие по экспортно-импортным операциям. Даже радиостанция. В общем, одному небу было известно, к чему еще я был причастен.

Первым делом Ксисто составил полную опись всех моих предприятий и капиталовложений, после чего он предложил мне избавиться от многочисленных малых и убыточных дел, а также от собственности, не приносившей никакого дохода. Было решено сосредоточить все внимание на главных инвестициях с наведением порядка в работе механизма компании на основе строго ежедневного контроля и учета. Однако новый менеджер при всем желании не мог избавить меня от одного не очень значительного дела. Речь шла о моем участии в компании под названием «Фиолакс».

Эта компания занималась производством резиновых изделий для автомобильной промышленности. В этом бизнесе моими партнерами были Зито и еще несколько человек. Я владел незначительным пакетом акций (моя доля участия в акционерном капитале составляла всего шесть процентов), но в результате слабого знания правовых вопросов еще до прихода Ксисто я подписал ручательство, на основании которого компанией была получена банковская ссуда. Когда наступил срок погашения ссуды, а компании нечем было платить, банк обратился ко мне. Вдобавок ко всему выяснилось, что фирма нарушила установленные правительством строгие правила импорта каких-то редких видов сырья, и правительство наложило на фирму огромный штраф. Среди других подписанных мною документов было также обязательство в отношении всех финансовых дел фирмы «Фиолакс».

Я очень хорошо помню, с каким чувством воспринял эту весть. Банковская ссуда и штраф составили в общей сложности более миллиона долларов! У меня было такое же состояние, как при первом банкротстве.

Однажды вечером ко мне нагрянула делегация — Ксисто, профессор Мацней, Зока и Эдевар, бывший вратарь «Сантоса», который теперь работал у меня в конторе. Первым заговорил Ксисто.

— Пеле, — сказал он решительно, — я категорически против того, чтобы продавать земельные владения себе в убыток только для того, чтобы погасить долги «Фиолакса». Это просто неудачная сделка.

— У тебя есть какая-нибудь идея?

— Да, — ответил Ксисто. — Клуб «Космос» до сих пор предлагает тебе у них играть. — Он поднял руку. — Прежде чем ты возразишь, послушаем, что скажет профессор.

Мацней держал в руках лист бумаги.

— Мы тут составили перечень всех «за» и «против» подписания контракта с «Космосом». Сначала рассмотрим негативные моменты. Во-первых, реакция на это в Бразилии. Отказавшись играть в матчах чемпионата мира, ты тем не менее подписываешь конт-

ракт на выступления в зарубежном клубе. Во-вторых, реакция бразильского правительства. Однажды оно высказалось против твоего выступления в заграничных клубах, объявив тебя национальным памятником. Как оно будет реагировать теперь? В-третьих, ты заявил по радио и в прессе, что окончательно оставил футбол. Теперь может сложиться впечатление, что ты нарушил свое слово. В-четвертых, ты чернокожий, а в США быть черным — это совсем не то же самое, что в Бразилии. В-пятых, языковый барьер. Тебе придется засесть за изучение английского языка, на этот раз совершенно серьезно. В-шестых, из-за переезда в Нью-Йорк на жительство Келли Кристина невольно отстанет в школьных занятиях. В-седьмых...

Он продолжал излагать пункты, насколько я помню, их набралось целых двенадцать. Я никак не реагировал. Мне стало ясно, что профессор против подписания контракта и переезда в Америку. Ксисто и Зока молчали. Я ждал. Профессор перевернул лист бумаги.

— Зато восемнадцать аргументов в пользу подписания контракта. Во-первых, очевидно, если ты согласишься играть за «Космос», можно будет продиктовать клубу свои условия. Это позволит тебе выплатить долг банку и штраф правительству. Но еще и немало останется. В этом случае тебе не придется трогать свои земельные владения. Во-вторых, следует иметь в виду, что «Космос» не просто футбольный клуб, такой, скажем, как «Сантос» или большинство других американских клубов. Дело в том, что «Космос» — собственность компании Уорнера, ей принадлежат также кинокомпании, фирма по производству грампластинок и многие другие предприятия. Короче говоря, тебе не придется опасаться за судьбу своих денег, поскольку речь идет о подписании контракта с одной из крупнейших и влиятельных компаний в Соединенных Штатах. В-третьих, после ухода из профессионального спорта твой ореол будет все больше блекнуть, и в конце концов тебя совсем забудут. Уже лет через пять подрастающее поколение не будет знать, кто такой Пеле. Поэтому переезд в Америку поможет поддерживать к тебе былой интерес. А ведь, кроме приобретенной собственности, бóльшую часть которой пришлось бы продать во имя погашения долга, вознаграждения за рекламу составляют значительную часть твоих доходов. Далее, выступления в Соединенных Штатах не то же самое, что «Сантос», где ты был обязан выходить на поле двенадцать месяцев в году, участвуя почти в ста матчах. В Соединенных Штатах футбольный сезон начинается в апреле — мае и завершается в августе — сентябре. Как-никак целых полгода ты сможешь посвящать своим коммерческим делам и находиться в Бразилии. Ну и нель-

зя сбрасывать со счетов благоприятные условия для получения образования в этой стране. Школа при Организации Объединенных Наций считается одной из лучших в мире, а я уверен, что твои дети без труда поступят в нее. К тому же Зока и все мы считаем, что ты скучаешь по футболу. Подписание контракта позволит тебе обрести твое привычное состояние. Мы убеждены, что тебе всегда будет недоставать футбола.

Он зачитал все восемнадцать пунктов и замолчал. Я посмотрел на Розмари.

— Тебе решать, — сказала Розмари. — Если так надо, мы пойдем на это. Если ты решишь, что надо ехать в Нью-Йорк, дети и я отправимся следом за тобой.

Тяжело вздохнув, я подумал о том, сколько лет и трудов мне понадобилось для того, чтобы обеспечить своих детей — Келли и Эдиньо. Но возникла и радость. Как приятно снова облачиться в футбольные доспехи, выйти на поле, выложенное упругим дерном, и ощутить легкий ветерок под открытым небом. Какое это удовольствие — обыграть хитрого соперника, выманить его на себя обманным движением, обвести и сделать передачу играющему рядом товарищу, который точно знает, в какой момент отдать мне мяч, и вот почувствовать, как кожаная поверхность бутсы ложится на поверхность кожаного мяча, который, описав кривую, мимо озадаченного вратаря влетит в сетку. Я ощутил, как из моего горла вырывается крик: «Го-о-о-л!», как от избытка чувств я, размахивая кулаками, подпрыгиваю в воздухе. Я глубоко вздохнул и повернулся к профессору Маццей.

— Профессор, — сказал я, — не могли бы вы позвонить Кливу Тою и сообщить ему, что я согласен? В случае необходимости прошу вас отправиться в США для обсуждения с ним этого вопроса!

За время переговоров между моими представителями и компанией Уорнера мы так часто связывались по телефону, что хозяева телефонных компаний наверняка здорово на нас заработали. Телефонные разговоры велись даже с авиапассажирами на борту самолета. Однажды пришлось обращаться к полиции с просьбой разбудить нужного нам человека, который, чтобы его не беспокоили ночью, специально снял трубку с рычага телефонного аппарата.

Чтобы сохранить вопрос о контракте в тайне от прессы, применялись таинственные методы конспирации. Наконец представитель правительства Соединенных Штатов выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что приезд Пеле в США

для выступлений в составе клуба «Космос» будет способствовать укреплению отношений между обеими нациями. Этот шаг был придуман компанией «Уорнер комьюникейшенс», «чтобы предупредить возможные осложнения со стороны бразильского правительства».

Согласно контракту я принял на себя обязательство в течение трех лет выступать за футбольный клуб «Нью-Йорк Космос». За мой труд компания обязалась выплатить мне сумму, которая оказалась больше той, что я получил за все годы выступлений за «Сантос»! Кроме того, мне причиталась половина всех прибылей, которые обеспечивала реклама с использованием моего имени.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

У города Нью-Йорка немало критиков, но семье Арантес ду Насименту этот город положительно понравился. Мы были рады стать его хотя бы временными жителями.

Клив Той уговорил профессора Мацдей стать помощником тренера и заняться физической подготовкой игроков «Космоса». «Космос» провел пресс-конференцию. Набилось немыслимое количество репортеров, радиокомментаторов, телеоператоров. И они приступили к своему главному делу — задавать вопросы.

Почему «Космос» согласился выплатить такую огромную сумму игроку, если этот вид спорта, откровенно говоря, не вызывает большого интереса болельщиков?

Почему я счел возможным принять предложение «Космоса» после многократных заявлений, что после ухода из «Сантоса» уже никогда не вернусь на футбольное поле?

Считаю ли я, что в мои тридцать четыре года смогу продемонстрировать такое же мастерство, какое принесло мне мировую славу?

Как я оцениваю состояние футбола в США и что думаю о его будущем?

Что я собираюсь делать по истечении контракта с «Космосом»?

Мои ответы переводил профессор Мацдей.

— Футбол, — сказал я, — самая распространенная спортивная игра во всем мире, кроме США. Я мечтаю содействовать популярности этой игры, которую так люблю. Пусть и у вас она станет такой же любимой, как и в остальной части мира.

Я улыбнулся.

— Бразилия на протяжении многих лет ввозит многое из Соединенных Штатов. Теперь мы немножко поделимся своим опытом...

На этом пресс-конференция закончилась, и мы с Розмари незаметно скрылись.

Прежде чем приступить к тренировкам, профессор Маццей и я наблюдали игру «Космоса» в двух матчах — в Нью-Йорке и Филадельфии. В Нью-Йорке мы были свидетелями того, как Ванкувер победил «Космос» 1 : 0. В Филадельфии «Космос» проиграл в добавочное время с тем же счетом.

Тренером «Космоса» был Гордон Брэдли. Он связал свою судьбу с «Космосом» в 1971 году в качестве играющего тренера, выступая в роли нападающего. Гордон запомнился мне по игре в команде «Нью-Йорк дженерэлс», с которой «Сантос» встречался в 1968 году в Нью-Йорке. В том матче Гордон персонально прикрывал меня и не дал мне забить ни одного гола. В итоге «Сантос» проиграл 3 : 5. Так что мое уважение к Гордону родилось еще тогда.

Некоторые утверждали, что у Гордона имеется один серьезный недостаток — он слишком мягок для тренера. Может быть, это на самом деле и так. Но тогда мне показалось, что команде явно недостает талантливых исполнителей. Состав в «Космосе» менялся слишком часто, чтобы из него сформировалась действительно сильная команда. Кроме того, если команда выступает всего шесть месяцев в году, ее игрокам трудно поддерживать физическую форму. Познакомившись с игрой «Космоса», я печально покачал головой. «Да, Эдсон, — сказал я сам себе, — боюсь, твой новый клуб не самый лучший в мире! Хлебнешь ты здесь лиха».

Но, в конце концов, мы с профессором Маццей приехали сюда не отдыхать, а работать. Объединив свои усилия с Гордоном Брэдли, мы выведем этот клуб из состояния футбольной депрессии.

Начались игры. Мне стало ясно, что футбольные клубы таких городов, как Даллас, Сиэтл, Лос-Анджелес, Торонто, требовали к себе самого уважительного отношения на футбольном поле.

До моего появления в «Космосе» в активе команды было только три победы. Шесть встреч «Космос» проиграл. С моим приходом мы выиграли семь и проиграли шесть календарных матчей первенства. Итог показательных встреч был не лучше — одна победа, три поражения и две ничьи. Со временем мы, правда, прибавляли в игре, и все же наши успехи не давали повода для слишком оптимистических прогнозов.

Лично для меня более важным казался следующий показатель: до моего прибытия в США на матчах с участием «Космоса» присутствовало в среднем по восемь тысяч зрителей. Теперь же эта цифра составила двадцать тысяч, а то и двадцать семь. Когда в матче с «Сан-Хосе» я получил травму и не участвовал в последующих встречах, посещаемость на стадионах резко упала. Ше-

стого августа, когда я оказался на скамейке для запасных, зрителей собралось всего шесть тысяч.

По окончании сезона было запланировано десять товарищеских матчей — пять в Европе и пять в странах бассейна Карибского моря. У меня стало тревожно на душе. Дело в том, что я много раз играл с «Сантосом» и в Европе и в этих странах. Что сможет противопоставить «Космос» исключительно сильным и широко известным клубам! Неловко проигрывать с двузначным счетом. Мы обсудили эту проблему с Гордоном Брэдли и Кливом Тоем. Они попросили меня назвать имена нескольких южноамериканских футболистов, которых можно было бы заполучить для усиления «Космоса». Я рекомендовал бразильца Нельси Мораиса и перуанца Рамона Миффлина, которые играли за сборные своих стран на чемпионате в Мексике, а теперь выступали за «Сантос». Оба были прекрасными полусредними, умеющими эффективно поддерживать линию нападения. Получив разрешение у «Сантоса», Мораис и Миффлин отправились с «Космосом» в турне по Европе.

Свою первую игру против клуба «Мальме» мы проиграли 1 : 5, но этот счет не отражал истинного соотношения сил на поле. Мы не выглядели так слабо. Дело в том, что с прибывшими для усиления товарищами команда провела только несколько тренировок. А для того чтобы сыграться, требуется время. В следующей встрече мы обыграли клуб «Гетеборг» 3 : 1, но Нельси Мораис в этом матче сломал себе ногу. Чувствительный удар!.. Из Гетеборга мы отправились в Стокгольм, где снова проиграли, но с минимальным счетом 2 : 3. Затем маршрут привел нас в столицу Норвегии Осло, где, победив со счетом 4 : 2, мы смогли выравнять общий баланс встреч. Накануне отлета в Рим, где нам предстоял матч против клуба «Рома», можно было подвести предварительный итог: «Космос» во всех отношениях сыграл вполне прилично. И даже проигрыш итальянцам 1 : 3 не очень нас обескуражил. Два матча в Европе мы выиграли и три проиграли, но при этом нельзя забывать, что наша необстрелянная команда играла против классных соперников. В общем, результатами турне мы могли быть вполне довольны.

В Карибской части поездки нам удалось поддержать уже достигнутый баланс — две победы, два поражения и одна ничья. Причем в предпоследнем матче мы взяли верх над сборной Пуэрто-Рико со счетом 12 : 1. А в последнем матче с клубом «Виолетте» (Гаити), закончившемся вничью, я уже не участвовал. Вместе с профессором Маццей мы отправились по поручению компании «Пепси-Кола» на футбольные семинары.

В том году я сыграл за «Космос» двадцать три матча, забив только пятнадцать мячей, то есть значительно меньше, чем моя

средняя годовая «норма». Для сравнения скажу, что раньше за то же время мне приходилось участвовать в восьмидесяти-девяноста играх за «Сантос» и национальную сборную. Я с нетерпением ожидал начала следующего сезона, связывая его с успешными выступлениями «Космоса» и с будущим североамериканского футбола.

Мои путешествия по поручению компании «Пепси-Кола» доставляли мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Дело в том, что эти поездки позволили мне установить контакт с детьми всех рас и цветов кожи в самых разных странах. Они еще раз напомнили мне об известной истине — все дети земли похожи друг на друга. Это наглядно проявляется и на футбольном поле. Различия возникают только при том условии, если взрослые начинают внушать им ненависть и фанатизм.

Когда профессор рассказывал детям о физической подготовке и тренировках, а я демонстрировал им технику ведения мяча, передачи, отбор, удары, обманные движения и другие приемы, мы мечтали о том, чтобы дети осознали, что они отличаются друг от друга только степенью владения футбольными приемами, а не цветом кожи и разрезом глаз. Это были счастливые дни работы. Очень интересно было наблюдать, как дети выслушивают наши объяснения, а потом с усердием стараются повторить приемы или упражнения.

В течение трех лет мы проводили футбольные занятия с детьми в Мексике и Колумбии. Наша первая остановка была в Гвадалахаре, городе, с которым меня связывали самые теплые воспоминания о победах сборной в 1970 году. Потом мы прибыли в Пуэблу, очень интересный древний город, откуда продолжили путь в столицу — Мехико. Кроме детей, на трибунах всегда было полно и взрослых, которые внимательно следили за занятиями и аплодировали старательным маленьким футболистам. Из Мехико мы отправились в столицу Колумбии Боготу, а затем в город Букараманга, расположенный в колумбийских Андах. И повсюду повторялось одно и то же: восхищенные глаза, схватывающие каждый жест «лекторов», а потом тщательные усилия скопировать эти приемы.

Затем был блицвизит в Бразилию, где я имел непродолжительную встречу с Ксисто, доложившим о текущих коммерческих делах компании, и повидался с доной Селесте, Дондиньо, доной Амброзиной, Зокой и Марией Лусией. Моя сестра вышла замуж за профессионального футболиста. Отличный футболист, Дави начал играть в клубе «Нороэсте» в Бауру, но затем перешел сначала в

«Коринтиан» (Сан-Паулу), а потом в «Крузейро» (Белу-Оризонти). Теперь он играл в клубе «Португуэзе Сантиста» (Сантус). Мария Лусия сделала меня дядей. Подняв на руки двух моих племянниц Даниэлле и Дебора, я вдруг понял, что здорово постарел. Причем не мои собственные дети, а племянницы заставили меня остро ощутить это.

Рождественские праздники мы с Розмари и детьми провели вместе с родственниками в Бразилии, после чего вернулись в США, чтобы дети не опоздали в школу. Розмари подыскала приятную квартиру в восточной части города и с любовью оборудовала ее. Дети ходили в школу, кроме того, учились играть на гитаре и занимались каратэ. Когда мы только прибыли в Нью-Йорк, Эдиньо никак не хотел идти в школу. Теперь же он не мог дождаться начала занятий. Итак, с Розмари и детьми все было в порядке. Поэтому я мог спокойно отправиться в очередную поездку по поручению компании «Пепси-Кола».

На этот раз мы совершили чуть ли не кругосветное путешествие. В сопровождении Стива Ричардсона от компании «Пепси-Кола» мы с профессором Маццей должны были посетить много новых мест. Но вначале мне надо было по моим коммерческим делам посетить Японию. Поэтому я воспользовался возможностью, чтобы провести в этой стране еще несколько дней. Я всегда с уважением относился к японцам, восхищаясь силой их духа, самодисциплиной, прилежностью и их философией спокойной самооценки. В Бразилии имеется самая крупная японская община за пределами Японии. В Сан-Паулу живет больше японцев, чем в большинстве японских городов, причем на бразильской земле выросло уже не одно поколение представителей этой нации. Бóльшая часть знакомых бразильцам овощей была ввезена в страну именно японцами. В Бразилии успешно действуют сельскохозяйственные и рыбоводческие кооперативные хозяйства, которые состоят сплошь из японцев. Еще в Бауру у меня было много друзей японцев, и я никогда не забуду японскую девочку по имени Нейца, которую обожал еще с детства. Так что посещение Японии для меня всегда событие.

Из Японии на пути в Африку мы остановились в Бомбее. Следующим пунктом нашего маршрута был Маврикий, остров в Индийском океане. В Кении, кроме нашей работы с детьми, нам была предоставлена возможность посетить заповедник и увидеть диких зверей, живущих на воле, но пользующихся защитой человека, на что стоило бы обратить внимание многим людям в других частях Африки.

Интересным было пребывание в Уганде, где мы также осмотрели один из национальных заповедников.

Из Уганды мы отправились с нашими футбольными лекциями для детей в Нигерию, чтобы оттуда вылететь в Соединенные Штаты.

Путешествие тянулось долго, и мы были счастливы наконец добраться домой.

Сезон 1976 года начался для «Космоса» со значительных изменений в составе, вызванных главным образом появлением в команде нового тренера, Кена Ферфи.

У Ферфи был солидный послужной список. Он провел более семисот матчей за клубы Эвертона, Дарлингтона и Уотфорда в своей родной Англии, в течение четырнадцати лет работал старшим тренером многих известных клубов, в том числе «Шеффильд Юнайтед». Он помог «Космосу», пригласив таких талантливых игроков, как защитник Кит Эдди, полусредний Тони Гарбет, нападающий Тони Филд — все из «Шеффилд Юнайтед», и все отличные игроки. Позже к ним присоединился нападающий Брайан Тинньен и прекрасный крайний защитник Чарли Эйткен. В общем, богатый опыт Ферфи и талантливые исполнители, из которых многие были приглашены по его личной просьбе, позволяли надеяться на исключительно успешное выступление «Космоса» в новом сезоне.

Но одних заслуг Ферфи оказалось недостаточно. На мой взгляд, ему не удалось правильно сориентировать игроков. К тому же если Гордон Брэдли по отношению к игрокам был слишком мягок, то Ферфи, наоборот, отличался излишней жесткостью. Было в его характере и упрямство. Он не признавал ничьих взглядов, кроме своих собственных, на тактику игры, тренировку и другие компоненты футбола. Кроме того, у меня сложилось впечатление о Ферфи, что он уже давно считает необходимым покончить с переоценкой способностей бразильских и южноамериканских футболистов. Тем не менее, если бы взгляды Ферфи обеспечили «Космосу» успех, я бы первый признал его правоту. К сожалению, этого не произошло.

Надо сказать, что среди прочего Ферфи был приверженцем защитного варианта. В этом стиле он играл всю свою жизнь и, естественно, знал его досконально. Хотя я был не согласен с этой концепцией, я играл как мне велели и как у меня получалось. Но когда меня перевели из нападающих в полусредние это, естественно, сказалось на эффективности моей игры. Рамон Миффлин сплошь да рядом просиживал на скамейке для запасных, хотя именно его атакующего задора так недоставало команде.

В первых пяти матчах мы выиграли три и проиграли два, причем оба в добавочное время и оба с минимальным счетом, что весьма характерно для защитного варианта футбола. Располагая

такой «обоймой» талантливых исполнителей и учитывая уровень мастерства наших соперников, мы обязаны были выиграть все пять встреч. Если бы нам это удалось, мы вышли бы победителями не только в нашей группе, но и, наверное, во всей лиге в конце сезона.

После пятого матча к нам присоединился Джоржио Киналья, мой старый друг, отличный нападающий, против которого мне не раз приходилось выступать и к которому я испытываю симпатию и уважение. Теперь «Космос» располагал самой мощной линией нападения среди команд североамериканской футбольной лиги: Киналья, Тони Филд, Брайн Тиньан и Пеле (в запасе Жорж Сиега). Полусредние — Тони Гарбот, Рамон Миффлин, Дейв Клементо, Нельсон Мораи, который подлечил полученную травму. Нападению не уступала линия защиты — Чарли Эйткин, Боб Смит, Чарли Митчел, Уорнер Рот и Майк Диллон. В воротах стоял Боб Ригби, один из лучших вратарей лиги, запасным голкипером был Курт Куйкендал. Я не сомневался, что при таком составе, который со временем становился все более сыгранным, мы победим всех наших соперников.

Но я ошибся. Ферфи часто держал Миффлина на скамейке для запасных, а меня ставил играть на месте полусреднего. В результате нередко возникала ситуация, когда пробившимся с мячом сквозь защиту соперника Джоржио Киналья или Тони Филу некому было отпасовать мяч, тогда им оставалось или попытаться бить из явно невыгодного положения, или уступать мяч сопернику. Результат подобной тактической установки можно было легко предвидеть. До того как Киналья появился в «Космосе», мы выиграли три и проиграли две встречи. В первом матче с участием Джоржио мы победили 6 : 0. Джоржио и я забили по голу, а еще два Кейт Эдду забил с пенальти. Мы не сомневались, что команда на правильном пути. Но, как только тренер стал активно практиковать защитный вариант, из очередных восьми встреч мы выиграли только четыре и столько же проиграли. С такой тактикой трудно было рассчитывать на победу в лиге.

Последнее поражение в этой серии встреч мы потерпели 27 июня в игре против клуба «Вашингтон». Матч проводился на очень плохом университетском поле при очень слабом судействе. Эту встречу мы бы, конечно, выиграли, если бы тренер не дал жесткой установки строго играть защитный вариант. Я играл на месте полусреднего, а наши нападающие, оттянувшись назад, заняли примерно ту же позицию, что и я. К тому же в этом матче наш вратарь Боб Ригби сломал себе ключицу и выбыл до конца сезона. После этого злополучного матча Кен Ферфи перестал ра-

ботать с «Космосом» и до конца сезона тренером снова стал Гордон Брэдли.

Моральный дух команды немедленно сказался на результативности. Из последующих восьми игр «Космос» выиграл семь. В итоге мы немного отстали от клуба «Тампа Бэй» восточной группы. Джоржио Киналья, хотя он провел меньшее количество встреч, забил наибольшее число голов.

Закончив сезон победой над клубом «Майами» со счетом 8 : 2 (пять голов забил Джоржио Киналья, я — два и Майк Диллон — один), мы почувствовали, что можем догнать лидера нашей группы — клуб «Тампа Бэй». Этот клуб в первом туре был свободен от игры, а нам предстояла встреча с командой «Вашингтон» на нью-йоркском стадионе. Это был не лучший матч «Космоса», но мы тем не менее выиграли со счетом 2 : 1; один гол забил я, другой — Тони Гарбет. Теперь нам предстояло встретиться с клубом «Тампа Бэй» во втором туре для выявления победителя.

Игра проходила в Тампе, где этот клуб ни разу не проигрывал. «Тампа Бэй» играет в исключительно агрессивном стиле. Если нам удастся сломить сопротивление клуба «Тампа Бэй», мы сможем реально претендовать на роль фаворита всей лиги.

Но клубу «Тампа Бэй» мы проиграли со счетом 1 : 3. Это была суровая и жесткая игра, на конечном результате которой снова сказалось откровенно слабое судейство. На меня глубокое впечатление произвела игра вратаря «Тампы» Арнольда Мауссера, великолепные броски которого заставляли зрителей то и дело вскакивать со своих мест. Я убежден, что именно его игра обеспечила «Тампе» победу.

Так завершился мой второй сезон в составе «Космоса». Мы выиграли шестнадцать, проиграли восемь встреч, что было значительно лучше, чем в сезоне 1975 года. Но важнее было то, что за минувший год посещаемость на наших играх дома и на выезде удвоилась. Включая две финальные игры, наши выступления смотрели более полумиллиона болельщиков. На матче, в котором мы проиграли «Тампе», присутствовало почти сорок тысяч зрителей, к которым следует добавить телезрителей, а их с каждым разом становилось все больше.

В 1976 году «Пони Спортинг гудс компэни» по случаю забитого мною 1250 гола вручила мне символическую футбольную бутсу, инкрустированную золотом. Я искренне обрадовался, что был отмечен именно «Пони компэни», которая так много сделала для популяризации футбола в США.

В том же году компания «Пепси-Кола» учредила денежную премию имени Пеле в десять тысяч долларов, которая ежегодно

присваивается лучшему игроку года. Не сомневаюсь, что эта премия приблизит тот день, когда в США и Канаде появятся команды международного класса. Я горд тем, что эта премия носит мое имя и что мне доверено возглавить комитет по отбору кандидатов на присуждение этой почетной премии.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

За два года моих выступлений в «Космосе» я изъездил Америку вдоль и поперек. Я играл в городах, о существовании которых раньше не имел ни малейшего понятия. Кроме того, по соглашению с компанией «Пепси-Кола» я стал проводить футбольные семинары в разных городах США. Довольно часто ради меня устраивали пресс-конференции, на которых мне постоянно приходилось отвечать на два вопроса: что я думаю о будущем футбола в Соединенных Штатах и какое будущее ждет Пеле? С помощью переводившего меня профессора Маццей я обычно сознательно «смазывал» ответы на оба вопроса, потому что у меня в голове не было ясности на этот счет.

Теперь, два года спустя, я могу ответить на оба вопроса с бо́льшей определенностью.

Думаю, что успех футбола в США не заставит себя долго ждать. Но его популярность не нанесет ущерба другим видам спорта, например, бейсболу, американскому футболу, хоккею.

Все большее число детей ощущает притягательность этой игры. Футбол доступен выходцам из беднейших социальных слоев общества. Для увлечения футболом нет никаких физических ограничений. К примеру, ребенок не должен обладать высоким ростом, как в баскетболе, или особо крепкой комплекцией, как в американском футболе.

В настоящее время в американских командах немало игроков из заграничных футбольных клубов, и я тому пример. Не думаю, что это плохо. Даже Бразилия с ее высоким уровнем развития футбольной игры до сих пор импортирует игроков из других стран, как это делают, например, клуб «Реал Мадрид» (Испания), «Интернационале» (Италия) и многие другие. Но будущее американского футбола зависит прежде всего от появления американских игроков.

Теперь о том, каким же Пеле представляет себе свое будущее?

1977 год стал последним годом в моей многолетней спортивной жизни. После этого мои футбольные выступления будут ограничены отдельными — не более десяти в год — торжественными матчами, а также постоянными футбольными семинарами для де-

тей. Я надеюсь возобновить свой контракт с компанией «Пепси-Кола». В ближайшие несколько лет мы с Розмари собираемся жить попеременно в Соединенных Штатах и Бразилии, чтобы наши дети Келли Кристина и Эдиньо могли воспользоваться преимуществами наших обеих стран.

А потом Пеле навсегда уступит место Эдсону Арантесу ду Насименту и вместе с семьей поселится в Сантусе. Там он будет заниматься бизнесом, ходить на рыбалку у скал близ Сантуса, проводить немного времени на своей маленькой ферме и снова возьмет в руки гитару.

Научившись играть, я даже сочинил несколько песен о любви, посвятив их Розмари. Некоторые из них впоследствии были опубликованы. В будущем мне хотелось бы уделить музыке больше времени. Я снялся в нескольких кинофильмах. Мне так хочется по-настоящему освоить актерскую или режиссерскую профессию, потому что это очень интересно и увлекательно. И конечно, я мечтаю больше времени посвящать своей семье, ведь дети быстро подрастают!

Ну и мне хотелось бы, конечно, работать с какой-нибудь небольшой группой мальчишек, бесконечно преданных прекрасной игре — футболу. Я помогу им достать бутсы и форму, помогу найти ровное поле с приличным травяным покровом. Потом я научу их всему тому, чему научился сам в своей жизни, без остатка отданной футболу, игре, которая в этом мире подарила мне все. А в один прекрасный день я мечтаю привести какого-нибудь четырнадцати- или пятнадцатилетнего мальчишку в один из известных футбольных клубов и сказать, обращаясь к его менеджерам и тренеру:

— Вот тот самый мальчишка, который вам нужен. Возьмите его и работайте с ним. Это новый Пеле!

И когда я буду слушать по радио об игре этого мальчишки, видеть его на экране телевизора, убеждаясь в том, что он все лучше играет и успешно выступает во всем мире благодаря своему таланту и трудолюбию, тогда и только тогда я смогу сказать, что хоть частично отплатил долг Дондиньо, доне Селесте, Валдемару де Бриту и всем тем, кто помогал и поддерживал меня многие годы.

Перевод с английского
Владимира КОТЕЛКИНА

●

ПОЭЗИЯ

ОДНА СВЯТЫНЯ—НАВСЕГДА

Юрий АДРИАНОВ

БЕРЕЗЫ ПОЛЯ КУЛИКОВА...

Березы поля Куликова,
Рябины поля Куликова...
Сентябрь ветрами опален...
Березы бронзовеют снова,
Рябины багровеют снова.
Течет в кольчужной зыби Дон.

Под южнорусские напевы,
Под изначальные напевы
Вновь пробивается едва,
Как в мае, на рассвете года,
Зеленый свежий вздох природы,
Отава — гордая трава.

И, точно вымерзший кустарник,
Сухой от ярости кустарник,
Воздевши мертвые шипы,
Бредет на Красный холм татарник,
Как клочья ржавчины, татарник —
Знак продолжения судьбы.

И вечен голос ратной клятвы!
Пусть нет теперь былой Непрядвы —
Былинная притихла речь.
Пусть время побеждает реки,
Но в памяти Руси навеки
Живет освобожденья меч!

г. Горький

Николай ГОРОХОВ

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

...Я припомню ее. Мне станет тепло, как бывало,
когда, выстужая мне душу и щерясь в лицо,
мела снеговея за Волгой, где степь обрывалась,
наткнувшись на черную стену Хвалынских лесов.

Я припомню себя в заснеженном доме саманном,
где веяли страхи не сказок над детством моим, —
увижу мою молодую красивую маму.
И лампу, с которою мы за работой сидим.

Тогда всё деревни на фронт, что могли, посылали.
И почерком детским писались тогда адреса.
Тогда над Отчизной бессонные лампы пылали —
людского терпенья и горькой надежды глаза...

В минуту печали для сердца есть верное средство —
лишь только прищурюсь, увижу, как светит вдали
та, сельская, лампа —
бессонная звездочка детства...
Звезда возмужанья моей победившей земли.

* * *

Птица ли пела в низине ночной,
ключ луговой ли звезде откликался,
лунный ли свет на луга проливался —
голос Отчизны витал надо мной.

В лунном пространстве, пылая листвой,
лес на холме ли светло возвышался,
луг пред покосом ли жарко шептался —
голос Отчизны витал надо мной.

Там, где тропинка сходила на нет,
где меж цветов ее след затерялся,
трепетный голос земли поднимался,
нежно сливался с ним трепетный свет —

отчих небес лунный ливень летел!
Радость земли в нем такая сияла,
что, разливаясь, собой наполняла
всё, чем прекрасен родимый предел.

Москва

Валентина КОРОСТЫЛЕВА

* * *

О, есть одна святыня — навсегда:
Подернутая инеем вода,
И стылого светила вечный круг,
И в солнечных соцветьях вешний луг...

Всё это, как судьба моя, со мной:
Густые ели, вставшие стеной,
И стойкий запах позднего гриба,
И эта, в землю вросшая, тропа,

И речка, что утихла до поры,
И ребятня, бегущая с горы,
И это обновленное село,
И говор, наплывающий светло...

КОГДА ПОЮТ ОДНОПОЛЧАНЕ...

Памяти А. Фатьянова

Когда поют однополчане —
Стихают реки и моря.
Глаза, знакомые с печалью,
Как прежде, молодо горят.
Как сердцу каждого солдата,
И нам священен отчий кров,
Но мы не знали высшей платы
За эту, к Родине, любовь.
К их славе не причастны сами,
Но звездам мы верны одним,
И нам держать еще экзамен,
Еще внимать послушно им.

г. Киров

Владимир КОЛОМИЕЦ

* * *

Ты знаешь, как пахнет солнцем солома,
когда на губах привкус зноя соленый,
и руки болят, и не выпрямить спину,
и ноги гудят, словно улей пчелиный?

Ты вилы отбросишь и свалишься в скирду,
пьянеешь от духа того, как от спирта.
И чудо-дождинки в небесном просторе
потоками кажутся солнечных зерен.

А мускулы дышат, отходят от боли.
Ты пьешь это небо и слушаешь поле.
Откинешься навзничь.
Синь небо — без края...
А птица алмазы свои рассыпает...

Прекрасно почувствовать эту усталость
в горячей степи, что судьбой распласталась,
где песня летит над землей невесомо,
и солнцем пшеничная пахнет солома!..

ЯРЬ

Ярой браги — с верхом вровень:
ярость жита, ярость крови,
ярость пчел и руты-мяты,
ярость молнии крылатой...
И к тому ж сто жерл раскрыло
небо щедро — жжет Ярило.

Зелень. Юность. Яровая.
Элитна́я. Наливная.
Кузнецам — сверкать мечами,
пивоварам — мед ручьями.
Святогоры, Кудеяры...
В слове, в славе — блеск ваш ярый!

Час мой — время яровое,
ярь — наследство родовое!
Росно. Ясно. Яворово.
В том — всё счастье!
Будь здорово!

г. Киев

Перевел с украинского
В. ЦВЕЛЕВ

Геннадий МОРОЗОВ

* * *

Какая даль и ширь — куда ни глянешь!
Родной простор, ты впрямь необозрим.
Вот и опять меня к себе ты манишь —
Должно быть, я тебе не́обходим.

Иначе б так березы не шептались,
И воздух синий не был бы так чист,
А ивы так бы низко не склонялись
И не роняли б мне в ладони лист.

От знобкой стужи я еще не ежусь,
Но, глядя в даль пустующих полей,
Как за детей уехавших, тревожусь
За отлетевших к югу журавлей.

Ленинград

Игорь КРАВЧЕНКО

* * *

А Родина не требует признаний,
и громких клятв, и разных пышных слов.
Ее поля и рощи без названий
и прясла сел и стены городов,
дыханье домен и дорог извивы,
полет семян сквозь вешние лучи,
и над рекой раскидистые ивы,
и в синем небе черные грачи, —
ждут не хвалебных од и славословья, —
что ей пустые крики и слова! —
она, Россия, оплатила кровью
любви и славы вечные права.
Ее земля века в себя вбирала
и нас, и всех непрошеных гостей.
О, сколько же от Буга до Урала
погребено в земле ее костей!
Она видала темников Батыя,
под танками хрустящие сады.
С ее полей дожди ее косые
смывали крови страшные следы.
И вновь вставали избы средь пожарищ,
и ветер веял зеленью степей...
Зачем же ей слова твои, товарищ?
Ты лучше гвоздь как следует забей.

г. Краснодар

Иван КАНДАУРОВ

СЛОВАЦКАЯ ЛЕГЕНДА

Двухмоторный «дуглас» точно вышел на южную окраину Завады, сделал в звездном небе круг и, удостоверившись, что внизу обусловленные сигналы, дал ответный: «Я свой». С двух заходов самолет точно выбросил одиннадцать грузовых мешков с патронами и взрывчаткой. Последним приземлился парашютист. Кокин не знал, кто он такой и с какой задачей заброшен на его базу.

К нему подвели незнакомца, одетого в теплый комбинезон, с легким вещмешком за плечами. Кокину подумалось, что это не связник и не оперативник, каких он немало переправил за полтора месяца через партизанскую базу.

Подойдя к командиру, парашютист обратился:

— Разрешите представиться. Старший лейтенант Белан. Прибыл в ваше распоряжение, товарищ майор.

«Почему майор?» — удивился Кокин.

Белан добавил:

— Направлен из резерва штаба партизанского движения. Иван Михайлович Бовкун просил передать вам большой привет и лично от его имени поздравить с присвоением звания майора. Он передал вам вот это. — Протянул плоский сверток.

— Потом, старший лейтенант, — ответил Кокин. — В штабе доложите обстоятельней.

В тот же день поступила радиограмма о назначении Белана Владимира Николаевича комиссаром бригады. Лунев оставался его помощником.

...С утра занялся слякотный день. Сеял противный дождь. Командир и новый комиссар с трудом добрались до села Кошкаровце, где базировался отряд имени Щорса. Промокли в дороге до нитки.

Возле дома, где стоял часовой, приехавших встретили Брыков и Мошкин. Комиссар отряда засуетился, снимая с гостей мокрые плащи.

Разувшись и показывая мокрые портянки, Кокин сказал:

— Давай-ка, хозяин, сухие портянки.

— Это можно, товарищ командир бригады, — улыбнулся Брыков. — Есть у нас запас сухих.

Сели к столу.

— Брыков, почему Кузнецов напоролся на засаду? За напрасную гибель людей с нас с тобой спросят!

Брыков вскочил:

— Товарищ командир бригады, несколько раз разговаривал с

Продолжение. Начало в № 7.

Кузнецовым. Не было ошибки. По-моему, группа нарвалась случайно...

— Значит, простая случайность?

— По-моему, да.

— Так вот, Александр Дмитриевич, запомни раз и навсегда: случайностей в нашем деле не бывает.

И Кокин попросил послать за Кузнецовым.

Кузнецов, стройный и подтянутый, четко доложил:

— Товарищ командир бригады, лейтенант Кузнецов по вашему приказанию прибыл.

Усадив его за стол, Кокин попросил подробнее рассказать о столкновении с немецкой засадой.

— Под мою команду дали двести бойцов. — Кузнецов сидел прямо, говорил спокойно. — За три часа до выхода меня вызвал начштаба и от имени командира отдал дополнительное распоряжение. Первоначально я должен устроить засаду близ села Кейша на шоссе Стропков — Домаша, а на другой день выйти к Дурдош. Я так и сделал. Не заходя в Кейше, на рассвете расположил отряд немного севернее села, у высоты с отметкой 314. Место выбрали удачное, разместились незаметно. То место я хорошо знаю, много раз бывал там на операциях. Движение по шоссе началось в начале седьмого. Первыми появились две фуры, за ними проскочили два порожних грузовика. Нас они не заметили, и мы их не трогали. Около двенадцати наблюдатель подал сигнал, что движется автоколонна. Сначала проскочил броневичок, потом послышался гул грузовиков, около двух десятков. Когда головная машина поравнялась со мной, я ударил из ручника. Ну, как обычно, автомашина вильнула и уткнулась в кювет, перегородила дорогу. Вслед за мной ударили по фрицам все, кто был в засаде. На случай, если вернется броневичок, я выслал вперед двух пулеметчиков и двоих с гранатами. Сам же выдвинулся к середине засады. Машин семь или восемь уже горело. Хвостовые начали давать задний ход. Мы сосредоточили огонь на них, чтобы не дать им уйти... Словом, управились быстро. В кузовах были мешки с цементом, лопатки, кирки, ломы. Видимо, для строительства рубежей под Дуклой. В полночь южнее села Войков мы перешли дорогу, а затем и реку Ондава. Утром я остановил отряд на дневку.

— Днем кого-нибудь встречали?

— Нет, никого. Из леса, с дневки, я никого не отпускал. Продукты у нас были с собой... В конце дня по густому лесу я повел отряд в сторону Дурдош. На подходе к селу, километра за два, я повернул к высоте с отметкой 246, где мне приказано

было сделать засаду. Не доходя примерно километра до высоты, мы неожиданно попали под сильный прицельный пулеметный и автоматный огонь. Бойцы залегли. Минут пятнадцать-двадцать огонь был такой плотный, что головы нельзя поднять. Нас обстреливали с трех сторон. Мы оказались в мешке.

— А разведчики, передовой дозор, где были? — напомнил командир.

Кузнецов неопределенно пожал плечами:

— Не знаю... Видимо, они его пропустили... По моей команде все стали отползать. Я с пулеметчиком Никифоровым пытался прикрыть отход. Оторваться от преследования нам удалось лишь с наступлением темноты.

— Сколько потеряли людей? — спросил Белан.

— Восемнадцать.

— Рассказывайте дальше.

— На рассвете мы вернулись туда, где нас обстреляли. — Наклонив голову, Кузнецов замолчал, потом встал из-за стола, напился воды и вернулся на место. — Вы не представляете себе, как они были изуродованы... Поколоты, порублены.

Кузнецов прятал от командира глаза.

— Успокойся, лейтенант, — попросил Кокин. — Вы их похоронили?

— Да, в четырех могилах... Я виноват, товарищ майор, за гибель ребят. Что хотите, то и делайте со мной. Но это так неожиданно получилось! Вроде они ждали нас. Я до сих пор не могу понять, где и когда допустил ошибку.

— По всему похоже, ждали, — согласился Белан и посмотрел на начштаба отряда Мошкина. Тот сидел полусогнувшись, обхватив руками голову.

— Как, по-твоему, Мошкин, была нужда делать засаду у Кейше?

Встрепенувшись, он опустил руки.

— Штаб бригады приказал сделать засаду... Ну, чтобы не посылать вторую группу.

Кокин суровым взглядом обвел всех сидевших за столом.

— Какая-то сволочь притаилась среди нас!

Тяжело поднявшись со стула, Кузнецов попытался объяснить:

— Товарищ командир бригады, поймите, я никогда не прощу себе гибель ребят.

— Ты, Кузнецов, не распускай нюни. Вины твоей тут мало. Иди и успокойся. Мстить надо. Кровь за кровь! Смерть за смерть! Разберемся, иди.

Выпроводив его, Кокин вернулся на свое место. Молчание затягивалось.

— Да, дела, — вздохнул Белан. — Но за это должен кто-то нести ответственность. Ведь это не шутка — загубить восемнадцать жизней.

В штаб вошли начхоз Смирнов и командир отряда Курачев.

— Ну, что нового? Как идут дела? — спросил Кокин.

— С солью, товарищ майор, дело плохо, — сказал Смирнов.

— Душа он неверующая, наш начхоз, — усмехнулся Курачев. — Весь обоз в отряде перерыл, все соль искал. Нету соли у меня. Ее и в селе давно нет.

Смирнов озабоченно доложил:

— Мяса, товарищ майор, я достал. Картошки пять тонн закупил. А вот соли... Голова кругом идет!

В этот момент на пороге показался Филатов:

— Товарищ командир бригады, срочное дело!

— Что за срочность?

— Газды во дворе бунтуют. Требуют пустить их к вам.

— Что за газды? В чем дело? Скажи толком?

— Я и сам не знаю. Одно кричат: «Нам пан велитель, то есть майор, нужен».

— Это на меня собрались жаловаться, — объяснил Смирнов.

— Пусть зайдут.

Бойкий и розовощекий Филатов впустил в комнату четверых крестьян. Степенные пожилые газды, сняв мокрые шляпы, поздоровались и молча уставились на Смирнова.

— Что за срочное дело? — спросил Кокин.

Все четверо заговорили разом, указывая на Смирнова:

— Пан велитель, ваш Смирнов нас обижает. Вчера утром, значит, мы еще скотину не выгоняли, залетели к нам в село каратели. Давай бегать по хатам, выгонять со дворов скот, значит. Мы послали, значит, ребятишек к вашим хлопцам.

Белан отошел к двери, о чем-то пошептался с Филатовым и вернулся к столу.

— Потом согнали, значит, весь скот на площадь, стали грузить на машины. Бабы, значит, реветь, а они, значит, давай стрелять. Ну мы и разбежались кто куда. Потом, слышим, поднялась, значит, стрельба. Это ваши хлопцы отбили весь скот наш и вернули в село. И мы, значит, решили отблагодарить партизан, выделили от общества трех коров и пять свиней. А вот он, ваш Смирнов, значит, не берет.

— Почему, товарищ Смирнов, вы не взяли у них скот? — спросил командир.

— Да они, товарищ командир бригады, отказываются брать деньги!

— Какие еще, значит, деньги, — замахал руками старик. —

Мы даем, значит, от общества, от села. Видите, какой! Мы ему, значит, от души, а он — деньги.

Кокин положил свою руку на черную и широкую, как сковородка, ладонь делегата.

— Дорогой папаша, мы не можем без денег брать скот. Такой у нас, партизан, порядок. Можем только купить.

— Не возьмете, значит?

— Спасибо от всех. Пока не надо... Сколько, Смирнов, мы закупили?

— Восемь коров и двенадцать свиней.

— Слышали?

— Но вы, значит, отбили у немцев нашу скотину.

— Это наш долг, — объяснил командир. — Мы отбили скот у ваших и наших врагов.

— А что тогда вам надо? — выручил старика другой крестьянин, помоложе.

— Да кое-что требуется. Соли вот надо. У вас в селе соль есть?

— Есть-то она есть. Но вам, наверное, много надо?

В разговор вклинился Смирнов:

— А вы вот что сделайте: продайте скот, который нам хотите подарить, а на вырученные деньги купите для нас соли.

— Ну что ж, если, значит, соли надо — мы привезем соли. А сколько, значит, вам надо соли?

— Да сколько привезете, столько и закупим.

— Ладно, пан велитель. Соли дадим. Достанем, значит, для вас соли.

— Вот это хорошо, вот за это мы вас отблагодарим.

— Куда, значит, вам ее привезти?

— Никуда не привозите. Я к вам сам приеду, — ответил Смирнов.

Переговорив с односельчанами, старик сказал, что приезжать можно через пять дней. На том и порешили.

...Домой возвращались в темноте, лесной дорогой. Впереди ехал Филатов. На крутых спусках он съезжал первым и показывал фонариком безопасный путь. Дождь нудно стучал по задубевшим плащам, шуршал в деревьях. Ехали долго.

В штабе их ждали. Сдав лошадей порученцу, оба направились к землянке. У входа стоял часовой. Посветив ему в лицо фонариком, Кокин узнал знакомого бойца.

— Почему так часто стоите в наряде? Больны?

— Никак нет!

— Не можете ходить на задания?

— Могу и хочу, товарищ майор. Не посылают.

— Почему?

— Не знаю, — замялся боец.

Войдя в землянку, майор приказал дежурному вызвать командира штабной роты. Тот торопливо скатился по ступеням.

— Почему в наряд по охране штаба назначаются одни и те же люди? Почему вы их лишаете возможности участвовать в боевых операциях?

— Имею распоряжение начштаба бригады, товарищ майор.

Кокин перевел взгляд на Кукорелли.

— Почему во внутренний наряд назначаются только бойцы отряда имени Буденного?

— В силу необходимости улучшения караульной службы, — объяснил Мартин. — Я действительно отдал такой приказ.

Не закончив фразы, он неожиданно предложил всем находившимся в штабе:

— Время позднее, пора отдыхать. Оставьте нас с командиром и комиссаром.

Когда все вышли, Кукорелли заявил:

— Есть необходимость улучшения караульной службы. Так надо.

— Не крути, Мартин. Выкладывай, в чем дело?

За Мартина вступился комиссар:

— Мы вдвоем решили усилить охрану. Причина в том, что на вас, Виктор Николаевич, и на Мартина готовится покушение. Две такие попытки уже были, но сорвались.

— Откуда тебе это известно?

— Недели две назад часовой услышал ночью подозрительный шорох за командирской палаткой. Он заметил двоих убегавших к соседнему шалашу. Вызвал дежурного. В шалаше никого не оказалось. В траве дежурный и часовой обнаружили трофейный автомат. Кому он принадлежал, установить не удалось. Проверили списки личного оружия. По документам этот автомат ни за кем не числился... А неделю назад я обнаружил в своем шалаше записку.

Белан достал из полевой сумки четвертушку бумаги и подал командиру.

— «Сегодня ночью хотят убить командира бригады», — прочитал Кокин.

— Помните, в тот вечер я увел вас из штаба и мы уехали в Заваду. Там и переночевали. Утром вы прямо из села поехали с Филатовым выбирать посадочную площадку.

— Так. Дальше?

— Утром на вашей палатке обнаружили четыре пулевые ды-

рочки. Прострелено одеяло и ведро. Вы эти дырочки на палатке видели?

— По-моему, они там давно.

— Нет, они появились в ту самую ночь. Значит, анонимка пришла вовремя.

Доставая вторую четвертушку, Белан сказал:

— А вот еще одна записка.

Кокин прочитал вслух:

— «Пусть комбриг и начштаба в Парубу не ездят, их по дороге хотят убить». Но мы же были в Парубе и провели там целые сутки!

— Да, были, — согласился комиссар. — Но вспомните, я вас с Мартином уговорил сначала заехать в Кришаловце, а уж оттуда в Рус Парубу. Не прямой дорогой, а в объезд. Мы оставили засаду на прямой дороге, по которой обычно ездим. В ту же ночь и палатка Мартина была прострелена. Пять отверстий. По углу наклона в палатку стреляли снаружи.

— Где же ты был в ту ночь? — спросил командир Кукорелли.

— Засиделся в шалаше у Фердинанда. Там и заснул.

— Я установил, что той ночью в лагере кто-то действительно стрелял. Но кто стрелял, неизвестно. Утром переговорил со всеми часовыми. Все, как один: «Черт его знает, кто стрелял. Ночью в лагере вообще постреливают». Вот и разберись. Тогда я придрался к начальнику караула, под этим предлогом мы с Мартином заменили весь суточный наряд. С тех пор ставим только кавалеристов.

— Они знают, почему вы их держите часовыми?

— Да, знают. Но предупреждены и молчат.

— Выходит, об этом знают партизаны, а я, ваш командир, не знаю? Почему не поставили меня в известность?

— Не хотели расстраивать. Забот и без того...

— Думали, испугаюсь?

— Мы же с Мартином видим, как вам нелегко. Ждали подходящего момента.

— А сегодня нашли момент и обрадовали? А если за скрытие обстановки в бригаде я обоим влеплю суток по пятнадцать?

— Это ваше право, — насупившись, ответил Кукорелли. — Но, со своей стороны, мы приняли ряд контрмер.

— Партизаны догадываются, — сказал Белан, — по неожиданным ночным бомбардировкам и неудачам с рядом операций, что в бригаде орудует провокатор. После нашего разговора ребята из штабной роты сами договорились об усилении охраны радистов.

Перенесли их шалаши ближе к караульному помещению, по очереди ночуют с ними.

Время близилось к рассвету. Скоро должны были возвратиться партизаны из-под Стропкова. Решили не ложиться, подождать.

В землянку заглянул радист:

— Товарищ майор, я вас в палатке искал.

— Прохладно там. Да вот Кукорелли не разрешает спать.

Радист улыбнулся и вручил Кокину радиограмму.

— «Всеми силами противодействовать перевозкам живой силы, боеприпасов и техники по железнодорожной магистрали Михайловце — Медзилаборце», — прочитал Кокин. — Видишь, Мартин, Центр считает, что мы еще слабо контролируем дороги.

Втроем снова уселись за стол, чтобы обсудить, где в ближайшие дни следует нанести удары по железнодорожной ветке.

— Не жалей, Мартин, взрывчатки и мин, — посоветовал командир. — Если потребуется, попросим еще или добудем у немцев.

Скрипнула наружная дверь, из предрассветной дождевой сырости появился Иван Кульбакин, командир отряда имени Буденного.

— Товарищ майор, ваш приказ по разгрому гарнизона в Буковцах выполнен. В бою уничтожено 76 солдат и офицеров, 18 взято в плен. Весь скот отбили у немцев и вернули жителям села. Отряд имеет потери — двух легкораненых.

— Молодцы буденновцы! — похвалил Кокин. — Снимай плащ, садись. Расскажи подробнее.

Жадно прикурив от протянутой командиром зажигалки, Кульбакин устало опустился на скамью.

— К месту вышли во второй половине дня. Установили наблюдение, на шоссе выслали засаду. Перед заходом солнца удалось перехватить два грузовика. К трем ночи село окружили. На трофейных грузовиках влетели прямо в центр села. Патрули и не разобрались, что к чему. Подкатили к домам, где размещался гарнизон. В окна — гранаты, а уцелевших — из автоматов. Ни один не ушел. Правда, офицеров захватить не удалось, попали под гранаты.

— А зачем солдат привели? Что в них толку? — вставил Кукорелли. — Из какой они части?

— Какая-то саперная рота. Только что вернулась от Дуклы.

— Ну, это другой разговор! Саперы из-под Дуклы должны знать много интересного. Пусть ими Улицай займется. А ты,

Кульбакин, больше все-таки рядовых не води. У нас для них лагеря нет.

— Они на коленях просили...

— А вы и раскисли? Тебе известно, что они сделали с ранеными и убитыми из группы Кузнецова?

— Знаю. После допроса я их заберу.

— Передай их Смирнову. Он найдет им работу.

ПАРТИЗАНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Дня за два до праздника 7 ноября начали возвращаться боевые группы, уходившие на задание в конце октября.

В просторной штабной землянке рапорты принимали Кокин и Белан.

— Товарищ майор, разрешите доложить! — Усталый, небритый Михайличенко радостно вытянулся перед командиром и комиссаром бригады. — Отряд Богуна боевой приказ выполнил и даже перевыполнил.

Кокин жестом его пригласил к столу. Карбидная лампа ярким светом заливала разложенные карты. Командир протянул портсигар.

— Кури и рассказывай, Григорий Иванович.

— Спасибо, товарищ майор, имеем свой табачок.

Попыхивая носогрейкой, Михайличенко принялся рассказывать, отмечал знакомые места на карте.

— Вот здесь наши подрывники, опять же Павел Блюм, пустили под откос два эшелона. Другая группа на шоссе встретила автоколонну. Сожгли 22 грузовика с боеприпасами и инженерным имуществом.

— Сколько потеряли своих?

— Четверо раненых.

— Кто отличился?

— Отличившихся много, товарищ майор. — Михайличенко пустил струйку пахучего дыма. — Павел Блюм со своими ребятами, Джия Тронкони...

— А это кто такой? — спросил комиссар. — Что-то я не слышал... Итальянец?

— Да, из Вероны, — подтвердил Михайличенко. — Лихой боец, не держи его, так голову сломит. Но отлично знает дело подрывника. Электротехник по специальности.

— Коммунист?

— Не знаю, товарищ комиссар. Кажется, нет.

С дальнего конца стола, заваленного бумагами, подал голос Мальков:

— Тронкони, товарищ комиссар, беспартийный. С оружием перебежал к нам из итальянской армии.

— Ну, если говорит четвертый отдел нашего штаба, то сведения достоверные, — улыбнулся Кокин.

— Отличились еще сталинградцы, — Михайличенко продолжал, — Шевцов Петр, Витов Виктор, Коновалов Иван, Писков Федор, Игнатьев Андрей, Поляков Константин, Фролов. Они первыми ударили из засады по обозу. Действовали по-сталинградски. Из автоматов посекли почти всю охрану. Сорок с лишним убитых немцев. Двадцать четыре подводы с разной амуницией разбили. Четыре фуры пригнали для нашего начхоза и десять добрых лошадей.

Командир похвалил:

— Добре поработали богунцы, Григорий Иванович. Представьте отличившихся для поощрения приказом по бригаде. Да не забудьте сегодня же письменно донести начальнику штаба о выполнении боевого задания. А теперь свободны, Григорий Иванович. Отдыхайте, готовьтесь к празднику.

Кокин редко называл кого-нибудь по имени и отчеству. Это было своеобразной благодарностью за совершенное. И командиры отрядов, рот, даже взводов успели понять и оценить в общем-то нелегкий, но справедливый характер майора.

После Михайличенко в землянку ввалился Мошкин, начальник штаба отряда имени Щорса. Небольшой, плечистый, он выглядел не таким усталым, как командир богунцев. Мокрый плащ он снял, забрызганы грязью трофейные сапоги. Третий день не перестает нудный осенний дождь.

Пожав руки командиру и комиссару, Мошкин присел к столу.

— Чем порадуешь, Николай Александрович? — Кокин придвинул к нему карту.

Мошкин достал из сумки, висевшей у него на боку, свою карту.

— Согласно боевому приказу первая группа отряда оседлала шоссе Боров — Медзилаборце. На вторые сутки мы дождались автоколонну. Впереди шел броневик с крупнокалиберным пулеметом. Мы его пропустили, а потом ударили по хвосту колонны. Управились за полчаса. Разбили тридцать одну автомашину. Не ушел и броневик. Убито около восьмидесяти солдат.

Докладывая, Мошкин из той же командирской сумки извлек несколько листков подготовленного отчета. Он знал порядок штаба: устный рапорт обязательно надо подкреплять письменно.

— Вторая группа на шоссе Нижний Радвань — Гуменне, вот здесь, подорвала танк и три тяжелых орудия, двенадцать авто-

фургонов со снарядами. Наши потери — двое убитых и семь раненых.

Из разведки в район Дуклы вернулся отряд Кульбакина. Разведчики доставили в штаб два портфеля, набитые документами, письмами рядовых и офицеров на родину. Среди бумаг были две карты района Дуклы, а также всевозможные накладные, требования на поставку и отправку войсковым частям обмундирования, продовольствия и боеприпасов.

— Ого! Богатство большое! — удивился Улицай, разбирая на столе ворох добытых разведчиками документов. — Работы нам с тобой, — обратился он к Малькову, — хватит не на один день.

— Даю вам только сегодняшнюю ночь, — вставил Кокин, — к утру чтобы самое ценное из этих бумаг было подготовлено для радиодонесения в Центр. Повторяю, самое существенное. Все свои дела на время отложите и займитесь этим.

Кульбакин сидел усталый, но довольный.

— У меня еще два офицера и пятеро солдат есть, товарищ майор, — сказал он. — По-моему, они могут много интересного рассказать.

— Это хорошо, Иван Миронович, что догадались прихватить с собой пленных. Вот с них сейчас и начнем принимать твой отчет.

Но прежде чем распорядиться, чтобы ввели первого пленного, Кокин спросил:

— Откуда у тебя пленные? Я же приказывал не ввязываться в стычки.

— Так мы ж... того... — замялся Кульбакин. — Трошки того... Когда возвертались от той Дуклы, пошуровали малость. Остановились на дневку неподалече от хуторочков, на карте они — Полана и Микова...

— Это, Иван Миронович, не хуторочки, а крупные села.

— Так мы ж начали вечером... темно было. Ребятам надо было размяться. А то по такой грязюке да по мокрому лесу больше ста километров отмахали. Я-то все понимаю, а вот ребятам трудно объяснить...

— Ну и что вы успели сделать в потемках?

— Сделали все, как надо. — Кульбакин успокоился. — Гарнизоны там оказались небольшие, человек по пятьдесят. Почти всех перестреляли. Офицеров забрали и пятерых солдат.

— А если бы в тех хуторочках находились покрупнее гарнизоны?

— Так мы ж сначала проверили! Все обошлось нормально. Ни одного бойца не царапнуло.

Молчавший все время Белан глазами показал Кокину на левую руку Кульбакина. Она тяжело лежала на столе. Из рукава виднелся кончик свежего бинта.

— А сам-то ранен?

— Какая это рана! Осколочек от гранаты кожу содрал. Все загноилось, пока до базы шли.

Он выжидательно смотрел на командира. Кокин достал портсигар, предложил Кульбакину:

— Бери, кури, но чтобы это нарушение приказа было последним. Понял?

Он не назвал его ни по фамилии, ни по имени-отчеству, и Кульбакин расценил это как наказание.

— Понял, товарищ майор!

Последней вернулась с задания группа отряда имени Пугачева. Докладывал Дмитрий Георгиевич Чаворов, тридцатилетний комиссар отряда. В армии он был старшим политруком. Стремительным ночным налетом пугачевцы захватили несколько кварталов города Модзилаборце, перепугали вражеский гарнизон, подожгли склады с топливом и боеприпасами, уничтожили пятнадцать грузовиков и двадцать подвод, направлявшихся с продовольствием к передовой. В перестрелке они уничтожили около семидесяти солдат. При отходе заминировали шоссейную дорогу Будгош — Палоча.

В сводном донесении штабу партизанского движения командир и комиссар бригады отметили, что все отряды действовали с особым подъемом и добились внушительных успехов, не допустив серьезных потерь в своих рядах. Только за одну неделю, в канун 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, партизанские отряды бригады имени Чапаева пустили под откос два железнодорожных эшелона, уничтожили 345 гитлеровцев, танк и броневик, 3 тяжелых орудия, 80 автомашин и 44 подводы. Это не считая захваченных трофеев, взорванных боеприпасов и топлива.

Каждая партизанская операция здесь, в Словакии, сеяла в рядах гитлеровцев неуверенность и страх перед неизбежной гибелью. Часто оккупанты оказывались неспособными дать организованный отпор неожиданным и точным ударам партизан. Отличное знание местности, постоянная готовность крестьян помочь партизанам, неистощимая инициатива и находчивость командиров и рядовых — все это вместе создавало сплав партизанской мощи.

Психика вражеских солдат начинала сдавать. Об этом красноречиво свидетельствовали их письма домой. В одном из таких писем некий Фриц Гамме писал о словацких партизанах: «Они

производят постоянные налеты на села и дороги. Мы вынуждены всегда находиться под страхом налета или обстрела. Вы не можете представить себе, как действует эта постоянная напряженность на нервы и вообще на моральное состояние. Нам здесь никто ничего не дает, приходится брать насильно. Это, как правило, сопровождается проклятиями и угрозами. Здесь фронт и не фронт, какая-то кутерьма, земной ад. Лучше быть на фронте, чем в Словакии. Здесь всегда ждешь пулю спереди или сзади».

С утра 7 ноября во всех отрядах состоялись митинги. Были зачитаны приветственные телеграммы штаба партизанского движения и командования 1-го Украинского фронта, объявлен праздничный приказ по бригаде. Поздравляя бойцов и командиров, командование бригады объявило благодарность отличившимся в последних боях командиру отряда Кульбакину, начальнику штаба отряда имени Пугачева Стефану Ваныку, командиру разведвзвода отряда имени Щорса Козарезу, рядовым Рудольфу Яношику, Ивану Юрканену, Доминику Маловец, Петру Бабей, Иосифу Мартычеку, Эрнесту Липковичу, Яну Шпаку. Вечером для партизан был устроен праздничный ужин.

...К началу ноября бригада имени Чапаева удерживала под своим контролем обширный район. Партизанские гарнизоны находились в населенных пунктах между городами Стропков — Медзилаборце — Гуменне. Это была партизанская область, куда оккупанты не решались вторгаться мелкими силами и боялись пускать транспорт по дорогам, проходящим через «опасный треугольник».

Разумеется, такое положение не могло продолжаться бесконечно. Вражеское командование вынуждено было пойти на крайние меры — остановить регулярные части, предназначавшиеся для подкрепления фронта, и начать выгрузку на железнодорожных станциях по дороге Кошице — Михальовце — Гуменне.

Появление регулярных войск и передвижение их вдоль партизанской зоны засекли разведчики бригады. Они установили место расположения штаба крупной гитлеровской части: село Суково.

Тщательный анализ сведений, поступавших в штаб почти каждый час, показал, что каратели собираются закрыть кольцо окружения партизанской зоны к концу следующего дня. Ситуация сложилась крайне критическая. Как быть? Отойти с занимаемой территории — значит бросить на произвол судьбы жителей более чем тридцати населенных пунктов. Гитлеровцы жестоко отомстят им за поддержку партизан.

— Выход один! — настаивал Кукорелли на штабном совеща-

нии. — Принять бой и защищаться до последнего патрона, до последнего партизана.

— Нам не прорваться, — вторил ему Стефан Ваньк. — Слишком неравные силы. Да и идти некуда. Надо биться до последнего.

Кокин молча слушал. Ему было важно почувствовать настроение своих ближайших соратников. Закрывая совещание, он объявил:

— Кончаем, товарищи командиры, разговоры. Слушайте приказ: все отряды и службы бригады привести, как принято считать в армии, в состояние готовности номер один. Будем драться до последнего. Кто, когда и где будет действовать, получите распоряжение штаба дополнительно. А сейчас все по отрядам!

Затем, когда все разошлись, командир, закуривая, обратился к Белану:

— А что думает комиссар? Как лучше поступить: отойти или принять бой?

— Папаху бы да бурку вам, Виктор Николаевич, — улыбнулся комиссар, — настоящий бы Чапаев из вас вышел. А что касается моего мнения, то отвечу вам, как ответил Фурманов Чапаю: «А командир уже принял решение, и оно правильное».

— Ну а что ты, Мартин, предложишь?

Кукорелли, бледный, сосредоточенный, перебирал карты на столе.

— Я уверен, что мы не должны уходить из этого района. Не уходить и не обороняться, а наступать. Я понимаю так: когда партизан обороняется, он теряет свои главные преимущества — внезапность удара и стремительный отход из-под ответного удара.

— Вот просветил! — улыбнулся Белан.

— Нам надо ударить — и сегодня же! По штабу, по Суково.

Кокин подошел к нему вплотную и заглянул в его глаза.

— Мартин, твой план совпал с моим!

— Я тебя так и понял, майор. Ты не сказал командирам своего мнения. А это на тебя непохоже.

— Верно, верно, друг мой Мартин, не сказал. Все слишком ответственно, рискованно. Держать все наши планы надо в секрете.

План нападения обсуждался недолго. Командир хотел сам вести бригаду на эту операцию, но Белан и Кукорелли не согласились. Командир должен оставаться на базе, в случае неудачи он лучше обеспечит руководство оставшимися силами, а

если позволит обстановка, то и окажет ударной группе помощь.

В ту же ночь сводная группа чапаевцев во главе с Кукорелли скрытно блокировала Суково. Перед рассветом разведчики бесшумно сняли вражеские заставы и секреты. Тихо, без шума, без сигнальных ракет и выстрелов партизаны устремились в село.

После короткого и яростного боя вражеский штаб был уничтожен.

Спустя сутки выяснилось, что это был полевой штаб 97-й легкопехотной дивизии. Ее силами гитлеровское командование планировало ликвидировать бригаду имени Чапаева и очистить свой тыл от партизан.

В результате сражения, разыгравшегося на рассвете в Сукове, партизанами истреблено 450 солдат и около 50 офицеров во главе с генерал-майором, начальником штаба дивизии. Уничтожено четыре мощные передвижные радиостанции, около четырех десятков штабных автомашин, захвачены все оперативные документы штаба дивизии.

После такого жестокого поражения подразделения 97-й дивизии были спешно отозваны, погружены в железнодорожные эшелоны и отправлены не на фронт, а в Германию на переформировку.

Разгром штаба дивизии в Сукове, беспрецедентная по смелости партизанская операция, вошел памятной строкой в историю Великой Отечественной войны.

Двинуть очередную дивизию против партизан гитлеровские стратеги в то время не имели возможности. Резервов у них было в обрез. Мирясь со своим бессилием перед партизанами, они вернулись к прежней тактике блокирования гарнизонами, расположенными в селах и на железнодорожных станциях.

В Гуменне расположился карательный батальон под командой власовца Серого. Батальон нес в городе охрану и лишь изредка принимал участие в прочесывании лесных массивов. Командование бригады понимало, что с бандой Серого рано или поздно придется столкнуться. Драться власовцы будут остервенело. Но неужели в батальоне одни отъявленные головорезы?

Кокин и Мартин неоднократно обсуждали планы, как проникнуть в этот батальон, узнать настроение его солдат.

Октябрьским вечером Кокин задержался в селе Грубов. К нему привели худощавого, невзрачного солдата в немецкой форме. Старший заставы доложил, что задержанный шел по дороге в село. Когда его остановили партизаны, он отдал винтовку и попросил скорее отвести его к командиру отряда.

— Кто ты такой? Откуда?

Солдат спросил, кто его допрашивает. Узнав, что перед ним командир партизанской бригады, он робко попросил разговора наедине. Все вышли. Солдат объяснил, что он из власовского батальона, пришел по поручению своих друзей. Многие хотят перейти на сторону партизан. Он назвался Соколовым Василием, уроженцем Астрахани. Перед уходом на фронт жил в городе Чирчике.

Кокин хорошо знал Астрахань, знал и Чирчик, где в сорок втором году проходил ускоренные командирские курсы «Выстрел». Он задал солдату несколько вопросов. Тот ответил правильно. Тогда майор спросил, как же Соколов дошел до такой жизни: изменил Родине, стал немецким холуем?

Солдат опустил глаза.

— Как и другие. Оправдания нам нету. Но хочется, если погибнуть, то честно, за свою Родину.

Кокин не перебивал его. Он знал, что даже у закоренелых врагов просыпается совесть и они пытаются говорить откровенно. Этот же пришел добровольно.

— Сколько ты служишь Власову?

— С февраля сорок третьего.

— Значит, уже около двух лет. И за это время не нашел возможности перейти к партизанам?

— Возможность была. Но я все время нахожусь в истребительном батальоне. Признаться, побаивался встречаться с партизанами.

— Почему?

— Вы же с нами разговаривать не станете. Нас все время пугают: партизаны расстреливают власовцев на месте.

— А сам и твои друзья, как ты их называешь, участвовали в боях против партизан? Стреляли?

— Да, вынуждены были. Приходилось и стрелять. Стрелять стреляли, но вверх.

— Вверх, говоришь? А откуда у нас убитые и раненые?

— Так ведь мы не одни. Я говорю за себя и своих друзей, — защищался Соколов. — Есть в батальоне и такие, которые готовы убить кого угодно. Но я еще раз повторяю: ни я, ни мои друзья на это неспособны. Они честные люди.

— Честность! Когда она у вас была? Когда сдавались в плен или вступали во вражескую армию? Или когда в нас стреляли?

Соколов совсем сник.

— Я говорю о честности четырех моих друзей. Они находятся сейчас в лесу и готовы в любую минуту с оружием перейти к вам. Я им верю, как себе.

— На что вы рассчитываете? С чем пришли?

— Мы надеемся вам помочь. А если не поверите, расстреляйте. Мы готовы и к такому исходу. Лучше от своих, чем от фашистов.

— Почему вы оказались в лесу? Дезертировали, что ли?

— Нас послали в засаду, а мы решили перейти. Вот я и пришел... один.

— Значит, четверо, а может и больше, ждут в засаде, чтобы, когда появятся партизаны, сразу всех положить из пулеметов?

Соколов удрученно замолчал.

— Какая численность батальона? — неожиданно спросил Кокин.

— Пять рот. Одна — тяжелого оружия. Общая численность около шестисот человек.

— Значит, из шестисот готовы перейти к нам лишь пятеро? А остальные все сволочи?

— Да нет, есть и в других ротах, кто готов уйти. Но они не знают, чем вам помочь, чтобы не расстреляли.

— Значит, и хочется и колется? Вступать в ряды предателей не боялись, а перейти к своим трусят. Раз боятся, значит, замараны.

Пауза затянулась. Первым нарушил молчание Соколов:

— Пусть будет так: мы заслужили расстрела. Но не все же мы такие, какими вы нас считаете. Я не выпрашиваю пощады. Прошу понять меня правильно. Душой и сердцем я остался русским. Я не враг своему народу, но оказался на стороне врагов, потому что не захотел погибнуть в лагере.

— Допустим. Но ведь ты два года носишь оружие врага. Носишь и не бросаешь. Да еще стреляешь в своих же, советских людей.

— Я лично никого не убивал и всегда стрелял вверх.

— Допустим. А другие?

— Я за других не отвечаю.

— А за себя отвечаешь. В своем батальоне ты стоял часовым, нес патрульную службу, был в засадах на партизан.

— Часовым был, патрулировать приходилось, в засадах участвовал. Но не стрелял.

— Допустим. Но ведь два года ты несешь службу, которую должен нести немецкий солдат. А где тот гитлеровец, которого ты заменил? На фронте! Что он там делает? Пироги печет или наших ребят убивает?

— Конечно, стреляет.

— Видишь, он стреляет твоими руками. Ты ему здесь, в тылу, порядок наводишь, а он там, на передовой, твоих же братьев

убивает. А ведь вас таких «честных» только в Гуменне шестьсот человек. Это, значит, шестьсот солдат Гитлер дополнительно послал на фронт против нас.

— Выходит, мое положение безнадежно?

— Если бы это было так, то зачем мне, командиру бригады, третий час с тобой вести разговор? Думаешь, у меня нет более важных дел? Пойми, Соколов, нам, партизанам, негоже принимать в свои ряды даже раскаявшихся предателей. Вас пятеро или больше... это для нас не пополнение. У нас достаточно сил и без вас.

— Мы готовы выполнить любое задание!

— Нам нужна не готовность ваша, а действия. Вот вам задание: собирайте людей для перехода с оружием на нашу сторону. Захватывайте или уничтожайте наиболее ярых приспешников гитлеровцев. Выявляйте агентуру, засланную к нам, осведомителей из местных. Передавайте нам, когда и какие планируются против нас операции.

— Постараемся. Меня только смущает, как и через кого нам лучше наладить с вами связь?

— Это уж вы сами продумайте. Какие села заняты партизанами, ты знаешь. В любом из них тебя встретят и доставят ко мне. Если не тебя — твоего посыльного.

— Самому из казармы не всегда можно уйти.

— А есть знакомые парни и девчата из местных?

— Да, есть одна знакомая.

— Любит тебя?

— Как будто так.

— Вот и хорошо. Намекни ей, что хочешь стать партизаном. Она должна тебе помочь, если настоящая словачка. Как ее звать?

— Аньча.

— Пусть Аньча придет к любому командиру отряда и назовет свое имя. Ее тотчас же доставят ко мне в штаб.

Соколов встал и неуверенно протянул руку.

— Не торопись. Всему свое время, — ответил Кокин. — Руки тебе не подам. Выполнишь задание — тогда посмотрим. Пока товарищем или другом признать тебя не могу.

Соколов опустил голову:

— Вы правы. Нам надо очистить свои руки. До свидания, командир.

— Пока. До скорой встречи.

За ежедневными неотложными делами встреча с Соколовым стала забываться, однако спустя неделю Мартин зашел в командирскую палатку с загадочной улыбкой:

— Что ж, командир, выбор одобряю. Одни глаза чего стоят! А коса? Чудо коса!

Кокин недоуменно уставился на него.

— Где это ты, Виктор Николаевич, такую отыскал? — продолжал Мартин. — Чего молчишь? Время ехать, она ждет.

Терпение Кокина иссякло:

— Ты что, белены объелся? О чем говоришь?

— Не притворяйся! Начальник штаба женился, а командир бригады холостой. Мы такую тебе свадьбу устроим, что чертям тошно станет!

— И на ком же ты собираешься меня женить?

— Не прикидывайся. На Аньче! Думаешь, не знаем?

— Аньча? А где она?

— Говорит: «Мне нужен майор, командир бригады». — «Только майор?» — спрашиваю. Знаешь, она так и расцвела.

Через полчаса оба они были в Заваде, где их поджидала светловолосая, молодая словачка.

Поздоровавшись, Кокин спросил:

— Вы хотели меня видеть?

— Я Аньча, от Соколова.

Девушка рассказала, что в батальоне готова первая партия солдат для перехода к партизанам. Кроме того, Соколов прислал список тех, кто за последнее время таинственно исчез из батальона. «Хорошо бы вам проверить этих подозрительных у себя, — писал Василий. — Их приметы следующие...» На словах Соколов передал с Аньчой, что 6 ноября Серый готовит нападение на отряд имени Щорса. Каратели узнали, что у партизан будет праздничный вечер, ожидается сбор командного состава в доме, четвертом от штаба по правой стороне улицы. Девушка назвала фамилию хозяина дома.

Переглянувшись, командир и начальник штаба подумали об одном и том же: «Кто выдает?»

Аньча не торопилась уходить.

— А меня примете в партизаны? — спросила она.

— А что ты умеешь, чтобы стать партизанкой?

— Все! — не смутилась словачка. — Умею стрелять из винтовки, Василий научил. Могу ухаживать за ранеными. Я немного училась...

— Нет, Аньча, тебе еще рановато быть партизанкой. И медсестрой мы не можем тебя взять, — улыбнулся Мартин.

— Почему? Боитесь, не справлюсь?

— Вот именно. Такая сестра милосердия, с такими глазами и косами... у нас половина бойцов окажется больными!

— Вы шутите, а я серьезно!

— Это истинная правда, — не унимался Мартин. — Я сам начинаю себя плохо чувствовать: сердце, горло... температура подскакивает.

— Ах, вот вы о чем! Ну я найду вам такое лекарство, что враз вылечит.

Кокин, слушая их, любовался красавицей Аньчой.

— Сколько тебе лет, Аньча? — спросил Мартин.

— Девятнадцать. А что, мало?

— Мать и отец знают, что ты хочешь уйти к партизанам?

— Знают. Я им говорила... Только они Василия не любят, что фашистам служит. Запрещают мне с ним встречаться. Но они же не знают, что он совсем другой! Он хочет перейти к вам, как только вы разрешите.

— Ну, тогда дело другое. Когда Василий будет совсем у нас, тогда и ты приходи. Примем. И сделаем тебя не медсестрой, а разведчицей. Хочешь стать разведчицей?

— Очень! А вы правду говорите?

— Конечно, правду. Ты уже разведчица, если держишь с нами связь. Только смотри никому об этом не проговорись: ни дома, ни подружкам.

— Нет, что вы! Об этом даже Василию не скажу.

— Вот и хорошо.

Довольная беседой, Аньча пожала руку Мартину, затем командиру и вышла к поджидавшему ее партизану с заставы.

— Да-а-а, подучить ее, так она с такой внешностью не только в Братиславу, а и в самую Прагу сумеет пробраться, — размечтался Мартин. — Ручаюсь, сумеет.

— Ну, это дело будущего, — остудил его Кокин. — А сейчас организуй проверку всех данных Соколова. Особенно об отряде Щорса.

Мартин перешел на свой обычный деловой тон:

— Это Курачев, наверное, проговорился кому-нибудь о вечере. Поэтому и узнал Серый.

На другой день Кокин и Мартин отправились в расположение отряда имени Щорса. Заместитель командира Кузнецов подтвердил, что завтра, 6 ноября, весь командный состав приглашен на праздничный ужин.

— Где вы собираетесь ужинать? В штабе?

— Нет, рядом.

— Не в четвертом ли доме? У Яна Моравика?

Кузнецов насторожился:

— У него. А в чем дело?

— Да так, — уклонился Мартин. — Просто интересуемся.

— В такой праздник, товарищ начштаба, не грех и выпить.

Кокин, будто не слышал разговора, уткнулся в какую-то книгу, попавшую ему на глаза в доме.

— Да, это я дал команду устроить вечер, — заявил Курачев. — Революционный праздник у нас бывает раз в году. Мы кровью заслужили право отметить его.

— Вы особенно не размахивайтесь. Водки, кроме положенной нормы, не получите.

— А я и не собираюсь у вас просить. Наскребем и у себя.

— Только не наскребайтесь до положения риз, — посоветовал начштаба. — Враг-то не дремлет, может и налететь.

— Чепуха! Не посмеют. Ночью мы хозяева.

— Смотрите, дело ваше, — ответил Мартин. — Наш долг предупредить.

Он приказал вызвать начальника штаба отряда с журналом учета личного состава.

Пришел Мошкин. Бегло просматривая журнал, Кукорелли остановился на знакомой фамилии. Об этом человеке сообщил Соколов как о возможном агенте, засланном в бригаду.

— Вот и весь секрет, — заявил Мартин, указывая Кокину на фамилию в журнале. — Вот почему немцам известно о пирушке у Курачева.

Задержать лазутчика оказалось невозможно: он находился с группой на задании, как пояснил Мошкин, вернется дня через три-четыре.

Мошкин так и не понял, почему командира и начальника штаба так заинтересовал один из добровольцев, бежавший, по его рассказу, из концлагеря.

По раскисшей лесной дороге Кокин и Мартин возвращались обратно.

Кокин заговорил о том, чтобы начштаба сам подготовил засаду для встречи Серого, однако на участие в этой операции не рассчитывал.

— Бой ночной связан со многими случайностями. А пуля — дура, как говорил Суворов.

— Я понимаю вас, — недовольно заметил Мартин. — Вы устроили надо мной опеку.

Рано утром Кокин застал в штабной землянке склонившихся над картой Кукорелли и Улицая.

— Как дела?

— Ночью разведчики донесли, что в селе Олька появилось до

батальона власовцев. Думаю, это те самые. Засаду лучше устроить здесь. — Начальник штаба карандашом показал на карте. — Тут единственная дорога. Не пойдут же они ночью по бездорожью и горам! А вот здесь обязательно свернут в лощину.

— Почему же обязательно свернут?

— Да потому, товарищ майор, что тут единственный и самый удобный для них путь. С севера отряд имени Буденного, западнее — пугачевцы, с юга — отряды имени Пожарского и «За Родину»... Нашу засаду удобнее всего расположить вот здесь. По-моему, тут они должны собраться перед налетом на Курачева. В этот момент их и накрыть! А чтобы надежнее обеспечить удар огоньком, на склонах поставим десятка два пулеметов.

Командир долго изучал карту.

— Хорошо, согласен. Кому поручим операцию? Богунцам или буденновцам?

— Кульбакин лучше справится, — подсказал Улицай.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Кульбакин был доволен, что ему доверена столь важная операция.

— Уточните сигналы на случай взаимодействия со щорсовцами и готовьте людей. Кроме оружия и боеприпасов, ничего с собой не брать. Старайтесь подпустить карателей как можно ближе, бить в упор.

— Ясно, товарищ начальник штаба бригады. Будет выполнено! — Кульбакин козырнул и заспешил в отряд.

В десятом часу вечера Кокин и Кукорелли в сопровождении своих порученцев приехали в отряд имени Щорса. Собрали комсостав.

Кокин приказал силами второй и третьей рот занять оборону на окраине села, оставив открытой лишь дорогу с восточной стороны. Из села выпускать всех, не задерживая. Чтобы не насторожить карателей, бойцам велено находиться по квартирам и распевать песни. В дом, предназначенный для праздничной встречи комсостава, послать самых горластых певунов, выдать им по две нормы спиртного.

Спустя полчаса село «загуляло». Светились окна, слышались русские и словацкие песни.

За полночь веселье стало стихать. Около двух часов Кульбакин донес, что противник не появлялся. Что делать?

С посыльными Кокин передал: быть на месте и ждать.

Через час прибежал второй связной. Кульбакин сообщил, что появилось шестеро вражеских разведчиков. Они пропущены в село.

«Правильное решение. Дай им вернуться из села».

Медленно тянулось время. В селе ни огонька, ни говора. Все спят.

Но вот за восточной околицей ночную глухомань распороли автоматные очереди. Раздался дробный перестук пулеметов. Блеклые всполохи от стрельбы растаяли в зареве беспрерывно взлетавших ракет.

Выйдя из штабного дома, Кокин и Кукорелли забрались к наблюдателям на сеновал сарая. Оценив обстановку на слух, Мартин похвалил Кульбакина:

— Молодчина! Смотри, майор, как он освещает долину!

Яростная пальба продолжалась полчаса, потом стала стихать.

— Это их Кульбакин преследует, — пояснил Мартин.

Оставив на сеновале наблюдателей, они вернулись в дом. Вскоре один из них доложил, что в районе перестрелки взлетела зеленая ракета.

— Дайте две зеленых, — приказал Кукорелли. — Это сигнал отбоя.

Первым появился в штабе отряда Курачев.

— Ну, герой, поздравляю тебя с победой, — сурово встретил его Кокин. — Немцы не посмеют на тебя напасть. Не ты ли так говорил?

От стыда Курачев не знал, куда девать глаза.

— Теперь-то ты понимаешь, куда могла завести твоя беспечность?

— Гульба и водка, — добавил Кукорелли.

В комнату ввалился Кульбакин.

— Товарищ командир бригады, нападение карателей отбито. По предварительным данным, убито более семидесяти власовцев и немцев. Утром посчитаем поточнее. Наши потери: двое насмерть, трое раненых.

— Спасибо, Иван Миронович, хорошую устроил встречу. — Кокин пожал ему руку. Кукорелли попытался обнять Кульбакина, но тот потянулся к столу, где была выставлена закуска, расставлены рюмки со сливовицей.

— Разрешите, товарищ командир, за удачную операцию?

Они втроем, стоя, подняли рюмки. Курачев к столу не подошел.

Собираясь на базу бригады, Кокин сказал Курачеву:

— В восемь ноль-ноль по тревоге подними отряд и перед строем в присутствии начальника штаба бригады расскажи людям о налете карателей. И почему не ваш отряд, а буденновцы их встретили! Пусть отряд решит сам: быть тебе командиром

или пойдешь в обозники. А вы, Мартин, проследите. И подготовьте приказ о наказании комиссара и начштаба отряда. Зазнались, чуть отряд не погубили.

На улице в ночной темноте вспыхивали огоньки куривших партизан.

— Кульбакин, строй людей, веди отдыхать.

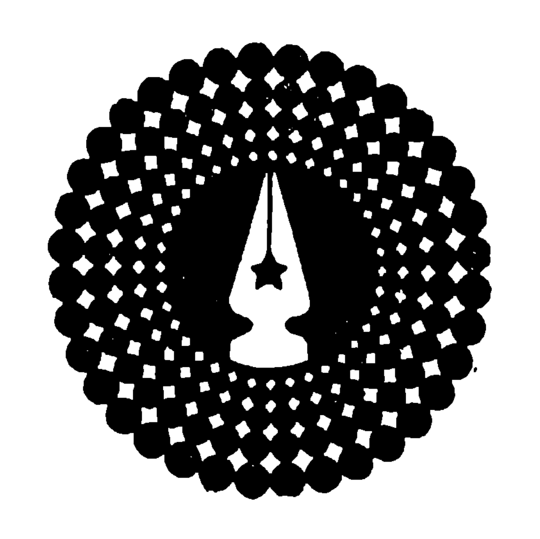
Майор попрощался с командиром буденновцев и с досадой сказал Курачеву:

— Пойми, это последнее слово. Не поймешь — пеняй на себя.

Через трое суток после неудачной вылазки карателей Аньча принесла от Соколова новые сведения. Во-первых, из ночного рейда не вернулось 96 солдат, да раненых более шестидесяти. Во-вторых, Аньча передала, что гитлеровцы готовят новое наступление. На днях должно прибыть подкрепление из самой Германии. Еще Соколов передал, что к переходу в лес готово сорок добровольцев. Он просил дать разрешение, потому что за ним и его сообщниками установлена слежка. Им надо поскорее убираться из батальона.

Разрешение Соколов получил, и ночью вся его группа была встречена партизанской заставой. Пришли они не с пустыми руками — принесли документы и личное оружие заместителя командира батальона и четырех взводных офицеров. Всех их они прикончили спящими.

Окончание следует

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

НА ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ

П. С. ФЕДИРКО,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР,
первый секретарь Красноярского
краевого комитета КПСС

КРАЙ ЛЕГЕНД И ПОДВИГОВ

«Живу я и работаю в Подмосковье. Несколько раз ездила по туристской путевке на Енисей. Когда я впервые стала рассказывать своим подругам о Красноярском крае, то кое-кто, честно говоря, путал его с Краснодарским краем. Бывало и такое. Скажешь: я, мол, вернулась из Красноярска. «А-а, — закивают с пониманием. — Это на Алтае». — «Зачем же на Алтае? — удивишься. — Алтайский край сам по себе, а Красноярский сам по себе». — «Но там же рядом!» — изумляются подружки. «Ну да, рядом, — ответишь с улыбкой. — Всего какие-то полторы тысячи километров друг от друга!»

С такими представлениями, повторяю, приходилось мне встречаться не так уж давно. Считаю, что о таком крае, как Красноярский, надо рассказывать больше и чаще. И страницы журнала предоставлять в первую очередь тем, кто сегодня в этом крае работает и живет».

Из письма Л. Устиковой, г. Люберцы.

Писатель Анатолий Зябрев встретился с членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, первым секретарем Красноярского краевого комитета партии П. С. Федирко и задал несколько вопросов.

— Павел Стефанович, у читателей «Молодой гвардии» очень велик интерес к Красноярскому краю, его людям, их делам. И этот интерес с течением времени будет непременно расти. Накануне XXVI съезда КПСС хотелось бы подробнее узнать о масштабах развития экономики и культуры края, его значении для всей страны.

— Что ж, интерес читателей журнала к нашему краю вполне понятен. Сегодня это один из крупнейших промышленных регионов на востоке страны. Здесь впервые проводится крупномасштабный экономический эксперимент, позволяющий комплексно развивать производительные силы края. О значении этого эксперимента говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку весной 1978 года. «Комплексный характер развития отраслей Красноярского края, — отметил он, — имеет большое значение для экономики всей страны».

Но, прежде чем говорить о наших делах и планах, хотелось бы коротко сказать о том, что собой представляет наш дважды ордена Ленина Красноярский край. Он образован 7 декабря 1934 года. В его состав входят Хакасская автономная область, Таймырский и Эвенкийский автономные округа. Здесь единой семьей живут и трудятся представители около ста национальностей и народностей. Всего в крае проживает более 3,2 миллиона человек.

У края богатые революционные, боевые и трудовые традиции, его история связана с именем В. И. Ленина, чей юбилей в этом году отметило все прогрессивное человечество.

Край расположен в самом центре Сибири и занимает площадь почти в 2,5 миллиона квадратных километров, что составляет более 10 процентов всей территории Советского Союза. Чтобы пересечь край с юга на север, современному воздушному лайнеру потребуется четыре часа.

В меридиональном направлении его прорезает могучий Енисей, который проходит через многие природные зоны: удобные для земледелия минусинские степи, богатую ценной древесиной и пушниной тайгу, заполярную тундру, где развиты оленеводство и рыболовство.

Недра края хранят многие полезные ископаемые. По сведениям геологов, они представляют почти всю периодическую систему Менделеева. Разнообразие сырья сочетается с масштабами его запасов. Здесь открыты уникальные месторождения никеля, меди, свинца, цинка, железной руды, молибдена, угля, других ценных минералов. В крае растет каждое пятое дерево страны, большим запасом гидроресурсов обладают реки Енисейского бассейна.

— Передо мной недавно вышедшая в Красноярске ваша книга с примечательным названием «Для человека, во имя человека». В книге говорится, что после победы Октября промышленность в крае выросла более чем в девятьсот раз!

Расскажите, пожалуйста, как удалось сделать такой скачок, если иметь в виду, что главный крутой подъем в экономике края начался лишь в шестидесятые годы!

— Да, развитие производительных сил края началось именно с приходом Советской власти, благодаря последовательной заботе партии о подъеме экономического потенциала восточных районов страны, самоотверженному труду сибиряков.

В годы царизма Сибирь была местом ссылки и каторги. Царское правительство рассматривало Сибирь как «бросовую землю», как «громаднейшую в мире пустыню», богатства ее практически не использовались.

Вот как писал об этом журнал Енисейской губернии «Сибирская деревня»: «Наша губерния находится в экономическом тупике. Города наши редки и малолюдны, добывающая и обрабатывающая промышленность не развиты. Губерния потребляет почти исключительно привозные товары».

После победы Октябрьской революции В. И. Ленин постоянно подчеркивал значение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в развитии народного хозяйства, указывал на особенности их освоения. В работе «Очередные задачи Советской власти» Владимир Ильич отметил: «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил».

По инициативе В. И. Ленина разведка земных богатств Сибири началась уже с первых дней Советской власти. Этот регион вошел в перспективный план изучения природных ресурсов страны и наиболее рационального размещения производительных сил. В 1918 году были организованы экспедиции по изучению Северного морского пути, сырьевых запасов восточных районов Советского государства. А в годы первых пятилеток стало осуществляться ленинское предложение о создании второй угольно-металлургической базы — Урало-Кузнецкого комбината. В 1935 году родился заполярный Норильск, дав холодному, заснеженному Таймыру новый свет, новую культуру.

Промышленность края начала развиваться еще в период первых пятилеток. В годы Великой Отечественной войны сюда были эвакуированы многие предприятия из западных областей страны. Здесь они буквально с колес начинали давать продукцию фронту.

Особенно бурно экономика края стала расти в послевоенные годы. Было решено создать здесь мощную базу энергетики и на ее основе развить алюминиевую и железорудную промышленность.

В этот период сооружались Красноярская ГЭС на Енисее, Назаровская ГРЭС на Чулыме, Усть-Хантайская гидроэлектростанция в Заполярье. В это же время первую продукцию выдал алюминиевый завод, включились в работу Абазинский и Тейский железные рудники, заполярный газопровод Мессояха — Норильск. Были построены железные дороги Абакан — Тайшет, Ачинск — Абалаково, много других объектов промышленности, сельского хозяйства и соцкультбыта.

Редкие и цветные металлы, зерноуборочные комбайны, лесопогрузчики, подъемные краны, речные суда, шины, ткани — все это в больших объемах пошло с наших красноярских предприятий. Пошло по стране и за рубеж. Достаточно сказать, что только один завод «Сибтяжмаш», изготовляющий крупные подъемные краны, стал поставщиком своей продукции в Индию, Африку, в Европу.

— Павел Стефанович, скажите, в чем заключается главная особенность того экономического эксперимента, о котором вы говорили? Я знаю, что в крае его называют красноярской десятилеткой. Как все это начиналось?

— Главная особенность красноярской десятилетки в ее комплексности, предельной сбалансированности в развитии экономики и культуры нашего края. Начало этой десятилетке было положено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое так и называлось «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971—1980 годах производительных сил Красноярского края». Этим документом предусматривалось строительство у нас мощных электростанций и создание на этой основе новой базы электроэнергетики и электроемких производств, дальнейшее развитие лесной промышленности, сельского хозяйства при одновременном сооружении жилья, школ, учреждений культуры и коммунально-бытового обслуживания. Дальнейшее развитие комплексная программа получила в решениях XXIV и XXV съездов партии. Так, на XXV съезде КПСС подчеркивалось: «Обеспечить ввод в действие первой очереди Ачинского нефтеперерабатывающего завода. Продолжить строительство Саянского территориально-производственного комплекса. Ввести в действие первые агрегаты Саяно-Шушенской ГЭС и обеспечить ввод в действие первых корпусов электролиза Саянского алюминиевого завода, построить первую очередь комплекса электротехнических заводов в городе Минусинске. Продолжить строительство Абаканского вагоностроительного завода. Начать строительство Богучанской ГЭС».

В результате принятия и реализации десятилетней программы был найден единственно верный путь экономического развития края, полностью соответствующий комплексу его природных ресурсов. Он определил рациональный и интенсивный рост всех отраслей народного хозяйства, исключающий нежелательные диспропорции и перекосы. Этот путь особо учитывает совершенствование сельскохозяйственного производства с целью обеспечения старожилов и новоселов края разнообразными продуктами питания.

Комплексность проявляется и в использовании сырьевых источников. Вот пример такой технологической цепочки. Из местных нефелиновых руд на глиноземном комбинате получают глинозем. Он на местном заводе перерабатывается в алюминий, из которого опять же на местном заводе делают прокат. Здесь же, на месте, из проката готовят конструкции, идущие на предприятия и стройки края. И в другие районы страны, конечно.

Еще одна важная деталь.

Проекты строительства отдельных предприятий соответствующие министерства и ведомства обычно заказывают разным проектным организациям. Проекты при этом составляются свои для каждого объекта, где планируется отдельное электроснабжение, коммуникации, подсобные производства и т. п.

При комплексном же подходе определяется головной застройщик. Он организует строительство так, что один энергокомплекс, одни коммуникации сразу обслуживают несколько сооружаемых и действующих предприятий. Экономия средств от этого выходит очень существенная.

В связи с ростом строительных работ в крае проведено совершенствование строительных организаций. Были созданы объединение «Абаканвагонмаш» для сооружения Абаканского вагоностроительного комплекса, трест «Минусинскпромстрой» для строительства электротехнических заводов, «Таймырэнергострой» и другие крупные подразделения, способные производить большие объемы

строительных работ. Это помогло решить многие ответственные задачи.

Общеизвестны ленинские слова о том, что успех дела решают люди. Никакая даже самая совершенная экономическая программа не может принести реальной пользы, останется только на бумаге без умелых рабочих рук, без специалистов. Учитывая это, мы создали в крае новые профессионально-технические училища, техникумы и вузы, дополнительные факультеты. В результате с начала красноярской десятилетки всеми формами обучения в крае подготовлено более 200 тысяч квалифицированных рабочих, около 60 тысяч специалистов высшей квалификации и 128 тысяч специалистов средней квалификации.

— Рабочий с «Абаканвагонмаша» Николай Лисин, мой давний знакомый, приехавший с Украины в Сибирь по комсомольской путевке, рассказывал мне: «В жизни что важно! Втянуться важно. Систему выбрать. У нас в бригаде почти у всех парней такая была система: если в ночную смену работаешь, то с утра до обеда поспишь, а с обеда занятия в школе; если в дневную смену работаешь, то в школу вечером идешь. Так шло год, другой... А потом мне бригадир предложил на крановщика учиться. Как учиться! На курсах. Конечно же, опять без освобождения от основной работы. Потом организовалась при управлении шестимесячная школа электромехаников. Это как раз то, что нам надо. Пошел и я на эту учебу. Чтобы самому уметь ремонтировать кран». Послушав рабочего, я спросил, сколько же это у него профессий! Рабочий удивил меня ответом. Сказал, что профессия у него одна — строитель. И добавил, что нынешний строитель в Сибири должен уметь делать на стройке все и что у них на участке могут один другого заменить почти все рабочие.

Павел Стефанович, насколько данный пример характерен для строек края!

— Вы привели типичный пример. Без овладения строителями смежными профессиями сегодня нельзя вести сооружение сложных промышленных объектов. Обучение этому рабочих является одной из первоочередных задач партийных, советских, хозяйственных органов.

— Новый подход к развитию производительных сил края, масштабы свершений требуют, конечно, особой постановки работы в первую очередь партийных организаций, умения быстро решать возникающие проблемы. Насколько этим обладают кадры партийных комитетов края!

— Если говорить, например, о первых секретарях районных и городских комитетов КПСС, на которых ложится главная ответственность за положение дел на местах, то отмечу, что все они имеют высшее образование и, что сегодня чрезвычайно важно, 75 процентов из них в прошлом специалисты народного хозяйства.

Например, партийную организацию города Красноярска, насчитывающую почти 50 тысяч коммунистов, возглавляет Владимир Прохорович Капелько, в прошлом инженер, умелый хозяйственник. За плечами первого секретаря Эвенкийского окружного комитета партии Николая Тимофеевича Рукосуева богатый опыт и знания по

особенностям хозяйственного уклада Эвенкии, оленеводству, звероводству, охотничьему промыслу. Партийную организацию на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС возглавлял Юрий Васильевич Юров, приехавший в Сибирь по комсомольской путевке. Раньше он работал прорабом на строительном участке...

Естественно, опыт и знания помогают нашим партийным руководителям оперативно решать многие задачи, находить верные пути решения проблем.

— Павел Стефанович, красноярская десятилетка подходит к своему завершению. Что вы можете сказать о ее итогах, значимости и эффективности?

— Да, год 1980-й для нас год особый: им мы заканчиваем реализацию программы комплексного развития производительных сил края. Ее итоги убедительно показывают, насколько верна экономическая стратегия партии в вопросах комплексного освоения природных богатств восточных районов страны.

Красноярская десятилетка состоит как бы из двух этапов. Первый — работа в девятой пятилетке, второй — в десятой. На первом этапе в развитие народного хозяйства края вложено более 10 миллиардов рублей капиталовложений, введено в действие 450 крупных предприятий и производств, 510 поточных механизированных и автоматизированных линий, объем промышленного производства возрос в полтора раза. Причем 85 процентов прироста продукции получены за счет повышения производительности труда.

За четыре года десятой пятилетки создано более 350 важных народнохозяйственных объектов. Среди них три агрегата Саяно-Шушенской ГЭС, первая очередь Надеждинского металлургического завода, производственные мощности на красноярских заводах автомобильных прицепов, алюминиевом, объединениях по зерноуборочным комбайнам, «Абаканвагонмаш», десятки объектов сельского хозяйства. В ходе осуществления программы важнейшие шаги были сделаны по формированию и развитию Саянского территориально-производственного комплекса, Красноярского и Норильского промышленных районов, Ачинского, Абаканского и других промышленных узлов. Начато создание Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа), завода тяжелых экскаваторов, Богучанской ГЭС. В итоге всей работы производственные мощности края увеличились вдвое, темпы экономического роста превысили средние показатели по стране. Соответственно выросла материальная база быта и культуры красноярцев. В десятой пятилетке, например, построено свыше 7 миллионов квадратных метров жилой площади, более 100 детских дошкольных учреждений, 80 школ. Открылись новые театры, Дворцы и Дома культуры, больницы, высшие и средние специальные учебные заведения и многое другое.

— Павел Стефанович, известно, что красноярцы обязались в десятой пятилетке дать Родине дополнительно продукции не менее чем на один миллиард рублей. Не могли бы Вы рассказать поподробнее, как родился этот почин, как идет его реализация?

— В условиях и масштабах промышленного развития края особое значение имеет фактор времени. Максимально сократить ди-

станцию от первого «колышка» до первого изделия, строить быстро, экономично, на современной основе — главная задача дня. Это прекрасно понимают передовые рабочие и коллективы. Именно на это и направлена их творческая инициатива: «Дадим Родине больше продукции за счет досрочного ввода и освоения производственных мощностей десятой пятилетки!», — с которой они выступили в самом начале пятилетки. Почин передовых коллективов распространился по всему краю, был одобрен ЦК КПСС.

Экономисты подсчитали, что за счет развития этого почина, сокращения сроков строительства и досрочного освоения вводимых мощностей, а также реконструкции действующих предприятий передовые коллективы края могут дать за пятилетку дополнительной продукции на один миллиард рублей. Так родился наш красноярский миллиард.

Включившись в общекраевое движение, передовые коллективы города Красноярска обязались дать дополнительно продукции на 350 миллионов рублей, Хакасии — на 200 миллионов рублей, Норильска — на 180 миллионов рублей, Ачинска — на 80 миллионов рублей. Свой вклад в миллиард определили все другие города и районы края.

Слово свое красноярцы держат крепко. На сегодня передовые коллективы внесли в счет миллиарда 850 миллионов рублей.

Надо сказать, что трудящиеся края с первых дней красноярской десятилетки горячо взялись за дело, работают самоотверженно. Тон в работе, как всегда, задают передовики. Например, у Героя Социалистического Труда ткачихи Канского хлопчатобумажного комбината Нины Веселковой стало правилом: каждый месяц выдавать тканей столько, сколько полагается за три месяца.

Недельную норму за два рабочих дня научились выполнять ткачихи шелкового комбината Герой Социалистического Труда Зоя Сафонова и ее сменщицы Валя Шемонаева и Валя Фроленко. За ними пошли лучшие работницы Черногорского камвольно-суконного объединения. Уже девять тысяч рабочих, восемьсот бригад доложили в краевой комитет партии о том, что они на год раньше срока выполнили свои пятилетние задания.

— Известно, что развитие производительных сил края идет по пути создания крупных территориально-производственных комплексов (ТПК) и промузлов. Расскажите об особенностях этих формирований.

— Да, в крае продолжает создаваться несколько территориально-производственных комплексов и одиннадцать промузлов и районов. Из каких звеньев состоят эти формирования? Программа территориально-производственного комплекса, например, предусматривает создание на большой площади в плановом порядке, по единому замыслу целых групп предприятий, взаимосвязанных технически и экономически, дополняющих и обслуживающих друг друга. Здесь общая транспортная сеть, строительная база, жилищное и коммунальное хозяйство и т. д.

В качестве примера можно привести наш крупнейший Саянский территориально-производственный комплекс. Он размещается на территории Хакасской автономной области и смежных с нею районов — Минусинского, Шушенского, Ермаковского, Каратузского,

Новоселовского, Краснотуранского, Курагинского. Здесь наиболее благоприятные климатические условия, огромные ровные степные пространства, удобные для закладки новых городов и крупных промышленных предприятий. Площадь Саянского ТПК равна 140 тысячам квадратных километров. Энергетическим сердцем его является крупнейшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС. Для того чтобы ярче представить мощность гидростанции, вспомним, как в 1924 году крестьяне села Шушенского в память о пребывании В. И. Ленина в сибирской ссылке решили построить электростанцию. Но тогда молодое Советское государство не смогло помочь крестьянам найти турбину на 200 киловатт. Сейчас на ГЭС ставятся турбины, мощность каждой из которых в 3,2 тысячи раза превышает ту, которую искали тогда крестьяне. А таких гидроагрегатов на ГЭС будет десять.

Саяно-Шушенская ГЭС — подлинный памятник великому Ленину.

Основной поток ее электроэнергии пойдет на предприятия цветной металлургии, в том числе на строящийся Саянский алюминиевый завод. Кстати, завод этот будет иметь электролизеры, технология которых рассчитана на то, чтобы одновременно плавить алюминий и тут же готовить из него прокат, — такого совмещения у нас в цветной металлургии прежде не было.

В пределах ТПК большое развитие получит железорудная промышленность на базе Абаканского, Ирбинского, Краснокаменского, Тейского и других месторождений. Намечается создать Черногорский завод асбестотехнических изделий, другие предприятия.

Новое в отечественном машиностроении у нас то, что мы разместили на одной площадке около 10 крупных электротехнических заводов. Если бы их размещали разбросанно, то строительство обошлось бы на десятки миллионов рублей дороже, а число работающих возросло бы на несколько тысяч человек. Кстати, заводы эти тоже входят в Саянский ТПК.

Большие задачи стоят перед трудящимися края в текущем, завершающем году десятой пятилетки. В частности, предстоит разработать и внедрить более четырех тысяч мероприятий по новой технике, прогрессивной технологии, управлению производства, освоить производство не менее 60 типов современных машин, приборов и оборудования, в том числе специального грузоподъемного крана для «Атоммаша», новых марок каучука, автомобильных шин, валочно-трелевочных машин ЛП-49, модернизированного лесопогрузчика ЛТ-65Б, новых профилей проката, а также начать выпуск модернизированного комбайна СКД-5М «Сибиряк». Открыть внутри края 12 новых авиационных линий, ввести в эксплуатацию три новых аэропорта, построить 800 километров автомобильных дорог с асфальтовым покрытием.

Предстоит продолжить формирование КАТЭКа, в основе которого лежат богатейшие буроугольные месторождения. Протяженность этого бассейна с востока на запад 800 километров. 140 миллиардов тонн угля можно здесь добывать открытым, самым дешевым способом. Тут встанут самые крупные электростанции — топливно-энергетические гиганты, каких еще не было на планете.

Сюда в ближайшие годы потребуется привлечь десятки тысяч людей. Проблема кадров встанет и при строительстве завода тяжелых экскаваторов, предприятия, заложенного под Красноярском и по масштабам равного КамАЗу.

Нас радует то, что наши сложности находят понимание у комсомольцев, живущих в разных республиках. По призыву ЦК ВЛКСМ сформирован Всесоюзный ударный комсомольский отряд «Молодогвардеец» для работы на важнейших стройках Сибири. К нам, в частности на КАТЭК, прибыли бойцы этого отряда, посланцы комсомола Украины, Северной Осетии, Рязанской и Тамбовской областей.

Очень хорошо сказала Мила Левченко, маляр, работавшая прежде в Днепропетровске, приехавшая с подругами строить КАТЭК: «Мы молоды, и в жизни каждого из нас будет еще много путей. Но тот путь, что выбран сегодня, остается главным. Для меня и моих товарищей это не просто Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Это — Качество, Активность, Творчество, Энтузиазм Комсомола. Нет, мы не опоздали родиться: впереди много дел».

Очень хорошо отвечали бойцы отряда, когда у них в Москве, перед отходом поезда в Сибирь, спрашивали: «Чего вы ждете от Сибири?» — «Это пусть она от нас ждет, — отвечали комсомольцы. — Пусть ждет электростанций, дорог, новых школ, больниц, детских садиков. Работать едем, жить».

— Способствовало ли повышению заработной платы в коллективах улучшение планирования и организации труда на основе научных рекомендаций!

— Да, средний заработок работника в промышленности края за последние три года увеличился со 180 рублей до 219 рублей, на 13 процентов повысился он в совхозах и колхозах.

— Павел Стефанович, читатели «Молодой гвардии» интересуются обеспечением в крае продуктами питания.

— Надо сказать, что наш обеденный стол во многом зависит от нас самих. Есть в крае все возможности, чтобы он был достаточно насыщенным, пища разнообразной по вкусу, богатой белком, витаминами. Сельское хозяйство края располагает миллионами гектаров обрабатываемых земель. Совхозы и колхозы имеют 28 тысяч тракторов, 12 тысяч зерноуборочных комбайнов, 11 тысяч грузовых автомобилей. В прошлом году мы произвели сельскохозяйственной продукции на один миллиард триста с лишним миллионов рублей. За четыре года десятой пятилетки по сравнению с девятой пятилеткой заготовка мяса возросла на 13,5 процента, молока — на 15,9 процента и яиц — на 52,9 процента. Хозяйки в городах и рабочих поселках давно привыкли к тому, что в магазинах постоянно есть яйца, молочные продукты, колбасы. Однако спрос на мясо у нас пока еще удовлетворяется не полностью. Но мы все делаем для того, чтобы решить и эту проблему. Постоянно увеличиваем поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы. Продуктивность ферм, конечно, зависит от эффективности полеводства. Со всей площади в этом году мы думаем собрать не менее трех с половиной миллионов тонн зерна. Есть у нас хозяйства, которые собирают с гектара по 25, 30 и больше центнеров зерна. Совхозы и колхозы решили в 1980 году продать государству 253 тысячи тонн мяса, 830 тысяч тонн молока, 630 миллионов штук яиц.

Было время, когда у нас не хватало на долгую нашу зиму ово-

щей. Мы создали специализированные совхозы, расширили и улучшили хранилища. Морковь, свекла, капуста, лук, чеснок — все это сегодня в любой час хозяйки могут взять в наших магазинах. Много выращиваем помидоров, а на юге края — арбузы, не уступающие по вкусовым качествам тем, что привозят к нам из-под Ташкента.

— В программе комплексного развития края, как и должно быть, главное место отведено социальным вопросам. Все для человека, во имя человека! Известно, что в Красноярске начал работать институт искусств, открылся государственный театр оперы и балета.

Сегодня на территории Красноярского края размещено свыше семи тысяч учреждений культуры и искусства. В их числе двенадцать музеев, 130 музыкальных школ, филармония, множество клубов, библиотек, Домов культуры. Кстати, мне стало известно, что в минувшем году, через полторы или две недели после того, как красноярцы послушали у себя «Князя Игоря» и посмотрели «Жизель», из Франции пришло письмо: дескать, среди снежных сугробов, среди тайги и вдруг своя опера, свой балет — отказываемся в это чудо поверить.

— Ну, красноярцы уже привыкли к тому, что за рубежом многое из того, что совершается на нашей земле, воспринимается как чудо. Не верили, что мы перекроем Енисей, а когда мы не только перекрыли, но и турбины поставили, инженеры из-за рубежа приехали, посмотрели и сказали: «Чудо». Так в книге отзывов и записали. «Сибирское чудо» — так называют за границей благоустраивающийся заполярный Норильск и всю нашу программу по освоению Севера. «Чудесные сибиряки» — так называют зарубежные ценители искусства наш Красноярский государственный ансамбль танца Сибири, который побывал на всех континентах, в десятках стран, привез оттуда немало высоких наград.

Коллектив нашего театра оперы и балета составили совсем молодые люди, выпускники консерваторий Москвы, Свердловска, Ленинграда, Новосибирска, Одессы, Астрахани, приехавшие к нам в край работать и жить.

Успеху артистов и тогда, когда они гастролируют за рубежом, достойно представляя свой край, нашу страну, и тогда, когда они выступают у себя дома, в равной степени способствует возросшая общая духовная культура в крае. Мы уже сказали о количестве учреждений культуры и искусства на территории края. Важно теперь отметить, что только с начала красноярской десятилетки, предусматривающей решение всех жизненных вопросов в комплексе, построено и сдано в эксплуатацию 313 и дополнительно открыто 487 объектов и учреждений культуры. Среди них государственный цирк, музыкальное училище в Абакане с общежитием на 950 учащихся, художественные школы в сельских районах.

Праздником советской культуры стала проведенная в октябре прошлого года Всесоюзная творческая конференция писателей и критиков в Шушенском на тему «С Лениным, по ленинскому пути». В работе конференции приняли участие писатели из столицы, из всех союзных и автономных республик, краев и областей России. Приехали друзья из социалистических стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Вьетнама, Польши, Чехословакии, Румынии. Прибыли сюда передовики промышленности, строек. Поездки пи-

сательских групп по ленинским местам края, на Таймыр, в Норильск, Игарку, Сосновоборск, Ачинск, встречи с читателями дали нашим труженикам большой интеллектуальный и эмоциональный заряд. Думаю, и сами писатели тоже обогатились от встреч с нами.

— Недавно я вернулся из командировки по Эвенкии. Был в таежном поселке на вечере встречи избирателей с кандидатом в депутаты краевого Совета народных депутатов. На встречу пришли из тайги охотники, оленеводы. Немногословно, образно, емко говорили эвенки о своей земле, о жизни. Не было разговора об одежде, еде, как это было бы лет 50 назад. Нынче есть во что одеться, есть что положить в котел. Говорили же о том, что мало в магазин завозится художественных книг. Председатель исполкома окружного Совета народных депутатов В. Е. Чепалов обещал уладить, позаботиться, хотя, впрочем, на душу населения приходится книг в Эвенкии никак не меньше, чем в краевом центре Красноярске.

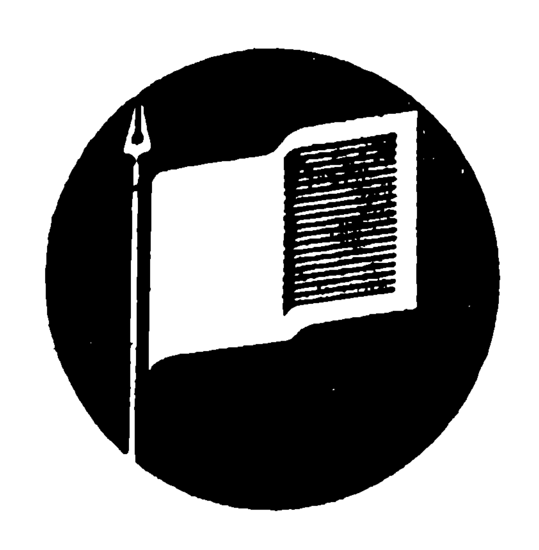
— Да, в отдаленные поселки, расположенные в тайге, в тундре, мы стараемся завозить художественной и политической литературы из расчета на жителя никак не меньше, чем в центральные магазины в городе Красноярске. Но потребность в книгах все растет. И тут многое зависит даже не от нас. Хотя мы стремимся делать все, чтобы в наших сложных сибирских условиях люди не чувствовали себя оторванными от большой культуры, жили полнокровной жизнью.

В этой связи следует сказать, что в крае, например, есть проект — строить во вновь создаваемых городах и поселках не отдельные дома, а жилые комплексы с плавательными бассейнами, кинолекториями, гаражами, залами для игр детей.

Мы стремимся промышленные объекты размещать так, чтобы каждый производственный корпус безболезненно вписывался в сибирскую тайгу, в северную нашу тундру, очень чуткую к переменам. В этом плане, к сожалению, еще не все учтено нашими учеными. Здесь нам всем предстоит много работать.

Ныне мы часто повторяем слова Ломоносова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью. Кое-кто склонен понимать это односторонне. Могущество же не только в гигантских промышленных объектах, работающих на дешевом сырье, но и в обеспеченной, духовно возвышенной жизни членов общества. Такая жизнь в Красноярском крае, на берегах великого Енисея, создается. Создается не без трудностей. Создается усилиями коренных сибиряков и тех, кто к нам приезжает сегодня. Мы ждем, что новые отряды комсомольцев и молодежи приедут к нам работать и жить, найдут здесь свой духовный интерес, станут сибиряками.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор КРЕЧЕТОВ

«И ТЫ, И Я, И ПЛЕСЕНЬ НА КОРЯГЕ...»

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ О ПРИРОДЕ

Вмешательство человека в природу привело к тому состоянию, которое мы называем сейчас экологическим кризисом. И ныне люди во всем мире все более осознают, что природу надо беречь, что она мать наша. Чтобы защищать ее, необходимо знать ее и любить.

С давних пор природа привлекала неизменное внимание художников слова. Аксаков, Пришвин, Соколов-Микитов — этим писателям суждено большое будущее. Утомленные урбанистическими достижениями, мы стремимся окунуться в светлый и чистый мир запечатленной ими природы: лесов, полей, рек, птиц и животных. Читая книги этих и других замечательных поэтов природы, мы отдыхаем душой.

Однако едва ли справедливо думать, что интерес к этим писателям и к этой литературе возрастает лишь в связи с оскудением природы, с тем, что в хороших книгах мы находим природу в чистом, более или менее нетронутом состоянии. Проблема гораздо сложнее. Она глубоко затрагивает внутренний мир человека.

«Искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой» — вот девиз всего творчества Пришвина. Душа русского человека и природа неразрывны, и в этом можно убедиться, перечитывая описания природы, которые мы находим в творчестве великих русских писателей.

Однако обширный поток современной природоведческой и, условно говоря, художественно-природоведческой литературы вносит в отношение к природе, в описание ее новые черты.

Создается впечатление, что современный писатель-натуралист все реже заботится об осмыслении природы и все глубже погружается в частности. Подробно, со знанием дела описывает он флору и фауну, но описывает части природы, редко возвышаясь до того, чтобы охватить ее целостность.

Безусловно, на писателя, пытающегося художественно осмыслить природу, отчасти влияет широкий поток научной и популярной природоведческой литературы. Расширение научного прикладного интереса понятно, но критерии отбора материала для массовой и особенно детской книги недостаточно строги.

Вызывает недоумение и то, что критика тоже часто находится словно во власти потока «занимательной информации» и восторженно приветствует книги, которые вызывают на серьезные и порой тревожные размышления.

В журнале «Семья и школа» рецензент, например, пишет о книге «Занимательная зоология» В. Сабунаева: «О чем только не узнаешь, прочитав ее! О том, например, что на острие швейной иголки можно разместить 100 тысяч вирусов. И о самой крупной в мире лягушке-голиафе. О насекомых, которые не едят всю свою взрослую жизнь...» Ну что же, любопытно...

Рекомендуя читателю книгу Н. Романовой «Семерка червей», рецензент отмечает, что обычно все червяки для нас «на одно лицо», а после прочтения книги Романовой начинаешь смотреть на них другими глазами. Вот как написано об этом у Н. Романовой: «В саду стоит бочка... В бочке вода, которую не меняют. И в бочке живут червяки. Из ила сваляли червяки трубочки. И из трубочек построили город... город на дне бочки. В центре города дома высокие — трубочки укреплены стоймя. На окраинах дома низкие — трубочки положены набок. Тихо. Каждый сидит в своей трубочке. Но вот один червяк вылез и быстро начал подниматься со дна вверх. Восьмерку делает. Красную яркую восьмерку в черной воде. Восьмерка такая: голова загибается к спине, а хвост к брюху. Потом наоборот: хвост к спине, голова к брюху...»

Спросим себя: если уж так важно описать жизнь червяков в застойной воде, зачем же сравнивать их трубочки с городом, в котором живут люди? Может ведь возникнуть и обратная ассоциация: не только червяки как люди, но ведь и люди как червяки. Чего стоит одно — «каждый сидит в своей трубочке»!

Могут сказать, что это все же литература чисто познавательная и что проблемы этические и эстетические для авторов, к сожалению, на втором плане. Но нет же! Сами критики убеждают нас в обратном. Например, статья Е. Зубаревой «Природа и нравственность» в сборнике «Детская литература» специально посвящена проблеме воспитания в детях нравственности через книги о природе. И вот как автор на примере книги Н. Романовой «Подземный путешественник» представляет себе такое «воспитание». «Казалось бы, чем может привлечь рассказ о дождевом чер-

вяке? Но уже в самом заголовке книжки... таится зерно занимательности. *А основная ее мысль — созидательность труда* (подчеркнуто мною. — *В. К.*). «Тут пошел дождь. Молодой червяк выполз из норки и попрощался со старым. Он полз по дороге, он купался в потоках воды, наслаждался теплым весенним воздухом, а когда кончился дождь, начал рыть норку. Он рыл и рыл, рыл для того, чтобы вся земля покрылась цветами, чтобы бабочки летали от цветка к цветку, чтобы бегали по тропинкам муравьи и пчелы звенели в воздухе». И сюжет тщательно продуман: поиски дождевым червяком друга, с которым было бы не скучно жить вместе... Поведение дождевого червяка, — заключает критик, — антропоморфизировано ровно настолько, чтобы не было потеряно ощущение достоверности происходящего. Детям дана возможность додумывать, довоображать, наделяя разумом персонажи этой сказочной повести».

Не знаю, что́ довообразят и додумают дети, но трудно согласиться с «мерой антропоморфизации». «Ощущение достоверности» автором, пожалуй, все же утеряно, как, впрочем, и вообще чувство меры. Конечно, дождевой червь играет свою роль в экологической цепочке, но уместно ли здесь говорить о «созидательности труда»? Ведь и ребенок должен различать созидательный труд человека и существование дождевого червяка.

Но мало того, что дождевой червяк «созидает», он еще и ищет друга! Сколько юношей и девушек пытается понять, что есть настоящая дружба, сколько жарких споров о том, кто есть настоящий друг! И вот одно из лучших человеческих стремлений — стремление к дружбе, к обретению в жизни друга, легко перекочевало от человека к червю. Не слишком ли «убедительная» наглядность?

Немало песен сложено человеком о любви. Немало мы знаем примеров высокого чувства, очищающего душу человека, возвышающего, ведущего порой на подвиги, порой приводящего к глубочайшим людским трагедиям. Но раскроем еще одну «экологическую книгу» Н. Сладкова «Осиновый невидимка», один из рассказов которой называется «Влюбленные крысы», и читаем о том, как «влюбленные крысы справляют свадьбу» — все как будто у людей. Воспевая любовь, человек неоднократно обращался к миру природы, и мы знаем о любви лебедя — благородной, красивой птицы, отвечающей нашему представлению о высшем проявлении грациозности, изящества, чистоты и о чисто нравственном качестве — верности. В этом образе олицетворялось человеческое чувство, и оно прекрасно. У Н. Сладкова, наоборот, брачный гон зверьков-грызунов называется «любовью». Ведь так невольно само понятие любви низводится до инстинкта, свойственного любому животному.

Люби и береги природу — вот призыв, который мы обращаем сегодня к каждому человеку. Сколько милых зверушек населяет нашу природу, как по-доброму воспеты они в русских народных сказках!

Современный писатель вносит свою «лепту»: «Кто любит собак, кто кошек, а этот мальчик змей любит. У него ручная змея поранила хвост. Сейчас ей хвост зеленкой помажут, и змея будет здорова». Писатель, очевидно, думает: если привить любовь к змеям, то любовь к существам более безобидным родится сама собой.

Однако странен выбор объекта, к которому мальчик проявляет

любовь. Дело, разумеется, не в том, что юный натуралист не может изучать змей, но ведь тысячелетиями змея является символом зла и коварства. Еще Эзоп написал басню о змее, ужалившей спасителя, — вот откуда пошло выражение «пригреть змею на груди».

Конечно, природа мудра. Все в ней целесообразно, и категории этики на нее не распространяются. Однако в литературе нельзя смешивать воедино добро и зло, красоту и безобразие, человека и червя, лебедя и крысу. Нельзя без ущерба для духовного мира человека, особенно ребенка, эстетизировать безобразие, хотя бы и ради того, чтобы привить любовь к природе.

Писатель должен иметь строгую меру. Даже любя природу, вряд ли следует писать так, как делает это, например, Н. Сладков, — «небесно-голубая змея», «голубая, как небо, как вода, как голубые перья у сойки. Голубая, как незабудка». Змея просто голубого цвета и никакого отношения к небу, к воде, к незабудке не имеет. Вряд ли юноша будет сравнивать глаза возлюбленной с прекрасными незабудками, если незабудки будут у него ассоциироваться со змеей!

Или вот, к примеру, эхо. «Мне представляется, — пишет Н. Сладков, — что эхо смахивает на сову. Или на большое настороженное ухо. Или на чей-то широко разинутый рот: жабы, например...» Казалось бы, зримое, запоминающееся сравнение. Но читаем дальше: «Ты заблудился, а эхо тебя одобрит; ты на помощь позвал, а оно тут как тут. Оно чуткое и отзывчивое...» Почему же «чуткое и отзывчивое» должно быть похоже на жабу? Н. Сладков пишет: «Ты дерево рубишь тайно — эхо на весь лес стучит по твоей совести». Почему же совесть писатель представляет нам в виде разинутого рта жабы?

Червь, букашка, змея — все это, конечно, одна биологическая цепь. И не следует ее рвать. Об этом и сейчас необходимо говорить. Но весь вопрос в том, как говорить. Зачем же, ратуя за сохранение биологической цепи, рвать цепочку тех сложившихся нравственных звеньев, из которых состоит человеческая личность? В стихотворении, опубликованном в одном из выпусков детской странички газеты «Неделя», звучит призыв «не рвать биологической цепочки!». Стихотворение это, по мнению рецензента журнала «Детская литература», являет пример серьезного разговора с ребенком. Стихи провозглашают единство всего на свете. Вот как поэт его понимает:

Букашки, пташки, червяки, лягушки...
И ты, и я, и плесень на коряге...
Мы все — природы сыновья и дочки!

Действительно, человек — дитя природы, но нельзя ставить его в один ряд с «плесенью на коряге». Автору и критику следовало бы понимать это.

Призыв любить природу, живое на всех уровнях приводит порой к тому, что о пресмыкающихся и гадах авторы пишут подчас с гораздо большей любовью, нежели о самом человеке.

Никогда не вызывали у русского человека особых симпатий жабы и всякого рода червяки, тараканы, зеленые навозные мухи-цокотухи, пауки — все то, что живет по темным углам. И конечно,

эстетизируя этот низший ряд живого, мы невольно влияем на смещение у нас самих и особенно у детей представления о зле и добре.

Повышенный интерес ко всему, что ползает, затронул сегодня не только природоведческую литературу, он проникает и в сказку, вытесняя из нее традиционных героев — соколов, лебедей, журавлей, серого волка, медведя.

Наибольшие издержки наблюдаются в самой форме изображения, которая все больше и больше приобретает характер «инвентаризации» животного мира, а писатель уподобляется добросовестному кладовщику, хранящему материалы, назначение которых ему в целом непонятно. Инвентаризация эта по самому своему характеру бездуховна, ибо она учитывает частности, не находя внутренней связи между ними.

Описывая природу вообще, нужно быть очень чутким ко всякому явлению, имеющему нравственную человеческую окраску. Возьмем все ту же книгу Н. Сладкова, выпущенную тиражом сто тысяч экземпляров в специальной «Библиотечной серии». Книга эта привлекательна и адресована среднему и старшему возрасту — тому возрасту, для которого нравственные вопросы особенно актуальны. Остро стоит вопрос об отношении к старшим, к старикам, к тем истинам, которые старшее поколение стремится передать молодым. Но старик не только учит, он еще и требует помощи себе, как бы возврата того, что́ он когда-то отдавал ребенку. И вот писатель дает «рецепт» отношения к старикам в природе: «Старики уходят из стад и становятся угрюмыми одинцами. А может, их выгоняют из стада. Наверное, выгоняют: и стаду не нужны старики.

Старики никому не нужны. Ни пользы от них, ни радости. Детенышей не растят, стадо не сторожат, логово не берегут, добычи не носят. Только в ногах путаются.

Не нужен старик природе. Не можешь больше жить по ее законам — уступи место тому, кто может. Да и себе старик тоже не нужен — зачем ты себе, если не нужен ты никому?»

Вроде бы речь идет только о стариках в стаде, но когда утверждается, что все подчинено одним законам, то как знать, какие такой текст вызовет параллели? Ведь даже изображая жизнь природы, можно наделить этого угрюмого одинца ощущением несправедливости стада, которое он не раз выручал, когда был силен и которое вот теперь отвернулось от него. Это соотносилось бы с логикой человеческого общежития, воспитывало бы чувства добрые. Как же объяснить процитированные нами рассуждения, когда они являются авторской речью?

В книге о природе важно все — сам метод повествования, лирическое лицо писателя и, наконец, объект, попадающий в поле зрения. Вот, скажем, книга Н. Сладкова «Осиновый невидимка» в целом посвящена тому, как писатель изучает жизнь белки-летяги.

Охотник в лесу сталкивается со многими частностями, которые немало поведают ему о жизни леса, но слушателям он рассказывает самое существенное, то, в чем есть что-либо интересное, поучительное.

Автор открывает книгу небольшой поэмой в прозе, называется она «Ода помету».

«..Помню, в первый же выход в лес я наткнулся на ...звериный помет. Пожалуйста, не воротите носы! Очень много достой-

ных людей — земледельцев, врачей, охотников и ученых! — интересуются тем же, находя в этом смысл и пользу. Поскольку и нам предстоит покопаться в помете, давайте отбросим брезгливость и предрассудки: натуралисту они не к лицу.

Слушайте оду помету!

...Помет скрывает в себе — увы, в себе! — ценнейшую информацию. Такой не найти ни в каких книгах. Сведения из первых рук, тепленькие новости... Словно зверь дал интервью, заочно ответил на все вопросы. Натуралист просто не имеет права быть белоручкой. Смешно даже: перед тобой целая — извините! — куча ценной информации и полезных сведений, а тебе, видите ли, не хочется наклоняться. И ты воротишь свой заносчивый нос.

Помет бывает поучительный, удивительный и даже... красивый! Вот вы опять скривились, а я глаз не могу отвести, когда однажды смотрел в видоискатель на лисий фекалий — раз уж ваше ухо оскорбляет слово «помет». Лисица слизнула с листьев много изумрудных жучков — они облепляют ольховые листья — и получился кулон из сотен драгоценных изумрудных камней. Кулон искрился, сверкал и блистал!»...

Оставим на совести автора наставительный тон. Но что же это за красота, смешанная с пометом, даже если его назвали «лисьим фекалием»...

Чего только не узнает из книги читатель! Как, например, обойтись без знания того, что «с октября по апрель летяга «поет» пометом — поющая уборная! А с апреля по октябрь «голосит» пахучей мочой по сучкам»! Не обходится и здесь без «невест» и «женихов»...

Я коснулся лишь некоторых из книг, адресованных детям разного возраста. И мне хотелось указать только на один из аспектов литературы этого рода, но, думается, очень важный аспект, связанный с выработкой у подрастающего поколения нравственных ориентиров не только в отношении к природе, но и в отношении к людям. И нельзя не указать еще раз на завет М. М. Пришвина: «Искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой». Забывая этот завет, мы не столько прививаем любовь к природе, сколько разрушаем ее, хотим мы того или не хотим. Далеко не всегда благие субъективные намерения ведут к доброму результату. Ныне накоплен в этой области немалый багаж, вероятно, уже пора осмотреться, что-то подытожить. Сегодня вдумчивого читателя не может удовлетворить лишь умиление ко всему живому. Если же мы в разговоре о природе забудем о душе человеческой, о том, как исторически складывались в народе представления о природе, о животном мире, то где гарантия, что в не столь отдаленном будущем мы уже не по ошибке, не по случайности, а в полном соответствии с наукой будем рассматривать человека наравне с «плесенью на коряге»?

●

Леонид ЗАМАНСКИЙ

ВЕТЕР ПОЭЗИИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Александр Степанович Гриневский родился в городе Слободском Вятской губернии 11 августа 1880 года. Его биография сегодня хорошо известна. Но человеческая и писательская судьбы не всегда совпадают. Писатель Александр Грин вступал в литературу в годы первой русской революции, его творческая жизнь продолжалась четверть века. Жизнь сложная и противоречивая, трудная даже в сравнении со многими писательскими судьбами предреволюционной эпохи. Но было в этой жизни такое, что возвысило Грина над бытом, над житейскими неурядицами, сделав писателя современником будущих поколений, в первую очередь тех, кто свершал Революцию, воплощая в действительности самые дерзкие мечты. Современником предстает он и ныне, открывая нам многоцветье своей прозы — живописность деталей, выразительность образов, увлекательность сюжетов.

Писатель живет в своих произведениях, вновь и вновь приходящих к читателю многотысячными тиражами; живет он и в

новых песнях, которые создает наша жизнь, живет в посвящаемых ему произведениях известных мастеров и в стихах юных авторов, впервые заявляющих о себе со страниц молодежных журналов и альманахов.

В трудную пору вступал в жизнь Александр Гриневский. Но все громче звучало тогда: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». Убежденность в том, что человек должен подняться со дна жизни, вырваться из мрака к звездам, жила в словах: «Человек — это звучит гордо!» Уверенность в том, что человек достоин мечты, потому что способен ее достичь, осуществить, — вот что в тяжкие годы межвременья утверждалось М. Горьким и А. Блоком, А. Чеховым и В. Короленко...

Александр Грин — сын своего времени, он сформирован как личность поисками и теми общественными процессами — очевидными и подспудными, — которые сулили и готовили «невиданные перемены, неслыханные мятежи».

Творчество Александра Грина лишь на первый взгляд одноплановo и тематически ограниченно. Созданная полетом фантазии, воображением писателя «Гринландия» с населяющими ее необычными, красивыми и сильными, живущими мечтой людьми привлекает многообразием и сложностью жизненных обстоятельств, человеческих характеров, которые проявляются в этих обстоятельствах. Поэтому Александр Грин может стать близким для читателей самых разных возрастов и литературных привязанностей. Захватывают гриновские сюжеты, необычные города и имена, язык персонажей, ситуации, в которых оказываются герои, воспевание любви, наконец, утверждаемое писателем как едва ли не главное и лучшее человеческое качество — способность мечтать, *творить мечту,* которая возвышает человека, открывает ему мир таким, каким он должен быть, и помогает преобразовать этот мир. Грин утверждает: человека возвышают и вдохновляют на подвиги «опасность, риск, власть природы, свет далекой страны, чудесная неизвестность, мелькающая любовь, цветущая ожиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, между тем как высоко в небе — то Южный Крест, то Медведица, и все материки — в зорких глазах, хотя твоя каюта полна непокидающей родины с ее книгами, картинами, письмами и сухими цветами, обвитыми шелковистым локоном в замшевой ладанке на твердой груди».

Герои Александра Грина отважны, упрямы и бескомпромиссны. Молодость души — вот их главный признак, непременное качество, возвышающее над миром обыденности, помогающее творить свой молодой и дерзкий мир романтических страстей. Молодость души — понятие не возрастное. Подобно многим своим литературным сверстникам, Грин был убежден в том, что молодость революционна, он славил Революцию как юность мира, как весну пробуждающегося человечества. Герои Грина делают невозможное возможным, их мечты столь действенны, что становятся реальностью. Артур Грэй в «Алых парусах» — это «тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения...». Но и сам Александр Грин взял на себя роль доброго провидения по отношению к своим читателям, убеждая в возможности осуществить

самые фантастические мечты, ибо «то, что существует как старинное представление о прекрасном-несбыточном... по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка». Эта уверенность тем сильнее, что не по волшебству совершаются чудеса, мечта осуществляется человеческим дерзанием, силой духа, верностью, которая выдерживает нелегкие испытания судьбы.

Для того чтобы поверить в человеческие силы, самому Александру Грину пришлось превозмочь многое. Быть может, писатель потому и облегчал порой путь своим героям, даровал им счастье воплощения мечты, что он сам на себе испытал тяжкое сопротивление обстоятельствам жизни. Детские годы в Вятке, скудное довольство семьи, гимназические порядки, пребывание в училище, куда он вынужден был перейти после исключения из гимназии. Странствия по России, бесправное существование матроса и портового рабочего, поиски счастья с уральскими золотоискателями, солдатчина, принятая добровольно ради хлеба, одежды и крова и оглушавшая муштрой и нравами казармы. Армия дала Грину материал для первого рассказа — «Заслуга рядового Пантелеева», изданного в 1906 году в Москве за подписью А. С. Г. и сразу же конфискованного полицией. В следующем году в газетах и журналах публикуется уже несколько рассказов Грина, и он обращается к Максиму Горькому как к руководителю издательства «Знание» с просьбой выпустить сборник его произведений, которых «набралось 20—25». А в 1908 году увидела свет книга Грина «Шапка-невидимка», имевшая подзаголовок «Рассказы о революционерах». Представление о революционерах у автора этой книги, связанного в годы первой русской революции с эсерами, было весьма превратным, он искренне преклонялся перед террористами. Приход к правильным политическим взглядам сопряжен у Грина с «преодолением себя», с нелегким пересмотром прежних убеждений. Не с «рассказов о революционерах» начинался писатель, но без этих рассказов, вероятно, не было бы того «самопреодоления», которое привело Грина от правдоподобия ранних произведений к романтической заостренности видения жизни.

Внешне становление нового, знакомого нам Александра Грина было сопряжено с отказом от изображения типических для русской беллетристики ситуаций. На смену этому пришли необычные страны, «несовременные» парусные корабли и морские гавани, обитатели портовых городов, естественно и словно бы по заданным литературным образцам соединившиеся в авантюрных сюжетах. Но суть была в ином. Александр Грин стремился создавать искусство, проникнутое поэзией. Он творил сказку. Однако в этой сказке главным становились не сказочные ситуации и не чудеса. Главную свою задачу Александр Грин видел в том, чтобы уверить читателя в возможности необыкновенного. Грин воспевает благородные поступки, волю своих героев, стремившихся к осуществлению мечты, утверждает мысль о неистребимости красоты и ее необходимости в повседневной жизни.

Казалось бы, Грин противопоставляет красоту не только повседневности, но всему тому в жизни, что связано с трудом, социальными процессами, общественными явлениями. И все же романтические произведения Александра Грина не уводят читателя от действительности в выдуманный мир, но помогают понять действительность, дают ориентир, направляя волю и действия читателя.

Александра Грина влекла поэзия, его побуждали к творчеству жажда красоты и стремление внести в жизнь поэзию. Это заметно выделяло Грина в литературной жизни предреволюционной России. Наиболее талантливые художники, при всем различии их индивидуальных творческих манер, в той или иной мере обращались к проблемам социальным, к сложнейшим вопросам современности, рожденным усилением классовой борьбы, обострением политических противоречий в России. Не только драматургия и проза, даже интимная лирика оказывалась социально насыщенной, причем наряду с пролетарскими поэтами и молодым Владимиром Маяковским все активнее обращались к общественным проблемам такие поэты, как Валерий Брюсов и Александр Блок. Закономерным было движение блоковской лирической мысли от восторженного признания «О, весна, без конца и без края...» к раздумью об исторических судьбах Родины — к циклу «На поле Куликовом», к стихам «Петроградское небо мутилось дождем...» или «Коршун». Александр Грин как будто остался в стороне от этого магистрального движения демократической русской литературы предреволюционных лет. Но означало ли его «движение по обочине», что он вообще не желал обращаться к реальной действительности?

В дни политических потрясений, в переломные моменты истории художники не имеют права и не могут уходить от злободневности. Уходил ли от жизни Александр Грин? Произведения, созданные писателем в канун Октября, позволяют ответить на этот вопрос вполне определенно: Грин был с Революцией в ее трудные дни и, смело проникая взором художника в будущее, доказывал, что революционное преображение жизни необходимо и неизбежно. Своей романтизацией красоты Александр Грин утверждал будущее как действительность, в которой восторжествует поэзия, и это будет результатом освобождения человеческих чувств, то есть продолжением революции. Конечно, понимание революции и ее изображение в рассказах Александра Грина предреволюционной поры весьма условно. Но это не условность утописта. Грин говорил не об общественном устройстве, не о политических институтах и формах правления. Он поэтизировал общество будущего — его нравственные и эстетические основы. Писательский прогноз был тем убедительнее, что в его произведениях многое напоминало реальную действительность, а характеры и взаимоотношения людей имели жизненные основания. Александр Грин писал о том, чего не было, но что могло и должно было быть, ибо это прекрасно. Но, словно опасаясь непосредственного выхода к явлениям общественным, к политическим категориям, писатель «замыкал» своих героев в особом мире. В этом мире торжествуют идеальные человеческие взаимоотношения, но для проявления таких взаимоотношений необходимы ситуации необычные. В какой-то мере условность «снимается» умелой художественной детализацией. Грин чрезвычайно внимателен к жизненным подробностям. В его произведениях эти подробности оказываются нередко действеннее, чем самый изобретательный сюжет, способствуют органичному и естественному соединению в авторских описаниях лирики и иронии, рождают у читателя доверие.

Своими романтическими произведениями Александр Грин убеждает, что он хорошо знал жизнь и постоянно стремился познать

ее до самых глубин. Художественная детализация не столько прием, сам по себе выразительный и плодотворный, сколько инструмент исследования. Выразительность гриновских образов обеспечена жизненной правдой деталей. Потому они так убедительны и впечатляющи.

Детали и определения, неожиданные и оттого запоминающиеся, почти всегда сплетаются в картины, развернутые и красочные, в которых каждый мазок словно вовлекает читателя-зрителя в изображение, заостряя наше внимание, захваченное и подчиненное авторской воле: «Нет более бестолкового и чудесного порта, чем Лисс... Разноязычный город определенно напоминает бродягу, решившего наконец погрузиться в дебри оседлости. Дома рассажены как попало среди неясных намеков на улицы, но улиц, в прямом смысле слова, не могло быть в Лиссе уже потому, что город возник на обрывках скал и холмов, соединенных лестницами, мостами и... узенькими тропинками. Все это завалено сплошной густой тропической зеленью, в веерообразной тени которой блестят детские, пламенные глаза женщин. Желтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен; где-нибудь на бугрообразном дворе — огромная лодка, чинимая босоногим, трубку покуривающим нелюдимом; пение вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях, под тентами и огромными зонтиками; блеск оружия, яркое платье, аромат цветов и зелени, рождающий глухую тоску, как во сне — о влюбленности и свиданиях; гавань — грязная, как молодой трубочист; свитки парусов, их сон и крылатое утро, зеленая вода, скалы, даль океана; ночью — магнетический пожар звезд, лодки со смеющимися голосами — вот Лисс».

Только в таком городе могут совершаться чудеса, но чудеса не сказочные, а жизненные. Это понимает даже угольщик Филипп, соприкоснувшийся с тем чудесным, что несет в своих мечтах и в непонятных большинству словах Ассоль. Не случайно именно в Лисс приходит «Секрет» Артура Грэя, и в окрестностях Лисса, возле прибрежной деревушки встречает Грэй свою любовь, в Лиссе куплен и алый шелк для парусов. В феерии «Алые паруса» Лисс — полноправное действующее лицо. Не случайно чаще всего Лисс, как и все побережье, предстает в изображении Грина озаренным солнечным светом и голубизной ясного неба.

Однако Грин изменил бы себе как художник, если бы в своем восторженном прославлении праздничности Алых Парусов нарисовал бы Лисс одной краской. Грин изображает торгашеский дух богачей, стандартность мышления некоторых обитателей Лисса, как и обитателей Каперны, в которой Лонгрен и Ассоль были чужаками, а своими были трактирщики — старый и молодой Меннерсы, где господствует серость, а солнце замкнуто в переплеты оконных рам и лежит на полу, расчерченное на прямоугольники.

Контрастность — важнейший принцип романтического искусства. Гриновская контрастность особого рода. Созданные воображением Александра Грина рассказы и повести о летающем человеке Друде или о «бегущей по волнам», о людях Лисса и Зурбагана принципиально отличаются, скажем, от произведений Брет Гарта или Эдгара По, казалось бы, весьма близких гриновской манере. Дело не только в том, что в произведениях Александра Грина за условностью стран и городов, за экзотическими именами скрыта и угадывается реальная Россия, довольно определенный пери-

од ее истории, даже конкретные события. Грин не уходит от своего времени. Он и читателей нацеливал на осмысление в этом времени обстоятельств, которые могли ускользнуть от невнимательного взора. И все же основное отличие — в понимании человека, в определении его места в действительности, а также в собственном гриновском жизнеопределении, которое обнаруживается во всем эмоциональном тоне произведения. Главным моментом, всё объединяющим и оценивающим, той нравственной вершиной, с высоты которой постигается жизнь и автором и героем, оказывается Счастье. Оно утверждается Грином как самая большая награда и как самая великая человеческая ценность. Когда Ассоль подымается на борт «Секрета», сказка, услышанная несколько лет назад, но жившая все это время в сердце девушки, определявшая ее чувства и поступки, становится реальностью. Для Ассоль в этом нет ничего сверхъестественного, ведь мир сказки — мир ее души, мир мечты, которая обязательно сбудется, если крепко верить и очень хотеть.

Счастье — это воплощенная мечта, это любовь, это музыка, рождаемая преображенным человеком, который вдруг открыл в себе дар волшебника: «Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...» Так завершается феерия «Алые паруса». И главное слово, вынесенное Грином в финал, не только подготовлено всем ходом сюжета, развитием изображенных событий. Это слово, не раз повторенное писателем, словно расширяется, открывая новые, неожиданные грани и сферы смысла.

Знакомя нас с необыкновенным, приобщая к мечте и счастью, Александр Грин помогает увидеть богатство, которое, возможно, скрыто в каждом человеке. Откровенно восхищаясь алым цветом и всем, что сопряжено с ним, писатель столь же откровенно и бескомпромиссно изображает серость. Но ведь есть явления сложные, разные, которые не противоречат друг другу, но взаимно друг друга дополняют и обогащают. Таковы душевные качества капитана Артура Грэя, закаленного испытаниями матросской службы. Ему не чужд и трезвый расчет, но живет Грэй по своим, им самим выстраданным и им же защищенным нравственным законам. По этим законам он оценивает все, с чем встречается в жизни. Далеко не все люди способны понять Грэя, да и он не всех понимает и принимает. Но вот он встретил Ассоль и почувствовал главное в ней. А ведь «в ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной правильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерившего игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое». Грэй видит и воспринимает одну Ассоль — стихотворение. Для него любимая — ожившая мечта, поэзия.

Поэтичны мечты героев феерии, поэтичны их судьбы, вобравшие в себя так много трудного, мрачного, но возвысившиеся над обыденным. Александр Грин не отбрасывает «непоэтичное», но в противопоставлении духовности, красоты всему серому и заурядному выявляет естественность поэзии, закономерность ее торжества в мире.

Поэтичность «Алых парусов», сама поэзия как определяющее качество мелодики, пафоса этого произведения рождена револю-

ционной эпохой. Работу над своей феерией Александр Грин завершил в 1921 году, а задумал ее в 1917 или 1918 году. Познававший новый мир, поддержанный и ободренный М. Горьким, писатель создал не только лучшее, но, быть может, и самое близкое себе произведение. Новое мироощущение, радость новой жизни, еще не столько осуществленной, сколько желаемой, писатель воплотил в гимне Счастью. Ассоль и Артуру автор «Алых парусов» отдал самое дорогое, страстно желаемое — те душевные качества, о которых сам мечтал, преодолевая тягчайшие жизненные невзгоды. Следует ли удивляться, что это лучшее, по убеждению Грина, в человеческих характерах озарено алым светом? Следует ли удивляться тому, что Александр Грин «материализовал» сказку, будто бы неожиданно сочиненную странствующим поэтом Эглем для маленькой девочки? У сказки Эгля были жизненные основания — и игрушечный кораблик с алыми парусами, вырвавшийся на простор, и, конечно же, маленькая Ассоль, поверившая в сказку и достойная этой сказки-мечты.

«Алые паруса» — это еще и исповедь автора. В первых вариантах феерии были персонажи автобиографические: то Де-Лом, который «как бы перешел из будущего в теперешнюю, ставшую прошлым историческую эпоху», то писатель Кассий Гирам, «высокий человек рассеянного сурового вида лет тридцати».

Своеобразным дополнением и автокомментарием к «Алым парусам» можно считать рассказ 1923 года «Серый автомобиль», в котором проблемы искусства составили самую суть произведения. Автор стремится убедить читателя в том, что правду жизни, истинное состояние и развитие человеческих чувств способен воплотить в произведении искусства лишь художник, чья точка зрения отличается «гармоническим ритмом», несет в себе «всю полноту жизненных сил». Тем абсурднее и опаснее иная точка зрения, противоречащая Красоте, порождаемая «ложной жизнью». «...Футуризм следует рассматривать только в связи с чем-то. Я предлагаю рассмотреть его в связи с автомобилем. Это — явление одного порядка... Недавно я видел в окне магазина посуду, разрисованную каким-то кубистом. Рисунок представлял цветные квадраты, треугольники, палочки и линейки, скомбинированные в различном соотношении. Действительно, об искусстве — с нашей, с человеческой точки зрения — здесь говорить нечего».

Критически осмыслено Александром Грином и художественное миросозерцание, основанное на стремлении фиксировать лишь статическое состояние, или «мертвую жизнь». Героиня рассказа «Серый автомобиль» Коррида Эль-Бассо становится воплощением натурализма в духе Гюисманса. Романы этого писателя — любимое чтение Корриды. В ранних произведениях Гюисманса, «злоупотребляющего предметами», по убеждению Грина, с исключительным вниманием изображалась повседневность, лишенная духовного.

Александр Грин не приемлет бездуховности. И в своих любимых героях он воспевает как самое прекрасное одухотворенность, порывы высоких чувств. Писатель был убежден: механистичность, технизация мышления — это проявление бесчувственности, то есть бездуховности, значит, и полного отсутствия способности творить добро и красоту. Истинным же героем, в котором, несомненно, немало собственно авторского, он утверждал одинокого мечтателя Друда в романе «Блистающий мир», мечтателя,

который пытался преодолеть лед недоверия, разъединяющего людей, пробудить людей, помочь им открыть в себе великие творческие возможности. Друд погибает, разбившись во время полета, но остается жить даже в памяти Руны, предавшей его любовь.

Героев Грина нельзя назвать прекраснодушными мечтателями. И сам автор «Алых парусов» и «Блистающего мира» не был таким. Не случайно в его произведениях столь часты ситуации драматические, даже трагедийные. В таких ситуациях проявляют себя мужественные люди, сильные характеры. Реализация человеческих возможностей, становление характера предстают у Грина в процессе преодоления обстоятельств, предубеждений среды, собственных привычек. И все это в конечном счете подчинено писательскому желанию и умению утвердить высокие этические нормы. Самое существенное в произведениях Александра Грина то, ради чего они создавались, можно обозначить словами: нравственная идеальность. Главная творческая задача определила и способы ее решения. Грин словно подсказывает читателю свою точку зрения и масштаб видения мира. Его произведения нельзя просто читать, получая определенную информацию. В эти произведения необходимо войти, приняв чувства их героев и автора.

Восьмилетняя Ассоль, несущая в Лисс игрушки, сделанные отцом, сама заигралась с корабликом. Этот кораблик, украшенный алыми парусами, подхватило течение ручья. И «мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался девочке огромной рекой, а яхта — далеким, большим судном...» Большой мир вторгается в мечты Ассоль, этот большой мир постигается и преобразуется человеком. Герои Александра Грина живут мечтой действенной, умножающей силы и потому пролагающей путь в желаемое будущее. Сказочник Грин учит мужеству, умению бороться за осуществление мечты.

Овеянный ветром революционной эпохи, Александр Грин стремился постичь самое главное в этой эпохе — Человека, преобразующего мир. Страстно жаждавший гармонии, красоты, он открывал поэзию в новой жизни и был вдохновлен той поэзией, которую олицетворял и нес ветер Революции. Как личность, как художник, осознавший себя в предоктябрьские годы, Грин нравственно был подготовлен к принятию Революции и служению ей.

Александр Грин умер почти полвека назад, но сегодня он оказывается нашим современником, потому что его произведения — это утверждение веры в человеческие возможности, в победу благородства, это открытие прекрасного в человеке. Воспевший Мечту сказочник приобщает нас в юности к Прекрасному, ради которого следует жить, утверждая поэзию и творя человеческое счастье.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА

Роман Виктора Лихоносова «Когда же мы встретимся?» уже своим названием настраивает нас, читателей, на тот пронзительный лиризм, который присущ всему творчеству талантливого писателя. Автор остается верен своей художественной манере, психологическому климату, когда соприкосновение читателя с героями рождает особый настрой доверительных отношений.

В. Лихоносов обратился к интереснейшей, на мой взгляд, теме, заманчивой, но и сложной, потому что не так уж легко описать дружбу молодых людей, только вступающих в жизнь. Все складывалось сначала хорошо для троих друзей, приехавших в Москву: Егора, Никиты и Димки. Каждый из них надеялся на счастье, хотя и не до конца верил в него.

События, разворачивающиеся на страницах романа, кажутся нам естественными для молодых людей 60-х годов: приехали ребята поступать в институт. Но для автора институт, студенческая веселая пора не главное. И пять лет учебы в институте — только начало. Каждому из друзей предназначена разная дорога. И самому талантливому, Егору, — самая трудная. Не окончив института, он оставляет его. Ему необходимо самому докопаться до истоков народной жизни — этого требует избранное им искусство. Егор пока остро чувствует свою неподготовленность, и это не манерничанье, не игра, а достоверное ощущение молодого героя.

Характер главного героя романа В. Лихоносова постигаешь не сразу. Образ его выписан многомерно. Простой с виду парень, но у него немало недостатков, а его поступки поначалу необъяснимы. И хотя Егор стремится вникнуть в психологию каждого человека, не всегда это ему удается. Однако в главном — в отношении к своей работе он честен и правдив.

События в романе развиваются стремительно. Не успели Егор и его друзья сделать в жизни что-то значительное, оглянулись, а им уже за тридцать. И в людях Егор не научился хорошо разбираться; кажется, этот человек был ему другом, а глядь — он уже и не друг, а враг. И женился Егор на женщине, которая никогда для него

В и к т о р Л и х о н о с о в. Когда же мы встретимся? Роман. М., «Современник», 1979.

не была идеалом. Стремясь жить не так, как все, он постоянно терпит поражения.

В. Лихоносов в романе создает целую галерею интересных характеров. Каждый из них сам по себе мог бы составить, пожалуй, основу для самостоятельного произведения. В. Лихоносов не стремится к этому. Краткость — его характерная черта, и еще четкий и строгий отбор деталей, ясный и точный язык. Манера писателя искренна и лирична. Он показывает людей отдаленных поселков и небольших городов. Это люди с высокой верой в честность, доброту, человечность. Например, реставратор Свербеев говорит: «Я отношусь к искусству серьезно». В этих простых словах заключается суть его характера. Свербеев живет в провинции, считая, что делает большое дело для народа: ему и в голову не приходит, что живет он более чем скромно. Он этого не замечает, для него главное — сознание важности своего труда. И это делает его жизнь интересной и содержательной по своей сути. Как бы подтверждают эту мысль и другие привлекательные, хотя и скупо очерченные характеры — две старушки из родного городка Егора — Бабинька и Боля — люди с интереснейшими судьбами, прошедшие революцию и отдавшие все силы для счастья окружавших их людей.

Герой четко ощущает, что эти люди — часть родины, которую он любит и без которой не может жить. Егор приезжает в Кривощеково, к себе на родину. Его влечет к друзьям, с которыми прошло детство. Его влечет то прежнее, чем он жил, где «восходил» как человек, где зарождалось его собственное мироощущение, исполненное любви к жизни, ко всему окружающему.

Друзья считают Егора удачливым. Его друг Дмитрий жил неторопливо и спокойно. И от того, что сам Егор метался и страдал, его тянуло к Дмитрию, олицетворявшему неторопливость и спокойствие. Дима в своих поступках, мыслях, планах наивен и прост. Он привязан к Егору, и в свои самые тяжелые минуты мысленно всегда советуется с ним. Дмитрий много читает и мечтает о том, какой прекрасной будет жизнь, когда все друзья соберутся вместе.

Герои романа много ездят по стране. Но они всегда помнят, что, где бы они ни находились, их постоянно будет тянуть в свое родное Кривощеково. Егор и Дмитрий не всегда уверены в том, что они уже нашли себя, полностью определились. Они оба живут будущим, и смысл их жизни как будто и состоит в том, что они готовят себя для важной, прекрасной и заманчивой цели. И хотя Егор в конце романа становится довольно известным в кинематографическом мире и у него много поклонников, он не придает этому значения, полагая, что его настоящее дело все еще впереди.

Связь прошлого и настоящего постоянно волнует героев В. Лихоносова. Никто из них, кроме Свербеева, не занимается непосредственно историей, однако соприкосновение с ней вызывает у каждого чувство благоговения и преклонения, и в связи с этим они пытаются решить извечно волнующий людей вопрос: что они значат в истории своего народа, своей страны?

Человек сам в себе несет немалый исторический опыт, и история не есть что-то отвлеченное. Мысль о непреходящей ценности человеческой жизни, какой бы она ни казалась с первого взгляда незначительной, постоянно присутствует в романе. Немало страниц посвящено в нем русской истории. Она дается здесь через призму восприятия очень разных людей — историка-реставратора Свербеева, который в летописях обнаружил упоминание о своих предках, живших много веков назад; Егора, снимавшего исторический фильм; стариков, проживших долгую жизнь и сохранивших в памяти немало событий. В этом нерасторжимом единстве видит писатель и место современного молодого человека, который пытается постичь смысл бытия.

Новое произведение В. Лихоносова, как мне думается, — несомненно, удача автора. В романе «Когда же мы встретимся?» закрепилось то лучшее, чего писатель достиг ранее, и приоткрылись новые грани художника — способность создавать большие полотна современной народной жизни.

В. МИРНЕВ

ЖИВОТВОРНАЯ РАДОСТЬ

Трудно складывалась судьба писателя Ивана Краснобрыжего. Сызмала познал он цену хлеба, взращенного в степи трудом его земляков. Подростком сполна испытал весь ужас и горечь фашистского нашествия, детскими глазами видел смерть дорогих ему хуторян и родичей, наравне со взрослыми, уйдя в горы, сражался с захватчиками в партизанском отряде. После освобождения — занятия в школе и работа в колхозе от зари до зари, затем служба на флоте, учеба в Литературном институте.

Простая истина: подлинные факты биографии писателя нередко способствуют выяснению сути его творчества, гражданской позиции и нравственных исканий героев. В этом невольно убеждаешься еще раз, читая новую книгу Ивана Краснобрыжего «Трофимов день». Включенные в нее произведения последних лет подкупают своей безыскусственной искренностью, достоверностью изображаемых событий и характеров. Ужас фашистского разбоя до сих пор бередит раны памяти. Поэтому тема войны остается для Краснобрыжего главной, сокровенной темой. Так или иначе она присутствует почти во всех его произведениях.

В повести, давшей название новой книге, Иван Краснобрыжий снова возвращается к теме войны, к тем счастливым и одновременно полынно-горьким дням, когда в обезлюдевших селах и хуторах встречали воинов-победителей, кому выпала удача дожить до мирного часа. Ждет

И. Краснобрыжий. Трофимов день. Повести. Краснодарское книжное изд-во, 1979.

своего сына-фронтовика и старый колхозник Назар Романович Концынеба. С невесткою Матреной старик приехал на железнодорожный полустанок — встречать Трофима. Оба они — Назар Романович, приодетый по такому случаю в старенький морской китель, в сдвинутой набекрень кубанке, и худенькая Матрена, вырастившая пятерых собственных детей и взявшая на воспитание ленинградского сироту, — хлебнули горя с лихвой. Однако, несмотря на беды, не сломились, выстояли и, самое главное, сумели сохранить в себе высокое человеческое достоинство, душевную красоту. Эти люди вряд ли когда-нибудь говорили о «силе духа», «нравственности», «верности земле» — они сами являются олицетворением прекрасных нравственных и духовных начал, служения долгу, а посему и не станут размышлять об этом, тем более говорить вслух.

Для Назара Романовича и Матрены возвращение с фронта дорогого человека, работника, связано в их представлении с возможностью новой жизни, ее возрождения из разрухи и пепла. Не зря Матрене в тот памятный, Трофимов день «впервые за четыре тяжких года войны все казалось голубым, чистым, легким: и седые курганы, словно шлемы былинных богатырей, разбросанные по степи, и шеренги пирамидальных тополей, поднявшие высоко солнечное небо над железной дорогой, и дальний хуторок на отлогом склоне, и даже отара овец, медленно плывущая к степной речушке на водопой, — все виделось солдатке не серой лавиной — чистой волной».

И все же старик Концынеба, привыкший деловито пахать и сеять, жать и молотить, не намерен суживать свой внутренний взор горизонтом одного дня. Он пытается заглянуть в будущее и с тревогой говорит Трофиму: «Знаю, сынок, русские люди всего повидали. Я думаю о другом. Хочется лет через двадцать-тридцать взглянуть на жизнь. Хочется посмотреть, кому в ней какая честь выпадет». Нам, живущим в этом дне, о котором мечтал Концынеба, вполне понятно и близко его беспокойство. Повесть «Трофимов день» призывает нас всегда помнить о подвигах старшего поколения, воздавать должное людям, подобным Назару Романовичу, Трофиму или его жене Матрене.

Интересной и значительной по замыслу представляется другая повесть Ивана Краснобрыжего — «На широкую ногу». В ней ярко проявилось умение писателя создавать оригинальные кубанские типы с их цветистыми речениями и трепетной любовью к старинной песне, к доброй шутке. Повесть нельзя оценить по достоинству, не учитывая особенностей творческой манеры автора, выраженной в гиперболизации некоторых черт главного героя. Действие повести разворачивается на берегах полноводного в ливни Фарса, в хуторке Веселый. После гражданской войны красный казак Анисим Бартень со свойственной ему горячностью и неуемной фантазией немедленно возжелал «зажить по-новому», наособинку, раз трудящемуся человеку «дадена воля». Ему кажется, что добиться этого отныне просто, лишь надо крепко захотеть.

«Анисим Бартень почти до рассвета маялся. Все лежит на топчане, одну думу думает, и видятся ему наделы вспаханной земли. А вот и гулевой ветерок катит оранжевые волны по спелой пшенице, и он, Анисим, по-молодому устраивается на жестком сиденье жатки... Через несколько минут Бартень как наяву представляет на месте дряхлого куреня кирпичный дом под цинком, во дворе под навесом линейка, новая бричка с ошинованными колесами, пара молодых лошадок, чуток подальше от навеса буренка в коровнике и свиньи в саду хрюкают... Посреди двора, под тутовником, стол белой скатеркой накрыт, и самовар ведерный на нем пыхтит, пускает пары из-под начищенной до лунного сияния крышки. «Кровь из носа — заживем на широкую ногу! — засыпая на рассвете, блаженно шептал Анисим. — Сами запануем и других за собою потащим на аркане».

Благодаря содействию друга-буденновца Эпифана Потерпея, председателя первого ТОЗа в станице Кужорской, Анисиму удается раздобыть важную бумагу на имя начальника земотдела. Заручившись документом, неистовый мечтатель наспех организует из близких родственников нечто вроде ТОЗа у себя в хуторе, ловко получает, на страх и удивление попу Варсонофию и богатеям Алдакею Жмуру и Никодиму Покачу, колесный тракторишко и с жаром принимается за вспашку земельных участков. Повествование ведется в ироническом, местами даже сатирическом тоне, с Анисимом и его тремя братьями происходят всякие забавные, подчас трагикомические приключения. Обречен предпринятый Бартенем эксперимент, не опирающийся на поддержку широких крестьянских масс. По наущению мужа Липа Жмуриха, подпоив незадачливого мечтателя, всыпает песка в масляный бачок «Фордзона». Хуторяне недобро косятся на фантазера и готовы при удобном случае даже поколотить его. Анисим обменивает «Фордзон» на лошаденку с разбитым шарабаном и очертя голову пускается в рискованные аферы. «Любил Анисим помечтать о новой жизни, при случае и речь сказать о ней в кругу казаков. На словах у него выходило все как по писаному, а на деле... Лихой рубака не раз уже задумывался над причинами своих неурядиц. Все личные передряги он относил к делу случая, к роковой невезухе, которую он, Анисим Бартень, вот-вот осилит... Великим свои достоинством он всегда считал кремневый характер. Любое горе мог быстро развеять надеждой на будущее, боль утраты пригасить песней».

И вот мы видим изрядно обносившегося казака то в роли мыловара и ловца бродячих собак, то владельцем ангорского козла, приобретенного у менялы. Анисим возвращается в хутор нищим. Мечта выбиться в люди на стороне, не трудясь на родной земле, обернулась крахом.

Пока герой скитался по дорогам, в хуторе Веселом при поддержке Советской власти понемногу налаживалось коллективное хозяйство. На личном опыте беднота убеждалась, что «одним табором» легче преодолеть нужду. Сообща они вспахали и засеяли

землю, в том числе и надел Анисима Бартеня. Сообща помогли жене его Оксане перекрыть крышу на курене. Герой повести чувствует стыд перед земляками и приходит к осознанию ошибочности своих воззрений.

Отличное знание быта кубанских казаков, их богатого фольклора и своеобразных обычаев позволило Ивану Краснобрыжему написать веселую, лирико-сатирическую и одновременно серьезную современную повесть. Кстати, ирония и добродушный юмор присутствуют почти во всех произведениях Краснобрыжего. И это не заданность, а естественное желание автора правдивее выразить характер и колорит острого на слово народа, в среде которого он рос. Правда, И. Краснобрыжему не всегда удается избавиться от диалектизмов, но это проистекает из стремления во что бы то ни стало сохранить живую фразу в первозданности, нетронутой, какой она когда-то выпелась, выговорилась людьми.

Привязанность к отчему краю, к простым хлебосеям благодатной кубанской земли делает героев Краснобрыжего натурами жизнестойкими, способными вынести любые испытания. Щедрая природа как бы сама наделяет их нравственным и физическим здоровьем и благородством помыслов. Жизнь героев происходит на фоне поэтичных картин природы, одухотворенной невидимой, но весьма ощутимой человечностью.

Чувство малой родины светит издали путеводной звездой, помогает не заблудиться на жизненных тропах и перекрестках, избрать верную дорогу молодому журналисту Максиму Щетинину, герою повести «Капля радости». Волею обстоятельств он попадает в Москву и, стремясь поскорее утвердиться, опрометчиво, с юношеской неосмотрительностью женится на учительнице химии, занявшейся с одобрения матери торговлей цветами. Мещанские интересы этой семьи, пораженной духом бездумного приобретательства и наживы, противны Щетинину. В душе его копится раздражение и недовольство собою. Но он еще не в силах порвать с женой, как бы надеется на ее прозрение, на возможность ее честной и полезной для общества деятельности.

Максим всею душой предан и благодарен Москве, где он приобрел знания и опыт, однако в пору разочарования и неудач его охватывает вполне объяснимая тоска по хутору. Максиму «до чертиков хочется, как бывало на Кубани, раздеться до пояса, стать ведомым в ступенчатой шеренге косарей и шагать «в пятку» до самого горизонта, а там, осушив кружку холодного кваса, зачать вторую ручку и снова вести и вести за собой косарей, вести до ломоты в лопатках, до легкой дрожи в коленях...»

Но это чувство, подчеркивает писатель, не размягчает, не расслабляет души. Напротив, оно придает бодрости и сил, как в знойный полдень вода из чистого ключа. Оно вселяет веру в себя и в свое призвание, в дело, которому служишь.

По редакционному заданию молодой журналист выезжает в командировку к геологам, невольно увлекается их суровой, будничной романтикой, деля с ними и радости и горести. В тайге он находит не

только героев для своих будущих очерков, публикующихся на страницах центральной газеты, но и новых надежных друзей. Захваченный крутым водоворотом настоящей жизни, он порывает с мещанской средой. Показывая процесс возмужания Максима Щетинина, писатель не склонен упрощать сложности взаимоотношений между людьми, не делит своих персонажей на плохих и хороших.

Герои Ивана Краснобрыжего вынесли немало бед на своих плечах. Они не ищут легких, обходных путей, идут прямо навстречу судьбе, с гордо поднятой головой и даже в самую трудную минуту не теряют чувства юмора и способны добродушно улыбаться. Но тем и сильны эти люди, что они всегда — и в черную годину народных потрясений, и в ясный день — своим жизнелюбием дарят миру животворную, неиссякаемую каплю радости.

Иван ГРИГОРЬЕВ

ЛЮДИ РАТНОГО ПОДВИГА

Давно привлекает меня творчество писателя-мариниста Александра Золототрубова. Он не только щедро наделен литературным талантом, но и привлекателен как личность: общительный, знающий множество забавных историй, пересыпающий их самоцветами народных речений, умеющий одним метким словцом сразить своего противника в споре. Широкоплечий, коренастый, подвижный, он сразу располагает к себе неповторимым обаянием. Обаяние его — в силе ума. Беседуешь с ним — и вскоре убеждаешься: за несколько простоватой внешностью скрывается тонкий знаток человеческих душ, любящий слово, которое для него, как для всякого хорошего писателя, — всегда дело.

Тридцать лет отдал Александр Золототрубов военному флоту. Плоть от плоти моряк, он пишет о своих товарищах по оружию правдиво и достоверно, точно и ярко. Его произведениями на флоте зачитываются все — от матроса до адмирала. Кто не знает там книг Золототрубова «Глубины морские», «В синих квадратах моря», «Опаленный гранит», «Коршуновы ворота», «Сто метров до солнца»! Выходы в море, ночные дозоры, поиск и атаки вражеских подводных лодок — обо всем этом взволнованно повествует автор. И все это прошло через его сердце, потому что судьба писателя — это море.

Герои Александра Золототрубова — люди ратного подвига, их объединяет высокое чувство любви к Родине, верность воинскому долгу.

Краснознаменный Северный флот, Заполярье, Черное море — таков далеко не полный послужной список Золототрубова-моряка. Плавал он в Бол-

---

Александр Золототрубов. Тревожные галсы. Роман. М., «Современник», 1979.

гарию, Румынию, Норвегию. После окончания Киевского высшего военно-морского политического училища главной для него в жизни стала профессия военного журналиста. Работал он в газетах «Флаг Родины», «На страже Заполярья». Там-то и начал писать свои первые рассказы и повести.

Навсегда запомнилась Александру Золототрубову встреча с Георгием Димитровым. Это было вскоре после Великой Отечественной войны, когда правительство подарило братьям-болгарам эсминец «Железняков». В порту Варна, на митинге, прославленный борец против фашизма сказал: «Многое мы, коммунисты, вынесли в борьбе за дело рабочего класса, но рады и счастливы, что Болгария стала свободной. Да, добыть эту свободу помогли нам и вы, товарищи. Советский солдат-богатырь, надежный страж завоеваний Октября. Теперь и у нас есть народная армия. Говоря словами Ленина, «человек с ружьем стоит на страже свободного труда».

В одной из книг Золототрубова есть лирическое отступление, где он признается морю в большой любви: «Море... Голубые широты на карте. Буйные и колючие ветры, зеленые глубины и белая кипень прибоя. Хоженые и нехоженые штормовые дороги. Море... Безымянные могилы и погибшие корабли. Легенды о тех, кто в годы войны храбро сражался с врагом за Родину, кто пал в бою, оставив в наследство нам любовь к жизни. Море... Параллели мужества и бессмертия. Море... Ледяное дыхание Арктики. Сизые, кипящие волны. Квадраты мужества и стойкости. Угрюмые острова и неуютные бухты, рифы, скалистые берега. Это тоже море. И когда твой корабль режет зыбкие волны, а колючий ветер жжет лицо — это тоже море. Оно твое. И ты принадлежишь ему. Навсегда».

Александр Золототрубов — поэт моря, романтик службы морской, и он воспевает в своих книгах прежде всего железную верность и безоглядную преданность военных моряков Родине и народу. «У этих парней, — пишет он, — отцовский компас в жизни. Их роднит воинский долг, святость морского братства, скрепленного кровью людской да материнской любовью».

И неспроста пришлись по душе книги Золототрубова нашей молодежи. Московские ребята из 203-й школы имени Героев-североморцев завязали знакомство с писателем, часто приглашают его к себе в гости, чтобы послушать рассказы о море.

И вот новая книга Александра Золототрубова, выпущенная издательством «Современник», — «Тревожные галсы». Это вторая часть романа «В синих квадратах моря». В обеих книгах действуют одни и те же персонажи. Но «Тревожные галсы» читаются и как самостоятельное произведение.

Со страниц романа как живые встают опытный смелый минер капитан-лейтенант Кесарев, его жена, школьная учительница Наташа, старая его любовь — Вера, капитан корабля Скляров — человек весьма резкий в обращении с подчиненными.

Особенно удался автору образ командира корабля капитана второго ранга Склярова, человека храброго и чистого душой. Для него море — это

вся жизнь. Беспощадно взыскательный и строгий к себе, Скляров требователен и к подчиненным. Он знает: это необходимо, чтобы научить матроса и офицера воевать, чтобы в час испытания и тревоги не дрогнул моряк, чтобы выстоял.

Море роднит людей разных возрастов и помыслов, давших клятву на верность Родине. Так и понимает свою задачу экипаж мужественного корабля. И когда ему приходится вести поиск подводной лодки «противника», моряки действуют как в настоящем бою. никто не жалуется на тяготы похода, хотя каждому приходится нелегко.

Герои Золототрубова не ищут легких путей. Не ищет их и сам писатель. Он не боится ситуаций сложных и острых. Его искренняя, неподдельная любовь к морю и морякам помогает ему проникнуть в сокровенные тайники матросской души. Каждый герой романа «Тревожные галсы» отличается своей, неповторимой индивидуальностью.

Об одном из произведений Александра Золототрубова Семен Михайлович Буденный писал: «Книга... волнует своей суровой правдой, сложностью характеров. И что особенно приятно — о военных моряках автор пишет с любовью, с той романтической приподнятостью, которая присуща его почерку».

Все это в полной мере относится и к роману «Тревожные галсы».

Александр ТВЕРСКОЙ

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 05.06.80. Подп. в печ. 24.07.80. А10415.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Уч-изд. л. 21,4. Тираж 800 500 экз. Цена 60 коп. Заказ 853.
Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Дорогие друзья!

Август — решающий месяц для сбора лекарственных растений. В августе также много грибов. ЦК ВЛКСМ и Центросоюз СССР проводят Всесоюзный конкурс по сбору плодов, ягод, грибов и других дикорастущих хозяйственно-ценных и лекарственных растений. Его участники, а также все желающие могут принять участие в сборе даров природы. Важно не упустить время!

Перед выходом на сбор необходимо узнать в ближайшей заготконторе потребкооперации об условиях сбора и сдачи дикорастущих растений; уточнить, какие именно растения следует собирать в вашей местности. Из лекарственных растений в августе проводится сбор цветов ромашки аптечной и ромашки пахучей, цмина песчаного (бессмертника); травы горца перечного, душицы обыкновенной, фиалки трехцветной, листьев крапивы двудомной, толокнянки обыкновенной и многих других растений. Идет также сбор рожек спорыньи (при обмолоте ржи) и спор плауна булавовидного; корней одуванчика аптечного.

Напоминаем еще раз: ассортимент собираемых растений в каждом районе разный, поэтому крайне необходимо перед выходом на сбор проконсультироваться с заготорганизацией потребкооперации своего района, когда и какие растения следует собирать и какие необходимо оберегать. Нам необходимо уметь правильно пользоваться дарами природы и оберегать ее.

Желаем, друзья, успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Цена 60 коп.
Индекс 70544